
Вѣстникъ
Западной Россіи
Историческая истина
И рече Олегъ Кіевъ се буди мати градамъ рускимъ
Вильна
1866.

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ IV 18$\frac{65}{66}$

КНИЖКА XI.

ТОМЪ IV.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1866.

Дозволено Цензурою 10-го Августа 1866 года. Вильна.

I.

№ 17.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ УНІИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Выпись изъ книгъ митрополіи кіевской донесенія пресвитера Константина Григоревича уніатскому митрополиту Михаилу Рагозѣ о томъ, что кіево-печерскій архимандритъ Никифоръ Туръ отказался принять отъ митрополита посвященіе въ этотъ санъ и повиноваться ему, 1595 г. (*)

Выпись с книг справ духовных Митрополии Киевской

Лѣта божого нароженя тисеча пятсот деведесят четвертаго месеца октебра шостого дня.

Передо мною Михайломъ Рогозою божиею милостию

(*) Документъ доказывающій твердость православія кіевопечерской Лавры, въ лице своего наставителя отказавшейся повиноваться митрополиту, заподозрѣнному въ согласіи на унію.

Архиепископом митрополитем Кіевским галицким и всея россии. Постановивши на очевисто у дворе нашом архиепископовом при церкви соборной светыя Бориса и Глѣба презвитер нашъ тоеж церкви соборное *Константинъ Григоревичъ* ку записаню до книг сознал тыми словы иж ездилесми з листом наупоминалным вашое святителское милости до монастыра печерского Киевского успения пресветое Богородици до наречного архимандрита печерского киевъского Никифора упоминаючи его абы онъ на себе чин архимандричий приняя и посвещенно звыклое отвашое святителское милости яко отстаршого своего взял и кгдымъ тамъ приехал року теперешнего тисеча пятсот деветдесят четвертого месеца сентебра двадцатого дня Там же есми того дня самого . . . . . его Никифора Тура в монастыри печерском застал которому . . . . з листу упоминалного списавши под печатю и с подписом руки моее дал есми и при томъ оповѣдиломъ ему абыся водле того листу упоминалного заховалъ а безчинне в томъ манастьеру будучи непосвещеннымъ не мешкал На што помененный Никифор Тур мнѣ на то так повѣдил иж пан твой митрополитъ тутъ жадного (никакого) вряду и владзы (власти) не мает с тым тебе и тепер отправую што я слышечи оттулъ есми проч отехалъ. Котороеж то очевистое сознанье помененого презвитера до книг духовных митрополих есть записано.
с котор . . . . под . . . . духовнаго
выдан писан . . . . . року

| М. П. | Чрезъ Аполиха з руки митрополичское писарь.

Изъ архива б. уніатскихъ митрополитовъ, находящагося въ архивѣ св. сунода № 193. Ветхъ. Писанъ древне-русскою скорописью.

2.

Юсланіе митрополита Михаила Рагозы и другихъ унитскихъ епископовъ, бывшихъ на Брестскомъ соборѣ 1596 года, къ епископу львовскому Гедеону Балабану о соборномъ отлученіи его отъ церкви и низложеніи съ епископскаго и священническаго сана за ослушаніе приказанію митрополита и короля явиться на соборъ и проч.

Юлею Божіею Михаилъ Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій галицкій и вся россіи.

Велебному Гедеону Болобану епископу владыцѣ Львовскому и камешьца Подольского ознаймили есмо ти . . . . . олею и расказаньемъ его королевское милости зложили есмо собѣ на день шестой мца октября по старому яко изъ универсаловъ его королевское милости тобѣ видомо дано и ознаймено, якожъ тебѣ пріѣхати се здѣ до Бреста на день сыноду назначоный зо мною митрополитомъ пастыремъ и старшимъ своимъ на местцѣ сынодови звыклое въ церкви сходитись не хотѣлъ але противечись зверхности его корол. милости, также и мне пастырови своему старшому на местцу не звыкломъ и не при . . . . . въ дому таковомъ здѣ схажки геретыческія и казанья блюзнерскіе звыкли бывати особно одного пастыра своего и инныхъ ихъ милости епископовъ братьи мое схажки якиесь мѣлъ и тамъ покутне (по угламъ) з геретыками сполковал и з особами до собору не належными, о што неразъ упоминали есмо тебѣ, абысь занехавши тых покутных схажокъ зо мною архиепископомъ старшимъ своимъ и

зиными епископы на месту звыклом где перве сobори от-
правованы были засѣдал как потреба церкви Божое на-
мовлял соборовал и радил, Аже тись и противъ звер-
хности господарской и мимо волю нашу пастирскую т
учинилъ а з геретыками противъ правъ и канонов на-
шихъ обцовалъ ино мы зверхностію отъ Бога (есть стар-
шого) моею мне даною владзою соборовою и зверхности
иныхъ ихъ милости епископовъ братьи мое при насъ бу-
дучихъ складаемъ тебѣ з столицы епископства твоего
абысь не дерзнулъ патрахиль на выю свою влагати и от
нынѣ ничого священнодѣйствія правити вѣчно и не раз-
рѣшно отъ Бога а хтобы тебѣ мѣлъ за епископа или за пре-
свитера отъ насъ выклятаго Самъ да будетъ проклятъ и
домъ его отъ отца, сына и святого духа, о чомъ есмо
отъ Бога господару своему ознаймилъ абы его королев-
ская милость яко панъ зверхный тую епископію яко ва-
куючую иному кому будетъ воля его кор. милости отдати
рачилъ. Писанъ въ Брестью року Божіею нарожения
мца октября дня.

Михаилъ митрополитъ Кіевскій и Галицкій и всея россі
рукою власною.

Ипатій епископъ Володимірской и Берестейскій вл. р.

Кириль Терлецкій Божіею милостію *Ексарха* епископъ
Луцкій и Островъскій вл. р.

Германъ архіепископъ Полоцкій вл. р.

Діонисій Збируйскій епископъ Хельменскій и Бельскій
вл. р.

Іона Гоголь епископъ Пинскій р. вл.

Изъ архива б. уніатскихъ митрополитовъ, находящагося въ архивѣ св. сvнода № 192. Ветхъ. Писанъ древлерусскою скорописью.

3.

Жалоба виленскаго протопопа Ивана Корсеновича на Степана Куколя о томъ, что онъ безъ дозволенія митрополита и виленскаго магистрата поселился на жительство въ св. Троицкомъ монастырѣ и произносилъ здѣсь проповѣди. 1599 года.

Выпис с книг враду и справ духовных виленских.

Лета божего нарожденя тисеча пятсот девотдесят девятаго месяца октебря семого дня.

Присылали до мене свещенноерея Иоанка Парфеновича протопопы и наместника виленского отъ его милости в Бозе велебного и преосвещенного архиепископа митрополита киевского и галицкаго и всея руси Кир Михайла Рагозы змерлого на справы духовные высажоного их милость панове бурмистры и радцы и лавники места виленского сторона русская спол братю свою пана Илю Исаковича и пана Григоря Федоровича радец и писара своего русского, оповедаючи то иж яко дей и твоей милости самому отче прототопа ведомо же Стефан Кукол без позволеня и безъ ведома всих нас бурмистров радец и лавников руское стороны вшол в манастыр виленский светое Тройцы своволне и до того часу выйти з него проч нехочет недбаючи на то же его частокрот сами и поступом правным з манастыря высылаем. И жодали мене абых тое ихъ осветчене до книг справ духовных принявши им с них дати выпису не боронил, якож и я протопопа ач и первый того ведаючи то сам добре же тотъ Стефан Ку-

кол без ведомости и без позволеня панов бурмистров і радец стороны руское в манастыр вшол, Але на болшуі веру и свядецтво ещем и дня сегоднешнего вышей в дат менованого посылал до Стефана Куколя свещенников соборных отца Леонтия Воскре . . . . И отца Омелянів роского пы (тати) того Стефана Куколя за чимъ (б) ы позволенемъ тамъ в манас (тыр) (вшол) и в нем мешкает А он Стефан так им свещенником з выш. менованым отказал, же дей я не за ведомостю бурмистров и радец, ал за ведомостю и позволенем отца иосафа архимандрита троецкого в монасяыр тотъ вшол и за его благословенством казани в церкви кажу и непойду дей з манастыра жадным способомъ, которых сознанемъ тыхъ пререченых свещенников будучи я упевненый тое оповедане и освятчене панов бурмистров и радец стороны нашое руское до книг враду духовного вписати позволил, С которых и сей выпис з моею печатью и с подписом руки моее власное паном бурмистром стороне руской и радцом ест выдан. Писан у вилни.

М. П.	Иванъ Парфенович, протопопа виленский влас. р.

Изъ тогожъ архива № 215. Древне русскою скорописью.

4.

Свидѣтельство возною виленскаго повета о допросѣ протопопа виленской соборной пречистенской церкви и всего виленскаго православнаго, собравшагося въ этой церкви духовенства, сдѣланномъ членами виленскаго магистрата, о причинѣ внезапнаго прекращенія богослуженія въ виленскихъ церквахъ и позывъ въ митрополичій судъ этаго духовенства за неповиновеніе его митрополиту и отказъ принять унію. 1595 г.

Я Петръ Юревичъ Новоша возный гродскій воеводства и повету виленского сознаваю то тымъ моимъ квитомъ ижъ в року тепер идучомъ деветдесят пятомъ дня сегоднешнего месяца сенътября перъвого дня маючи я при собе сторону людей добрых двухъ шляхтичовъ пана разъмуса Яновича кимъбара а пана Андрея Поляновского ходил есми с панами радцами места виленского рочными рускими, а менови те с паномъ Ильею Исаковичом а с паномъ Григоръемъ Федоровичомъ до церкви руское соборное виленское названое светое пречистое и тамъ же кгды есмо пришли в церковъ нашли есмо в церкви соборной протопопу виленского отца Ивана Парфиновича и свещенъника воскриесеньского Леонтея и свещеника Спаского Малафея, свещеника роскаго демяна и свещенъника пятницкаго . . . . свещеника ивановского Омеляна, и Василья а Ивана дъяконовъ соборъных Тамъ же при мне возномъ при стороне людех добрых вышей менованых при мне будучих, вышей менованые панове радцы пытали отца протопопу и всих свещенниковъ и дъя-

коновъ и мовили до них тыми словы иж дей дня сегоднешнего в пятницу а звлаща в день постный в которые дни люди завжди звыкли заживать набоженьствъ своих ведля повинности своей хрестиянское, А вас отче протопопо со всими священниками соборными виленскими в той головной церкви соборной и по всих своих церквах окрестных виленских дня сегоднешнего служъбы божъи не служили и неотправовали и ведле часовъ замероных ку служъбамъ Божъим въ звоны церковъные звонить не казали што нам ест всимъ з немалымъ подивеньемъ же вы повинъности своей священической не чините досыть, на которое таковое запытанье панов радец рочных отецъ протопопа со всими священъниками соборными высшей меноваными передо мною возным и стороною шляхтою высшей менованою при мне в тотъ час будучою паномъ радцомъ отказали тыми словы иж, дей мы ведле повинъности своей священическое были и готовы естесмы отправоват фалу милого Бога такъ в той церкви соборной яко и по церквах наших окрестных всих, а иж ли дей отец митрополитъ дня вчорайшаго прислал до нас всих священниковъ места виленского лист свой отвороный и подал нам возный здешний виленьскій Ян Косинский при стороне шляхте з услугою его милости отца митрополита А меновите позовъ по всих нас писаный расказуючы нам всим абысмы перед его милостью от поданя того позву за шесть недель становилисе а до того часу абысмы никаких справ священичеству нашому належачих не отправовали, якожъ при том своем отказе тым же паномъ радцом при мне возном и при стороне шляхте тот позов имъ поданый отказали и читать дали и копею с него списавши слово в слово паном радцом дали которая тая копея тамже в церкви передо мною возным и стороною шляхтою при мне в тот час будучою паном радцомъ данаа скорикгована ест и таксе в собе маеть (Волею Божею Михаил архиепископъ митрополитъ Киевский и галицкий и всея росии, Богомолцомъ градскимъ протопопе и намеснику моему вилен-

скому Ивану Паръфеновичу Леонтею воскресенскому, Малфею Спаскому Демяну роскому пятницкому, Омеляну Ивановскому Василью и Ивану дыяконом церковным соборным пречистое Богородицы виленским маемъ ведомость яко быстe возрушаючи покой посполитый сих часовъ збунътовавшыся сполне з некоторыми мещаны виленскими противъ нас пастыра своего протестацыи делаете подписуетеся на нас быти противными, што вам яко духовъныхъ окромъ воли нашого пастыръства чинити не было належало еетли вас страх який зашло яко нам дано справу же церкви печатати хотели зычили бысмо собе на то истотне видети для чого будучи заведени вы смели есте важити против намъ, Про тожъ мы зъ зверъхности нашого пастыръства сим листомъ позовъным всимъ приказуемъ абыся есте о то передъ нами и судомъ нашимъ духовънымъ становили на столицы нашой в новогородку от поданья вамъ сего нашого позву недели за шесть и то што будеть вам задано от инстыкгатора нашого отказовали и усправедливили А дотого часу нижся нам того своволенства справите абы есте не смели петрахиля на шею свою вскладати и ни яких делъ свещеническихъ отправовати под тѣготою вечънымъ отлученьем и клятвою неразрешеною. писанъ в новгородку року Божего нароженя тисеча пятсот деветдесят пятого месеца августа дванадцатого дня в тое копеи подпис руки писмомъ рускимъ тыми словы григорей протонатарие митрополи кивское по свещенниковъ виленских а по вычитаню того позву отец протопопа со всими свещенниками то мовили иж дей мы несмеемъ и не можемъ будучи тымъ позвомъ заложоны такъ в церкви соборной яко и в церквах окрестных фалы Божи отправовать и служить и в звоны казать звонить што все панове радцы иною возным и стороною шляхтою вышей менованою при мне в тот час будучою осветчили.

Изъ тогожъ архива Н 285. Древле-русскою скорописью.

5.

Прошеніе уніятскаго духовенства и мѣщанъ г. Ратна уніятскому митрополиту, дабы дозволено было имъ совершать богослуженіе въ церквахъ по древнимъ греческимъ обрядамъ и чтобы не понуждали ихъ ходить къ исповѣди на богослуженіе въ латинскіе костелы, а священникамъ запрещено было совершать въ этихъ костелахъ литургію и ксендзамъ крестить уніятскихъ дѣтей 1614 г.

Выпись скниг мѣскихъ ратенскихъ року 1614 мца октября семогонадцатаго дня.

В бозе достойно преосвященный А намъ милостивый пане и пастыру отче архиепископе всея росийскаго языка; Мы убогіе мещанове посполу з свещенниками а духовными нашыми покорне просимо милостивое ласки и благословенства вашей милости нашого милостивого пана пастырскаго, абысмы убогіе агрѣшные люде могли быти заховане при всѣхъ стародавныхъ а отъ святыхъ Богоносныхъ отцовъ преданыхъ церемонияхъ, инабоженстве звыкломъ светое восточное церкви яко матки нашое, такъбысьмы никгды ненарушоне вних были и потомъки наше тоесть Абы намъ милостивый пане и пастыру календарь стародавный и при нимъ мы заховане были, также порядкомъ своимъ свята припадаючие абы отправовались мы, до того милостивый пане абы свещенницы наше вкостелѣ службы неотправовали тилко въ своихъ церквахъ. Также стороны крещения дѣтокъ абы всвоихъ

парофѣяновъ нашы свещенницы окресчовали а не ксондзъ, кдыж понас того хотять пилно стороны теж исповеди рымлянин абы въ своего ксендза исповедалсе а нас абы до того непримушали але абысмы передъ своимъ духовнымъ исповедали и дары божественные примовали, а который бы схотѣлъ по доброй воли своее утичисе до ксендза жадаючи исповѣди того волно приняти а што се ткнет сакраментовъ костелныхъ и церкви нашое, признаваемо и вѣримо также сторонъ братства намъ скатоликами давно мы ихъ маемо за братия, а не маемо боже уховай ихъ за геретики, про то просимъ покорне милостиваго благословенства вашей милости нашого милостивого пана и пастыра абы есмо притомъ всемъ што есмо верху наменили захована были, до которого листу и писаня нашого печать наша мѣская есть притиснена данъ на ратушу ратенскомъ.

М. П.

Изъ тогожъ архива.

№ 18.

ДОКУМЕНТЪ КАСАЮЩІЙСЯ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Жалоба городничаго минского Павла Скоруны на минскихъ евреевъ объ опустошеніи и разграбленіи, арендуемаго ими населеннаго имѣнія Скоруны Острогжчицы называемого и о причиненіи ими разныхъ насилій, обидъ и побоевъ крестьянамъ этаго имѣнія. 1637 г.

Выпис с книг кгродских замку кгродскаго Минского.

Лѣта от нарожня Сына Божого тисеча шестсотъ тридцат семого мѣсеца Апрѣля семого дня.

На враде кгродскомъ в замку кгродскомъ Передо мною Юремъ Шпенгавъскимъ, Подстаростимъ Минскимъ, жаловал и оповедал Его милост Пан Павелъ Скорупа, Городничій Минъскій, самъ от себе и именемъ малжонъки свое Пани Марины Свидерское, в кривде и доволженю справедливости подданым маетности Острожчыцкое, въ воеводствѣ Минскомъ лешачое имены нижей, и о речь поменетую, на жыдовъ места гродекого Минъского Изака и Марка Давидовичовъ тымъ способомъ, штож в року прошлом тисеча шест сот тридцат четвертом месеца Апрѣля третего дня его милост пан городничій Минскій с пани малжонъкою своею, звыш реченою ее милостью пани Марыною Свидерскою, имене свое званое Острожчыцы, въ воеводстве Минском лежачое, з двором, гумном, оборою, з садами, огородами овощовыми, з ставами, млынами, з кгрунты, сеножатями, зъ землямы, бояры, поддаными тяглыми и осадными, зо всякими их повинностями, з фольварком Дяновскимъ и всею до него належитностю, все по достатку будуване, спрант (рухлядь) доmовый, збоже, (хлѣбъ)быдло, всих поданых наиме,приходы и належности з нихъ на особливый инвентар списавши, на три лета по собе идучые, почавши от дня пятого месеца кветня в року прошломъ шест сот тридцат четвертомъ, ажъ до таковагож року и дня пятаго в року теперешнем тисеча шест сот тридцат семом прыпадаючого, за певную (извѣстную) суму пенезей за петнадцет сот и петдесят копъ грошей личбы (счетъ) литовское Давиду Марковичу и сыномъ его Изаку и Марку Давыдовичомъ аренъдовали были, якож и лист свой арендовный запис правне справивши, з варунками (условіями) въ томъ листе такъ описаными, иж, прыкыстю аренды у трех летех, помененые жидове, водлуг реверсалу Его милости со всимъ на все не спустошоное, з будованем и спратом домовымъ такъже и подданых всих на инвентаре с чым назад по вытриманю аренды подат мели, списанымъ,

а его милост пан Городничый вцаде (сполна) все, яко в инвентаре ест поменено, принявши з держаня того имени Острожчыч, правне квитоват описат рачыли (изволили); лечъ (но) перед вытриманем ареиды Острожчицкое добре перед рокомъ, тотъ Давид Маркович, отецъ теперешних Давидовичовъ, з сего света смертю зшол, а по нем додерживаючы тое аренды сынове его звыш помененые Изак и Марко Давидовичи, не справуючысе водълуг листу арендовъного и инъвентару, при нем тым жыдамъ даного, але умысьне помененую маетност его милости пана Городничого Минского и малжонки его милости Острожчицкую пустошечы, яко самый двор в немъ, будоване дворное погноили, железа отъ дверей, окон по отдирали, клотки, (висячіе замки) замки, внутреные до себе побравшы, пивницы (погреба) за неопатрностю позаваляавшы, млын (мельницу) спустошывшы, около всего двора горожу опалили; сады, в них щепы розные овоцовые (фруктовые) порубали, иншые с кореня пообаляли; фольварок Дяновскій спустошыли, там же в пущы и гаех великие и неошацованые (неоцениме) шкоды (убытки) поделали; збожя, (хлѣбъ) быдла и барзо (весьма) много спранту (рухляди) домового забравшы, безправне заграбили и до дому своего до Менска спровадили; его милости пану Городничому Минскому, што тымъ жыдомъ на инвентару подано было и стымъ подати мели неподали. Надъ то (сверхъ того) у земян бояр и поданых много теж быдла и розное маетности безправие побравшы и пограбившы, до себе до Менска спровадили; при том, над повинност, в ынвентару описаную, подданыя до робот притегали, которую они, за прымушенемъ, (принужденіемъ) полнит по два дни через вси тры годы мусели (долженствовали). Надто-битем и мордерством (истязаніемъ) некоторых подданых (што сейчас у права окажеть) прочъ розогнали; а зла великие и незносные кривды подданым и шкоды в маетности их милостей пана Городничого Минского и малжонки (супруги) его милости Острожчычах и фольварку Дяновском поделали. Которые шкоды, черезъ

тых жыдовъ поделаные, чого в ынвентару недостават и яко вредникъ его милости пана городничого Минского, который перед тым и тепер врадником ест, яко вжо тымъ жидом аренда екъспировала (сошла), пан Федор Манчакъ справу даст и далшый довод о спустошене учиненый будет,—меновите тые сут:

На первей—у дворе самом Острожчицком въ воротах великих уезных защепъки (задвижки) с пробоем и гвоздов десети недоставает,—коштовало грошей трыдцат литовских; в дому великом, новом у кграты (рѣшетки) до кганку (крылье) защепъки с пробоем, — грошей двунадцат, в коморных дверей—защепки с пробоем нет,— грошей шест; у дверей до коморки защепки нет с пробоем, — грошей десят; у дверей боковое избы завес нет, — грошей двадцат чотыры; в других дверей у коморы завес нет,—грошей трыдцет; в противной избе, в оконницах кручков чотырох нет с пробоями,—грошей шестнадцать; в алкиру (бокавая комнатка) у шафы завсюв двох нет, — грошей шестнадцать; в столовой избе коминок зопъсованый (испорченъ), до направы дат — грошей трыдцат шест; в домъку старомъ дверей двойга нет, — грошей сорок осмъ; в домъку новомъ, у дверей до избы по правой руце, клямки нет, грошей тры; в другой избе в оконницы завесы и кручка нет,—грошей шест; въ свирне, на подклетахъ, у дверей клотки привесистей нимашъ, коштовала грошей двадцат четверы; в кузни у дверей завес нет, в ызбе кузенной печы нет, стола дубового нет,—то все коштовало грошей семъдесят два; в домку старомъ у дверей-завес двох; в коморце в сенях—дверей с тарциц (досокъ) и зъ завесами нет, коштовало грошей двадцат четыры; до избы по правой руце-защепок двох; с тое нзбы в коморе — защепки, зедля (скамья) в коморе—оболоны шкляное; в коморце—защепъки, — того всего нет, коштовало коп полторы; в пекарни жорон нет и железжарновых, коштовало грошей сорок осмъ; в стайни (конюшни) переварин нет, на-

правуючы — коштоват будет грошей двадцат чоты
ры; в обозни клотки привесистей нет, — грошей
шестнадцать; в пивницы — тež клотки привесистей
нет,—грошей осмнадцать; в другой пивницы, старой, у
дверей защепки нет, пивница за недозором обалиласе,
столь и балки направуючи, коштоват мусит (должно) болш
коп трех; в броваре комина нет, направуючи—коштоват
мусит копу'и грошей дванадцать; в дворцы, в пекарни, за-
цепъки нет; в свирне—клотки привесистое,—за то гро-
шей тридцат; пашни дворное, што им жыдом на инвентаре
подано было,—не додали; гороху чвертей шести, чверть
по два золотых полских; семеня лняного бочки купуючи
па коп чотыры литовских; овса бочокъ десети, бочка по
два золотых полских; жыта бочок пети, бочка по коп двох
і грошей двадцат чотырох литовскихъ сена не зоставили
толко возов с пять, зоставити были мели полторы одрыны,
возов быти мело большей ста, ценою воз кождый по два зо-
лотых полских; соли подано было бочку, которое не пода-
ли, дано за нее на он час подания аренды пят коп литов-
ских; волов дворныхъ не подали осми, которые им жы-
дом на инвентару поданы были, кождый вол купленый по
семи копъ литовских; коров неотдали чотырох, купленых
по чотыры копы литовских; овец не подали тридцети, ку-
пленые по два золотых полских; свиней—девятерга, кош-
товали по полкопы грошей литовъских голова у голову;
приплодку ниякого неподано за лет тры, и от поздыхалого
быдла скур, яко они жыдове некоторое быдло здохлыми
быти менили, не оказали ничого; клячу стадную, половую,
которою што ден до Минска тые жыдове ездечы и посыла-
ючи,—уморили, коштуючую коп дванатдцат грошей литов-
ских; до свирна замок отбивъшы гуменного, взяли пивных
бочок сорок осмъ; чопов, кадей не поотдавали, водлуг ин-
вентара,—коштовало то копъ десят; коробей лубеных вели-
ких двадцат, купленые по грошей дванадцати литовских;до
обозни колотку (замокъ) отбивши, которая коштовала пол-
копы грошей литовских, взяли дощокъ липовых, на столы

и наскрыни зготованых, двадцат пять,—коштовала (стоила) доска по грошей осми литовских; дубовых дощекъ—семънадцать, тежъ на столы и иншые дворные потребы выготованые, кождая коштовала по грошей десети литовских; вангосу дубового на доски—штук трыдцать, кождая штука—купуючи—коштует по золотому полскому; до дому нового, который имъ не поданый и замкненый был, окномъ влезшы, замки отмыкаючи—попсовали, печы побили; окна, комины потовъкли; железне мало по отдирали,—учинили шкоды болшъ дванадцати копъ литовских; тамъ свое церемонии обрезане отправовали; в саде шкоды немалые почынили—посеченнем некотораго дерева овоцового (фруктового), инъшое с кореня повыворачывали, счепы поламали,—на чомъ довод з розсудку судового, врадникъ и лесничые, на шкодах (убыткахъ) в пущы поделаных, учинят сознане в том тых особ, перед которыми з ними жыдамъ ку розсудку выточона будет,—быти маеть; фольварокъ Дяновщызну вес спустошоно,—ворот нет, толко верен стоят; домокъ—толко пекарня; без накрытя, и печь стлучона; лав, ани окон—нет; толко один ушакъ стоит; а в сенях и ушаков нет, и стены шмат (много) выбрано; в ызбе белой—ушаков, лав, печы и комина, такъже до коморы ушаковъ, ани дверей и столи (потолка),—не маш; присюнек не покрытый, обаленый; свирновъ (анбаровъ) чотыры толко в зрубы стоят, дверей ушаков ани помосту нет; лазни (баня) ни одное немаш; хлевов пят ошарпаных (оборваныхъ), ворот жадных (никакихъ) нет; гумно, при нем клет ошарпана, другая—без накрытя, и току нимаш; у одрын (сараевъ) чотырох ворот, ани покрытя—нимаш; свиренок непокрытый; огородовъ благих толко пере-плотовъ тры, городзьбы ни одное жерди нигде немаш,—все пообирано и попалено, такъ ижбы направуючы тот дворец, яко тымъ жыдом до держаня в аренду подано, не направено бы и двема сты золотых полских; за чым, як тот врадник Острожчицкій пан Федор Манчак справу даеть, въ

тож дворцы шкоды почынено—з выпустошенем саду—болшъ нижли на сто копъ грошей литовских, яко и въ инвентаре сама реч ест описана, где, чого, як о много недоставаеть; оказовали тежъ при том спустошеню лесничые Острожчицкие и тотъ врадникъ Острожчицкий стосуючисе (примѣняясь), о выпустошене лесов острожчицких и Дяновских, и отнавяючи першые протестацыи, в которых имена лесничых помененыи сут, вырубано и выпустошоно вси гаи и пущы острожчицкие; а яко возный Ян Филипович з стороною шляхтою спустошеня двора Острожчицкаго огледал при том и фольварку Дяновскаго, такъ пневя в гаю Дяновщизне што се зличит могло, на будоване избное на одрыны и на иншые домовые будоване наличылосе (насчиталось) осмнадцет сот,—кождое дерево —водлуг права—ценою по шести грошей литовских яко того много учинит час у права на реестре подано будет з особна; тыеж жыдове роздаючи розъным людем гаи на пожитокъ свой, чого в инвентаре не подано ани в записе положоно не было, сплош высечоно розного дерева, и тое местце, где гаи запущоне были, на тры чверти сеенъя жыга полем и пасекою учынено; Надъ то все, убожечи подданых Острожчицких, выбираючи они жыдове дякло овсяное и жытное не тоею бочкою, которая подана была до отбираня дякла з назначенемъ знаку дворного, але отменивши бочку, собе на пожиток а згубу убогих подданых болшую раковское меры над кождую бочку дяколную—выносит по чверти жыта, а по другой овса,—а пораховавъши за тры годы—жыта чверти сто двадцат, ценою торговою кождая чверть по грошей сороку литовских; овса чверти сто двадцать, кождая чверть по грошей дванадцати,—на чомъ подданые далшій довод учинити повинны будут; ку тому жалоба в укрывженю (объ обидѣ) и шкодах (убыткахъ) подданым, от тых жыдов сталым; На первей, з села Буденичъ, у Павла Лапы взяли пенки камени два, камен по копе и грошей четырох— коштуючая; всякие драпества (хищничества) способом грабежу — побрали, и такъ жалоба розумена быти мает; у тогож Ла-

пы—носатку, за грошей осмъ купленую; у Федора Слижа взяли корову, за коп. пят купленую; жыта немолочоного копу, купуючы вымолоте, дат бы мусело копу и грошей двадцат литовских; Анъдрей Сырогуз робил горелку, приходило ему заплатит за браг—сорокъ, чотыры копы грошей—не дали ничого; у Омеляна взяли деругу, коштовала грошей трыдцат, наметка—грошей дванадцат, полотна кужелного локтій десет, коштовало грошей трыдцет; у Степана Рудого взяли корову, за которую дал коп пят, скур бараних выправовал коп полторы и медведеню,—од роботы незаплачоно копъ пети; кожух взяли, за который дал коп три, полотна локти шестнадцат, давано за не золотыхъ четыры; у Ониска Понковича взяли сермягу, за которую дал золотыхъ тры; колнер бобровый, за который дал золотых два; сани опъшевни, за которы дал золотых два; меховъ два грошей дано дванадцат; у Ивана Хотеневича така крывда, ижъ робилъ горелку браг пятдесят, мели заплатит от кождое по грошей шести,—приходит от тых жыдов коп пят; у Прокопа Божка взяли деругу, коштовала грошей трыдцат; курыцу—за грошей шест; у Кузмы Божка—замок то ест клодечке взяли, коштуючую грошей дванадцать; нагайку, за которую дал грошей дванадцат; у Гаврыла Хотеневича взяли меду кгарцевъ чотыры, не заплачоно грошей трыдцати и двох; у Петра Грыневича взяли кокош, купленую за чотыры литовских грошей; у Ларивона Гриневича курицу взяли, за чотыры грошы литовские купленую; у него же мехъ новый взяли коштуючый дванадцат грошей литовских; у Федора Слижа взяли меховъ два, коштуючые золотый полскій; другим подданымъ Острожъчицким поделаные шкоды—меновите: у Ивана Бурносовича, у которого, менуючи—иж, на погожене жолнеров бирал, аниколи жолнеров тот жыд Марко и з братом своимъ Изакомъ не гожывали, толко на выдерство собе дат росказуючы, а потомъ—з волости выбравши—никому неотдавали; у помененого Бурносовича готовых грошей взяли по два разы по коп осми—коп шестнадцат; трети раз—копъ петнадцат; на слонины полет—

злотых тры, пятый раз — коп шест; Копичонъкови тотже Марко взял скляг—способом грабежу, дано за него коп две; пенки камень—грошей тридцат два; соли безмены два за золотый,—барана взял, за котораго—купуючи—дал грошей тридцат; едучи до Вилна, жыд росказал выдать на мостовое грошей осмъ; Ицку жыду, якобы то панскому брату, дал грошей чотыры; селедцов самому Марку за грошей девет полских купилъ: Ицку брату жыда Марка дал чвертку перцу—грошей шест,—не плачоно; кокош—грошей шест пограблена; железа конские взяли, коштуючые грошей сорок Литовских; волы два нет ведома за што у того Ивана пограбили, за которые—купуючи дал коп чотырнадцать; у Михаиля Бурносовича взяли войлок, за который дал копу грошей литовских; замок взялъ, за который дал грошей шестнадцат литовских; дров сухих взяли возов шест, кождый, воз коштовал—продаючи—по шести грошей литовских; дощок взял петнадцат, давано за них грошей трыдцат литовских; за посланемъ Марковым до Вилна, мостовое отдали, яко посланцы жыдовские—грошей трыдцать два литовских; у Михаля Громыки взял невинне грошей петнадцат; у Андрея Мисюковича Марко жыд выдрал пщолы, набрал з них меду безменов чотыры, купуючы—безмен по золотому; у Овъдея взял барана, купленого за грошей трыдцат литовских; у Анъдрея Янушкевича взял барана купленого за грошей двадцат литовских; у Янука Волка взял барана, купленого за золотый полскій; у Адама взяли свиню, кощтуючую петдесят грошей литовских; кокошы две—по грошей пети литовских; клотке от клети взял, купленую за дванадцат грошей литовских; у Ивана Глыдка баронов взяли два, не платили золотых двох; у тогож взял полотна локти шест купъленого за два золотых полских; наметку женскую—коштовала грошей дванадцат; у Олисея Шишки взяли колесу, со всим купленую за два золотых полских, особливе за коло шест грошей литовских; нагайку взял, купленую за золотый полскій; Петр Козич, который повинност въ инвентаре описаную им жыдам отдавал, тот Марко жыд,

умовившы за послугу свою сына Петрового, мел у себе молойцом полгода, не заплатил мыта умовленого двох коп грошей литовских; у Левона Данилковича взяли корову, купленую за коп пят; клячу, купленую за коп пят; меду пуд, купленый за коп две грошей двадцат; у тогож—нешиню, купленую за грошей дванадцат; скобли, купленые за грошей шест; у тогож—курыцу, за грошей чотыры; у Олексея Усовича взяли телицу, за которую давано коп две, утогож взяли свиню самотретюю с подъсвинками, давано—купуючы коп полторы; мехов два, коштовали золотый; Макгерку взяли, за золотый купленую; пастуху дворному мыта умовленого незаплатили грошей сорока, Гречки полчверти, ячменю полчверти,—ценою—купуючи учинит грошей трыдцат; надъ то, починивши такъ много шкод тых подданых грабежами звыш поменеными, невинне зубожившы, несправуючисе водлуг инвентара, в котором толко по два дни робота означона в кождом тыкготню (недѣли) абы отрабяли была, тые помененые жыдове, над повинност и инвентар, по чотыре дни в кождой недели робити выганяли, с которое тяжкое роботы чотырох подданых ойчицов проч отогнали; по которых отойстю, у Ивана Божка взял волов двох, купленых за чотырнадцать копъ грошей; корову, купленую за пят коп грошей; свиней пят, коштуючые чотыре копы грошей; у Федора Сенъцевича взяли свиней две, коштовали копу и грошей двадцат литовских; у Яска Мисюковича взяли свиней двое, коштуючые копу и грошей двадцат литовских; у тогож— жыта копъ девет нажато, намолочено бочок чотыре и пол бочки, яко тивун справу давал— кажда бочка по коп две и грошей сорок литовских; у Омеляна взял Марко жыд быка, за котораго дано тры копы и грошей трыдцат литовских; ку тому, тыеж жыдове пустки, чрезподданых принятые, готовую ролю завше (всегда) засевали, а прецѣ цыншъ платили росказывали и не которые плачывали; которые в инвентару списаны суть. Над то, решты (остатокъ) прыходу над сумарыум в инвентару описаное копъ шестидесят трохъ, которую

ренту пры выстю аренды а уступеню того имени Острожчицкого Его милости пану Городничому и малжонце Его милости отдат и вернут были повинни— не отдали и не вернули; в чомъ поносечы их милост от помененых жыдов Изака и Марка Давидовичовъ великую шкоду и спустошене маетности и подданыхъ Острожчицких, а хотечи зъ ними жыдами правне мовит, просили, абы тое оповедане и жалоба до книг кгродскихъ Минскихъ записано было, што ест записано. При котором оповеданю, сегож року месеца и дня выш на дате писаного, ставши очевидно возный гродскій воеводства Минского Ян Филиповичъ, квит свой подъ печатю его и сторонными печатми до книгъ признал в тые слова писаный: „Я Ян Филиповичъ, возный гродскій воеводства Минскаго, сознаваю то сим моим квитомъ, иж року тепер идучого, тисеча шест сот тридцат семого, месеца Апреля пятого дня, маючи при собе сторону двух шляхтичовъ пана Яна Ясколевского а пана Мартана Савинъского, съ которыми былемъ я, возный, пры отбиранею маетности Острожчицкое, въ воеводстве Минском лежачое, которую от Его милости пана Павла Скорупы Дородъничого Менъского, и пани малжонки Его милости, жыдове Минские небощик Давид Марковичъ з сынами Изакомъ и Маркомъ Давидовичами на тры годы от року шест сот трыдцат четвертого одедня пятого месеца кветня аренъдовали были, якож за прыпадненем выйстя аренъды даты (числа) вышей помененое термину (сроку), Его милости пан Городничій Минскій со мною вознымъ и помененою шляхтою до помененаго двора Острожчиц зъехавшы, за уступенем через тых жыдовъ тое маетности в аренде у себе маючое, кгдымъ я возный з стороною шляхтою и з урадникомъ Острожицкимъ, который тамъ перед тым врадником бывал и тепер заставлены ест, паномъ Федором Манчаком, пры прыятелях на тот час при Его милости пану Городничым будучих, взявъши реверсалъ тых жыдов инвентар противный, яко и счымъ тую маетност взяли и с тымъ всимъ подати мели, кгдысмы верефиковат (повѣрять) почали,— впе-

род, о будуваню великая се шкода и спустошене стало, яко реестръ всяких шкод в протестацыи вписаны ест, который при мѣне вознымъ списывано, и я возный всякого на реессре, въ протестацыи помененомъ, огледалем спустошеня, и што одноколвекъ въ протестацыи поменено, яко,— спустошене фольварку Дяновского, который вес спустошоный видялем, и сады въ нивеч оберненые, гаи выпустошоны, наличылемъ (насчиталъ) самого пневя на будоване згожого (пригоднаго) осмнадцат сот з особна, на тры чверти жытного сееня гаю до щату (до тла) вырубано; меновал врадник и лесничые, иж то все выпустошоно за держаня жыдовского, с позволеня их и з найму, собе нажитокъ чинили, а Его милости пану Городничому над инвентар незносное и неошацованое шкоды наробили; сена толко возов с пят подали; збожа немало в протестацыи помененого не поотдавали; подданым незносные драпества грабежами поделали; быдла —, волов, коров, в инвентару што подат мели,— неподали; подданых четырох проч розогнали; быдла в них не мало забрали; и згола великое спустошене, которое се в протестацыи поменило, чогом всего доводне огледалъ и пры бытности моей списывано спустошене и шкоды, тот тамъ реестръ в протестацыи помененый, якомъ пры списаню оного на каждом местцу былем, всякого спустошеня везде огледалемъ; то все созънане, сим моимъ (квитомъ) до книгъ утвердивши, тую реляцыю за едно с протестацыею ни в чомъ не нарушне и невонтпливе, поневаж незносные от тых жыдовъ в Острожчицах поделане суть шкоды,— признаваю, до которое реляцыи и реестру шкод вышей помененого печат моя и стороны шляхты прытиснена ест. Писанъ року, месеца и дня вышъ писаного. У того квиту печатей прытисненых тры.

Писано древне-русскою скорописью. Сообщено М. О. Кояловичемъ.

II.

КІЕВО-ВЫДУБИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

2) Время вторичнаго случайнаго подчиненія Выдубицкаго монастыря кіевской метрополіи.
(Съ 1690 по 1706 годъ *).

(Продолженіе).

По смерти Сильвестра Коссова, въ кіевской митрополіи произошли большія замѣшательства, которыя были отраженіемъ тогдашнихъ политическихъ безпорядковъ Украины. Теперь по временамъ кіевская митрополичья каѳедра оспаривалась треми или даже четырьмя іерархами, изъ коихъ каждый находилъ поддержку въ той или другой гражданской власти, и преслѣдовалъ своихъ противниковъ всѣми зависѣвшими отъ него средствами. При такой безурядицѣ, Выдубицкій монастырь, хотя и страдалъ отъ политическихъ безпорядковъ, однакоже былъ совершенно спокоенъ отъ вмѣшательства кіевскихъ митрополитовъ въ его дѣла, которыя теперь не имѣли ни времени, ни нужды, ни особенной силы къ тому, чтобы посягать на стороннюю обитель, еще такъ недавно освобожденную отъ подчиненія митрополіи. Съ теченіемъ времени, Украйна нѣсколько успокоилась, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ іерархическомъ отношеніи, и дѣла ея мало по малу начали приходить въ порядокъ. Такъ какъ въ сказанное бурное время Кіевъ неоднократно подвергался нападеніямъ со стороны разныхъ

(*) Смотри Вѣстникъ западн. Россіи за $18^{64}/_{65}$ годъ кн. 7. отд. II, стр. 51; за $18^{65}/_{66}$ г. кн. 9, отд. II, стр. 158; кн. 10, отд. II, стр. 1.

непріятелей, и кіевскіе митрополиты, спорившіе между собою за власть, большею частью не живали въ немъ и не занимались дѣлами своей митрополіи и интерессами своего каѳедральнаго Софійскаго монастыря, то и тутъ оказались большіе безпорядки: нѣкоторыя угодья митрополичьей каѳедры были захвачены сосѣдними владѣльцами и документы на нихъ совершенно утрачены (*); самая каѳедральная Софійская церьковь пришла въ крайнее оскудѣніе. По прекращеніи безпорядковъ политическихъ и церковныхъ въ Украйнѣ, и съ утвержденіемъ на кіевской митрополичьей каѳедрѣ Гедеона Четвертынскаго, оказалось необходимымъ надѣлить митроплчью каѳедру, по ея бѣдности, новыми угодьями,—и гетманъ Мазепа надѣлилъ ее: мѣстечкомъ Муровскимъ, селомъ Церковищемъ, мѣстечкомъ Бѣлогородною, селами—Речловичемъ, малою Бугаевкою, Снѣтинкою, Крушинкою, Мархелевкою, Желянами и мѣстечкомъ Трипольемъ со всѣми къ нему принадлежностями (**). Выдубицкій монатырь съ его угодьями остался пока на этотъ разъ неприкосновеннымъ, хотя о немъ, вѣроятно, и заходила теперь рѣчь, при изысканіи средствъ содержанія митрополита и его каѳедры. Высочайшею грамотою, данною на имя митрополита Гедеона въ 1688 году, ему теперь только дозволялось имѣть въ Выдубицкомъ монастырѣ „свои келіи для пріѣзду и отдохновенія“, не касаясь самого монастыря и его имѣній (***). Однакоже и наданных Гедеону имѣній было недостаточно для приличнаго возобновленія и содержанія митрополичьей каѳедры тѣмъ больше, что теперь насильно старался пользоваться митрополичьими имѣніями Іосифъ Шумлянскій, испросившій себѣ у польскихъ королей титулъ администратора кіевской митрополіи. Въ 1690 году Гедеонъ Четвертынскій умеръ, не успѣвши привести въ порядокъ кіево-Софійскій монастырь. Избранный въ этомъ же году на митрополичью каѳедру, Варлаамъ Ясинскій, близко знавшій положеніе своей будущей каѳедры, вскорѣ, послѣ посвященія своего въ Москвѣ, заявилъ тутъ всероссійскимъ государямъ нужды своей митрополіи, и между прочимъ просилъ о возвращеніи кіево-Выдубицкаго монастыря подъ

(*) Нѣкоторые изъ утраченныхъ документовъ потомъ оказались въ Лаврѣ, которая и присвоила себѣ въ это время безпорядковъ многія вотчины Софійскаго монастыря. Опис. к. Соф. собора. стр. 205.

(**) Опис. Кіев.-Соф. Соб. стр. 209.

(***) Тамъ же стр. 209.

вѣдѣнство кіевской митрополіи „въ особливую помощь обители свято-Софійской“. Просьба эта была уважена тѣмъ больше, что она была подкрѣплена ходатайствомъ гетмана Мазепы. Такимъ образомъ съ 31-го августа, 1690 года, Выдубицкій монастырь опять перешелъ въ зависимость отъ кіевской митрополіи. Но теперешняя зависимость Выдубицкаго монастыря отъ митрополіи кіевской имѣла характеръ отличный отъ прежней его зависимости. Тогда всѣми дѣлами монастыря заправляли митрополиты, если не непосредственно, то чрезъ своихъ намѣстниковъ, или же чрезъ выдубицкихъ игуменовъ, которые во всѣхъ дѣлахъ монастырскихъ находились подъ контролемъ митрополичьей власти; а теперь дѣлами монастырскими исключительно заправляли сами игумены выдубицкіе, безъ всякаго контроля надъ ними со стороны митрополита и его властей. Арендовалъ ли игуменъ какія нибудь угодья Выдубицкаго монастыря, онъ арендовалъ ихъ только отъ своего имени; нужно ли было кому-нибудь чего-нибудь отъ Выдубицкаго монастыря, тотъ обращался прямо къ его игумену,—и игуменъ самъ собою разрѣшалъ просьбу такъ, или иначе. Вообще, во всѣхъ оффиціальныхъ бумагахъ, касавшихся Выдубицкаго монастыря, знали только его игумена, и къ нему одному исключительно обращались. Быть можетъ, зависимость Выдубицкаго монастыря отъ митрополіи, кромѣ общей всѣмъ монастырямъ юриздикціи, теперь и состояла только въ томъ, что Выдубицкій монастырь удѣлялъ изъ своихъ доходовъ часть и на митрополичью каѳедру.

Какъ же теперь вели монастырскія дѣла выдубицкіе игумены?

Съ 1690 по 1706 годъ Выдубицкимъ монастыремъ управляли преемственно три игумены: Пахомій Подлускій (1690—1692), Ѳеофилъ Янжуровскій (1692—1696) и Варлаамъ Страховскій (1696—1706 и далѣе). При нихъ дѣла Выдубицкаго монастыря шли такъ успѣшно, что и самый Выдубицкій монастырь „побожнымъ строеніемъ милостивыхъ ктиторовъ и благодѣтелей пришедъ въ совершеніе и во умноженіе братіи о Христѣ иночествующихъ“, и „Софійская митрополитанская обитель, благодаря между прочимъ и матеріальнымъ подмогамъ Выдубицкаго монастыря, была значнѣ обновлена въ своемъ украшеніи“. Пахомій Подлузскій, изъ ректоровъ кіевской коллегіи, ознаменовалъ свое кратковременное служеніе Выдубицкому монастырю тѣмъ, что испросилъ для него двѣ высочайшія царскія грамоты,—одну съ извѣщеніемъ о милости царской въ пользу Выдубицкаго монастыря, а другую въ подтвержде-

ніе всѣхъ его правъ. „Іюня, въ 7 день, нынѣшняго 7198 (1690) года, писалъ въ первой грамотѣ, къ намъ Великимъ Государемъ къ нашему царскому Величеству писалъ ты богомолецъ нашъ и прислалъ намѣстника іеромонаха Іова Опалинскаго да діакона Пантелеимона, и билъ челомъ намъ великимъ Государемъ нашему царскому Величеству чрезъ нихъ о нашемъ царскаго Величества жалованьи и о милостынѣ да о нашей великихъ Государей нашего царскаго Величества жалованной грамотѣ въ подтвержденіе прежнимъ жалованнымъ грамотамъ, отца нашего великихъ Государей блаженныя памяти Великаго Государя Его Царскаго Величества, каковы вамъ даны въ прошлыхъ годѣхъ на вотчины, чѣмъ вы нынѣ владѣете. И мы Великіе Государи наше царское Величество, слушавъ того челобитья, пожаловали васъ богомольцовъ нашихъ, велѣли къ вамъ въ монастырь послать нашего Великихъ Государей жалованья на милостыню соболми на тридцать рублевъ, а въ подтвержденіе прежнихъ жалованныхъ грамотъ нашего царскаго Величества жалованную грамоту дать указали,—которое наше царского Величества жалованье соболи и жалованная грамота посланы къ вамъ съ намѣстникомъ Іовомъ,—и тебѣ бъ нашего царскаго Величества богомольцу игумену Пахомію съ братіею ту нашу царскаго величества милость къ себѣ вѣдать“ (1). Въ грамотѣ же, данной въ подверждение правъ на владѣнія Выдубицкаго монастыря, упомянуты были прежнія царскія грамоты и универсалы гетманскіе на эти владѣнія; въ заключеніе чего говорилось: прежніе наши государскіе вышпомянутые жалованные грамоты мы великіе государи наши царское величество подтверждаемъ и укрѣпляемъ, и быти они имѣютъ въ своей силѣ..., а иныхъ кіевскихъ монастырей игуменомъ въ тѣ ихъ вотчины не вступатца, и подданымъ ихъ монастырскимъ налогѣ и обидъ и разорѣнія не чинить“ (2). При Пахоміи Подлускомъ, не безъ его просьбы, и гетманъ Мазепа, отъ 12 генваря, 1690 года, приказывалъ всякого стану людемъ о нечиненіи обидъ Выдубицкому монастырю въ грунтахъ лѣтновскихъ, рожновскихъ и лѣсницкихъ (3), и ближній государственный бояринъ, воевода кіевскій, князь Михаилъ Ромадовскій своимъ листомъ, отъ 31 декабря, 1690 года, накрѣпко заказывалъ всѣмъ полку кіевского и прочимъ обывателямъ, чтобы во

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 24.

(2) Выд. мон. кн. ак. I, стр. 75. Грам. 21 іюля, 1690 года.

(3) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 179.

время переѣздовъ чрезъ мѣстечко Лѣтковичи, никакихъ обидъ нечинили монастырскимъ подданнымъ (1).

Непродолжительное время игуменства Ѳеофила Янжуровскаго ознаменовано особенно споромъ Выдубицкаго монастыря съ Лаврою за зѣрнискіе и лыбедскіе грунты. Въ этомъ спорѣ принималъ живое участіе и гетманъ Мазепа, который, для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ, назначалъ особую комиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ людей. Въ составѣ этой комисіи были: отъ золото-верхаго Михайловскаго монастыря его игуменъ Сильвестръ Головнинъ, отъ братскаго монастыря его ректоръ Іоасафъ Кроковскій, игуменъ пустинно-Никольскій; отъ Лавры Троицкій больничный игуменъ Никонъ, намѣстникъ Софійскій Варлаамъ Стаховскій, намѣстникъ печерскій Пансій Клевецъ, экономъ Филаретъ, старшій соборный іеромонахъ Аѳанасій Миславскій, палатный Мануилъ Диктовскій, писарь Гавріилъ Филиповичъ, уставникъ Сила, Маркъ Лавришевичъ, Агапитъ діяконъ печерскій; отъ Видубицкаго монастыря — намѣстникъ Филаретъ, іеромонахъ Іоакимъ; отъ Софійскаго монастыря—архидіаконъ митрополитанскій Пахомій Прокоповичъ, Іовъ уставникъ, Іоанникій экономъ и пр. Со стороны свѣтской, отъ самаго гетмана были высланы: Захарій Шийкевичъ, Яковъ Жураковскій, Василій Гуминскій, сотникъ нѣжинскій и Иванъ Дворецкій, судья кіевскаго полку и др. Изъ самаго численнаго состава этой комиссіи видно, какое значеніе придавалъ гетманъ вышесказанному спору. Что же сдѣлала эта Комиссія? Ѣздили они на самое мѣсто спора,—спорили, спорили обѣ тяжущіяся стороны, и въ концѣ концовъ оказалось, что показанія со стороны Лавры были голословны (2). Вслѣдствіе такого рѣшенія комиссіи, гетманъ Мазепа въ слѣдующемъ 1695 году (7 апрѣля) писалъ листъ къ тогдашнему архимандриту Лавры съ требованіемъ, чтобы „печеряне не входячи въ дальшій судъ и право жадныхъ и найменьшихъ шкодъ и кривдъ Выдубицкому монастырю въ лыбедскихъ и иншихъ грунтахъ нечинили“ (3). Такимъ же покровительствомъ гетмана Мазепы пользовался Выдубицкій монастырь и при игуменѣ своемъ Варлаамѣ Страховскомъ, преемникѣ Ѳеофила Янжуровскаго. Когда, въ 1704 году, преосвященный кіевскій донесъ гетману „инстанціоннымъ листомъ, что печеряне на Лыбеди выдубицкой пусташать лѣсъ и раскапываютъ горы“; то онъ по этому случаю немедленно относился

(1) Выд. мон. кн. X, стр. 42.
(2) Выд. мон. ак. IX, № 55.
(3) Тамъ же № 56.

письмомъ къ архимандриту Лавры съ запрещеніемъ чинить обиды Выдубицкому монастырю,— и объ этомъ извѣщалъ письмомъ самаго игумена выдубицкаго, отъ 16 февраля, тогоже года (1).

Время начальствованія надъ Выдубицкимъ монастыремъ игумена Страховскаго ознаменовано новыми пріобрѣтеніями для монастыря и особеннымъ его благоустройствомъ. При игуменѣ Страховскомъ жилъ въ Выдубицкомъ монастырѣ монахъ Андрей Кобылянскій, житель Олишевскій, котораго родному брату Стефану Кобылянскому за особенныя военныя заслуги было надано королемъ польскимъ Михаиломъ Вишневецкимъ, село Дацки и грунта всякіе при селѣ томъ будучіе и многимъ на мѣстця, прозываемому Буки (кіевской губерніи, каневскаго уѣзда). Умирая, Стефанъ Кобылянскій завѣщалъ свои угодья родному своему брату Андрею; а этотъ въ свою очередь, по духовному завѣщанію, отъ 14 мая, 1703 года, передалъ ихъ на вѣчныя времена Выдубицкому монастырю, въ которомъ онъ, согласно своему давнему желанію, „принялъ святой обѣтъ;“ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ передалъ Выдубицкому монастырю и всѣ оригинальные документы на эти владѣнія. (2) Вскорѣ послѣ того, игуменъ выдубицкій обращался къ гетману съ просьбою объ утвержденіи за Выдубицкимъ монастыремъ права на село Дацки и на мельницу, представивши ему на это и королевскія грамоты,—и гетманъ Мазепа утвердилъ это право за Выдубицкимъ монастыремъ: своимъ универсаломъ, отъ 1 сентября, 1706 года, онъ между прочимъ писалъ: „Мы гетманъ и кавалеръ; . . . . респектуючи на старожитную святую обитель Выдубицкую, ствердаемъ, яко тіе славной памяти короля Михаила универсалы, и добра село Дацки въ полку корсуненомъ лежачое зъ всѣми до его належачими кгрунтами и всякими угодьями и млинъ на рецѣ Роси нижей Корсуна знайтуючійся въ вѣчную посесію надаелъ той обители свято-Михайловской кіевской, позваляючи ему превелебному въ Богу отцу игуменову выдубицкому, сукцесорамъ его и всей о Христѣ братіи, тымъ селомъ владѣти, отъ людей посполитыхъ послушенство отбирати и всякіе користи, изъ млина приходячіе пожитки ку общей монастыра ихъ пользѣ употребляти . . .“ (3) Въ 1705 году Выдубицкій монастырь пріобрѣлъ покупкою за 100 талеровъ отъ инокини Печерскаго Вознесенска-

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 420.
(2) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 420.
(3) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 428.

ю монастыря Өеодосіи Кондратьевой Хмѣльницкой ея власную дѣдизну-насеку и отчизну въ Лебединѣ, (1) а въ 1707 году пріобрѣлъ тутъ же и пасѣку нѣкоего Василя Бобыря жителя голяновскаго за 200 злотыхъ доброй монеты. (2) Въ этомъ же году, по просьбѣ Выдубицкаго игумена Страховскаго, гетманъ Мазепа, 24 мая универсаломъ утвердилъ обѣ купленныя пасѣки за Выдубицкимъ монастыремъ. Онъ между прочимъ тутъ писалъ: „Мы гетманъ и кавалеръ . . . тіе вышейсписанные пасѣки для спокойнѣйшаго заживаня, диспонованя и владѣнія стверждаемъ, такъ абы нихто зъ старшихъ и меншихъ войсковыхъ людей несмѣлъ и неважился въ диспонованю тихъ пасѣкъ монастыреви Выдубицкому жаднымъ способомъ найменшой чинити перешкоды, кривды, долеглившости, утяженя и спустошеня повагою сего же универсала варуемъ и владзою нашого гетманского накрѣпко приказуемъ.“ (3)

Но самымъ богатѣйшимъ пріобрѣтеніемъ для Выдубицкаго монастыря было теперь то, что онъ нашелъ щедраго благотворителя въ лицѣ своего старосты, полковника стародубнаго козацкаго полка, Михаила Миклашевскаго. До игуменства Страховскаго, въ Выдубицкомъ монастырѣ была только одна древняя Всеволожева церковь, да нѣсколько деревянныхъ келій; сообразно съ этимъ и число монашествующихъ въ немъ было незначительно. Во время же Страховскаго, въ Выдубицкомъ монастырѣ и нѣсколько церквей прибавилось, келій умножились, и число монашествующихъ значительно увеличилось,—и такая перемѣна тутъ произошла, какъ сказано выше, благодаря незабвенному ктитору Выдубицкаго монастыря Михаилу Миклашевскому. Его стараніемъ и иждивеніемъ въ 1700 году выстроена та прекрасная и обширная каменная церковь во имя святого Великомученика Георгія, которая и теперь красуется посреди монастыря. Вѣроятно, тогда же выстроена была при ней и теперь существующая каменная колокольня, въ нижнемъ этажѣ которой долгое время находилась церковь во имя святаго пророка Даніила. Кажется, что до времени пожара и возобновленія этой колокольни, въ концѣ прошедшаго вѣка, видъ ея совершенно соотвѣтствовалъ величію самой церкви. Стараніемъ и иждивеніемъ Михаила Миклашевскаго выстроена была тогдаже и другая каменная церковь во имя Преображенія Господня съ каменною же тра-

(1) Тамъ же стр. 481.
(2) Тамъ же.
(3) Тамъ же стр. 425.

ною, съ нѣкоторыми пристройками, и внизу съ погребами. То и другая церковь была освящена въ слѣдующемъ 1701 году, 9 октября, митрополитомъ кіевскимъ Варлаамомъ Ясенскимъ (*). Вѣроятно, не безъ участія полковника Миклашевскаго выстроены были теперь и игуменскія келіи и келіи для братіи (**). Съ того времени Выдубицкій монастырь обстроивался все больше и больше: такъ, въ 1715 году, въ монастырѣ былъ устроенъ колодецъ, вѣроятно тотъ самый, который и теперь существуетъ; (***) въ 1722 г.

(*) Въ одной рукописи второй половины прошедшаго вѣка архива Выдубицкаго монастыря мы нашли списокъ прежде бывшихъ разныхъ надписей монастырскихъ, теперь уже несуществующихъ. Здѣсь между прочимъ пишется, что «надъ западными дверями въ большой церквѣ было изображеніе чуда св. архистратига Михаила, подъ которымъ подпись таковъ: «создася храмъ сей чуда св. архистратига Михаила лѣта отъ Рождества Христова 1701.» Надъ южными дверьми было изображеніе собора архангеловъ а внизу оного подписано: «року 1704, мѣсяца іюля, дня 1, монахъ Лазаръ маліовалъ». Надъ сѣверными двѣрьми было изображеніе Благовѣщенія Богородицы и надписано унизу: «1704, мѣсяца мая, дня 19.» Надъ царскими вратами по обѣимъ сторанамъ были два столба, подъ которыми подписано съ лѣвой стороны: «создая храмъ сей коштомъ п. Михала Миклашевскаго полковника стародубовскаго, а освященъ преосвящннымъ митрополитомъ кіевскимъ Варлаамомъ Ясѣнскимъ року 1701;» а по правой сторонѣ: «докончался иконнымъ писаніемъ сей иконостасъ року 1824 тщаніемъ и иждивленіемъ монастырскимъ.» Если эти надписи были въ томъ большомъ храмѣ, который теперь стоитъ посреди монастыря и который несомнѣнно построенъ полковникомъ Миклашевскимъ; то, судя по первой надписи, нужно предположить, что этотъ храмъ сначала былъ освященъ не во имя св. великомученика Георгія, а во имя чуда св. архистратига Михаила. Если же эти надписи были въ храмѣ Всеволожевомъ, что можно предполагать отчасти по этимъ же надписямъ; то можно думать, что полковникъ Миклашевскій возобновлялъ и храмъ Всеволожъ во имя чуда св. архистратига Михаила. Вопросъ этотъ пока остается нерѣшеннымъ.

(**) Во второй половинѣ XVII вѣка на игуменскихъ келіяхъ была такая надпись: «Божіимъ поспѣшествомъ создася домъ сей при игуменѣ выдубицкомъ Варлаамѣ Страховскомъ, року 1700, октонврія 14;» а на другихъ старыхъ братскихъ келіяхъ было надписано: «Божіимъ поспѣшествомъ сосдася дому сей року 1696, мѣсяца августа 1, при игуменѣ Варлаамѣ страховскомъ.»

(***) На немъ во 2-й половинѣ XVIII вѣка была такая надпись: «Божіимъ поспѣшествомъ создася студенецъ сей року Божого 1711, мѣсяца Іюля 11, тщаніемъ всечестного отца нашего игумена Лаврентія Горки.»

былъ построенъ амбаръ палатинческій (1); въ 1728 году келіи палатинческія (2) и пр. Вообще о благоустройствѣ Выдубицкаго монастыря при Варлаамѣ Страховскомъ достаточно свидѣтельствуютъ слова митрополита Варлаама Ясынскаго, который причиною освобожденія монастыря отъ подчиненія его кіевской митрополіи между прочимъ выставлялъ то, что этотъ монастырь, небожнымъ строеніемъ милостивыхъ ктиторовъ и благодѣтелей, пришелъ въ совершеніе и во умноженіе братіи о Христѣ иночествующихъ (3)." Нужно думать, что теперь, при обстройкѣ Выдубицкаго монастыря капитальными каменными зданіями много помогло открытіе въ ближайшихъ выдубицкихъ мѣстностяхъ прекрасной кирпичной глины и устройство тутъ кирпичныхъ заводовъ, частью самымъ монастыремъ, а частью другими лицами, которые предпринимая въ Кіевѣ какія нибудь капитальныя постройки, обыкновенно испрашивали у выдубицкихъ игуменовъ позволенія строить кирпичные заводы на его землѣ, съ условіемъ оставить ихъ за монастыремъ, по окончаніи своихъ построекъ. Такое благодѣяніе для себя и для другихъ сдѣлалъ Выдубицкій монастырь въ 1692 году, когда позволилъ на своей землѣ построить цегельню полтавскому полковнику Павлу Семеновичу Герцику, который поручилъ своему слугѣ Гоярину построить каменную церковь на ближнихъ пещерахъ, во имя Воздвиженія Честнаго креста Господня. Эта церковь была окончена строеніемъ въ 1700 году, а цегельня построенная на этотъ случай господаремъ полковника Герцика на Лыбеди, осталась за Выдубицкимъ Монастыремъ. Около 1701 года игуменья печерскаго дѣвичьяго Вознесенскаго монастыря (4), мать Мазепы, вздумала была построить въ своемъ монастырѣ каменную церковь во имя Вознесенія Господня; она тоже обращалась выдубицкому игумену съ просьбою дозволить ей построить цегельню на выдубицкой землѣ для предполагаемаго строенія. Варлаамъ Страховскій, изъ уваженія къ просительницѣ и ея благому предпріятію, не только

---

(1) На немъ была надпись: «Божіимъ поспѣшествомъ создася палата сія року Вожаго 1722 сентебря 20 дня.»

(2) На немъ была надпись: «Божіимъ поспѣшествомъ создася домъ сей тщаніемъ всечестного отца нашего игумена Θеодосія Хомѣнскаго року 1728, мѣсяца апрѣля 14 дня.»

(3) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 25.

(4) Онъ стоялъ противъ лаврскихъ святыхъ воротъ, тамъ, гдѣ теперь зданіе арсенала.

позволилъ ей построить цегельню на выдубицкой монастырской земле, но для ускоренія постройки, помогъ ей и своими цегельнями. Мать мазепина за это искренно благодарила игумена, и потомъ письменно передала Выдубицкому монастырю ту цеглю которую, она построила на лыбедскомъ выдубицкомъ грунтѣ (1). Кромѣ этихъ благодѣтельныхъ одолженій со стороны Выдубицкаго монастыря, печерскихъ-Лавры и Дѣвичьяго Вознесенскаго монастырей, можно насчитать теперь нѣсколько услугъ его и другимъ монастырямъ кіевскимъ, изъ коихъ однимъ онъ позволялъ строить цегельни на своихъ грунтахъ, а другихъ снабжалъ, то глиною изъ своихъ грунтовъ, то цеглою, то др. чѣмъ. Такъ 1696 году, бывшій въ то время игуменъ свято-Никольскій, Іоасафъ Краковскій просилъ у игумена выдубицкаго Варлаама Страховскаго позволенія, на построеніе худочасной потребѣ монастырю свято-Николаевскому, именно до змурованя трапезы и келейныхъ каминовъ въ новоустроянчойся обители на грунтахъ лыбедскихъ выдубицкихъ цегельнѣ" съ такимъ обязательствомъ, что „оною цегельнею въ вѣчность собѣ привращати грунту монастырского свято-Михайловского они не имѣютъ и немыслятъ" (2). Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, другой игуменъ свято-Никольскій, Стефанъ Яворскій просилъ у игумена выдубицкаго „глины зъ горы выдубицкой хочѣ на едину пѣчъ, цеголъ для направы ручны трапезы никольской" (3). Всѣ эти просьбы, безъ всякаго сомнѣнія, были уважены. Въ 1713 году, по просьбѣ митрополита Іоасафа Кроковскаго, выдубицкій игуменъ Лаврентій Горка позволилъ построить софійской братіи, въ пользу ихъ монастыря, *цегельню* въ выдубицкихъ грунтахъ между Козовищемъ и Лыбедью. Въ томъ же году игуменъ Золото-верхо-Михайловскаго монастыря Іоанникій Сенютовичъ, „по случаю робленія тропезы монастырской", просилъ у выдубицкаго игумена позволенія брать глину гдѣ нибудь въ выдубицкихъ лыбедскихъ грунтахъ для ихъ цегельни, такъ какъ ихъ глинище въ то время било залито водою (1). Съ такими же просьбами неоднократно обращались въ Выдубицкій монастырь золото-верхо-Михайловскіе игумены и въ слѣду-

---

(1) Выд. мон. кн. акт. I, стр. 20.

(2) Тамъ же стр. 19.

(3) Тамъ же стр. 20.

(1) Выд. мон. кн. ак. 1. стр. 21.

видихъ годахъ, съ полною надеждою каждый разъ, что имъ не будетъ отказано въ просьбѣ, какъ не было отказываемо прежде (1).

Таковая была жизнь Выдубицкаго монастыря въ періодъ его послѣдней зависимости отъ кіевской митрополіи. Съ этого времено до нынѣ сохраняются въ монастырѣ изъ менѣе крупныхъ вещей: серебрянная тарѣлочка, даръ іромонаха выдубицкаго Исаіи Опалинскаго, 1697 г., дарохранительница, сооруженная монахомъ Ѳеодоритомъ въ 1698 году,—колоколъ, сооруженный коштомъ пана Тараса Желѣзнаго Гроша въ 1699 года,—икона 3-хъ Святителей въ серебрянномъ окладѣ, пожертвованная паномъ Миклашевскимъ и др. Съ этого же, вѣроятно, времени хранится въ Выдубнцкомъ монастырѣ въ настоятельскихъ келіяхъ и портретъ знаменитаго фундатора выдубицкихъ церквей—пана полковника стародубскаго Михаила Миклашевскаго, родоначальника ктиторовъ и благотворителей Выдубицкой обители,— пановъ Миклашевскихъ (2).

---

(1) Тамъ же.

(2) Родъ пановъ Миклашевскихъ, ктиторовъ Выдубицкаго монастыря, какъ значится въ одной рукописи 70-хъ годовъ прошедшаго столѣтія, былъ такой: «Полковникъ старобратскій Михаилъ Миклашевскій, съ 1766 года тѣломъ почиваетъ въ тропезной церкви, и въ монастыри присно поминается криторомъ. Іоаннъ Андреевичъ Миклашевскій, бунчуковый товарищъ полку стародубовского (въ селѣ Бѣломъ колодязѣ); жена его Агафія. Семенъ Андреевичъ Миклашевскій, товарищъ бунчуковый полку старадубовского (въ селѣ Нижномъ); жена его Анна Гаврилова. Михаилъ Андреевичъ Миклашевскій, бунчуковый товарищъ полку стародубовскаго, въ селѣ Нижномъ живетъ; жена его Наталія Омельянова (сія платокъ прислала шолковый). Павелъ Ивановичъ Миклашевскій, бунчуковый товарищъ полку стародубовского (въ селѣ Понуровкѣ живетъ); жена его Елена. Ирина Маркова Миклашевская (1769 г. окт. 9, обѣщала бочку вина или горѣлки и салъ двѣ) живетъ полку нѣженского въ селѣ Кочерахъ,—мати всѣхъ нижеписанныхъ чтирохъ Стифановичовъ (1772 года обѣщала куфу горѣлки; прислала орѣховъ 3000). Петръ Стефановичъ Миклашевскій нѣжинского полку въ селѣ Волокитни живетъ, бунчуковый товарищъ; жена его Анастасія Григоріевна (обѣщала куфу горѣлки). Иванъ Стефановичъ Миклашевскій, бунчуковы товарищъ полку нѣжинского, въ селѣ Зазеркахъ живетъ. Дочь его за Корбою въ Кіевѣ Татіана Ивановна. (Сей далъ сало большое, сыра дѣжку; обѣщалъ еще прислать бочку горѣлки. Прислалъ игумену круповъ двѣ торбинки. 1772 года обѣщалъ куфу горѣлки). Антоній Стефановичъ Микла-

3) Время самостоятельности Выдубицкаго монастыря съ 1706 по 1786 годъ.

Подчиненіе независимаго Выдубицкаго монастыря митрополичьей каѳедрѣ не могло не тяготить совѣсти Варлаама Ясинскаго, несмотря на то, что онъ сдѣлалъ это не изъ за своихъ личныхъ интересовъ, „а въ особливую помощь обители свято-Софійской.“ Особенная ревность митрополита Варлаама къ устройству кіевскихъ церквей и монастырей, и особенно къ устроенію погорѣвшаго въ 1697 году Софійскаго собора, увлекла было его не только къ подчиненію Выдубицкаго монастыря своей каѳедрѣ, но и къ тому, что онъ иногда назначалъ сборы пошлинъ съ неприличныхъ статей. Въ 1699 году, высочайшею грамотою такіе сборы были отмѣнены, а въ замѣнъ того кіевской ратушѣ было повелѣно — взять на себя попеченіе объ устройствѣ Софійскаго собора. Кромѣ того, митрополичій домъ теперь былъ надѣленъ, за исключеніемъ прежнихъ угодій, на данныхъ предшественнику Варлаама Ясинскаго, еще многими другими угодьями (1). Всѣхъ этихъ средствъ, кажется, было достаточно къ то-

---

шевъскій, бунчуковый товарищъ полку нѣжинскаго, въ селѣ Орголѣ живетъ; (обѣщалъ бочку гарѣлки, а сверхъ того кобилицу, и сало большое. 1772 г. обѣщалъ куфу горѣлки). Михаилъ Стефановичъ Миклашевскій, бунчуковый товарищъ, живетъ полку нѣжинскаго въ селѣ Кочерахъ; жена его Марѳа. (Сіи обѣщали 1769 года, окт. 8, бочку вина и два сала свиныя, 1772 г. далъ двѣ куфы горѣлки. Просилъ сдѣлать портретъ дѣда Михаила. Портретъ сдѣланъ и отосланъ). Жена его Марѳа Ѳедоровна (прислала чрезъ іеродіакона Лаврентія платокъ шолковый, по концамъ золотомъ и серебромъ шитый и сувецъ полотна). Иванъ Ивановичъ Миклашевскій, сынъ Ивана Степановича, маіоръ полку черниговского, въ Орловцѣ живетъ, (обѣщалъ куфу горѣлки). За этими и подобными милостынями неоднократно отправляемы были изъ Выдуб. монастыря къ панамъ Миклашевскимъ нарочитые посланцы, іеромонахи, или іеродіаконы, которые въ этихъ случаяхъ обыкновенно свидѣтельствовали своимъ ктиторамъ уклонъ отъ монастыря, и вручали имъ письма и гостинцы отъ игуменовъ.

(1) Кромѣ мѣстечка Муромскаго, села Церковищъ, мѣстечка Бѣлогородки, села Рославичь, малой Бугаевки, Спѣшинки, Крушинки, Мерхалевки, Желянъ и мѣстечка Триполья, наданныхъ Мазепою Гедеону Четвертынскому въ 1689 и 1690 годахъ, теперь тѣмъ же гетманомъ были поданы и высочайшею грамотою того 1700 года

му, чтобы благолѣпно обстроить митрополичью каѳедру. Потому, мы думаемъ, что Варлаамъ Ясинскій, подчинивши Выдубицкій монастырь своей каѳедрѣ, какъ онъ думалъ вначалѣ, „въ особливую помощь обители свято-Софійской;“ впослѣдствіи едвали очень могъ нуждаться въ матеріальныхъ поддежкахъ для своего монастыря, со стороны Выдубицкой обители. При концѣ же дней своихъ, Варлаамъ Ясинскій, вѣроятно, находилъ совершенно излишнею приписку Выдубицкаго монастыря къ своей Софійской каѳедрѣ, тѣмъ болѣе, что такая приписка была нарушеніемъ давней свободы древняго монастыря. И вотъ престарѣлый митрополитъ, къ концу дней своихъ, рѣшился исправить свою прежнюю ошибку,— предоставить опять Выдубицкому монастырю такую же свободу, какою онъ пользовался до его времени. Въ 1706 году, отъ 23 и 26 апрѣля, онъ далъ Выдубицкому монастырю двѣ грамоты за подписомъ своей руки и многихъ другихъ лицъ, гдѣ между прочимъ писалъ: „При остатней праве воли моей симъ писаньемъ моимъ извѣстно творю, ижъ при избраніи моего недостоинства на митрополію кіевскую, видячи я, что обитель свято-Софійская митрополитанская оскудная была на все, билемъ челомъ пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ Великимъ Государемъ Царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, дабы ми пожаловали въ приписъ монастыремъ свято-Михайловскимъ Выдубицкимъ кіевскимъ въ особливую помощь обители свято-Софійской, что и одержалемъ былъ по ихъ милости государской за особливымъ рейментарскимъ ясне вельможнаго его милости пана Іоанна Мазепы войскъ запорожскихъ гетмана и кавалера ходатайствомъ. А же благодатіею Божіею, по милости Его Царскаго Величества и призрѣніемъ патронскимъ рейментарсимъ ясне вельможного его милости пана гетмана и кавалера обитель свято-Софійская есть значнѣ обновлена въ своемъ украшеніи сими часы такъ церковномъ, яко и господарскомъ,

---

утверждены за кіевскою митрополіею слѣдующія угодья: озера— Рясинъ, Бабинъ и сѣнные покосы луговые задесенные, островъ Бѣловодъ на рѣкѣ Деснѣ, пороны подъ Моравскомъ и подъ Ковчиномъ, село Ковчинъ, Комаровка, Койловъ съ озерами, грунта Демонтовичевскіе около села Церковищъ и въ самыхъ Церковищахъ, мельницы на рѣкѣ Острѣ, озера и луки трипольскія, Погребки, Зазимье, озеро Поддерковье, Лазаревщина и иные грунты надъ рѣкою Лыбедью, Сычавкою и Борщовкою лежачіе и подъ городомъ вышнимъ кіевскимъ, лѣса моравскіе, погребскіе, бѣлогородскіе, трипольскіе и др. Оп. К. Соф. Соб. приб. стр. 153.

той тежъ монастырь вышеименованный Выдубицкій побожнымъ строеніемъ милостивыхъ ктиторовъ и благодѣтелей пришедъ въ совершеніе и во умноженіе братіи о Христѣ иночествующихъ; прето я той монастырь Выдубицкій свобождаю отъ приписи свято-Софійской и вольнымъ чиню вѣчными часы, жадаючи того и по моихъ сукцессорахъ преосвященныхъ митрополитахъ кіевскихъ, абы той монастырь свято-Михайловскій Выдубицкій при всякой свободѣ и вольности заховывалъ, якъ иные монастырѣ кіевскіе и заднѣпрскіе до митрополіи кіевской належачіе“.... (1) Вскорѣ послѣ того игуменъ выдубицкій Варлаамъ Страховскій, представивши гетману вышеприведенную грамоту митрополита Сильвестра, просилъ его гетманского на тое состояніе потверженія: „Мы прето согласуючися во всемъ таковой волѣ и дѣлу ясне въ Богу преосвященного его милости господина отца митрополита кіевскаго, галицкаго и всея Россіи, писалъ гетманъ, потвержаемъ симъ универсаломъ нашимъ его листъ архипастырскій въ той матеріи выданный, заховуючи непремѣнно оній во всѣхъ пунктахъ, комматахъ и клявзуляхъ“ (2). Такъ совершилось окончательное отдѣленіе Выдубицкаго монастыря отъ митрополичьей каѳедры, и начался для него новый, намѣченный нами, періодъ самостоятельной жизни.

Этотъ 80-лѣтній періодъ исторіи Кіево-выдубицкаго монастыря, преимущественно предъ другими періодами, богатъ полнотою и разнообразіемъ жизни, равно какъ и богатствомъ письменныхъ памятниковъ. Управленіе богатыми и обширными владѣніями монастырскими, увеличенными еще и въ этомъ періодѣ то крупными, то мелкими пріобрѣтеніями, вызвало въ распорядительныхъ игуменахъ этого времени аккуратную экономическую систему. Рѣшительныя, широкія и постоянныя претензіи Лавры на давнія владѣнія Выдубицкаго монастыря вызывали теперь въ умныхъ выдубицкихъ игуменахъ, и особенную энергію, и юридическое умѣнье защищать свои владѣнія. Между тѣмъ, теперь постигали Выдубицкій монастырь болѣе или менѣе чувствительныя несчастія, которыя вызывали въ немъ энергическія стремленія — поправить свои дѣла и пробуждали иногда нравственныя силы. Въ концѣ концовъ, Выдубицкій монастырь, благодаря покровительству свѣтской власти, энергіи и умѣнью своихъ игуменовъ, и теперь бы вышелъ изъ своихъ тяжелыхъ обстоятельствъ

---

(1) Вѣд. мон. кн. ак. IX, стр. 26.

(2) Тамъ же, стр. 28.

съ полнымъ торжествомъ и особенно съ богатствомъ матеріальныхъ силъ; но вдругъ для него, какъ и для всѣхъ южно-русскихъ монастырей, наступилъ роковой 1786 годъ, въ который онъ долженъ былъ покончить свои счеты съ мірскою суетою, которая такъ далеко завлекла его, и такъ много отнимала времени и силъ, имѣвшихъ совсѣмъ другое назначеніе. Слѣдя за судьбою монастыря въ намѣченный нами промежутокъ времени, мы скажемъ а) какъ онъ теперь пріобрѣталъ и укрѣплялъ за собою новыя владѣнія; б) какъ онъ, по случаю разныхъ обидъ и споровъ, укрѣплялъ за собою свои прежнія владѣнія; c) какъ онъ пользовался своимъ имуществомъ; и наконецъ d) какова была теперь его внутренняя жизнь.

a) Преслѣдуя главнымъ образомъ матеріальные интересы своего монастыря, выдубицкіе игумены, въ разбираемое нами время, очень дѣятельно заботились объ увеличеніи его владѣній; и нужно отдать честь, разными средствами, то просьбами, то покупками, имъ теперь удалось очень достаточно увеличить свои прежнія владѣнія. Разсмотримъ, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ, какія же именно новыя владѣнія пріобрѣлъ теперь Выдубицкій монастырь.

Въ первые годы своей самостоятельности Выдубицкій монастырь пріобрѣлъ владѣнія корсунскія, нѣкоторыя покупкою, а нѣкоторыя какъ даръ. Въ половинѣ 1707 года имъ былъ купленъ подъ Корсуномъ надъ рѣкою Росью грунтъ Шупивскій, или Кириловъ за 100 талеровъ. Прежній владѣтель его Шульженко въ своей продажной записи, отъ 3 іюля, вышесказаннаго года, такъ заявлялъ объ этомъ передъ урядомъ корсунскимъ: Я Сава Шульженко, житель мандонаѳовскій, полку миргородскаго, а сотни омельницкой, писалъ онъ, маючи дидизный и отчистый грунтъ подъ мѣстомъ Корсуномъ на рѣцѣ Роси, прозываемый Шупивское, то есть Кирилово, выше Карачинки лежачій, на млинъ способный, который теперь грунтъ доброй моей воли и безъ жадного примусу продаю и вѣчне легую превелебному господину его милости отцу Варлааму Страховскому игумену монастыря Выдубицкаго и всей еже о Христѣ братіи, за перую суму личбы литовской талярей сто, одъ которого грунту такъ самъ, Сава Шулженко, кревніе мои близкіе и дальніе отрекаются и у вѣчную же посессію попускаю превелебному господину отцу Варлааму Страховскому, которому волно будетъ яко своимъ властимъ, вѣчне владѣти, дати, продати, даровати и якъ хотѣти на пожитокъ обители святой оній оберегати“ (1). Чрезъ два съ по-

(1) Вѣд. мон. кн. ак. IX, стр. 407.

ювнимо мѣсяца послѣ того, Выдубицкій монастырь купилъ въ Корсунщинѣ и сѣнокосъ у нѣкоей Палажки Мазничихи. Отъ 22 сент. 1707 года, въ своей продажной записи, заявленной предъ корсунскимъ урядовымъ судомъ, Мазничиха писала, что она „властную свою отчизну сѣножать противъ Каменки на томъ боцѣ Роси лежачую помѣжъ панской луки у законъ продала добровольне никому нѣвчомъ незаведенную у вѣчные вѣки безъ жадного примусу подъ мѣстомъ Корсуномъ лежачую честному во іеромонасѣхъ превелебному въ Богу его милости господину отцу Варлааму Страховскому игуменови кіевскому Выдубицкому за готовую и певную суму личбы литовской талерей двадцать (1).“ Чрезъ годъ съ лишнимъ послѣ того Выдубицкимъ монастыремъ еще былъ купленъ въ Корсунщинѣ прудъ у нѣкоей Татіаны Степанихи. Предъ урядомъ корсунскимъ, отъ 5 ноября, 1708 года, было заявлено, что „она Татіяна Степаниха изъ сыномъ своимъ Иваномъ, жителька корсунская изъ доброго своего позволенья продала ставъ свой въ Богу превелебному господину отцу Варлааму Страховскому игумену монастиря Выдубицкаго презъ отца городничого дацковского Гавріила за суму певную готовыхъ грошей за золотыхъ 500, который тежъ то ставъ лежачій на рѣцѣ Сакавцѣ изъ сѣножатю и зо всѣмъ грунтомъ теды варуетъ, ижъ у вѣчность продаетъ, дабы никто зъ покревныхъ ея близкихъ и далекихъ не могъ втручатися и дѣти ея. Таковый да проклятъ будетъ, прибавляла она, ктобъ мѣлъ отъ обители святой отъ архистратига Христова Михаила отдалити и упиратися....“ (2) Чрезъ полтора года послѣ того, здѣсь же въ Корсунщинѣ, близъ рѣчки Сокавцы, купленъ былъ Выдубицкимъ монастыремъ значительный грунтъ и у монахини печерскаго Вознесенскаго монастыря Өеодосіи Мартышенковой Хмѣльницкой. Въ своей продажной записи, заявленной въ кіевской ратушѣ, отъ 3 марта, 1710 года, она писала такъ: „Я на имя Өеодосія монахиня монастыря Вознесенія Господня дѣвичьяго, печерского кіевского прозываемая Мартышенкова Хмѣльницкая жителька монастыря того за доброй памяти моей и разума зуполного розправивши дѣти мои горазъ яковіи на дѣтей моихъ грунтъ къ уконтентованю ихъ належалъ зъ перва кгрунтовъ лежачихъ въ уѣздѣ корсунскомъ имъ давши, и ихъ уконтентовавши добре остатніи кгрун-

(1) Тамъ же, стр. 402 обор.

(2) Тамъ же, стр. 411.

ти прозываемін футоръ неданій надъ рѣчкою текучою Сокавицею, также и млинъ мой власный на рецѣ Росѣ на вишихъ Букахъ на едной гат: зъ Левчинскимъ зъ всѣми до футора того и млина приналежностями, полями, лѣсами, сѣножатями, гаемъ, ставемъ, лугомъ, власніе мои оніе грунта не певниіе ни отъ кого либо дарованіе и никому ни въ чомъ ни мало не заведенніи ни волностію займаніе, але власніе мои мужемъ моимъ Кондратомъ Мартышенкомъ, прозываемымъ Хмѣльницкимъ и самою мною вышеупомянутою черницей живши еще за мужемъ моимъ небощикомъ въ мирѣ купленіе, его милости отцу Варлааму Страховскому игуменови святого архистратига Михаила Выдубицкому кіевскому и братіи всей монастыра того и по немъ менованнымъ господину отцу игумену и братіи будучимъ за золотыхъ 600 продаю во вѣчность въ уѣздѣ корсунскомъ близъ села прозываемаго Дацковъ маетности тогожъ монастира Выдубицкаго надъ рѣкою вышъ помянутою Сокавицею лежачіе...“, (1) При этомъ Ѳеодосія Хмѣльницкая передала Выдубицкому монастырю и всѣ тѣ старинные документы, по которымъ она владѣла проданными грунтами. Въ томъ же 1710 году Выдубицкій монастырь и еще купилъ одинъ грунтъ въ Корсунщинѣ у нѣкоей Татіяны Ѳедорихи. Въ своей продажной записи по этому случаю она писала, отъ 27 іюля: „Я Татіяна Ѳедориха, обывателька корсунская, мѣючи грунтъ свой власный никому нѣ въ чемъ неневній и въ жадніе долги не заведенній, вольній, свободній, яко то луку зъ ставомъ, лѣсомъ и нивами на мисниковой долини будучимъ и плящъ въ селѣ Дацкахъ лежачій обмежъ кгрунтъ Омелка Небады, умыслилемъ зъ доброй моей воли безъ жадного, уховай Боже, насилія и примусу обители святой Михайловской Выдубицкой кіевской за гроши готовіе копъ двадцать монеты продати и у вѣчній депозитъ попустити, которіе гроши руками моими всѣ зуполно одобравши, яко я сама того проданного помененного кгрунту зрекаюся такъ дѣтей и всѣхъ моихъ кревныхъ и близкихъ и далекихъ подъ винами правными отдаляю вѣчисто, а яко доброволне предреченій грунтъ обители свято-Михайловской Выдубицкой кіевской продалемъ, такъ теперь превелебного въ Богу его милости отца игумена и впредъ быти маючимъ зо всею братіею вѣчными посессорами чиню, которымъ волно тимъ у мене купленнымъ

---

(1) Вѣд. мон. кн. ак. IX, стр. 413 обор.

грунтомъ, якъ хотя владѣти, даровати, продавоти и якъ въ найлѣпшомъ уживаню держали...." (1)

Перечисливши такимъ образомъ купленные теперь Выдубицкимъ монастыремъ грунта корсунскіе, документами на нихъ, перечислимъ еще и владѣнія, наданныя ему здѣсь въ даръ разными благотворителями Выдубицкой обители. Здѣсь видное мѣсто долженъ занять богатый даръ Выдубицкому монастырю самаго гетмана Мазепы. Оставляя въ сторонѣ политическіе грѣхи этого знаменитаго гетмана, мы должны отдать ему справедливость за ту ревность къ благоустройству монастырей, которая еще и доселѣ имѣетъ такъ много памятниковъ въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ Малороссіи. Благотворя святой обители лаврской,—обители женскаго печерскаго Вознесенскаго монастыря, гдѣ его мать была игуменіею, и монастырямъ пустынно-Николаевскому и Братскому (2). Мазепа, какъ видно, радѣлъ и о монастырѣ Выдубицкомъ. Замѣчательна въ этомъ отношеніи его дарственная запись, которою онъ надѣлялъ Выдубицкій монастырь селомъ Тарасовичами и хуторомъ Прутильцами въ Корсунщинѣ. Въ своемъ универсалѣ, писанномъ по этому случаю, отъ 10-го сентября 1707 года, онъ писалъ: „Симъ универсаломъ нашимъ ознаймуемъ, ижъ мы гетманъ и кавалеръ, мѣючи владзу по милости Божей и ласце монаршой его царского пресвѣтлого величества, всякіе порядки въ малой Россіи по обоимъ сторонамъ реки Днѣпра устроевати, яко по должности уряду нашего горливое о разширенію и помноженію обителей святыхъ имѣемъ попеченіе и въ дни житія нашего всегда за найпервейшій у себе цель тое покладаемъ, такъ видячи старинную обитель святую выдубицкую кіевскую любо здавна древними россійскими князьями уфундованную, однакъ въ общихъ монастырскихъ потребахъ оскудѣлую, къ вспартю тихъ скудостей для святыхъ молитовъ надаемъ село прозываемое Таращичи и хуторъ именуемый Прутильцѣ въ уѣзде корсунскомъ положенемъ знайдуючійся, зъ гаями, лѣсами, полями, зъ захатными сѣнными покосами и зъ всѣми иншими до того села и хутора здавна и теперь нале-

---

(1) Вѣд. мон. кн. ак. IX, 416.

(2) Въ этихъ четырехъ монастыряхъ, какъ извѣстно, онъ построилъ богатые храмы, изъ коихъ три и до сихъ поръ существуютъ, это: 1) церковь во имя всѣхъ святыхъ въ Лаврѣ, 2) храмъ теперешняго военнаго собора и 3) большая братская монастырская церковь и пр.

вачими грунтами, добрами и угодьями, той святой обители Михайловской Выдубицкой кіевской позволючи и зуполную моцъ даючи превелебному въ Богу господину отцу Варлааму Страховскому игуменови тамошнему и всей о Христѣ братіи и по немъ имѣючимъ быти сукцессоромъ зъ братіею жъ таперь и въ потомніе часи тимъ селомъ и хуторомъ (если въ ономъ посполитіе люди знайдуются) свободне и спокойне владѣти, отъ людей посполитыхъ послушенство належитое, и подданскіе повинности, а зъ грунтовъ и всякихъ угодій користи и пожитки ку общей монастырской пользѣ отбирати; которое наше надане яко ствержаемъ симъ унѣверсаломъ для крѣпости теперешней и потомнихъ часовъ, какъ пилно мѣти хочемъ, упоминаемъ, варуемъ, и грозно приказуемъ, абы панъ полковникъ корсунскій зъ старшиною полковою и сотниками, также староста нашъ тамошній, и нихто иншій зъ старшины и черни того полку превелебному отцу Варлааму Стараховскому, игумену кіевскому выдубицкому зъ братіею и сукцессорамъ его въ спокойномъ владѣнію того села и хутора и въ отбираню отъ людей посполитыхъ послушенства а зъ добръ тамошнихъ корыстей жадной найменшой не смѣлъ и не важился чинити перешкоды, шкоды, кривды и перенегабаня...., а войтъ тамошній зъ посполитыми людьми долженъ во всемъ монастыреви Выдубицкому кіевскому быти послушнимъ безъ спреки отдаючи подданскіе належитіе повинности. Если бы зась въ Таращичахъ, альбо въ хуторѣ мененномъ обискалися таковіе люде, которіе самовольне надъ войсковое постановленне и нашъ указъ вновь недавно одорвавшися отъ громады въ компутъ казацкій повписовалися, то таковыхъ позволяемъ знову хочь и поневолне до громады привернути. Таковая наша воля и указъ, абы теперь и впредь во всемъ все цѣле у всехъ была захована повторне и по десяте пилно упоминаемъ и приказуемъ" (*). Около того же времени Выдубицкому монастырю еще былъ наданъ въ Корсунщинѣ одинъ грунтъ на поминъ души корсунской попадьею Агафіею Савичною Игнатовою. „Я Агафія Савова Игнатовая попадья и жителка корсунская, писала она въ своей даровой записи, отъ 20-го іюня, 1711 года, вѣдомо чиню симъ моимъ писанемъ, ижъ жиючи мнѣ зъ дочкою моею и зъ иншими людми въ забѣзѣ въ Кіевѣ на звѣринцѣ выдубицкомъ, року и мѣсяца вышъ-писаннаго преставилася тамъ же въ забѣзѣ дочка моя Ѳеодора Даміаниха,

(*) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 408.

которую на прошеніе мое за благословеніемъ въ Богу его милости отца Лаврентія Горки игумена на тотъ часъ выдубицкого при монастырѣ Выдубицкомъ за подобающею христіанскою честью похована, теды я за такую учинность томужъ превелебному отцу игумену выдубицкому надаю на монастырь футоръ въ корсунскомъ повѣтѣ въ селѣ Ситникахъ подлѣ цибоваго грунту, тамъ же и садъ валомъ окопанній и ставокъ и поля лежачіе, и сѣножати и зъ иншими угодьями до того грунту приналежніе, которое все слыветъ Леска Опанасенка зятя моего, еще и дворъ мой власный зъ грунтомъ нѣкому незаведенній въ мѣстѣ Корсунѣ, недалеко церкви святого Спаса, и въ Прутильцяхъ лѣсъ зъ ставкомъ и зъ греблею и зъ иншими угодьями прозиваемін Шваковъ, моему небощику господину Игнатію отъ Стецюка на три сорокоусты за душу Стецюкову жони и дочки его наданній, которій Стецюкъ купилъ былъ лѣсъ той у тѣщика Шванки. Тое все до обители святой Выдубицкой подаю вѣчными часы за преставлшую дочку мою Ѳеодору, при обители той похованную, аби ей въ поменникъ видубицкій вписали и отца Игнатія мужа моего, и отца Григорія, Демяна, Леонтія, Ефимія и мене Агафію, а тіи всѣ грунта и угодья волно уже будетъ отцу игумему выдубицкому яко посессору и всей братіи якъ хотѣти заживати, дати, продати, даровати кому изволятъ, бо я уже всѣхъ тихъ грунтовъ зо всѣми своими родичами и повиноватими вѣчно зрекаюся и не маю уже до нихъ а нѣ я а нѣкто иншій якъ зъ кревныхъ нашихъ такъ изъ чужихъ нѣколи ни маю втручатися подъ утратою чести и всей каждого худобы неотпускною" (*). Такимъ образомъ въ 10-хъ годахъ XVIII столѣтія образовались мало по малу значительныя корсунскія владѣнія Выдубицкаго монастыря. Въ одномъ старинномъ описаніи онѣ такъ исчисляются: 1) Въ самомъ мѣстѣ (Корсунѣ), говорится тутъ, былъ дворъ хатъ двѣ противъ святого Николы на рынку и комора; 2) тутъ было и мѣстце на дворъ на штанской улицѣ, отказанное монастырю попадьею старою Иленскою и на Ситникахъ ставокъ, садъ изъ лѣсомъ; до того и въ Прутилцахъ ставокъ и лѣсъ; 3) за мѣстомъ противъ пророка Иліи былъ дворъ купленій копъ за сѣмъ; въ томъ двору хата, сѣни зъ коморою рубленою, шопа, загорода зъ повѣтками и огородъ; 4) нижей Корсуна по лѣвой сторонѣ Роси было млиновъ два на мѣстцу Чаловскомъ,

(*) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 415.

якъ права онѣ маютъ, наданое монастырю зъ мѣстцемъ тамъ же дворовымъ, гдѣ дворъ, келитка, пекарня, комора и повѣть; до того двора и млина виступъ по задворомъ окопъ до шляху и хутъ, отъ шляху озеромъ съ келею камяною и....., огорненымъ въ нихъ до перещепини; 5) на правой сторонѣ было мѣстце на млинъ, прозвискомъ Шупиловщина, до тогожъ мѣстца млинового лука, взявши зъ гори Роси отъ поточка внизъ по за криницею окопомъ до шляху, за що дано копъ сто; 6) еще по нижей млиновъ Кандибиныхъ по правой сторонѣ Роси лука купленая за десять талярей, отъ якихъ и чиѣхъ граничить лукъ, есть въ запису купчомъ; 7) въ томъ же уѣзду корсунскомъ было село Дацки, наданое монастырю зо всѣми приналежитыми ему кгрунтами, гдѣ въ самомъ селѣ двома коморками, третья въ сѣняхъ коморка холодная, пекарня, коморка зъ людовнею, винница зъ свѣтелькою, станя зъ шафою, загорода зъ шафами, лазня и садокъ насаженій щепами, сливами, вишнями и дереномъ, церковь божественная всѣмъ коштомъ монастырскимъ постановлена; 8) въ томъ селѣ ставокъ прежде голдовалъ четиромъ господаромъ; измерліе отказали двѣ части небощику протопопѣ корсунскому Рудицкому, а протопопа надалъ тіе части ставу монастирю, третюю часть заплатили Андрѣю Кириченку, за которую дали вола, да четвертой еще упоминается Василь Тищенко житель дацковскій; 9) нижей другій ставъ купленій за сто золотихъ и талярей двадцать, на той же рѣцѣ Сакавицѣ, въ племенницы Хмѣльницкой; на томъ ставу млинъ новопостроенъ колъ три; 10) еще нижей на той же рѣцѣ ставище зъ греблею купленое въ черницѣ Хмѣльницкой за чотириста золотихъ, до того ставища лѣсъ, чай березовій, луки и поле.... стороны той рѣчки поле отъ Стеблева по балку, которая.... (*) и по окопъ первый: отъ корсунской сторони по бобиліювъ лѣсъ поле належитъ до... кгрунту недановского прозвискомъ; 11) и еще нижей на той же рѣчцѣ было ставище купленое въ стоблювского чоловика прозвискомъ Татаринця за сто злотихъ, при томъ ставищу хуторъ зъ хатою рубленою и загородами: по надъ хуторъ доброва и луки по обоимъ сторонамъ той же рѣчки; 12) и ещежъ нижей по рѣчцѣ по за шляхъ стеблювскій лука надъ самою рѣкою Росью: и устямъ рѣчки Сакавицѣ по лѣвой сторонѣ тоей жъ рѣчки въ гору отъ шляху, якъ окони показуютъ до поля педанувскую дубро-

---

(*) Точки означаютъ поврежденныя мѣста рукописи.

ва, куплена у Онисія жителя Корсунского за два золотихъ и осначку жита; 13) долина прозвиском митница, зъ лукою, ставком, лѣсомъ, полемъ по обоимъ сторонамъ долини, въ кгрунтѣ дацковском куплена въ старой Ани Присихи за вусѣмнадцать золотихъ; 14) поле до Дацковъ здавна приналежное зъ правой стороны по рѣчцѣ отъ Корсуна... до бѣлошапчиного лѣса до вовчой долини отъ Петрушюкъ села; 16) зъ лѣвой стороны по той же рѣчцѣ отъ Стеблюва до верху лѣса Радчинця до лѣса скибневого и по долину старую отъ Роси по шляхъ стеблевскій ([1]). Всѣ эти благопріобрѣтенныя корсунскія владѣнія Выдубицкаго монастыря въ свое время были закрѣплены за нимъ универсалами гетмана Мазепы, а потомъ, по прозьбѣ игумена выдубицкаго Страховскаго, и универсаломъ гетмана Ивана Скоропадскаго. Въ этомъ своемъ универсалѣ, отъ 5 февраля, 1709 года, Скоропадскій писалъ: „Ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ, всей его царского пресвѣтлаго Величества войска запорожского старшинѣ и чернѣ и кождому кому колвекъ о томъ вѣдати належати меть, ижъ супльковалъ до насъ превелебный въ Богу господинъ отецъ Варлаамъ игуменъ монастыря Выдубицкаго кіевскаго зъ братіею и презентовалъ антецессора нашего бывшого гетмана подтвержательнии унѣверсалы на млини наданіе подъ мѣстомъ Корсуномъ на рѣцѣ Росѣ на мѣстцѣ прозиваеномъ Вуки такъ же на купленіе пасѣки, гаи, сѣножати, луки, ставки, поля... при которихъ кгрунтахъ и селецъ найдуется три, прозиваемихъ Дацки, Таращичи и Прутилци, и просилъ насъ, абысь мы нашимъ тіе всѣ добра ствердили универсаломъ. Мы теды гетманъ, давши у себе прошенію превелебнаго господина отца игумана выдубицкаго и всей братіи мѣстце, а стосуючися до универсалу антецессора нашего ствердилисми симъ нашимъ универсаломъ тые всѣ выраженіе добра и кгрунты позволивши по прежнему такъ млинами яко и селцами и иншими вишменованними кгрунтами ему превелебному господину отцу игумену выдубицкому владѣти и всякіе пожытки зъ оних обирати. Прето мети хочемъ преймѣнтарско симъ нашимъ универсаломъ варуемъ, абы нихто зъ старшинъ рейменту нашего и чернѣ владѣнію тихъ добръ и въ отбираню зъ оних всяких пожитковъ ему отцу игумену видубицкому неважился чинити кривди и перешкоди. Войтизась тихъ селецъ зъ посполитими людми повинни до святой оби-

---

([1]) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 426.

теми выдубицкой (кромѣ козаковъ) всякое належитое отдавати послушенство и повинность грозно приказуемъ (1).

Но Выдубицкій монастырь не долго пользовался своими новопріобрѣтенными богатыми корсунскими владѣніями; вскорѣ онъ долженъ былъ лишиться всѣхъ своихъ владѣній, лежавщихъ по праву сторону Днѣпра, которая вся была уступлена полякамъ по прутскому договору съ турками 1712 года. Бывшій въ то время игуменъ выдубицкій, подобно настоятелямъ другихъ кіевскихъ монастырей, лишившихся своихъ владѣній на правой сторонѣ Днѣпра, обращался съ просьбою къ гетману Скоропадскому о вознагражденіи Выдубицкаго монастыря какими нибудь другими угодьями за его непредвидѣнныя потери по случаю прутскаго договора. Гетманъ нашелъ эту просьбу справедливою, и надѣлилъ Выдубицкій монастырь угодьями на лѣвой сторонѣ Днѣпра въ козелецкомъ повѣтѣ. Кромѣ поданной здѣсь монастырю въ 1709 году третьей части размѣра съ козелецкой юрковской мельницы (2), онъ надѣлилъ выдубицкій монастырь еще обширными владѣніями ярославскими. Въ своемъ универсалѣ, данномъ по этому случаю отъ 9 октября 1713 года, онъ между прочимъ такъ писалъ: „Поноважъ яко инныхъ святыхъ обителей кіевскихъ, такъ монастыря свято-Михайловскаго выдубицкаго маетности на сей сторонѣ Днепра будучіе, по Монаршому Его царского Величества указу за границею въ державу польскую одишли чого ради неименную, а праве крайную тоей обители во всемъ скудость доносилъ намъ въ Богу превелебнѣйшій его милость отецъ Лаврентій Горка игуменъ тамошній, и просилъ нашего въ томъ респекту, мы пре то гетманъ, хотячи по нашей ку святимъ обителемъ горливости меменной святой обители учинити подъ поможенe корнѣрмуемъ оной отъ владѣнія нашего сего Ярославку на той сторонѣ Днепра въ полку кіевскомъ въ сотнѣ Бобровицкой будучае зъ всѣми до его приналежны ими кгрунтами и угодьями. Мы то пре то хочемъ реймментарско варуемъ и приказуемъ, абы такъ самъ панъ полковникъ кіевскій яко и нѣхто зъ старшины и черни войсковой и посполитыхъ того полку обивателей а особливе панъ сотникъ бобровицкій и дозорца нашъ Евминскій несмѣлъ и неважился честнимъ отцемъ выдубицкимъ владѣнію того села найменшого чинити перенагабаня и перешкоды, войтъ зазъ зъ посполитими людми ярославскими (кро-

---

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 425.

(2) Выд. мон. кн. ак. X, стр. 72.

нѣ козаковъ, которіе не нарушне при своихъ волностяхъ мѣютъ найдоватися) повинни належитое подданское послушенство обители святой Михайловской выдубицкой отдавати повторне приказемъ“ (1). Съ переходомъ села Ярославки подъ вѣденіе Выдубицкаго монастыря, и ярославскій причтъ долженъ былъ перейти въ вѣдомство игумена выдубицкаго. По этому случаю митрополитъ кіевскій, Іоасафъ Кроковскій, писалъ такой листъ священнику ярославскому, отъ 5 ноября 1713 года: „честному отцу Алексѣю пресвитеру села Ярославки, протопопіи козелецкой, при благословеніи архіерейскомъ, объявляемъ, писалъ митрополитъ, ижъ превелебный его милость отецъ Лаврентій Горка игуменъ монастыря свято-Михайловскаго Выдубицкаго одержавши отъ ясне вельможнаго его милости пана гетмана маетность сію именуемую Ярославку, просилъ насъ зъ братіею, абы честность творя въ подсудствіи обители святой зоставалъ. Пре то мы на прошеніе его отца игумена и братіи склонившися, повелѣваемъ честности твоей монастырю свято-Михайловскому Выдубицкому не посредственно подсудствовати во всѣхъ дѣлахъ и нуждахъ духовныхъ подъ разсужденіе превелебного отца игумена удаватися, и во всемъ власти игуменской повиноватися увѣщаваемъ (2)“. Чрезъ нѣсколько времени тутъ оказался одинъ безпокойный сосѣдъ владѣлецъ села Озерамъ, панъ Василь Танскій, знатный товарищъ войсковой, который не только самъ „втручался самоволѣе и гвалтовне въ отмежованый предѣлъ степу сѣнокосного и пахатнихъ около Чорного Кургана полювъ“ въ урочище Васанщину,—но и другихъ сосѣдей пострекалъ къ этому. Выдубицкій игуменъ просилъ защиты у гетмана,— и онъ, 2 сентября, 1716 года, выдалъ кому слѣдовало твой универсалъ, которымъ грозно упоминалъ, „абы нѣхто жадною мѣрою до грунту ярославскаго втручатися не дерзалъ. Особливе тутъ же приказуемъ, писалъ кромѣ того гетманъ, абы подсусѣдки козацкіе въ маетностехъ монастырскихъ мешкаючіе имѣли свое прислушаніе до обители святой.... И того покрѣпко варуемъ, прибавлялъ гетманъ, абы казаки тамъ же въ маетностехъ жиючіе жадного токового, хтобы зъ власныхъ подданыхъ монастырскихъ ухиляючися одъ посполитой тяглости похотѣлъ въ козацство тиснутися отнюдъ пріимати не важилися“ (3). Послѣ этого упоминанія; Выдубицкій мо-

(1) Выд. мон. кн. ак. I, стр. 172.
(2) Выд. мон. кн. ак. I, стр. 172.
(3) Тамъ же, стр. 183.

настырь, кажется, безъ всякихъ притѣсненій со стороны сосѣдей владѣлъ своими ярославскими угодьями. Отъ времени до времени къ наданнымъ отъ гетмана ярославскимъ грунтамъ Выдубицкій монастырь пріобрѣлъ тутъ еще нѣкоторыя частныя угодя: нѣкоторыя изъ нихъ были наданы Выдубицкому монастырю на помин̃ъ душъ,— а другія были пріобрѣтены покупкою. Такъ, нѣкто Василій Рева отписалъ въ пользу Выдубицкаго монастыря свои три нивы въ Басанщинѣ и сагу: отъ 19 іюля, 1716 года, онъ далъ на нихъ Выдубицкому монастырю такую запись: „Я Василій Рева старобасанскій чиню вѣдомо въ семъ моемъ писаньи, ижъ дарую поле нивъ три на обитель святую отцу Лаврентію игумену выдубицкому съ братіею его, а тее поле лежачее вутси (?) отъ Будровицы и въ сагу отъ сего року небуду интересоватся, а нѣ зъ кревныхъ дабы нихто не важился якъ саги такъ нивя упоминатися, нащо и писаніе сіе даю на себе. А за тее честный отецъ игуменъ велѣлъ ему ненкувъ" (1). Въ тоже самое время Выдубицкій монастырь откупилъ у священника Ярославскаго гай надъ рѣчкою пониже млина шаповаловаго. Отъ 9 іюля, 1716 года, священникъ Ярославскій далъ такую запись Выдубицкому монастырю: »Я іерей Алексѣй пресвитеръ ярославскій вѣдомо чиню симъ моимъ писаннемъ, ижъ по смерти небощика Леска Тунка одержалемъ былъ гай Тунковъ, въ березѣ надъ рѣкою, нижей млина Шаповаловаго зостаючій, который гай Марія жона Лескова доброволне отдала мнѣ была на сорокоустъ на поминаніе мужа своего Леска Тунка, и заводила мене въ гай оный зъ людми защними....., а поневажъ такая вышла устaнова отъ преосвященого архипастира нашего, жебы священникъ имѣній нерухомихъ неважился за душу на поминаніе или иншимъ якимъ способомъ собѣ отбирати, теды я іерей Алексѣй гаю вышъ писанного его милости господину отцу Лаврентію Горцѣ игумену и уступилемъ, и въ вѣчную посессію отдалемъ, а на сорокоустъ за небощика Леска Тунка гроши отъ рукъ тогожъ его милости отца игумена взялемъ" (2). Меньше чѣмъ чрезъ годъ послѣ того, Выдубицкій монастырь еще пріобрѣлъ одинъ гай покойнаго пана Леска Тунка по слѣдующей записи его жены: „Я Марія Тунчиха, писала она, отъ 1 февраля, 1717 года, ставши очевисто изъ синомъ моимъ Степаномъ въ такій способъ, ижъ мужъ мой небощикъ Леско завиноватился еще пану

(1) Выд. мон. кн. ак. I, стр. 180.

(2) Тамъ же, стр. 179 обор.

Богдановскому, который панъ Богдановскій свуй долгъ пересказалъ на обитель святую, а потомъ и я по мужу позосталася отцу игумену за поколющину, показанщину, покабанщину золотихъ на сто и болшъ, теды нехотячи заводити на себе и на дѣтяхъ моихъ помененного долгу огдаю за довцъ гай муй и мужа моего, который гай есть подле монастирского гая отъ шаповала едучи на низъ ажъ до самой монастирской греблѣ, а тое чиню при людяхъ зацныхъ и вѣры годнихъ.... на той часъ будучихъ. Я Марія Тумчиха зъ синомъ своимъ и прочиму дѣтми оного грунту зрѣкаюся и записую вѣчними часы на обитель святую, и жебы нихто неважился интересоватися въ том гаи нѣ я сама, а нѣ дѣти мои отъ сего часу, а яко невинетнія крестомъ святымъ подписуемся".... (слѣдуютъ подписи (1). Въ томъ же году и того же мѣсяца Марія Тумчиха продала Выдубицкому монастырю и еще одинъ гай ниже плотины монастырской въ Ярославцѣ,— и третью часть мельницкую. На первое угодье она дала такую запись Выдубицкому монастырю, отъ 3 февраля 1717 года: „Я Марія Тумчиха зъ синомъ моимъ Стефаномъ доброволне продали гаи свуй его милости отцу Лаврентію Егорцѣ игумену свято-Михайловскому выдубицкому кіевскому отъ самой греблѣ монастырской починаючися изъ болото на низъ, по обоимъ сторонамъ дороги до кормувъ едучи за таляри десять зъ тимъ изятомъ вырубаннымъ гаю, который продаламъ пану сотникови Васанскому на грубъ, который шматъ гаю повиненъ панъ сотникъ сей зими вырубати, а ежелибы не мѣлъ зрубати за сюю зиму, теды болшей не повиненъ утручатися до дерева, которое застанется не вырубаное. И при отбираню грошей даю на себе сію карту при значнихъ козахахъ...., же а не мои дѣти, а нѣкто зъ кревныхъ моихъ яко близкихъ такъ тежъ и далекихъ не повинни до того гаю вѣчными часы утручатися и жадной турбаціи чинити" (2). Третью же часть мельницкую за Выдубицкимъ монастыремъ она укрѣпляла слѣдующимъ листомъ, отъ того же мѣсяца и числа: „Я Марія Тумчиха зъ синомъ Стефаномъ доброволне продалемъ до обители выдубицкой кіевской его милости отцу Лавретію Егорцѣ игумену выдубицкому кіевскому третюю часть свою мельницкую съ клеткою на монастирской греблѣ стоячую за сто золотихъ равно, а одобравши въ цѣлости всѣ гроши даю на себе сюю карту при значнихъ козакахъ и при инншихъ вѣры годнихъ людяхъ....,

(1) Выд. мон. кн. ак. I, стр. 184 обор.
(2) Аамй же, стр. 185.

же а нѣ я, а нѣ мои дѣти, а нѣ тежъ это съ кревнихъ моихъ, якъ близкихъ, такъ и далекихъ не повинни до тоеи частки млина вѣчными часы утручатися" (1). Въ послѣдствіи Выдубицкій монастырь еще пріобрѣлъ тутъ на вѣчныя время: гай отъ ярославскаго жителя. Медведя за 25 золотыхъ, по записи 11 октября 1721 года,—(2) гай тоже отъ ярославскаго жителя Вуры за полдевятнадцать золотыхъ, и записи его отъ 22 октября, 1722 года (3), и еще грунта жителя ярославскаго Крамаря (4) и священника ярославскаго Алексѣя (5), изъ коихъ первый закладывалъ Выдубицкому монастырю свое поле и два гая въ 200 золотыхъ, а послѣдній свои три нивы и другія угодья въ 140 золотыхъ съ обязательствомъ уступить Выдубицкому монастырю заложенныя угодья на вѣчность, въ случаѣ неуплаты одолженныхъ денегъ въ назначенные по условію сроки. Въ 1737 году, генваря 26, Выдубицкій монастырь опять купилъ за 7 руб. плацъ съ хатою у ярославскато жителя Василія Яновскаго (6) и пр. и пр. Для большей же прочности своихъ правъ на новопріобрѣтенныя ярославскія владѣнія, Выдубицкій монастырь чрезъ своего игумена Лаврентія Горку обращался въ свое время съ просьбою къ государю Петру Великому о закрѣпленіи за нимъ этихъ владѣній,— и отъ 20 ноября 1718 года, получилъ на это царскую жалованную грамоту, которою подтверждались всѣ гетманскіе универсалы и другія крѣпости на ярославскіе грунта. Эта грамота въ последствіи для Выдубицкаго монастыря была сильною охраною владѣній ярославскихъ противъ неоднократнаго посягательства тамошнихъ его сосѣдей. Такимъ образомъ, въ замѣну потерь корсунскихъ, Выдубицкій монастырь, въ непродолжительномъ времени, былъ достаточно вознагражденъ пріобрѣтеніями ярославскими.

Кромѣ того, Выдубицкій монастырь пріобрѣлъ еще нѣсколько владѣній и въ другихъ мѣстахъ, и въ самомъ Кіевѣ на Подолѣ пріобрѣлъ нѣсколько дворовъ—дворъ Тадриновъ и Астаматьевъ. Въ 1712 году, 12 октября, „Выдубицкій монастырь купилъ на вѣчность половинную часть мельничнаго у нѣкоей пани Анны Мак-

---

(1) Выд. мон. кн. ак. I, стр. 184 обор.
(2) Выд. мон. кн. ак. X, стр. 64.
(3) Тамъ же, стр. 65.
(4) Тамъ же.
(5) Тамъ же, стр. 64 и 65.
(6) Тамъ же, стр. 66.

симовичевой съ мельницы, стоявшей на собственной Выдубицкаго монастыря земли между селами Хотовомъ и Гвоздовомъ" (1); въ 1714 году, марта 20, онъ купилъ еще у жителя звѣринскаго, своего подданнаго, мельника Максима Максимовича, „принадлежавшую ему послѣдіемъ по отцу изъ либедской вѣчистой того кіевского Выдубицкого монастыря мельницѣ третью часть размѣру вѣчно (2)." Въ 20-хъ годахъ обозрѣваемаго нами времени Выдубицкій монастырь „купилъ во вѣчность за 100 талярей монеты доброй, у извѣстной уже намъ инокини печерскаго женскаго Вознесенскаго монастыря Ѳеодосіи Кондратьевой Хмѣльницкой какую то ея власную дѣдичну, пасѣку и отчизну" (3). Въ 1760 году окт. 1, Выдубицкій монастырь опять купилъ у гадячскаго полковаго судьи Войны его обширное родовое имѣніе въ мѣстечкѣ Лѣткахъ за 750 руб. (4). Нѣсколько раньше этого времени, Выдубицкимъ монастыремъ былъ пріобрѣтенъ и дворъ Тадриновъ. Владѣтель его, Иванъ Герасимовичъ Тадрина, какъ значится въ одномъ документѣ, „завиноватился было на обитель свято Выдубицкую двѣсти талярей битихъ, и обязался „тую столповую суму винную предъ себе до обители святой по волѣ сполна выщати и виплачовати, а за провизію тое суми уступилъ на вѣчно потомніе часы пляцъ свой волній лежачій неподалеку ринку въ пароіи церкви соборной Успенія пресвятыя Богородицы кіевской прозиваемый предромирскій, ему пану Ивану Тадриненну по небощику родичу его въ свѣтскомъ стану бывшому Гарасиму Тадринѣ мещанину кіевскому а въ иноческомъ чину Григорію законнику монастыря катедрального чернѣговского сукцессивне спали и належачій". При этомъ еще панъ Иванъ Тадрина обязался, что, „ежели бы кто мѣлъ о томъ пляцъ законниковъ выдубицкихъ турбовати, то онъ будетъ повиненъ о нихъ въ томъ заступати и боронити" (5). И на самомъ дѣлѣ, въ слѣдъ почти за такимъ обязательствомъ, объявили свои претензіи на Тадриновъ дворъ „панъ Романъ Тихоновичъ бурмистръ и панъ Михайло Корпѣевичъ райца старшій и привернули въ областъ майстратовую пляцъ прозываемый Предромировскій отцемъ честнымъ выдубицкимъ отъ Ивана

(1) Выд. мон. кн. ак. X. стр. 38.
(2) Тамъ же, стр, 14.
(3) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 484.
(4) Выд. мон. кн, ак. X, стр. 42.
(5) Выд. мон. кн. ак. стр. 563.

Тадриненка за долгъ судомъ по облѣку присуженій и отданій“, а привернули къ магистрату этотъ дворъ потому, „что небощикъ Омелько Прохоровичъ того дворика господарь задолжился до майстрату за напитокъ золотихъ шестьдесятъ и полтора золотого зъ тихъ же будинковъ священникомъ за похоронъ и насорокоуетъ счетовалъ золотихъ пятдесятъ также и иншимъ кредиторомъ“. Чрезъ мѣсяцъ, послѣ уступки Иваномъ Тадриномъ своего двора Выдубицкому монастырю т. е. 9 іюня, 1714 года, было учинено въ ратушѣ кіевской разбирательство претензій на этотъ дворъ. Послѣ разбирательства, рѣшено было, чтобы Выдубицкій монастырь заплатилъ кому слѣдовало всѣ недоимки, числившіяся на тадриновомъ дворѣ; Выдубицкій монастырь согласился на это,—и вскорѣ, „19 іюня, до майстрату пришедши обѣ сторонѣ сознали, що зъ собою полюбовне погодились, — его милость отецъ игуменъ всѣ сполна гроши его милости пану бурмистру и пану райцѣ отдалъ, которые они принявши уступили помененныхъ будниковъ, и уже отъ сего часу такъ до нихъ будинковъ, яко и до пляцу панъ бурмистръ, ни райца не интересовались“ (1). Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года Выдубицкій монастырь учинилъ окончательный расчетъ и съ самимъ Иваномъ Тадриною на счетъ его двора: отъ 10 октября Тадрина далъ Выдубицкому монастырю такую росписку, „что онъ бралъ за дворъ проданій въ Кіеви суму належитую отъ отца игумена выдубицкого и отъ братіи тогожъ монастыра золотихъ тристо и талярей десять“ (2). Подобнымъ же образомъ былъ пріобрѣтенъ Выдубицкимъ монастыремъ и дворъ Астаматьевъ въ 1719 году. Въ мартѣ мѣсяцѣ этого года переводчикъ Александръ Гиновскій Астаматій (вѣроятно, служившій при тогдашнемъ кіевскомъ генералъ губернаторѣ, князѣ Димитріи Михайловичѣ Голицынѣ), взялъ было, какъ значится въ его обликѣ, „у превелебного господина отца игумена выдубицкого талярей десять, за которіи гроши заставилъ пляцъ свой властный никому въ чемъ незаведеній, лежачій зъ одну сторону о двору тое же обители светой Выдубицкого монастыря, а зъ другія стороны пана Ильи Загорного, которіи кои гроши, писалъ онъ, еслибы немѣлъ отдать на назначенной термѣнъ до святихъ верховнихъ апостолъ Петра и Павла, тогды въ вѣчность обители светой да будетъ, а перевелебній го-

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 507.

(2) Тамъ же, стр. 508.

сподимъ отецъ игуменъ мнѣ доплатитъ т. е. талярей десять; плацъ теди той есть мнѣ даний въ заслугахъ моихъ отъ сіятельнѣйшего князя Димитрія Михайловича". Чрезъ четыре мѣсяца послѣ того, (20 іюля, 1719 года) Александръ Гиновскій Астаматій умеръ, оставивши послѣ себя наслѣдниками двухъ сыновей Стефана и Кирилла; эти наслѣдники получили отъ Выдубицкаго монастыря, по условію, еще 10 талярей и безпрекословно уступили ему свою отцовскую усадьбу „во вѣчную пасессію". Послѣ того игуменъ выдубицкій Лаврентій Горка съ братіею просилъ кого слѣдовало закрѣпить за Выдубицкимъ монастыремъ астаматьеву усадьбу, — и въ скоромъ времени, отъ 11 августа 1719 года, всѣ представленныя игуменомъ крѣпости на это владѣніе были внесены въ городскія книги, — и вполнѣ были признаны права Выдубицкаго монастыря на сказанный дворъ (1). Чрезъ 10 лѣтъ послѣ того, новопріобрѣтенные дворы Выдубицкаго монастыря Тадриновъ и Астаматьевъ были закрѣплены за нимъ гетманомъ Даніиломъ Апостоломъ, который, кромѣ того, еще освободилъ ихъ отъ воинскихъ постоевъ. Въ 1729 году 22 декабря, онъ писалъ въ своемъ универсалѣ, что „пречестный отецъ іерехимонахъ Василій намѣстникъ монастыря свято-Михайловского Выдубицкого кіевского при поданной своей суплѣцѣ, презентовалъ ему купчіе: едну на дворъ Тадриновскій отъ Ивана Герасимовича Тадрины за подписомъ руки его власной при сознаню добровольномъ предъ кіевскимъ майстратомъ року 1714, мѣсяца марта 19 дня данную. изъ книгъ мѣскихъ права Майдебурскою выписю ствержоную, и въ року 1720, февраля 9, конфирмованную отъ пана бунчучного а нынѣшного обозного енералнаго Якова Лизогуба съ товарищи, которіе отъ покойного антецессора нашего гетмана Скоропадского высланы были въ Кіевъ для для управленія дѣлъ; — другую на дворъ Астаматѣвскій отъ Александра и сына его Кирила Гиновскихъ Астаматѣевъ 1719 году мѣсяца марта 24 дня данную и тогожъ 1719 году, мѣсяца августа 15 дня зъ канцеляріи кіево-губернской по приказу господина губернатора кіевского и камеръ коллегіи президента князя Димитрія Михайловича Голицина съ товарищи виписью ствержденную на которіе двори мененний отецъ намѣстникъ выдубицкій просилъ и нашой конфирмаціи, — и жебы на онихъ дворахъ постоевъ неставлено оборанного унѣверсалу. Мы про то тое отца намѣстника выдубиц-

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 511—513.

шее пренесіе принявши яко помянутіе Тадраны и Астаматѣевскій дворы и по силѣ купчихъ записокъ свято-Михайловской Выдубицкой обители во владѣніе конфирмуемъ, такъ дабы нѣхто законниковъ монастыра свято-Михайловского кіевского въ спокойномъ тихъ дворовъ владѣніи жадной неважился чинити трудности и перемкоди, и постоевъ на оніе двори нераставлено, рейментарско упоминаемъ" (1). Кромѣ всѣхъ вышесказанныхъ пріобрѣтеній, Выдубицкій монастырь, въ 1710 годахъ кажется, закрѣпилъ за собою и тѣхъ подданныхъ Кіево-печерской лавры, которые изъ мѣстечка печерскаго были переселены лаврою на звѣринецъ выдубицкій, по случаю, бывшихъ тогда военныхъ тревогъ, „для лучшей обороны крѣпости печерской". Долго Кіево-печерская лавра несоглашалась выполнить свое обѣщаніе, на счетъ уступки этихъ подданныхъ Выдибицкому монастырю; но наконецъ должна была уступить требованію гетмана Скоропадскаго, принявшаго участіе въ этомъ дѣлѣ. „Содержучи пре то мы, писалъ гетманъ въ своемъ универсалѣ 1713 г., генваря 27, архимандриту печерскому, обоихъ обителей свято-печерской Выдубицкой интересъ, жадаемъ вашой превелебности згодное съ ними отцами выдубицкими о помянутихъ кгрунтамъ учинити помѣркование, же бысмо и мы дри уставичнихъ нашихъ публичнихъ забавахъ отъ тоей турбаціи были волни, и ваша превелебность болшъ неузнавалъ трудности" (2).

Такимъ образомъ Выдубицкій монастырь, въ разсматриваемое нами время, благодаря экономическимъ и административнымъ способностямъ своихъ игуменовъ и покровительству бывшихъ въ то время малороссійскихъ гетмановъ, успѣлъ прибавить къ своимъ старымъ обширнымъ владѣніямъ еще много другихъ новыхъ, довольно значительныхъ.

б) Содѣйствуя Выдобицкому монастырю, какъ мы видѣли, умножать свои владѣнія новыми пріобрѣтеніями и закрѣпляя ихъ своими универсалами, малороссійскіе гетманы постоянно охраняли своею властію и давнія владѣнія монастыря отъ постороннихъ вмѣшательствъ. Недаромъ Выдубицкій монастырь въ своихъ поминникахъ всегда ставилъ на видномъ мѣстѣ имена гетмановъ „своихъ гойныхъ фундаторовъ и покровителей". Прослѣдимъ по возможности въ хронологическомъ порядкѣ подтвердительные и охра-

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 496.

(2) Выд. мон. кн. ак. I, 10—13.

нительные универсалы гетманские на давнія владѣнія Выдубицкаго монастыря въ разбираемый нами періодъ.

Гетманъ Скоропадскій, вскорѣ послѣ своего избранія въ гетманское достоинство, именно въ 1709 году 6 февраля, далъ Выдубицкому монастырю, по его просьбѣ, охранительный универсалъ, „съ таковымъ въ немъ выраженнымъ срогимъ притверженіемъ, пишется въ его экстрактѣ, чтобы какъ великороссійские, такъ и малороссійскіе разныхъ чиновъ народы переѣзжаючи чрезъ вотчину того кіево-Выдубицкаго монастыра—мѣстечко Лѣтки ни подъ какимъ видомъ квартеръ, лошадейного корму и прочихъ издирствъ тамошнимъ обывателямъ нечинили“ (1). Въ 1717 году, ноября 9, былъ данъ Выдубицкому монастырю тѣмъ же гетманомъ Скоропадскимъ универсалъ, „съ прописаніемъ въ немъ всякого званія людямъ, а особенны Кіево-печерскія Лавры законникомъ о томъ, дабы кіево-Выдубицкаго монастыря въ собственные гнилецкіе, куликовскіе и калиновскіе грунта, и находящіеся тамъ разные рыболовные озера ни подъ какимъ видомъ надъ имѣющіяся въ томъ монастирѣ документальніе давніе крѣпости ему гетману по усмотренію представливанные, самоправно не втискалися и въ спокойномъ владѣніи тому кіево-Выдубицкому монастырю препятствія и трудности нечинили, срогаго запрещенія“ (2). Отъ 10 ноября, того же года, данъ былъ Выдубицкому монастырю отъ гетмана Скоропадскаго еще универсалъ, „съ прописаніемъ въ немъ всякого званія людямъ, а особливо вотчинъ печерского монастыря, димерскому и рожновскому городничимъ, о томъ, чтобъ въ пущи Выдубицкаго монастыря рожновскіе и лѣсницкіе не въѣздили, притвержденія, и съ надачею тому же кіево-Выдубицкому монастырю во вѣчное владѣніе сельца Гуты (3)“. Въ слѣдующемъ 1718 году въ одномъ генварѣ мѣсяцѣ, гетманъ Скоропадскій далъ Выдубицкому монастырю три подтвердительные и охранительные универсалы. Изъ нихъ отличаются особенною полнотою и подробностію первый и послѣдній, данные по просьбѣ игумена выдубицкаго Лаврентія Горки въ подтвержденіе правъ на владѣнія осокорскія, лѣсницкія, багриновскія и гнилецкія. „Симъ унѣверсаломъ нашимъ ознаймуемъ, писалъ гетманъ въ первомъ универсалѣ, отъ 12 генваря, ижъ высоце въ Богу превелебный его милость отецъ Лаврентій Горка игуменъ монастыря свято-Михайловскаго Выдубицкаго кіевского зъ братіею,

(1) Выд. мон. кн. ак. X, стр. 42.
(2) Тамъ же, 3 стр. обор.
(3) Тамъ же стр. 37 обор.

ючи въ владѣніи нижеименованніе до обители то ей належащіе маетности и иншіе к грунта т. е. осокорскіе угодья и селище Богриново съ принадлежитостями, одъ начала привелеями князей россійскихъ и королей полскихъ наданными, а потимъ монаршими пресвѣтлѣйшихъ государей нашихъ грамотами (за тѣмъ слѣдуетъ подробное исчисленіе грамотъ на владѣнія осокорскія, богриновскія и лѣсницкія съ подробнымъ указаніемъ ихъ границъ). Мы пре то гетманъ по должности уряду нашего особливе о всякихъ монастирахъ зде въ Малой Россіи сущихъ ку цѣлостному оныхъ и добръ ихъ содержанію старане и призрѣніе имѣючи, поневажъ въ нихъ ежечасная за монаршое пресвѣтлѣйшаго государя нашего Его царскаго Величества достоинство, такожде за насъ въ гетмана и за ввесь въ православіи христіанскомъ утверждаючійся народъ ко обладающему всеми Господу Богу приносится офѣра и молба, чого ради барзей и на обитель Видубицкую кіевскую яко зубожалую респектуючи выдаемъ сей нашъ по прошенію правителя оного игумена превелебного въ Богу его милости отца Лаврентія Горки и всей братіи унѣверсалъ, которого повагою и силою, яко всѣ помянутые маетности, т. е. Сельце Осокорки, селище Багрѣновъ и село Лѣсники зо всѣми оныхъ кгрунтами и угодіями: якъ власне есть выжей сего выразнымъ границъ тихъ добръ до Выдубицкого монастира здавна належачихъ объясненіемъ изображено ствержаемъ. Позволяючи его превелебности отцу игумену зъ братіею тамошнею зупелную въ безперешкодомъ уживанію имѣти власть и обыклое одъ посполитыхъ людей въ предречоныхъ маетностяхъ мешкаючихъ послушенство и повинность, з иншихъ тежъ вышше выраженною границею оцирклiованныхъ кгрунтовъ при тихъ маетностяхъ будучихъ всякіе приходи и пожитки отбирати: такъ абы въ спокойномъ всего того владѣнію нѣкто з старшини и чернѣ войсковыхъ и посполитыхъ рейменту нашого обывателей, особливе превелебніе отцеве законники монастирей кіевскихъ сусѣдственніе кгрунта з видубицкими мѣючіе, довольствуючися всякъ своими добрами, жадной найменьшой его жъ превелебному отцу Лаврентію Горцѣ игуменови монастира видубицкого кіевского з братіею, и это по ныхъ будетъ тамъ въ потомніе часы начальникомъ и сожителемъ не смѣли чинити шкоды, перепоны и трудности пилно мѣти хочемъ, упоминаемъ и рейментарско приказуемъ (1)". Около 1718 года Лавра завладѣла было въ гнилец-

(1) Выд. мон. кн. ак. I, стр. 193—195.

кихъ грунтахъ однимъ будынкомъ, принадлежавшимъ Выдубицкому монастырю; игуменъ его Лаврентій Горка просилъ по этому случаю у гетмана обороны,—и гетманъ отъ 17 января 1718 года далъ Выдубицкому монстырю универсалъ, въ которомъ требовалъ, „абы превелебніе отцеве законники печерскіе помянутый монастыра Выдубицкого будынокъ... любъ возвратили, любъ слушною ценою, якая надлежатиметъ уплатили, и впредъ бы до ихъ видубицкихъ кгрунтовъ, прибавлялъ гетманъ, ку обидѣ то я обители нѣякого не мѣли дѣла поважаю сегожъ унѣверсалу нашого варуемъ (1)“. На другой день, послѣ того, гетманъ Скоропадскій выдалъ Выдубицкому монастырю еще одинъ универсалъ, которымъ закрѣплялъ за нимъ владѣнія гнилецкія, куликовскіе. Упомянувши въ документѣ о прежде утвержденныхъ правахъ Выдубицкаго монастыря на эти владѣнія и опредѣливши подробно ихъ границы, — гетманъ, въ заключеніе, писалъ: „повагою универсала нашого пилно варуемъ, и сурово грозимъ, абы нѣхто з старшины и чернѣ войскового и посполитою чина людей а особливе превелебніи отцеве законники Кієво-печерской Лавры надъ древніе правніе крѣпости, паче же надъ преможнѣйшіе монаршіе царскаго пресвѣтлого Величества грамоты и антецессоромъ нашихъ потвершаня жадной найменшой отцемъ выдубицкимъ подлугъ прежняго состоянія въ спокойнемъ тихъ всѣхъ кгрунтовъ въ описанниимъ границъ положенемъ владѣнію и заживанію неважился чинити перешкоти, трудности и препятія рейментарско упоминаемъ и пилно приказуемъ. Еслибы тежъ по семъ нашемъ унѣверсалѣ, прибавлялъ гетманъ, мѣла одъ кого въ держаню преречанихъ добръ отцемъ видубицкимъ дѣятеля кривда и долегливость, таковового всякого яко преслушника монаршихъ въ граматахъ изображенныхъ указовъ, а послядователно и нашой гетманской виразной конфѣрмаціи позволяемъ за тое грабити и забѣрати“ (2). Подобный универсалъ, въ подтвержденіе всѣхъ владѣній Выдубицкаго монастыря— звѣринскихъ, осокорскихъ, гнилецкихъ, багриновскихъ, мѣсницкихъ, санноедскихъ, лѣтковскихъ, рожновскихъ, ярославскихъ и селища Гуты— былъ данъ ему и въ 1729 году февраля 5, гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Даніиломъ Апостоломъ. Упомянувши въ немъ о прежнихъ подтвердительныхъ гра-

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 203.

(2) Тамъ же стр. 204.

этахъ и универсалахъ, данныхъ на эти владѣнія, гетманъ между прочимъ писалъ, что онъ, „желаючи дабы обители святіе и православніе церкви Божіе всегда въ приличномъ благолѣпіи и добросостояніи для хвалы Божой обрѣтались,... велѣлъ видать сей универсалъ, которымъ всѣ яко вышъ прописанніе кгрунта, млини и всякіе угодья той михайловской видубицкой кіевской обители... въ спокойное владѣніе конфѣрмуемъ, такъ дабы въ ономъ владѣніи нѣхто зъстаршины и черни войскового духовного и посполитого стану.... не смѣли и не важилися чинити жадной трудности и препятствія; войты зась (окрестные) зо всѣми посполитыми людьми отдавалибъ помянутому монастиреви надлежащое подданское послушенство и повинность, мѣти хощемъ и рейментарско приказуемъ“ (1). Въ 1745 году октября 8, по просьбѣ игумена выдубицкаго Гавріила съ братіею, Выдубицкому монастырю была дана высочайшая грамота, которою императрица Елисавета Петровна подтвердила представленные ими прежнія грамоты царскіе, привилегіи королевскія и универсалы гетманскіе на всѣ владѣнія монастырскія, именно на усадьбу гору звѣринецъ, на перевозъ лыбедскій, на поля, острова и сѣнокосы осохорскіе, на грунта багриновскіе, гомлецкіе и куликовы на кальный лугъ, также на селища Лѣсники, Свиноеды, Лѣтковичи и Рожны съ принадлежностями, на село Дацки, Таращичи и хуторъ Прутилцы съ мельницами, полями, гаями, лѣсами, пасѣками и другими угодьями въ Корсунщинѣ и пр. Высчитавши подробно въ этой грамотѣ всѣ владѣнія Выдубицкаго монастыря и документы на нихъ (до 13), императрица такъ писала: „Того ради мы императорское Величество, призирая на тотъ Михайловскій Выдубицкій монастырь всемилостивѣйше жалуемъ и повелѣваемъ какъ нынѣшнему оного монастира игумену Гавріилу зъ братіею, такъ и кто впредь игуменъ и братія въ ономъ монастырѣ будутъ всѣми выше писанными въ тѣхъ жалованныхъ грамотахъ въ королевскихъ привилегіяхъ и гетманскихъ универсалахъ маетностями, селами, деревнями, мельницами, перевозомъ на Либеди и прочими принадлежащими тому монастырю угодіи, что послѣ за тѣмъ монастыремъ дѣйствительно въ свободномъ и безпрепятственномъ владѣніи имѣется и въ чемъ спору не будетъ“ (2)... Кромѣ того,

---

(2) Выд. Мон. кн. ак. IX, стр. 126.

(1) Тамъ же, стр. 206.

въ 1760 году, 31 декабря, была дана Выдубицкому монасты рю еще одна высочайшая царская грамота въ подтвержденіе уни версала, даннаго гетманомъ Даміаномъ Игнатовичемъ (1670 Марта 25) на мѣстечко Лѣтки и деревню Рожны. Есть оди документъ, изъ котораго видно, что, въ разсматриваемое на время, Выдубицкій монастырь обращался и къ королямъ пол скимъ съ просьбою, если не объ утвержденіи его старинны правъ, то по крайней мѣрѣ о засвидѣтельствованіи подлинност нѣкоторыхъ старинныхъ документовъ на эти права. Такъ, 1752 году, 6 сентября, по просьбѣ выдубицкаго игумена, в данъ былъ Августомъ III Выдубицкому монастырю экстрактъ и литовской метрики на его звѣринскія владѣнія. Приведши бу вально грамоту Сигизмунда Августа, данную имъ на Звѣринец Выдубицкому монастырю игумену Григорію Швабѣ, съ точны опредѣленіемъ границъ, сдѣланнымъ Константиномъ Острожски въ 1568 году, іюля 5, Августъ III въ заключеніе писалъ: „М король выше приведенный привилей велѣли выдать изъ книг метрики канцеляріи нашей,— и для большей достовѣрности пр казали приложить печать Великаго Княжества Литовскаго (1). Кромѣ исходатайствованія выше приведенныхъ подтвердительны грамотъ и универсаловъ на владѣнія Выдубицкаго монастыр игумены его, въ разсматриваемое нами время, въ охрану этих владѣній, дѣлали многочисленныя выписки изъ древнихъ ак товъ,— завѣряли ихъ въ судебныхъ мѣстахъ, дѣлали подроб нѣйшіе своды документовъ, то на всѣ владѣнія вообще, то н нѣкоторыя изъ нихъ въ отдѣльности,— писали подробные алфа витные указатели на самыя незначительныя части изъ этихъ вла дѣній, составляли подробныя историческія записки о каждом изъ владѣній и пр. и пр. (2). И вся эта многотрудная рабо та со стороны выдубицкихъ игуменовъ была вызвана тѣми на падками, которые, и особенно теперь, приходилось выдержи-

(1) Выд. Мон. кн. ак. I, стр. 188—190.

(2) Этимъ особенно ретиво занимался дѣятельнѣйшій изъ вы дубицкихъ игуменовъ, Іаковъ. Отъ его времени до селѣ остают ся въ архивѣ Выдубицкаго монастыра 10 книгъ разныхъ годовъ въ копіяхъ документовъ на владѣнія монастыря, также множество раз наго рода другихъ оффиціальныхъ бумагъ по дѣлу о спорныхъ владѣніяхъ между Кіево-печерскою лаврою и Выдубицкимъ монас тыромъ.

вать Выдубицкому монастырю съ разныхъ сторонъ, а особенно со стороны своей давней богатой соперницы — Кіево-печерской лавры.

При всѣхъ тѣхъ пріобрѣтеніяхъ, которыя сдѣлалъ Выдубицкій монастырь въ разсматриваемое нами время и при всемъ томъ покровительственномъ вниманіи, которымъ пользовался въ эту эпоху, Выдубицкій монастырь со стороны верховной власти,— этотъ періодъ въ исторической жизни Выдубицкаго монастыря нельзя однакоже назвать особенно для него счастливымъ. Постоянныя нападенія со стороны сосѣдей владѣльцевъ почти во всѣхъ его имѣніяхъ и оффиціальные судебные споры съ ними нарушали спокойствіе монастырской жизни и лишали ее многихъ матеріальныхъ выгодъ, пока наконецъ не привели къ окончательному отчужденію его владѣній и съ ними соединенныхъ выгодъ. Теперь, въ продолженіи 80-лѣтней своей жизни, Выдубицкій монастырь велъ до 30, болѣе или менѣе важныхъ, тяжебныхъ дѣлъ, изъ коихъ къ 1786 году было окончено около 20, хоть и не всѣ въ его пользу, а около десятка дѣлъ остались неоконченными (1). Теперь Выдубицкому монастырю приходилось вести тяжебныя дѣла то съ Злато-верхо-михайловскимъ монастыремъ, то съ женскимъ Флоровскимъ монастыремъ, то съ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Леонтьевымъ и оберъ-комендантомъ Небишевымъ, то съ генералъ-порутчикомъ, камергеромъ Дараганомъ, то съ семипольскими владѣльцами, то, наконецъ, съ козацкими старшинами, бунчуковыми, значковыми товарищами и сстенными атаманами. Особенно былъ тяжелъ для Выдубицкаго монастыря тяжебный споръ его съ Кіево-печерскою лаврою, какъ по его широтѣ и продолжительности, такъ и по неравномѣрности силъ споривших сторонъ. Какъ намъ уже извѣстно, Лавра и прежде не мирила съ Выдубицкимъ монастыремъ; но то были споры какіе нибудь частные мѣстные продолжавшіеся не больше 2-хъ, 3-хъ, 5-ти лѣтъ: теперь же Лавра одновременно подняла протестъ противъ всѣхъ почти владѣній Выдубицкаго монастыря, противъ подлинности его древнихъ документовъ,— и эта обоюдная тяжба велась, съ нѣкоторыми промежутками, съ самаго начала и почти до конца прошедшаго столѣтія. Этотъ спорный узелъ, кажется, завязывался бы больше и больше, еслибы не былъ разсѣченъ указомъ 1796 года объ отобраніи монастыр-

(*) Выд. Мон. дѣл. № 18 и 19.

скихъ имѣній. Чтобы видѣть, какъ ловко и глубоко подкапывалась теперь Кіево-печерская лавра подъ всѣ владѣнія Выдубицкаго монастыря, приведемъ тутъ нѣсколько словъ изъ ея челобитья, поданнаго Петру Великому на Выдубицкій монастырь въ 1718 году 19 іюня; она тутъ писала между прочимъ, что „во время бытности Кіева подъ владѣніемъ польского господарства кіевская митрополія была подъ правительствомъ митрополитовъ уніятскихъ, которые, по ненависти своей къ Печерской обители православія, непоколебимо держащейся (не могучи ни какими мѣрами къ своему привлещи зловѣрію) различными способы чинили обиды и разоренія, и безъ всякой причины, старинныя оной обители вотчины и земли, которыя издревле фундаторы и ктиторы благочестивыя къ оной уступали, а иные покупные нагло отнимали и на оные великими своими неправдами и подлогомъ у королей польскихъ многія привиліи и декреты исходатайствовали и владѣли оными многіе годы напрасно, а въ прошлыхъ годѣхъ по челобитью бывшаго Кіево-печерскія лавры архимандрита Елесея Плетепецкаго и по свидѣтельству старинныхъ ихъ крѣпостей и жалованныхъ грамотъ по указу короля польского всѣ их уніятскіе крѣпости отставлены и уничтожены, и напрасно завладѣнные вотчины и земли отданы Кіево-печерской лаврѣ по прежнему. И какъ оные унѣяцкіе митрополиты изъ Кіева изгнаны, и въ то время тѣ уничтоженные привилегіи остались въ Выдубицкомъ монастырѣ, по которымъ того монастыря игумени тѣ вышеписанные вотчины и земли почали паки присвоять къ себѣ, за что съ обѣихъ сторонъ чинилися и нынѣ чинятся многіе ссоры, а между подданными монастырскими драки и грабежи" (1). Дѣло было представлено какъ будто правдоподобно; а между тѣмъ въ существѣ его была фальшь. Какъ видно изъ представленнаго нами очерка древняго до уніятскаго періода жизни Выдубицкаго монастыря, — и тогда еще этотъ монастырь пользовался тѣми владѣніями, которыя теперь Лавра несправедливо относила къ уніятскому періоду. При томъ же, отъ чего Лавра не протестовала противъ такого мнимаго подлога со стороны Выдубицкаго монастыря въ XVII столѣтіи когда еще преданіе было свѣжо, и легче было открыть и доказать злоупотребленіе, если бъ оно было въ дѣйствительности? Мы надѣемся, что пред-

(1) Выд. Мон. кн. ак. VII, стр. 1. 2.

ставленная нами исторія Выдубицкаго монастыря послѣ уніятскаго періода совершенно опровергаетъ въ общихъ чертахъ выше приведенный нами протестъ Лавры противъ, якобы, несправедливаго занятія лаврскихъ владѣній Выдубицкимъ монастыремъ. Къ этому мы еще можемъ прибавить то, что въ грамотѣ Сигизмунда III, данной Кіево-печерской лаврѣ на имя Елисея Плетенецкаго въ 1618 году, въ числѣ, возвращаемыхъ Лаврѣ, прежде захваченныхъ уніятами, владѣній, не упоминается ни объ одномъ изъ владѣній Выдубицкаго монастыря. Ставши такимъ образомъ на ложную дорогу, Лавра усиливалась теперь всевозможными способами заподозрить подлинность документовъ Выдубицкаго монастыря на всѣ его владѣнія— и лыбедскія, и звѣринскія, и багриновскія, и гнилецкія, и осокорскія (*); слабость же своихъ положительныхъ доводовъ въ этомъ случаѣ она неоднократно оправдывала пожаромъ 1718 года, будто бы истребившимъ почти всѣ документы Лавры. Ходъ этого спорнаго дѣла между Лаврою и Выдубицкимъ монастыремъ такъ охарактеризованъ, въ общихъ чертахъ, въ одномъ рапортѣ Выдубицкаго монастыря, представленномъ въ 1780-хъ годахъ митрополиту кіевскому Гавріилу, по его требованію. „Споры между Печерскою лаврою и Выдубицкимъ монастыремъ о земляхъ багриновскихъ, лыбедскихъ, звѣринскихъ и осокорскихъ начались изъ давнихъ временъ еще до 1700 года,— говорилось въ этомъ репортѣ,— и производились въ разныхъ судебныхъ мѣстахъ до 1718 году,— а того 1718 года игуменъ выдубицкій Лаврентій Горка съ братіею, видя частіе— отъ лавры Печерскія нападенія, какъ на монастырь Выдубицкій, такъ и на земли, поданного къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичу Самодержцу всероссійскому челобитного просилъ спорныя земли съ Кіево-печерскою Лаврою размежевать, по которому оного Выдубицкаго монастыря игумена Лаврентія Горки прошенію и грамота о размежеваніи оныхъ спорныхъ земель выдана

(*) Выд. Мон. кн. ак. VII, стр. 142—145. Выдубицкій монастырь, оправдываясь, въ свою очередь доказывалъ неподвинность нѣкоторыхъ документовъ на лаврскія владѣнія; такъ, между прочимъ, противъ подлинности извѣстной грамоты князя Китая (Андрея Боголюбскаго) было представлено Выдубицкимъ монастыремъ нѣсколько десятковъ возраженій, довольно сильныхъ. Отдѣл. рук. арх. Выд. Монаст.

была, къ которому разнежеванію комисары назначены были (слѣдуютъ названія комиссаровъ), кои комисары за выѣздомъ на спорные земли требовали какъ отъ Лавры Печерской, такъ и отъ Выдубицкаго монастыря крѣпостей, почему отъ Выдубицкаго монастыря 1720 году, августа 4 дня крѣпость представлена, и начали были чинить разборъ, точію некончено потому, что Лавра видя свою несправедливость просила гетмана Ивана Скоропадскаго 1721 году о наслѣдствіе пріостановить яко бы потому что крѣпости письменные лаврскіе къ той комиссіи потребные въ Москвѣ и по иныхъ малороссійскихъ городахъ еще не всѣповыписываны и исправлены, которая комиссія и пріостановлена, а и съ того времени Печерская Лавра разные происки дѣлаетъ дабы оное дѣло въ окончаніе прійтить не могло, почему безъ окончанія и продолжалось до учрежденія въ Малой Россіи судовъ земскихъ кгородскихъ, и проч. Въ самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ этого же самаго рапорта Выдубицкаго монастыря, выдубицкіе игумены съ 1750 года больше 15 разъ пытались было миролюбно покончить свои споры съ Лаврою но это имъ не удавалось по разнымъ отговоркамъ со стороны Лавры,— а въ 1777 году марта 8 дня, на личную просьбу о примиреніи монастырей, предложенную выдубицкимъ игуменомъ Мелхиседекомъ, бывшій въ то время намѣстникъ Лавры Каллистъ, „пришедшій тогда изъ присутствія собору при бытности отца архимандрита Зосимы въ келіи архимандричой прямо сказалъ, что Лавра не намѣрена миролюбно сходиться ни о какихъ спорахъ, а пусть же суды разбираютъ, оны же на то устроены“ (*). Послѣ такихъ неудачныхъ попытокъ къ дружелюбному примиренію съ Лаврою и вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду невыгоднаго для себя судебнаго исхода дѣла, Выдубицкій монастырь былъ вынужденъ въ 1781 году, августа 23 дня, апеллировать въ кабинетъ императрицы Екатерины (**). Между тѣмъ, стали тогда принимать живое участіе въ вѣковомъ спорѣ Лавры съ Выдубицкимъ монастыремъ кіевскій Гавріилъ и архіепископъ новгородскій Гавріилъ; оба они старались предотвратить хоть на нѣкоторое время общую великую потерю всѣхъ малороссійскихъ монастырей— отобраніе ихъ имѣній. Въ 1781 году, ар-

(*) Тамъ же.

(**) По этому дѣлу и по 1786 годъ не было никакой Высочайшей резолюціи. Арх. Выд. Мон. дѣл. № 5.

хіепископъ новгородскій писалъ объ этомъ въ предосторожность и митрополиту кіевскому Гавріилу и архимандриту Лавры Зосимѣ. Митрополитъ Гавріилъ, въ свою очередь, извѣщалъ объ этой опасности архимандрита Лавры съ просьбою скорѣе покончить дѣло съ Выдубицкимъ монастыремъ миролюбно. Такимъ образомъ завязалась переписка между кіевскимъ митрополитомъ и двумя спорившими монастырями, на счетъ ихъ миролюбнаго соглашенія; но она тоже ни къ чему не привела, не смотря на ту энергію, съ которою велась. Отъ 15 сентября, 1781 года, митрополитъ кіевскій такъ писалъ архимандриту Лавры: „Преосвященный архіепископъ новгородскій Гавріилъ прошедшаго августа отъ 12 числа въ письмѣ своемъ, мною текущаго сентября 10 полученномъ, формально и точно прописываетъ нижеслѣдующее: выдубицкіе монахи опять пріѣхали въ Петербургъ: таковые просители только что возбуждаютъ вниманіе къ вотчинамъ вашимъ. Ваше преосвященство (?) можете отвратить нарѣканіе и возставить безопасность, когда примете трудъ изыскивать у себя къ примиренію средства. И какія могу я сыскавать средства, въ дѣла вотчинныя никогда невходяй, какъ и въ выдубицкіе съ Лаврою, кромѣ что сообщеніе только съ вашимъ высокопреподобіемъ возъимѣть. Выше писанные преосвященного рѣчи каковъ въ себѣ предмѣтъ и провѣщаніе содержатъ ваше высокопреподобіе довольно изволите понимать, то есть, какъ и я думаю, отнятіе у насъ всѣхъ вотчинъ. И такъ ежели ваше высокопреподобіе жалуете все духовенство малороссійское и не желаете толь великую потерю всѣмъ претерпѣвать, то и совѣтую чистосердечно по вашему высокопреподобію употребить миролюбивыхъ средствій съ выдубицкимъ и съ другими, съ коими споръ Лавры о земляхъ имѣется монастырями,.... дабы предупредить и отвратить оную потерю и нарѣканіе предвѣщаемыя, и что на сіе соблаговолите прошу всеприлежно удостоить меня письменнаго отвѣта неукоснительно, дабы я такожъ могъ равно возотвѣтствовать къ писавшему ко мнѣ“ (*). Съ искренными чувствами благодарности и миролюбія отозвался, какъ на это письмо митрополита, такъ и на письмо архіепископа новгородскаго, архимандритъ Лавры Зосима. Онъ просилъ митрополита быть посредникомъ въ этомъ непріятномъ спорѣ,— приказать Выдубицкому монастырю пріостановить

(*) Арх. Выд. Мон. дѣл. № 26.

его аппелляцію, поданную незадолго предъ тѣмъ въ кабинетъ Государыни, и приступить къ обоюдному миролюбному соглашенію. На такое требованіе митрополита Выдубицкій монастырь отвѣчалъ, что онъ давно желаетъ примиренія, но остановить въ настоящемъ случаѣ аппелляцію не можетъ, потому что она, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, была уже подана въ кабинетъ повѣреннымъ Выдубицкаго монастыря; впрочемъ Выдубицкій монастырь обѣщалъ немедленно подать просьбу куда слѣдовало объ уничтоженіи силы аппелляціи, лишь только Лавра приступитъ къ миролюбному соглашенію. Подъ этимъ доношеніемъ митрополиту подписалось 13 братіи Выдубицкаго монастыря. Но потомъ, кажется, это дѣло заглохло, а чрезъ годъ — другой опять начались споры лаврскихъ подданныхъ съ выдубицкими и обоюдныя грабительства чужихъ владѣній, вызывавшія новые споры между властями монастырскими. Отъ 23 октября, 1784 года, архимандритъ Лавры Зосима уже писалъ игумену выдубицкому Герониму, „о прихвачиваніи лаврскихъ земель выдубицкими подданными,“ — а игуменъ Геронимъ, въ свою очередь, незадолго предъ тѣмъ, двумя письмами жаловался архимандриту Лавры на то, что „подданные лаврскіе вдираются въ земли Выдубицкаго монастыря.“ Между тѣмъ, тотъ и другой съ жаромъ толковали на бумагѣ о примиреніи,— хотя изъ этого на дѣлѣ ничего не выходило. Въ такомъ положеніи засталъ оба спорившіе монастыря и грозный указъ 1786 года объ отобраніи имѣній всѣхъ малороссійскихъ монастырей въ казну. Такова была внѣшняя исторія Выдубицкаго монастыря въ разбираемый нами періодъ.

Изображая историческую судьбу Выдубицкаго монастыря въ предыдущихъ періодахъ его существованія, мы почти исключительно говорили только о томъ, какъ Выдубицкій монастырь пріобрѣталъ, закрѣплялъ и отстаивалъ отъ постороннихъ вмѣшательствъ свои владѣнія, прибавляя иногда замѣчанія и о томъ, какъ онъ пользовался своими владѣніями для выгодъ личныхъ и общественныхъ; словомъ, мы доселѣ изображали почти только внѣшнюю жизнь Выдубицкаго монастыря; и это потому, что въ архивѣ выдубицкомъ мы почти не находили никакихъ памятниковъ касавшихся его тогдашней внутренней жизни. Теперь же при обзорѣ намѣченнаго нами періода, мы можемъ сказать кое что и о внутренней жизни Выдубицкаго монастыря; и мы скажемъ

объ этомъ нѣсколько словъ на сколько позволятъ говорить отрывочныя свѣденія архива выдубицкаго.

Въ разсматриваемое нами время Выдубицкій монастырь представлялъ во всѣхъ частяхъ своего управленія довольно сложную и стройную организацію. Во главѣ всей братіи выдубицкой стоялъ игуменъ, избранный свободными голосами братіи, почти всегда изъ своей среды; только уже къ концу этого періода такой порядокъ сталъ мало по малу измѣняться, уступая централизаціонной распорядительности высшаго духовнаго начальства,— митрополичьей власти. Вступивши въ права игумена, каждый изъ выдубицкихъ игуменовъ пользовался въ средѣ своей братіи не только совѣщательнымъ, но и рѣшительнымъ голосомъ во всѣхъ монастырскихъ дѣлахъ экономическихъ, судебныхъ и религіозно-нравственныхъ: онъ, то утверждалъ опредѣленія монастырскаго духовнаго собора, то измѣнялъ ихъ,— и вообще заправлялъ дѣлами монастыря, хотя во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствовалъ не безъ контроля со стороны братіи. Недовольная братія легко могла возстать противъ своего игумена,— судить его своимъ судомъ,— въ случаѣ надобности, отрѣшить его отъ должности и даже удалить изъ своего монастыря. Зависимость же Выдубицкаго монастыря отъ кіевской митрополичьей каѳедры, особенно въ первой половинѣ разбираемаго нами времени, была очень слабая: митрополиты только рукополагали въ священныя степени монашествующихъ и другихъ,— и то по представленію игуменовъ и братіи; только уже къ концу этого періода митрополиты кіевскіе получали отъ игуменовъ выдубицкихъ кое какія вѣдомости о состояніи монастыря. Число монашествующихъ въ Выдубицкомъ монастырѣ теперь было не одинаково; однакоже всегда было довольно значительное. Такъ, напр., въ отчетѣ 1746 года значится, что тогда было собственно въ монастырѣ постоянныхъ іеромонаховъ 10, іеродіаконовъ 5, монаховъ 5, послушниковъ 25,— наемныхъ монастырскихъ людей 10,— присланныхъ по указу іеромонаховъ безъ священнодѣйствія 4; а внѣ монастыря въ разныхъ монастырскихъ владѣніяхъ тогда было 2 іеромонаха и 6 монаховъ (*). Само собою разумѣется, что съ того времени число монашествующихъ въ Выдубицкомъ монастырѣ увеличивалось прогрессивно. Монастырскія должности въ 1746 году были такія:

(*) Выд. Мон. дѣл. № 43.

игуменъ, намѣстникъ, духовникъ, уставникъ, клирошане, экклесіархъ, шафаръ, пономаръ, трапезный, дзигаристръ, палатный, писарь, поваръ, городничіе, начальникъ мельницы, насѣзникъ, гуменникъ, футорной, конюшій, слесарь, кравецъ и др. (*). Болѣе почетнѣйшіе изъ іеромонаховъ и вообще монаховъ выдубицкихъ составляли духовный соборъ, который имѣлъ засѣданія нѣсколько разъ въ седмицу; его разныя опредѣленія записывались въ книги и утверждались игуменами (**). Экономическими дѣлами въ монастырѣ ближайшимъ образомъ распоряжался шафаръ. Къ нему непосредственнымъ образомъ относились разные городничіе, — начальники отдѣльныхъ владѣній Выдубицкаго монастыря; къ шафару они высылали ежегодно свои отчеты, которые повѣрялись соборомъ. Городничіе монастырскіе въ своемъ округѣ сосредоточивали въ себѣ власть и экономическую, и административную, и религіозно-нравственную. Они завѣдывали монастырскими имѣніями тамъ, гдѣ онѣ не отдавались въ аренду, — пахали, жали, косили и пр. и пр. и въ извѣстныя времена доставляли въ монастырь потребное количество собранныхъ ими плодовъ; это были своего рода фермы, подчиненные центральной монастырской власти. Монастырскіе городничіе слѣдили въ нѣкоторомъ отношеніи и за подвѣдомыми имъ монастырскими подданными, — за ихъ матеріальными и нравственными трудами. Требуя отъ монастырскихъ подданныхъ, въ продолженіи года, нѣсколько десятковъ дней работы въ пользу монастыря, шафары предоставляли имъ очень достаточно времени трудиться и на себя, — а кое кого изъ нихъ за усердную службу монастырю снабжали даромъ то тѣмъ, то другимъ; иногда давали имъ даромъ лѣсъ на постройку, а иногда отпускали имъ на извѣстные сроки земли пахатной, или сѣнокосной и пр. Выдубицкій монастырь, чрезъ своихъ городничихъ, заботился и о возможномъ по тому времени благолѣпіи храмовъ въ его вотчинахъ, — при нуждѣ снабжалъ нѣкоторые изъ храмовъ то богослужебными книгами, то священными одеждами, то другимъ чѣмъ нибудь. Приходскіе священники вотчинъ выдубицкихъ подлежали также почти исключительному вѣденію монастыря. *Промовавшійся* во священника въ какую нибудь вотчину Выдубицкаго монастыря, долженъ былъ предварительно взять одобреніе отъ

(*) Тамъ же.

(**) Нѣсколько такихъ книгъ изъ прошедшаго столѣтія и доселѣ хранятся въ архивѣ Выдубицкаго монастыря.

своихъ будущихъ прихожанъ, условившись напередъ съ ними о платѣ за требы,— и рекомендацію отъ мѣстнаго монастырскаго городничаго; тогда уже онъ обращался съ просьбою къ игумену монастыря о назначеніи его на мѣсто. Получившему на это согласіе отъ игумена ничего уже не стоило „высвятиться во священника“; потому что рукополагавшій архіерей въ согласіи игумена на посвященіе находилъ достаточный документъ, нужный для рукоположенія. Рукоположенный же священникъ въ какую нибудь вотчину монастырскую, во все время своей службы, былъ всегда подъ ближайшимъ контролемъ монастырскаго городничаго и подъ верховнымъ смотрѣніемъ собора монастырскаго, или лучше, игумена, который управлялъ всѣмъ бѣлымъ духовенствомъ своихъ вотчинъ чрезъ избранныхъ протопоповъ. Зависимость священниковъ монастырскихъ вотчинъ отъ игуменовъ доходила до того, что, безъ позволенія послѣднихъ, первые не должны были никого вѣнчать изъ монастырскихъ подданныхъ.

Въ самомъ монастырѣ Выдубицкомъ теперь было 5 церквей: 1) въ память чуда святаго Архистратига Михаила; 2) въ память Благовѣщенія пресвятой Богородицы (въ одномъ зданіи); 3) во имя святаго великомученика Георгія; 4) Трапезная Преображенская и 5) во имя святаго пророка Даніила, во второмъ этажѣ колокольни. (Эта церковь, вѣроятно, тутъ была устроена паномъ Миклашевскимъ, строителемъ Георгіевской церкви). Въ одной изъ этихъ церквей богослуженіе совершалось всякій день, а въ остальныхъ, только въ нѣкоторые дни седмицы (*). Что же касается до религіозно-нравственной жизни монашествующихъ этого времени вообще; то едва-ли можно считать ее образцовою. Какъ во всѣхъ монастыряхъ того времени вообще, такъ и въ Выдубицкомъ въ частности, монашествующіе были заражены мірскимъ хозяйственнымъ направленіемъ и сутяжничествомъ (**), и нѣкоторые изъ нихъ не

(*) Выдуб. Мон. дѣл. № 43.

(**) Въ эти времена Выдубицкій монастырь не считалъ неприличнымъ устроять винокуренные заводы,—заводить шинки, и даже назначать монаховъ для выдѣлки водки и ея продажи. Такъ, напр., при игуменѣ Антоніи Почекѣ, говорится въ одномъ документѣ, «монахъ Іосифъ въ Лѣсникахъ, во весь 1756 годъ а въ 1757 года, съ генваря по юль мѣсяцъ, з монастырского и покупного борошна дѣлалъ сивуху на чотири казаны и продавалъ; монахъ Іустиніанъ въ 1757 году съ генваря по юль мѣсяцъ дѣлалъ въ футорѣ с покупного и монастырского борошна на 4 казалы сивуху и продавалъ;

чужды были такихъ грубыхъ пороковъ, какъ пьянство, бродяжничество и под., что видно изъ протокольныхъ книгъ собора; за то и наказанія за подобныя преступленія были также грубы, напр. біеніе розгами въ трапезѣ или на конюшнѣ, заключеніе въ колоду, или въ куну. Не наводя однакоже укора на тогдашнюю монастырскую жизнь, мы должны сказать, что она совершенно соотвѣтствовала окружавшей ее средѣ, современности и обстоятельствамъ политическимъ. Таковъ былъ общій уровень жизни Выдубицкаго монастыря въ разбираемое нами время. Этотъ уровень однакоже то повышался, то понижался, смотря по тому, кто стоялъ во главѣ монастырской корпораціи.

Вообще объ игуменахъ Выдубицкаго монастыря этого времени нужно сказать, что они большею частью, по примѣру своихъ предшественниковъ, были достойны своего званія; особенно нѣкоторые изъ нихъ отличались умомъ и энергіею, и вполнѣ заслужили для себя добрую, вѣчную память обители. Въ средѣ такихъ достопочтенныхъ лицъ выдается только одинъ недостойный игуменъ, котораго современная ему монашествующая братія оффиціально обличала и, кажется, по заслугамъ въ небреженіи о монастырскомъ хозяйствѣ и даже въ похищеніи кое чего монастырскаго то въ свою пользу, то въ пользу своихъ родныхъ; это былъ игуменъ Антоній Почека, начальствовавшій надъ Выдубицкимъ монастыремъ въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ XVIII столѣтія; онъ, кажется, и лишенъ былъ игуменскаго достоинства, по настоянію братіи монастыря (*). За исключеніемъ Антонія Почеки, всѣ почти остальные игумены выдубицкіе, какъ мы сказали выше, были люди очень достойные: каждый почти изъ нихъ, кромѣ обыкновенныхъ заботъ по монастырѣ, еще чѣмъ нибудь особеннымъ послужилъ своей обители, и другіе, кромѣ того, еще несли и стороннія

іеродіаконъ Анемнодистъ палатній въ весь 1756 годъ з братерскихъ ліоховъ вишневку, сливянку, медъ, пиво продавалъ; іеродіаконъ Іоанникій также шафаръ Лѣсницкій въ 1758 году с генваря по іюль мѣсяцъ с покупкою и монастырского борошна на 4 казаны дѣлалъ сивуху и продавалъ...; монахъ Питиримъ въ футорѣ монастырскомъ с декабря 1758 по 1759 года май мѣсяцъ на 4 казаны дѣлалъ сивуху и продавалъ; и нынѣ въ томъ же футорѣ монастырскомъ въ тойже должности съ августа находится». И о бо всемъ этомъ говорится въ такомъ тонѣ, какъ будто такъ и слѣдовало быть. Выд. Мон. арх. дѣл. № 11.

(*) Тамъ же.

обязанности по епархіальному управленію,— были, то членами консисторіи, то каѳедральными писарями. Нѣкоторые изъ настоятелей выдубицкихъ были въ званіи архимандритовъ, нѣкоторые потомъ достигли епископскихъ степеней, а одинъ изъ нихъ даже былъ въ послѣдствіи митрополитомъ, сначала кіевскимъ, а потомъ московскимъ,— разумѣемъ Тимоѳея Щербацкаго. Въ хронологическомъ порядкѣ выдубицкіе игумены разсматриваемаго нами періода слѣдовали такимъ образомъ: послѣ Варлаама Страховскаго (1696—1711 г.), былъ игуменомъ Лаврентій Горка (1711—1718 г.); потомъ были настоятелями: игуменъ Аѳанасій Миславскій (1718—1720 г.), игуменъ Венедиктъ (1720—1722 г.), игуменъ Ѳеодосій Хомѣнскій (1722—1738 г.), игуменъ Тимоѳей Щербацкій (1738—1740 г.), игуменъ Гавріилъ Леопольскій (1740—1748 г.), игуменъ Викентій Велюцкій (1748—1752 г.), архимандритъ Леонтій Злотницкій (1752—1757г.); игуменъ Антоній Почека (1757—1763 г.); архимандритъ Митрофанъ Горленко (1763—1766 г.), игуменъ Сиѳъ Гамалѣя (1766—1768 г.); игуменъ Яковъ Воронковскій (1768—1774 г.); игуменъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій (1774—1784 г.) и наконецъ игуменъ Іеронимъ (1784—1791 г.). Игуменъ Варлаамъ Страховскій, кромѣ того, что содѣйствовалъ освобожденію Выдубицкаго монастыря отъ подчиненія его кіевскимъ митрополитамъ, еще съумѣлъ прибавить, какъ мы уже видѣли, къ его прежнимъ владѣніямъ нѣсколько новыхъ. Тоже самое мы должны сказать и объ его преемникѣ Лаврентіи Горкѣ. Послѣдующіе за ними игумены твердо отстаивали права Выдубицкаго монастыря на его владѣнія, особенно противъ нападокъ со стороны Лавры. Въ этомъ отношеніи, равно какъ и относительно внутренняго благоустройства монастыря, оказали ему важныя услуги: игуменъ Тимоѳей Щербацкій, архимандритъ Митрофанъ Горленко и игумены— Сиѳъ Гамалѣя, Яковъ Воронковскій и Мелхиседекъ Значко-Яворскій. При игуменѣ Тимоѳеѣ Щербацкомъ, благодаря между прочимъ и его распорядительности, въ монастырскомъ скарбцѣ было до 13,000 р. Не смотря на то, что Тимоѳей Щербацкій былъ игуменомъ Выдубицкой обители всего только около 2-хъ лѣтъ, онъ такъ полюбилъ ее, что и потомъ не оставлялъ ее своими милостями. Такъ, когда онъ былъ на московской митрополичьей каѳедрѣ,— онъ прислалъ этой обители въ 1763 году игуменскую трость „съ золотою головкою камушками земрудами и рубинами осыпанную“, которая была принята братіею выдубицкою съ глубокою

благодарностію. Въ своемъ благодарственномъ письмѣ, адресованномъ по этому случаю преосвященному Тимоѳею, отъ 13-го сентября 1763 года, они между прочимъ писали, что „содержуть въ незабвенной памяти достохвальное его преосвященства отъ самаго времени бытности его въ кіево-выдубицкомъ монастырѣ игуменомъ всегда являемое къ оному благопризрительство и укладчество"... (*). Когда, въ 1760 году, древняя выдубицкая Михайловская церковь потерпѣла отъ пожара, бывшій тогда игуменъ выдубицкій Сиѳъ обращался (около 1766 г.) и къ преосвященному Тимоѳею за помощію, съ полною надеждою на его „особливое архипастырское благопризрѣніе",— и, кажется, не ошибся въ расчетѣ, не смотря на то, что тогда, во время своей болѣзни, митрополитъ Тимоѳей раздалъ было безъ остатка все свое серебро и вещи (*). Вообще, по особенной своей расположенности къ Выдубицкой обители, митрополитъ Тимоѳей Щербацкій желалъ и окончить въ ней свои послѣдніе дни, на что однажды, во время своей болѣзни, и испрашивалъ, было Высочайшее разрѣшеніе, хотя и получилъ въ этомъ отказъ.

Въ 1760 году, 16 апрѣля, въ Выдубицкомъ монастырѣ, какъ сказано выше, случился пожаръ, который причинилъ ему много урону: между прочимъ совсѣмъ сгорѣла и деревянная алтарная пристройка къ древнему Михайловскому храму, при чемъ не мало было повреждено и все древнее Всеволодово строеніе. Словомъ, послѣ этого пожара, Выдубицкій монастырь представлялъ жалкую картину разрушенія: „церковь св. Архистратига Михаила, огнемъ разоренная, по современному описанію, представляла единіе только стѣны съ разсѣлинами, и отъ всѣхъ сторонъ въ великую порчь приходила на единую печаль, стенаніе и воздыханіе и сердечное о древности сожалѣніе,— колокольня съ церковію къ близкому наклонялась паденію, келіи начальническіе и братерскіе (кромѣ нѣсколькихъ вновь устроенныхъ) за древность вовся обетшали и къ прожитію нужному ни почему негодились";— а между тѣмъ къ этому времени почему то и казна монастырская оскудѣла и средства монастыря значительно сократились. Тогда то высказали свое рѣдкое усердіе къ Выдубицкой обители ея настоятели: Митрофанъ Горленко, Сиѳъ Гамалѣя и Яковъ Воронковскій. Не расчитывая

(*) Арх. Выд. Мон. дѣл. № 39.
(**) Тамъ же.

на средства монастырскія, они обращались къ доброхотству жертвователей: игуменъ Сиѳъ, какъ мы уже знаемъ, обращался, между прочимъ, къ высокому покровителю Выдубицкой обители, бывшему ея игумену, митрополиту московскому Тимоѳею, а архимандритъ Митрофанъ и игуменъ Яковъ Воронковскій, съ дозволенія митрополита кіевскаго Арсенія и епископовъ черниговскихъ Амвросія Дубневича и Кирила Ляшевскаго, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, тоже испрашивали на этотъ предметъ доброхотныя подаянія (*); такими средствами они наконецъ успѣли обстроить монастырь. Вмѣсто сгорѣвшаго деревяннаго алтаря въ Михайловской церкви, былъ выстроенъ на древнемъ фундаментѣ каменный алтарь; испорченныя отъ пожара стѣны были возстановлены,—устроены новые иконостасы, и пр.; вмѣсто старыхъ обветшалыхъ келій, были построены новыя; кромѣ того, сдѣланы были необходимыя починки и въ церквахъ Георгіевской и Даниловской.

Особенно дѣятельное участіе въ благоустройствѣ Выдубицкаго монастыря принималъ игуменъ Яковъ Воронковскій (**). Кромѣ

(*) Подробная переписка по этому дѣлу въ дѣл. № 50 арх. Выд. Мон.

(**) Въ современной запискѣ, писанной рукою самаго игумена Якова подъ заглавіемъ: «что сдѣлано за игумена Якова», высчитываются слѣдующія его дѣла: «Церковь старинная домурована отъ половины; гора надъ тою церквою оградою, кирпичевымъ грузомъ и насажденіемъ деревъ вербовыхъ подкрѣплена; ганки за церквою тоею деревянные вновь здѣланы; новая церковь въ фундаментѣ кругомъ подчинены; крышка на ней подъ сходами на церковь здѣлана новая; крильце подъ церквою на лѣвой сторонѣ вновь здѣлано; въ церкви чтири шафы въ фрамугахъ деревянни здѣланы и маліованы для складки книгъ и письменныхъ дѣлъ; книги бибіліотечныи многіи въ переплетъ новый оправлены, а иныи поновлены; звонъ на звоницю 1773 г. декабря купленъ и тогожъ декабря 11 освященъ; лампа сребраная въ церковь здѣлана 1773 года; сходы на церковь здѣланы 1775 года; чашка на жертвенникъ зъ седломъ изъ крышкою сребреная здѣлана декабря; броваръ перестроенъ и вновь покрытъ 1775 года, декабря 10; пекарня вновь построена 1772 года; келіи новіи врядъ зъ трапезою построены 1773 года; горница зъ залею на ліоху вновь построена 1771 года и ліохъ подмурованъ тогдажъ; дворъ на подолѣ монастырскій новымъ строеніемъ 1773 года возобновленъ; шинкъ перехрестный новою ліодовнею и новымъ ліохомъ и въ прочемъ 1773 года возобно-

чрезмѣрныхъ заботъ по тяжебному дѣлу Выдубицкаго монастыря съ Лаврою на счетъ спорныхъ владѣній, кромѣ обширной переписки, на счетъ изысканія средствъ для устройства Выдубицкаго монастыря, кромѣ постоянныхъ хлопотъ по крупнымъ и мелкимъ постройкамъ монастырскимъ,— игуменъ Яковъ находилъ время слѣдить и за другими сторонами внутренней жизни своего монастыря. Мы знаемъ, что Выдубицкій монастырь теперь владѣлъ значительными имѣніями; а между тѣмъ, когда нужно было приступить къ возстановленію монастырскихъ строеній послѣ пожара, въ монастырской кассѣ денегъ почти нисколько не оказывалось; да и вообще игумены Выдубицкаго монастыря, предшественники Якова, часто жаловались на бѣдность своей обители. Не имѣя основанія не вѣрить искренности подобныхъ заявленій со стороны игуменовъ выдубицкихъ, мы думаемъ объяснять тогдашнюю скудость Выдубицкаго монастыря безпорядочностію монастырской хозяйственной системы. Игуменъ выдубицкій Яковъ Воронковскій, даровитѣйшій и энергичнѣйшій изъ всѣхъ игуменовъ выдубицкихъ, обратилъ особенное вниманіе и на эту сторону монастырской жизни, тѣмъ болѣе, что его вызывали на это открывшіяся во очію нужды трижды разореннаго огнемъ монастыря. Плодомъ его заботливости объ улучшеніи экономіи во владѣніяхъ Выдубицкаго монастыря служатъ между прочимъ двѣ его очень подробныя инструкціи: одна эконому выдубицкому, а другая прикащикамъ, правителямъ или городничимъ имѣній монастырскихъ. Въ первой изъ нихъ, писанной въ чернѣ на 22 листахъ большею частію рукою самаго игумена, изложены со всею подробностію обязанности, какъ эконома монастырскаго, такъ и лицъ къ нему соприкосновенныхъ. Въ писателѣ инструкціи видѣнъ умъ, глубоко знакомый по тому времени съ хозяйственною жизнію, и умъ очень практическій (*). Мы не можемъ удержаться, чтобы не привести тутъ одного весьма практическаго общаго заключительнаго правила изъ этой инструкціи, которое и теперь пригодилось бы для многихъ учрежденій. „А какъ и самыя лучшія уста-

вленъ; шинкъ балясный обновленъ 1773 года; шинкъ малый вновь здѣланъ 1772 года; шинкъ балясный неводницкій..... губернскою канцеляріею 176... года запрещенные иноки отъ запрещенія 17... года отстояны. Арх. Выд. Мон. дѣл. № 28.

(*) Эта инструкція замѣчательна во многихъ отношеніяхъ; особенно по ней можно хорошо представить современную монастырскую хозяйственную систему. Арх. Выд. Мон. дѣл. № 27.

шленія бывають безплодны, писаль игумень, когда въ точной ихъ силѣ сохранены не будутъ; то для отвращенія всего того, духовный Выдубицкаго монастыря соборъ при концѣ каждаго года должень имѣть одно, или нѣсколько собраній, въ который приходя каждый пунктъ сей инструкціи разсматривать всель по оному исполнено, и если что упущено, то оное впредь непремѣнно поправить." Въ инструкціи или наказѣ, данномъ городничимъ монастырскихъ владѣній, тоже со всею подробностію изложены были хозяйственныя обязанности городничихъ: здѣсь незабыто и того, сколько перьевъ должно было собирать каждогодно изъ каждой гуси старой и молодой, какія должны быть пальцы у боронъ, и пр. и пр. Въ этомъ наказѣ также видѣнъ практическій хозяйственный умъ игумена (*). Улучшилась ли на самомъ дѣлѣ экономія Выдубицкаго монастыря отъ этихъ инструкцій, мы не знаемъ опредѣленно; но, взявши во вниманіе настойчивый характеръ игумена Якова, писавшаго эти инструкціи въ самомъ началѣ своего игуменства надъ Выдубицкимъ монастыремъ (около 17,68 года), мы должны думать, что онѣ не могли остаться безъ вліянія на улучшеніе хозяйственной части монастыря. До времени игумена Якова и въ началѣ его игуменства надъ Выдубицкимъ монастыремъ до 1774 года очень неисправно велась дѣловая оффиціальная часть Выдубицкаго монастыря; такъ напр., по одной ревизіи у игумена Якова, оказалось, что съ 1768 по 1774-й годъ всѣхъ указныхъ и монастырскихъ дѣлъ поступило въ соборъ на разсмотрѣніе 4,031, а изъ нихъ было рѣшено только 892, не рѣшенныхъ же дѣлъ оставалось 3,192, то есть втрое (слишкомъ) больше рѣшенныхъ. Игуменъ Яковъ обратилъ вниманіе и на эту запущенную часть монастырскаго управленія: онъ предписалъ нѣкоторымъ соборнымъ іеромонахамъ и іеродіаконамъ Выдубицкаго монастыря непремѣнно каждодневно сходиться въ опредѣленное время для рѣшенія прежнихъ и входящихъ дѣлъ (**). Что же касается до самой главной существенной стороны жизни Выдубицкаго монастыря — религіозно нравственной жизни монашествующихъ, то и она не была забыта при игуменѣ Яковѣ. Подавая своею жизнію примѣръ благочестивой и разумно-трудолюбивой жизни, онъ часто и словами старался внушать монашествующимъ строгія правила нравственности. Замѣчательна въ этомъ

(*) Арх. Выд. дѣл. № 34.

(**) Арх. Выд. Мон. дѣл. №. 10.

отношеніи сохранившаяся до нашего времени его резолюція на доношеніе іеромонаха выдубицкаго Виктора, изобличавшаго нѣкоторыхъ своихъ собратій іеромонаховъ въ холодности къ интересамъ монастырскимъ и въ нареканіяхъ на его заботы о выгодахъ монастырскихъ. „Изъ сего доношенія видно, писалъ игуменъ, отъ 14 февраля 1769 года, что кѣмъ порокъ невѣжества, лѣности и небреженія возобладаетъ, тотъ желаетъ и заохочуетъ и прочіихъ, чтобъ и они тѣмъ же порокамъ причастны и ему подобны были; а противныхъ порокамъ качествъ людей ненавидитъ, и отъ нихъ уклоняется, да не обличатся дѣла его. Естлижъ по прописанному кто и между нами таковъ имѣется, оного вразумлять, наставлять, исправлять, а дѣламъ его не подражать, и благое творя не унывать. *Какая бо*, глаголетъ св. Петръ, *похвала, аще согрѣшающе мучими терпите, но аще добро творяще и страждуще терпите, сіе угодно предъ Богомъ, на сіе бо и звани бысте. Конецъ же вси единомудрени будите, братолюбцы, мудролюбцы, не воздающе зла за зло, или досажденія за досажденіе. И Христосъ бо укоряемъ противу неукоряше, намъ оставль образъ да послѣдуемъ стопамъ Его.* Однакъ сіе въ трапезѣ вычитать и сообщить къ дѣлу,“ прибавлялъ игуменъ (*). Къ заслугамъ такой свѣтлой личности, какою былъ въ свое время выдубицкій игуменъ Іаковъ, мы должны сказать еще то, что онъ, кромѣ всесторонняго исправленія дѣлъ своего монастыря, еще занимался также энергически и епархіальными дѣлами по должности каѳедральнаго писаря, которую онъ несъ до поступленія въ Выдубицкій монастырь и во все время его здѣшняго игуменства. Какъ человѣку энергическому и ученому, высшее духовное начальство, въ свое время, поручало ему собрать историческія свѣдѣнія о монастыряхъ кіево-переяславской и другихъ сосѣднихъ епархій; и онъ надъ этимъ также не мало потрудился. Этотъ его ученый трудъ, кажется, вошелъ въ сокращенномъ видѣ въ изданіе „Исторіи Россійской іерархіи.“ (**)

(*) Арх. Выд. Мон. дѣл. № 51.

(**) Игуменъ Іаковъ, вѣроятно, составлялъ записку и о Выдубицкомъ монастырѣ; потому что въ архивѣ выдубицкомъ найдено нами нѣсколько замѣтокъ его времени по этому предмету: напр., найденъ списокъ настоятелей Выд. монастыря и его ктиторовъ; найдено нѣсколько историческихъ записокъ о вотчинахъ Выдуб. монастыря вообще и о нѣкоторыхъ въ отдѣльности,—правда, не столь-

Достойнымъ преемникомъ глубоко уважаемаго игумена Іакова Воронковскаго былъ игуменъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій, знаменитый по своей борьбѣ съ латинствомъ и уніею и по тѣмъ злоключеніямъ, какія испыталъ въ то время, когда онъ былъ еще настоятелемъ заграничнаго Мотренинскаго монастыря. Вступивши, по смерти Іакова, въ должность игумена выдубицкаго, Мелхиседекъ долженъ былъ нести и свою прежнюю должность кіево-софійскаго каѳедральнаго намѣстника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и засѣдать въ кіевской консисторіи; однако же это не мѣшало ему, какъ и его предшественнику, послужить Выдубицкому монастырю вѣрою и правдою. Подобно своему предшественнику, онъ слѣдилъ какъ за матеріальною экономическою стороною жизни своего монастыря, какъ и за церковно-религіозною. Недовольствуясь прежними подробными инструкціями, данными его предшественникомъ правителямъ или городничимъ монастырскимъ, онъ и самъ составлялъ подобныя инструкціи, примѣняясь къ своему времени, разнымъ мѣстностямъ и другимъ обстоятельствамъ. Такъ, мы нашли его инструкцію, писанную для двора монастырскаго ярославскаго, его прикащикамъ и надзирателямъ. Въ этой инструкціи, далеко уступающей по своей полнотѣ инструкціи игумена Іакова, предоставленныя прежде монастырскимъ правителямъ широкія права значительно ограничены, вѣроятно, вслѣдствіе злоупотребленія ими, и отъ правителей требовалось вмѣстѣ съ хозяйственными достоинствами и достоинствъ

...о литературнаго, сколько дѣловаго характера. Очень интересные для насъ остальные литературные труды игумена Якова, къ сожалѣнію, неотысканы нами въ архивѣ выдубицкомъ. Послѣ его смерти, у него въ келіи въ 5 сундукахъ оказалось разныхъ книгъ славянскихъ, русскихъ, латинскихъ и польскихъ болѣе 370; между ними было много книгъ рукописныхъ, очень замѣчательныхъ. Кромѣ того, разныхъ письменныхъ матеріаловъ и историческихъ замѣтокъ тогда нашлось у него болѣе 62 №№. Каждый изъ этихъ №№ имѣлъ важный историческій интересъ, особенно 21 №, въ которомъ считалось болѣе 30 интереснѣйшихъ историческихъ записокъ, касавшихся многихъ малороссійскихъ монастырей. Кому досталось это сокровище послѣ смерти игумена Якова и гдѣ оно теперь хранится?... Неужели все это перешло въ руки, брата покойнаго игумена, священника Кіево-іорданскаго дѣвичьяго монастыря Якова Воронковскаго и погибло безвозвратно?... Намъ не хочется такъ думать, и мы усердно просимъ знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, изъ уваженія къ памяти усерднаго труженика науки, и во имя самой науки, не оставить его трудовъ подъ спудомъ. Арх. В. Мон. Дѣл. № 44.

нравственныхъ. Въ заключеніе этой инструкціи Мелхиседекъ пи салъ: „Приказчику должно быть трезву, честну, постоянну, и взорливу и благоразсудительну.... Зъ сосѣдними помѣщиками вездѣ обходиться дружно, любезно, безъ здоровъ (*) и пр. Отъ временъ Мелхиседека дошло до насъ нѣсколько и другихъ инструкцій, касавшихся разныхъ должностныхъ лицъ монастырскихъ и вообще монастырской жизни. Эти инструкціи не его пера, заимствованы изъ другихъ монастырей; тѣмъ не менѣе заслуго Мелхиседека служитъ то, что онъ собралъ эти инструкціи и приложилъ ихъ къ дѣлу въ своемъ монастырѣ по всѣмъ отраслямъ монастырской жизни. Таковы инструкціи: „1) трапезному, 2) тому, который погреба съ варивомъ смотрѣть опредѣленъ, 3) монастырскому писарю, 4) парохіальному іеромонаху, 5) всѣмъ вообще, какъ братіи, такъ и въ братерство монашеское вступающимъ желающимъ“ (**), и наконецъ 6) довольно обстоятельное „чиноположеніе и уставленіе завѣщаніями о собраніи церковномъ и сѣдѣніи за трапезою, притомъ и о должности намѣстника,“ составленное въ ставропигіальномъ Саввиномъ сторожевскомъ монастырѣ (***). Всѣмъ этимъ инструкціямъ предпослано отдѣльное вступленіе, въ которомъ изложены многоразличныя причины того, почему эти инструкціи написаны, или вѣрнѣе, собраны. Кому собственно принадлежитъ это разумное вступленіе, мы не можемъ опредѣленно сказать за недостаткомъ въ немъ ясныхъ указаній (****). Памятникомъ экономической распорядительности игумена Мелхиседека въ Выдубицкомъ монастырѣ служитъ то, что при немъ были

(*) Арх. Выд. Мон. дѣл. № 29.

(**) Инструкціи 1, 4 и 5 были взяты изъ пустынно-Харлампіевскаго Скоропадскаго монастыря; на нихъ есть надпись его архимандрита Давида Нащинскаго.

(***) На «Чиноположеніи» въ концѣ находится такая надпись архимандрита торожевскаго Евстафія: «Отдано для исполненія братіею и служителями намѣстнику отцу іеродіакону Саввѣ, которому братіи и служителямъ объявить, и по часту братіи въ трапезѣ прочитывать. 4 апр. 1775 г.» Это Чиноположеніе, равно какъ и нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ инструкцій, во многихъ отношеніяхъ такъ хороши и практичны, что и теперь очень годились бы въ руководство для монастырей. Арх. Выд. Мон. дѣл. № 42.

(****) Не были ли собраны нѣкоторыя изъ нихъ игуменомъ Іаковомъ? Не его ли перу принадлежитъ и вступленіе къ этимъ инструкціямъ?.. Къ сожалѣнію, на этихъ памятникахъ нѣтъ никакихъ подписей, и даже неозначены годы.

исправлена каменная колокольня, стоявшая на каменных воротахъ, въ которой надъ воротами, какъ говорилось прежде, была церковь во имя св. пророка Даніила, — а на верху были суточные часы съ боемъ. Отъ времени, эта колокольня дала трещины въ сводѣ и въ стѣнахъ, съ поврежденіемъ въ самомъ фундаментѣ. Игуменъ Мелхиседекъ, при исправленіи ея, нашелъ нужнымъ упразднить церковь; потому что исправленіе ея было ненадежно, да она находилась и въ неприличномъ мѣстѣ подъ колоколами, и была лишнею въ монастырѣ, при существованіи другихъ 4-хъ монастырскихъ церквей. Такъ было и сдѣлано: съ разрѣшенія митрополита Гавріила, въ 1779 году, Даниловская церковь была упразднена, и все, что въ ней было, перенесено во вновь обстроенную Благовѣщенскую церковь. Для колокольни и часовъ предполагалось построить посреди монастыря искусную деревянную башню на каменномъ фундаментѣ; а на прежней колокольнѣ имѣлось въ виду устроить келіи; но это предположеніе не состоялось: въ исправленной старой колокольнѣ были помѣщены по прежнему и колокола и часы (*). Особеннымъ памятникомъ заботъ Мелхиседека о духовныхъ религіозно-нравственныхъ интересахъ Выдубицкаго монастыря служитъ его письменное предложеніе братіи монастырской—учредить еженедѣльное чтеніе акафиста Божіей Матери въ одной изъ монастырскихъ церквей, и отправлять по пятницамъ, тоже еженедѣльно, панихиды по усопшей братіи. „Въ Выдубицкомъ нашемъ монастырѣ, писалъ игуменъ въ этомъ предложеніи отъ 13-го декабря 1779 года, ранніе службы не отправляются, да и акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ почитай не отправляется, а причины почему бы сему быть я не усматриваю, изъ братіи въ монастырѣ, которымъ бы слѣдовало сіе служеніе имѣть, довольно, воскъ и ладанъ есть доволенъ; для того на общее разсужденіе братіи о семъ предаю; а по моему разсужденію не худобъ ежелибы по пяткамъ и панихиды за ктиторей и братію отправляемы были, какъ въ уставѣ церковномъ положено, ибо ежели мы будемъ отправлять за прежде бывшихъ, то тѣмъ обовяжемъ другихъ за насъ по смерти нашей молится (**).“ Не извѣстно, отправляются ли до селѣ въ Выдубицкомъ монастырѣ по пятницамъ панихиды по усопшей братіи и ктиторахъ монасты-

(*) Арх. Выд. Мон. дѣл. № 47.

(**) Арх. Выд. Мон. дѣл. № 2-й.

ря, а акаѳистъ Божіей Матери и доселѣ здѣсь читается каждонедѣльно предъ стариннымъ образомъ Ченстоховской Божіей Матери. Если нужно упомянуть о благотворительности Выдубицкаго монастыря въ разбираемое нами время; то мы можемъ указать по крайнѣй мѣрѣ на его неоднократныя вспомоществованія то деньгами, то вещами „бѣднымъ студентамъ сиротинаго училищнаго дому." Такъ, между прочимъ, и въ 1775 году нѣсколько изъ такихъ бѣдныхъ студентовъ обращались по тому же предмету къ игумену Мелхиседеку съ просьбою, въ которой прописывали, что они, „живучи въ училищномъ сиротинномъ домѣ изъ давнихъ временъ въ покупкѣ дровяныхъ плитовъ для обогрѣванія въ зимное время избъ ежегодно по милости его высоко-преподобія деньгами снабдѣваемы были." Игуменъ Мелхиседекъ и въ настоящемъ случаѣ приказалъ выдать просителямъ изъ монастырской казны просимое вспомоществованіе. Тѣмъ больше, по всей вѣроятности, вспомоществовалъ этимъ бѣднякамъ изъ монастырской выдубицкой казны преемникъ игумена Мелхиседека игуменъ Іеронимъ, который, до назначенія во игумена выдубицкаго, былъ нѣкоторое время „директоромъ сирото-воспитательнаго дома, просто называемаго Бурса."

Памятниками религіозно-нравственной жизни Выдубицкаго монастыря разсматриваемаго нами періода служатъ, между прочимъ, и разныя церковныя вещи, которыя были наданы ему въ разныя времена, то іеромонахами выдубицкими, то сторонними лицами, особенно уважавшими этотъ монастырь. Изъ такихъ вещей тутъ сохранились до нашего времении: 1) серебрянный кубокъ, наданный іеромонахомъ Іоанникіемъ Углицкимъ, въ 1709 году, 2) серебрянный дискосъ, пожертвованный іеромонахомъ Василіемъ, въ 1723 году, 3) серебрянная лжица, наданная Кузьмою Петраксимомъ, тоже въ 1823 году, 4) серебрянный золоченный потиръ, пожертвованный Евдокіею Марчихою, въ 1727 году, 5) серебрянный „лѣхтаръ, справленный" уставщикомъ выдубикимъ іеромонахомъ Сильвестромъ, въ 1730 году, 6) серебрянный вызолоченный потиръ съ приборомъ, наданный уставщикомъ Ѳеодосіемъ Жураковскимъ, въ 1742 году, 7) серебрянный крестъ, пожертвованный префектомъ кіевской академіи, іеромонахомъ Михаиломъ, въ 1745 году, 8) серебрянная дарохранительница, „справленная" іеромонахомъ Мелетіемъ въ 1761 году, 9) серебрянный крестъ, пожерт-

жованный межигорскимъ іеромонахомъ Варахіиломъ, въ 1786 году, и др.

Но, представляя жизнь Выдубицкаго монастыря по всѣмъ ея сторонамъ, во всѣхъ разобранныхъ нами періодахъ, мы не можемъ не замѣтить того, что въ ней всегда преобладало направленіе столько духовно-аскетическое, сколько матеріально-экономическое. Выдубицкій съ своими городничими, подобно другимъ монастырямъ того времени, почти всегда представлялъ собою главнымъ образомъ экономическую корпорацію. Такой экономико-хозяйственной характеръ жизни Выдубицкаго монастыря, чѣмъ дальше, тѣмъ больше входилъ въ противорѣчіе съ характеромъ монастырскаго аскетизма, и особенно къ концу послѣдняго періода слишкомъ высказалъ свою заинтересованность въ дѣлахъ житейскихъ вѣковыми спорами Выдубицкаго монастыря съ Лаврою на счетъ сосѣднихъ земель. Мы видѣли прежде, что, въ такихъ обстоятельствахъ, наконецъ самая современная духовная власть начинала предчувствовать не совсѣмъ завидный исходъ такого рѣзкаго матеріально-экономическаго направленія всѣхъ малороссійскихъ монастырей, и въ частности Выдубицкаго монастыря; урокъ, данный не задолго предъ тѣмъ монастырямъ великороссійскимъ—лишеніе ихъ владѣній,— кажется, долженъ бы былъ заставить малороссійскіе монастыри нѣсколько призадуматься и надъ своимъ ложнымъ положеніемъ: но они не познали своего времени, скажемъ священными словами, а можетъ быть они уже тогда и не могли предотвратить силы обстоятельствъ. Какъ бы то ни было; но наконецъ и надъ ними совершилась катастрофа, съ одной стороны печальная, а съ другой не безотрадная: Указомъ Императрицы Екатерины II, отъ 10 апрѣля, 1786 года, Высочайше повелѣно было отобрать почти всѣ поземельныя владѣнія отъ всѣхъ малороссійскихъ монастырей, и въ частности отъ монастыря Кіево-Выдубицкаго. Съ того времени для Выдубицкаго монастыря, какъ и для всѣхъ монастырей малороссійскихъ, началась новая жизнь, во многомъ отличная отъ прежней.

(*Окончаніе будетъ*).

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

до и во время послѣдняго польскаго мятежа 1831—63 г.

(Окончаніе).

ГЛАВА 14.

Польская эмиграція во время мятежа.—Фазисы мятежа.—Мѣрославскій и Герценъ.—Князь Владиславъ Чарторыйскій и Шедо-Ферроти.—Заключеніе.

Ламберовъ отель одержалъ полную побѣду въ той громадной интригѣ, которая предшествовала мятежу; онъ подчинилъ своему нравственному вліянію *центральный варшавскій комитетъ*, посадилъ своихъ людей въ *жондъ народовый*, поставилъ своего диктатора *Лангевича* и князю Владиславу *Чарторыйскому*, для польской справы, были ввѣрены международныя сношенія и веденіе дипломатическихъ дѣлъ народоваго жонда, подобно тому, какъ эти обязанности были нѣкогда возложены эмиграціею на его отца, усиленными стараніями князя Адама, при началѣ ея заграничной дѣятельности.

Долго старая эмиграція не хотѣла разочароваться въ томъ, что она была ловко устранена отъ дѣла. Ей было совѣстно сознаться, что мятежъ уже былъ въ полномъ ходу, а на нее смотрѣли, какъ на людей, къ нему вовсе непричастныхъ. Безъ средствъ проникнуть варшавскія таинства, польскіе журналисты за границею ловили разныя летучія вѣсти, и наполняли свои страницы разною чушью, никакъ не подходящею къ дѣйствительному ходу дѣлъ; они создавали небывалые перевороты, сожалѣли о небывалыхъ распряхъ, соболѣзновали, а дѣйствительно бывшихъ и не подозрѣвали.

Старымъ эмигрантамъ было очень досадно, что изъ края являлись сотни агентовъ, искавшихъ подышатъ безопасностью, съ разными порученіями дипломатическими и по части военныхъ снабженій, что эти агенты сорили деньгами, чванились таинственностью важныхъ на нихъ возлагаемыхъ порученій, и въ газетахъ эмиграціи являлись статьи, строго порицающія жондъ; „этимъ вы-

сылаемымъ юношамъ, твердили они, было бы гораздо приличнѣе находиться въ рядахъ бойцевъ за родину, а для порученій ржондъ долженъ искать мужей болѣе опытныхъ, между старыми эмигрантами". Въ видѣ офяръ жондъ исторгалъ милліоны изъ кошельковъ туземцевъ; но чѣмъ грабежъ этихъ милліоновъ становился явственнѣе, тѣмъ громче кричала эмиграція о скандалѣ, забывая то, что *дѣти* шли по стопамъ *отцевъ*.

Несторъ польской эмиграціи Янъ Непомуценъ *Яновскій*, наконецъ, желчнымъ письмомъ къ князю Владиславу *Чарторыйскому*, излилъ свое негодованіе, въ концѣ 1863 года, когда уже и въ Царствѣ Польскомъ для мятежа наступала агонія, когда въ сѣверозападной Россіи оставалось еще нѣсколько человѣкъ скитавшихся жандармовъ вѣшальщиковъ, и только мятежъ оставался грознымъ и сильнымъ по однимъ лишь польскимъ журнальнымъ извѣстіямъ.

Въ сочиненіи Моллера, (*) находимъ отрывокъ этого письма Я. Н. *Яновскаго*, откуда его вполнѣ и выписываемъ:

„Мнѣ остается представить вамъ, князь, нѣсколько поясненій на счетъ того, что вы называете недостаткомъ съ моей стороны уваженія къ нынѣ существующему національному правительству.

„По моему мнѣнію,— что я имѣлъ уже случай высказать прежде,— *достоинство всякой власти въ прямой зависимости отъ достоинства людей, ею располагающихъ, а достоинство сихъ послѣднихъ зависитъ отъ достоинства ихъ дѣйствій*. По моему, изъ этого слѣдуетъ, что власть можетъ дѣйствовать удовлетворительно и полезно только при условіи ея открытаго существованія, когда она видна. Нынѣшнему жонду не достаетъ этого настоятельнѣйшаго условія; я готовъ его сравнить съ *Консусомъ*, тѣмъ божествомъ римлянъ, которому они поклонялись въ мрачныхъ пещерахъ. Но недовѣріе, которое вселяетъ въ меня нынѣшній жондъ зависитъ и отъ другихъ причинъ, между прочимъ:

1. Онъ, какъ я уже вамъ замѣтилъ, очевидно составленъ со времени распущенія центральнаго комитета, исключительно изъ личностей, даже противниковъ возстанія.

2. По нынѣ, т. е. въ теченіи семи мѣсяцевъ, онъ не хотѣлъ или не могъ вывести возстаніе изъ того положенія безсилія, которое вынуждаетъ его самаго скрываться; онъ не пользуется никакимъ значеніемъ за границею, если даже пользуется имъ въ самой Польшѣ.

(*) Situation de la Pologne en 1-er Janvier 1865 стр. 337.

„Вамъ угодно, князь, утверждать что вся нація повинуется этому народовому жонду; къ сожалѣнію я не могу вѣрить этимъ словамъ, которыя вѣроятно проистекаютъ отъ образа воззрѣнія совершенно противуположнаго моему. Дабы я могъ повѣрить, мнѣ необходимо видѣть или знать:

а) Что театръ возстанія не уменьшается, но расширяется, охвативъ Жмудь, Литву, Волынь, Подоль и Украину.

в) Что какая нибудь часть территоріи, послѣ одинадцати мѣсячной борьбы очищена отъ врага.

„Я вижу противное:

„Возстаніе дѣйствительно продолжается, но только на нѣсколькихъ изолированныхъ пунктахъ Царства 1815 года, да и тамъ оно единственно походитъ на то, какъ будто единственная цѣль возстанія производить демонстраціи (кидать пыль въ глаза), а не изгнаніе москалей.

„За исключеніемъ этихъ изолированныхъ пунктовъ (*), москали по всей странѣ распространяютъ ужасъ и разрушеніе, они заключаютъ въ тюрьму, ссылаютъ, вѣшаютъ и жгутъ.

„Помѣщики, и вообще шляхетство болѣе достаточное, по примѣру своихъ предковъ во всѣхъ прежнихъ возстаніяхъ, бѣгутъ за границу; землевладѣльцы были обязаны привязать сельское сословіе къ народному дѣлу съ 1831 года; а еще болѣе съ 1846; но двухъ лѣтъ еще не прошло, съ тѣхъ поръ какъ агрономическое общество, вмѣсто дароваго надѣла, торговалось съ нимъ объ условіяхъ оброка, и несчастное населеніе, *не находя, что возстаніе было предпринято тоже и для его выгодъ* (?), въ рѣдкихъ мѣстностяхъ ему сочувствуетъ и слегка оказываетъ ему помощь (**); таковы факты, порицающіе нынѣшній жондъ народовый, факты которые бросаются въ глаза; потому я не могу ни довѣрять ему, ни питать къ нему глубокаго уваженія. Не знаю чѣмъ можно доказать готовность цѣлой націи ему повиноваться, на примѣръ, можно ли принять за доказательства литовскіе и лифляндскіе адрессы (***), которые были обнародованы народо-

---

(*) Ясное указаніе, что старой эмиграціи не сообщали никакихъ подробностей и она должна была довольствоваться газетными извѣстіями.

(**) Т. е. добываемую терроромъ.

(***) Витебской губерніи. Дѣло идетъ о тѣхъ контръ-адрессахъ, которые литовскій псевдо-дикταторъ *Калиновскій*, приказалъ

нымъ жондомъ въ прибавленіи къ № 10 газеты *Неподлеглосць*, присовокупляя что папа (вопреки его непогрѣшности) повидимому питаетъ нынѣ болѣе благоволѣнія къ Польшѣ, нежели въ минувшемъ году (*), и что онъ приказалъ совершать за нее молебствія. Хочу вѣрить, что эти адресы дѣйствительно подлинные и что они дѣйствительно скрѣплены почтенною цифрою 279,000 подписей; но они не свидѣтельствуютъ ни о дѣятельности народоваго жонда, ни о всемогуществѣ его вліянія на націю; мы не заставимъ русскихъ бѣжать изъ Польши ни афишами, ни молебнами.

„Если бы *жондъ народовый* дѣйствительно былъ такъ силенъ, то не лучше ли бы онъ сдѣлалъ, если бы двинулъ противъ москалей половину изъ подписавшихъ, хотя бы съ палками и съ вилами, при недостаткѣ ружей. Покрайней мѣрѣ, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ заслужилъ бы передъ Польшею благодарность, выяснивъ, что ему повинуются и въ тѣхъ областяхъ.

„Если допустимъ, что положеніе дѣлъ дѣйствительно таково, какъ вамъ угодно то утверждать, т. е. что жондъ народовый пользуется полною и всецѣлою довѣренностью націи, знаете ли, князь, что по моему все это доказываетъ? Это доказываетъ, что когда обстоятельства тому благопріятствовали, онъ могъ, но не хотѣлъ, поднять поголовно все населеніе (посполите рушеніе), что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одно только оно могло взять перевѣсъ надъ московскими силами, могло освободить какую нибудь часть страны, въ которой можно было бы организироваться. Польская нація обладаетъ *большими силами, нежели то предполагаютъ дипломаты* (**). Но если народовый жондъ

мѣстнымъ оставшимся ревнителямъ, во чтобы то ни стало, ему доставить, дабы парализировать за границею дѣйствіе адресса́, поданнаго туземнымъ дворянствомъ Государю Императору. Въ захваченныхъ бумагахъ находится это распоряженіе *Калиновскаю*, отзывы о крайнемъ затрудненіи его исполнить, и если дѣйствительно, какъ пишетъ князь *Чарторыйскій* въ «Affaires de la Pologne», эти контръ-адрессы существуютъ, то этотъ новый подлогъ, для мистификаціи Европы, могъ быть состряпанъ только ксендзами, въ чемъ убѣждаютъ подробныя свѣдѣнія о положеніи сѣверо-западной Россіи, осенью 1863 года.

(*) Когда руковожденіе было передано краснымъ, не пользовавшимся благосклонностью Ватикана.

(**) Мнѣніе тѣми же словами высказанное *Бакунинымъ*, поступившимъ работникомъ къ *Герцену*, въ письмѣ къ *Гутри*, поступившему въ работники Ламберова отеля.

могъ то исполнить и не исполнилъ, то не слѣдуетъ ли изъ того, что у него одна только мысль утомить и исчерпать силы возстанія, и что подобно 1830 году, у нынѣшняго жонда тоже на первомъ планѣ были иноземное вмѣшательство и иноземная помощь. Другаго вывода я не могу сдѣлать, князь, изъ всѣхъ вашихъ увѣреній.“

Нынѣ подземныя работы по мятежу выяснены вполнѣ, со всѣми подробностями его перехода чрезъ всѣ послѣдовательные фазисы. Когда настало время польскую справу вести далѣе насильственными средствами, вести далѣе путемъ мятежа, то на практикѣ оказалась вся несостоятельность комбинацій, которыми столбы централизаціи въ безопасныхъ заграничныхъ пріютахъ, ублажали себя и своихъ сторонниковъ. *Бѣлые* берегли свои головы и свои имѣнья; посторонясь, они пустили впередъ пылкихъ *красныхъ*, которыхъ они и терпѣли и готовили для этого дѣла; они вступили въ *новую партію движенія* (рухъ), которою они могли держать ихъ на вожжахъ; *красные* должны были раскинуть мятежъ на возможно большее пространство, дабы предъ западными державами указать всю силу, и на дѣлѣ подтвердить завѣренія, что вся Польша и западная Россія готовы возстать противъ русской власти. Лишь только явилась увѣренность въ *бѣлыхъ*, что вмѣшательство иностранныхъ державъ состоится, они торопливо низвергли *красныхъ* и сами стали во главѣ; дипломатическія ноты шли, пока не разъяснилась суть мятежныхъ силъ; съ сильными ударами, нанесенными крамолѣ, начали исчезать надежды на помощь иноземцевъ, *бѣлые* тотчасъ стушевались, а *краснымъ* власть тогда нераздѣльно попала въ руки. Вожаки красныхъ, во чтобы то ни стало, хотѣли сохранить власть въ своихъ рукахъ, и повсемѣстнымъ распространеніемъ террора, думали поднять народъ къ ополченію. Вся сила взбалмашныхъ головъ и неопытныхъ юношей была въ *таинственности* жонда. При отсутствіи всякой превосходной способности, слѣпо придерживаясь теоріямъ революціонеровъ, которыя кромѣ яду, веревки и кинжала, ничего не придумали для исполненія своихъ эксцентрическихъ ученій, руководители красныхъ, тоже жалѣя свои головы, пустили въ ходъ жандармовъ вѣшателей. Нѣсколько тысячь неистово ими замученныхъ жертвъ изъ туземнаго населенія, остались кровавыми памятниками теорій *централизаціи,* на русскій языкъ переложенныхъ *Колоколомъ*. Аристократическій Ламберовъ отель, безопасно сидя въ Парижѣ, вмѣстѣ съ красными, не терялъ надежды, что европейскія націи взмилуются надъ страданіями до отчаянія доведен-

нихъ польскихъ патріотовъ. Князю Владиславу *Чарторыйскому* содѣйствіе къ мятежу было тѣмъ важнѣе, что по фамильной программѣ, имя *Чарторыйскаго* не должно было разставаться съ польскою крамолою. Надѣялись еще до исхода мая 1863 г., и верховные аристократическіе двигатели въ сѣверо-западной Россіи; они вошли въ новыя сношенія съ краснымъ варшавскимъ жондомъ, но аресты пресѣкли дальнѣйшую ихъ дѣятельность. Правительство, испивъ чашу долготерпѣнія и видя, что кроткія его мѣры польская справа принимаетъ за слабость, измѣнило систему дѣйствій и вся сила мятежа рухнула съ своихъ утлыхъ ходулей. Дѣйствія войскъ противъ шаекъ обратились совершенно въ охоту за дикимъ звѣремъ.

Затѣи эмиграціи дорого обошлись полякамъ и ополяченнымъ туземцамъ. Изъ однихъ только бюджетовъ приходовъ Ламберова отеля по мятежу 1863 года, которые не могли быть скрыты, вытекаетъ крупная цифра въ 78,750,000 франковъ; а расходовъ можно было набрать только па 27,144,920; и такъ 51,605,080 франковъ остались разхищенными въ рукахъ тѣхъ ревнителей польской справы, которые съумѣли быть у кормила власти и у ключей отъ собираемыхъ милліоновъ. За подавленіемъ мятежа, послѣдовали скандальныя явныя распри между столбами великаго будованія, которые при дѣлежѣ оставленаго мятежемъ наслѣдства, не могли разойдтись полюбовно.

Конечно, *Герцену* было очень досадно, что его герценисты такъ далеко отставали отъ патріотовъ поляковъ; въ нумерахъ *Колокола*, онъ хотя и печаталъ подзадоривающія увѣдомленія то о 125 франкахъ, то о 6 ф. стерилинговъ, то о 10 шилингахъ полученныхъ въ *„общій фондъ,“* но съ наступленіемъ лѣта 1863 года, онъ долженъ былъ предупредить, чтобы спасающіеся изъ Россіи герценисты на него не расчитывали, и что его *касса пуста*. Бѣгство поляковъ не должно было имъ служить примѣромъ.

Мѣрославскій, мелькнувъ метеоромъ на польской границѣ, бѣжалъ въ безопасный Краковъ и оттуда обратно въ Парижъ; не менѣе того онъ не позволилъ себя оттереть даромъ. Жондъ откупился отъ него, ассигнововъ ему 18 милліоновъ франковъ для вооруженія тѣхъ семи легіоновъ, каждый въ 1200 человѣкъ, съ которыми онъ обѣщался выгнать русскихъ изъ Царства Польскаго и Западной Россіи, вооруживъ легіоны колесницами собственнаго изобрѣтенія. Эти колесницы были просто тележки, на подобіе ящиковъ, въ которыхъ перевозятъ бутылки съ кислыми щами; 500

кось составляли ихъ вооруженіе, а 12 человѣкъ, поставленные въ гнѣзды, должны были ихъ приводить въ движеніе. Въ документахъ, обнародованныхъ *Мѣрославскимъ*, эти колесницы уподоблялись все уничтожающимъ аттакамъ конницы и на приступъ идущимъ колонамъ пѣхоты. Жондъ, при разгромѣ мятежа, не доплатилъ много милліоновъ *Мѣрославскому*, а онъ печатно объявилъ, что князь *Чарторыйскій* и члены жонда *народоваго*, предатели, измѣнники и грабители; за то эти въ свою очередь тоже печатно заявили что *Мѣрославскій* нахально, во время всего мятежа, навязывался въ распорядители и, трусомъ бѣжавъ изъ Польши, безопасно пріютился окончательно въ Брюсселѣ, откуда хотѣлъ начальствовать.

При той надеждѣ, которую *Герценъ* внушалъ полякамъ о своемъ могуществѣ, они все ждали за границею русской помощи; это обстоятельство давало ренегатамъ съ того берега возможность, едва ли не однимъ, имѣть точныя свѣдѣнія о составѣ и дѣйствіяхъ жонда народоваго. Не преминулъ *Герценъ* указать герценистамъ высокое свое значеніе, и когда какая то газета напечатала извѣстіе о составѣ таинственнаго подземнаго жонда, перепечатанное „Русскимъ Инвалидомъ", тогда *Колоколъ* съ непритворною радостью объявлялъ:

„Журналистовъ, открывшихъ кто члены зловреднаго комитета, тѣхъ же журналистовъ ждетъ еще открытіе—именно то, что члены—то—другіе, если не всѣ, то à peu près. Вотъ сюрпризъ то будетъ."

Истиннымъ джентельменомъ Герценъ, въ отвѣтѣ одному поляку говоритъ: Вы пишете о грубомъ выраженіи въ журналѣ кн. Долгорукова противъ одного изъ вашихъ соотечественниковъ и на насъ вымѣщаете его неделикатность; князь не состоитъ подъ нашей опекой. Видѣли ли вы въ *Колоколѣ*, бранныя слова?" (*) Когда же русскіе не внимали его убѣдительнѣйшимъ доводамъ о симпатіи къ полякамъ, а поляки на дѣлѣ увидѣли, что *Герценъ* о силѣ имъ ведомой молодой Росси нахвасталъ непомѣрно, и русскіе принялись усмирять мятежъ, тогда, въ безсильной злобѣ разочарованія, онъ началъ просто ругаться; русскіе не черпали своихъ убѣжденій изъ руководящихъ статей *Колокола*, и на нихъ посыпались эпитеты мерзавцевъ, негодяевъ, подлыхъ и проч. и проч.

При послѣдовательномъ разборѣ нумеровъ *Колокола* съ единовременно веденною конспиративною польскою интригою, нельзя не признать, что *Герценъ* маскировался искусно, съ искусствомъ велъ

(*) «Колоколъ» 8 сентября 1862 года.

онъ и общую работу. Какая открывается коварная мистификація русскаго люда при сближеніи лицевой стороны *Колокола*, съ ея подкладкою, съ показаніями и перепискою польскихъ дѣятелей въ слѣдственныхъ дѣлахъ! Труды *Ворцеля*, варшавскаго 1830 года журналиста и десятилѣтняго впослѣдствіи централыщика, спеціально назначеннаго польскою эмиграціею принять *Герцена* подъ ближайшую свою опеку и въ ученье, не пропали даромъ; *Герценъ* попалъ въ геніи, такъ какъ по польской интеллигенціи, основанной на іезуитско-шляхетскихъ началахъ, *сотрудники* вѣковой борьбы Польши противъ Россіи, признаются *великими, геніальными благодѣтелями;* но польской интеллигенціи мы противопоставляемъ русскій смыслъ, а по русскому смыслу, мы именно людей подобныхъ *Герцену*, называемъ тѣми прилагательными, которыми онъ честитъ русскихъ, не пожелавшихъ исполнять желанія ренегатовъ съ того берега, а по крайнему своему разумѣнію, разсудившихъ дѣло по своему.

Грозенъ былъ декретъ *Колокола* отъ 8-го марта 1863 года! Разсерженный ренегатъ, сверху до низу обругалъ всю Россію, за ея негодованіе на вспыхнувшій польскій мятежъ, на поруганіе русскаго имени и чести, за негодованіе на неистовства противъ русскихъ воиновъ; *Герценъ* обругалъ Россію за ея непослушаніе многолѣтнимъ увѣщаніямъ ренегатовъ съ того берега — быть солидарною въ дѣлѣ польской справы; въ декретѣ, для травли, опять являются нѣмцы, для сравненія—Стеньки Разины, камеръ-лакеи, гайдамаки; *Герценъ* оповѣщаетъ, что Россія — нѣмецкая Азія; ея правительство—татарское самовластье; усмиреніе мятежа—русскими войсками производимая жакерія; русскіе солдаты—падшіе звѣри, пьяные убійцы, одичалые грабители. Конечно, *усмиреніе польскаго мятежа* было для *Герцена* съ его размашистою самоувѣренностью *сюрпризомъ* большимъ, нежели сюрпризъ русскихъ журналистовъ, когда участники предъ слѣдственными коммиссіями, называли истинныхъ членовъ *подземнаго жонда;* конечно его положеніе было щекотливо на супротивъ его польскихъ друзей, которымъ онъ наобѣщалъ могучую помощь пресловутаго *герценизма*, а на дѣлѣ оправдался слишкомъ торопливо объявленный насмѣшливый отзывъ *Мѣрославскаго* о самихъ *герценистахъ;* но за то въ этомъ декретѣ, онъ грозитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ тѣмъ, что настаетъ пора *„пасть Россіи.“*

Жидъ кричитъ *гвалтъ* когда пьяный, имъ напоенный бѣлоруссъ, у него отымаетъ незаплаченнаго тѣленка, мошенникъ кричитъ *грабежъ*, когда хозяинъ вырываетъ вытаскиваемый изъ его

кармана кошелекъ, шулеръ, пойманный съ фальшивою колодою картъ, кричитъ *караулъ*, когда на его чело сыплются пощечины и тычками его направляютъ къ окну, чтобы вышвырнуть на мостовую изъ третьяго этажа; такъ и *Герценъ* неистовымъ возгласомъ оканчиваетъ свой декретъ: *„Анаѳемы! что вы сдѣлали изъ всѣхъ усилій нашихъ; все что мы лѣпили по песчинкѣ—смыли ваши помои, унесла ваша грязь и чрезъ пятнадцать лѣтъ я снова, идя по улицѣ, боюсь, чтобы не узнали, что я русскій* (*).

Но чѣмъ же онъ стѣсняется? Россія, конечно, не заявитъ на него своихъ правъ, если ему подъ именемъ *Герцена* или *Херцена, Искандера*, или даже, по польскому прозвищу, *Сердечкина*, угодно будетъ свою особу сопричислить ко всякой другой національности. *Кляцко* изъ жида прикинулся полякомъ, *Утинъ* изъ жида прикинулся русскимъ, почему же ему, съ своими спутниками, не послѣдовать примѣру своего ученика, къ чему навязываться той націи, у которой, по понятіямъ редакторовъ *Колокола*, все прошедшее *отвратильно гадко*, а настоящее только одна *казенщина;* кому удобнѣе совершать подобные метаморфозы какъ не самимъ проповѣдникамъ космополитизма и международныхъ симпатій. Чѣмъ объяснить это упорное желаніе *Герцена* продолжать слыть за русскаго?

Согласно заявленіямъ *Колокола*, Россію составляютъ двѣ части: *казенная* и *общество „Земли и Воли.“* Декретомъ 1-го мая 1863 года, объявляя *друзьямъ юношамъ* новый наборъ подъ свои знамена, онъ имъ накрѣпко наказываетъ не справляться сильна ли и многочисленна ли имъ отмежеванная для себя часть нашего отечества; на столбцахъ *Колокола* она могуча; на дѣлѣ, послѣ бѣгства *Утина*, ея оставшіеся представители просятъ у литовскаго обанкрутившагося жонда, субсидіи хоть 150 руб. серебромъ, для поддержанія польскаго мятежа; на повѣрку вышло что *Мѣрославскій*, этотъ enfant terrible, для своихъ враговъ, опредѣлилъ герценистовъ вѣрно.

Отрезвленные польскимъ мятежемъ, бывшіе герценисты инстинктивно поняли, что великій мистификаторъ—предатель, не уступающій Шекспировскому Яго; въ лагерѣ *Земли и Воли* остались только безнадежно—очумленные.

Для разоблачаемаго *Герцена* настало время не хорошее; онъ думалъ пошлою попыткою возстановить свое значеніе между русскими его читателями и нашелъ въ Италіи, въ какомъ то г. *Мечниковѣ*,

(*) О чемъ шумите вы народные витіи,
За что анаѳемой грозите вы Россіи?

могучаго руководителя общественнымъ мнѣніемъ русскихъ (*), а чтобы снова задобрить, тоже въ немъ разочаровывавшихся его польскихъ друзей, онъ во время мятежа, на столбцахъ *Колокола* помѣщалъ цѣлый рядъ польскихъ побѣдъ и подвиговъ и воспѣвалъ государственную премудрость жонда народоваго, и рядъ пораженій, бѣгства и изувѣрства русскихъ; это сливки, имъ снимаемыя съ польской журналистики того времени, далеко оставляющія за собою французскіе бюллетени большой арміи 1812 года.

Предъ мятежемъ, *Потебня* изъ Лондона возратился въ Польшу съ инструкціею „*собрать русскій отрядъ, сначала пристать съ нимъ къ польскому возстанію, и потомъ идти въ Россію подымать народъ,*" а по подавленіи мятежа *Колоколъ* гудѣлъ: „*Проклятіе вамъ, проклятіе и—если возможно—месть.*"

Послѣднимъ актомъ польской эмиграціи въ 1863 году былъ отчетъ о польскихъ дѣлахъ истекающаго года, (**) представленный въ Парижѣ княземъ Владиславомъ *Чарторыйскимъ* французскому правительству, для его назиданія по веденію польской справы; а для назиданія русскаго правительства, дополненіемъ къ труду *Чарторыйскаго*, вслѣдъ за нимъ въ 1864 году, вышло новое сочиненіе г. *Шедо-Ферроти.* (***) Домогательства Ламберова отеля, проводимыя путемъ литературы, остались безуспѣшными; Франція не растрогалась раздирающими картинами, представленными княземъ *Чарторыйскимъ*, съ помощью *Мазада*, въ особо отпечатанныхъ экземплярахъ, и Россія также не воспользовалась благими совѣтами для преуспѣнія Русской Имперіи, представленными *Шедо-Ферроти*, съ помощью Ламберова отеля. При грубо замаскированной обстановкѣ, Г. *Шедо-Ферроти* старается выяснить Россіи то, что выяснялъ покойный *Адамъ Чарторыйскій*, что для основанія благоденствія Русской Имперіи не только Польшѣ, но всѣмъ ея окраинамъ должно быть дано особое самостоятельное управленіе, *полная автономія.* Г. *Шедо-Ферроти* знать не хочетъ, что эти окраины куплены русскою кровью и ему весьма желательно *Русскую* Имперію уподобить *Австрійской.*

(*) Подъ заглавіемъ „*Точка поворота*" Колоколъ, отъ 1-го сентября 1863 г. въ передовой статьѣ сообщаетъ письмо изъ Флоренціи, отъ 8 августа, отъ Л. *Мечникова*, который протестуетъ «*противу ложно патріотическихъ чувствъ, заявляемыхъ офиціальною Россіею по поводу польскаго возстанія*». Мы съ искреннею радостью, пишетъ по этому случаю *Герценъ*, передаемъ первое слово проснувшейся русской совѣсти.

(**) Affaires de Pologne.

(***) Que fera-t-on de la Pologne?

Любопытна по теоріи Ламберова отеля имъ рисуемая картина пересозданной Имперіи: „Великій русскій, за исключеніемъ одного Императора, пишетъ *Шедо-Ферроти*, отправляясь въ Финляндію, въ Лифляндію, въ Польшу или на Кавказъ, отправляется въ иностранную землю; одинъ только Императоръ, посѣщая ихъ, не перестаетъ быть въ своемъ отечествѣ, между своими дѣтьми, которыхъ передъ Богомъ и своею совѣстью, онъ обязался сдѣлать счастливыми. Пусть патріотизмъ поляковъ состоитъ въ томъ, что они любятъ только себя, патріотизмъ русскихъ, покрайней мѣрѣ сторонниковъ г. *Каткова*,—въ ненависти иностранцевъ, патріотизмъ финляндцевъ—въ желаніи удалить отъ себя русскихъ; патріотизмъ Императора Россіи, Царя Польши, Великаго Князя Финляндіи состоитъ въ томъ, чтобы держать одинаково вѣсы для всѣхъ своихъ подданныхъ. Недосягаемый духу партій и національному антагонизму, онъ не можетъ принести Польшу въ жертву крайне—русской партіи“....

Понятно что подобная эквилибристика весьма улыбалась Ламберову отелю и что князь Адамъ *Чарторыйскій*, надѣясь на *тьму* и *мглу* польскихъ дѣлъ, во время своего конспиративно-политическаго поприща, ублажалъ себя подобными мечтами; но на что расчитывалъ *Шедо-Ферроти*, который при этихъ понятіяхъ о русскомъ народѣ и его назначеніи, подобно *Герцену*, тоже ломится въ русскіе. Онъ выступаетъ съ такою самоувѣренностью, что врядь ли онъ не былъ вполнѣ убѣжденъ, что, въ апрѣлѣ 1863 года предложивъ *отдѣлить окончательно Польшу отъ Россіи* (*), онъ новымъ своимъ твореніемъ 1864 года, замѣнитъ для Россіи всѣ памятники ея жизни отъ Несторовой лѣтописи до исторіи Соловьева, а народный разумъ—бреднями *Колокола*. Проводя буквально тѣже самыя идеи, которыя проводилъ князь Адамъ *Чарторыйскій*, когда находился въ русской службѣ, Ламберовъ отель именемъ *Шедо-Ферроти*, на перекоръ семидесяти лѣтнихъ проявленій perpetuum mobile польской конспираціи, все еще надѣялся во *тьмѣ и во мглѣ* удержать польскія дѣла.

Много истинно курьозныхъ объясненій находимъ мы въ книгѣ *Шедо-Ферроти*, такъ напр. Владиславъ *Чарторыйскій* въ своемъ отчетѣ выставляетъ французскому правительству, что мятежъ вспыхнулъ вслѣдствіе назначеннаго рекрутскаго набора: „Эта капля желчи, говоритъ онъ, заставила излиться чашѣ, наполненной горечью.“ Конечно, подобная вѣсть была рогатою для Россіи; *Ше-*

(*) Question polonaise 1863 pg. 120:

до-Ферроти, съ изумительною недогадливостью, въ 1864 году, когда уже послѣдній эмигрантъ зналъ, что съ 1861 года, всякій шагъ въ Польшѣ творился по предварительнымъ совѣщаніямъ съ Парижемъ, пренаивно и почтительно пишетъ: „что князь *Чарторыйскій* высказалъ подобное заявленіе, это должно особенно быть изумительно. Болѣе нежели кто нибудь, князь—въ томъ положеніи, что онъ можетъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія о происшествіяхъ въ Польшѣ, и если онъ утверждаетъ подобный фактъ, несомнѣнно ошибочный, то каждый въ правѣ себя спросить, зналъ ли онъ истину, или нарочно хотѣлъ ее извратить? Извѣстный, столь уважаемый характеръ князя *Чарторыйскаго*, не оставляетъ и тѣни сомнѣнія по этому вопросу; неспособный ни къ какой искусственной неправдѣ, онъ могъ высказать таковую, только потому, что ложными извѣстіями самъ былъ введенъ въ заблужденіе."

Шедо-Ферроти еще наивнѣе рисуетъ характеръ польскихъ пановъ. Послѣ покушенія $\frac{\text{22 Іюня}}{\text{4 Іюля}}$ 1862 года, сволочи *Хмъленскаго* на жизнь Его Императорскаго Высочества, „болѣе 300 помѣщиковъ, пишетъ *Шедо-Ферроти*, съѣхались въ Варшаву, по искреннему моему убѣжденію, съ цѣлью протестовать отъ имени польскаго дворянства противъ подобныхъ злодѣйствъ, *не совмѣстимыхъ съ гордымъ и рыцарскимъ характеромъ націи.*»

Въ это время за границею рѣшался важный вопросъ о веденіи мятежа; паны медлили, совѣщались, выжидали и когда пришло рѣшеніе—пустить въ первый огонь красныхъ и имъ временно подчиниться, то вмѣсто предполагаемаго адреса, съѣхавшіеся паны написали другой къ графу Андрею *Замойскому*, въ которомъ о злодѣйствѣ *Ярошинскаго* не упоминалось ни слова; но они поручали графу *Замойскому* представить, между прочимъ, Его Высочеству: „Мы поляки, и потому можемъ поддерживать правительство тогда только, когда оно будетъ *польское* и когда всѣ области, которыя составляютъ нашу ойчизну, будутъ соединены и будутъ пользоваться конституціею и свободными учрежденіями."

Чему же приписываетъ *Шедо-Ферроти* это измѣненіе въ первоначальныхъ намѣреніяхъ польскихъ пановъ? Преизбытку (exubérance), личной храбрости, подчиненной вліянію общественнаго мнѣнія. „Между членами собранія, людьми испытанной храбрости, людьми изъ ста-

---

Много тысячъ эта «рыцарская нація зарѣзала сонныхъ, отравила, поразила изъ-за угла, повѣсила и проч.! *Ред.*

ли и гранита, говоритъ онъ, не нашлось ни одного, который могъ бы устоять предъ руководителями *бѣлыхъ*, требовавшихъ подписъ адреса, или предъ насмѣшливымъ взглядомъ женщинъ, преслѣдовавшихъ осторожныхъ и нерѣшительныхъ."

Книга Шедо-Ферроти, заключая нами разсматриваемую дѣятельность польскихъ эмигрантовъ въ послѣднемъ мятежѣ, довершаетъ и тотъ *общій характеръ, который постояннымъ спутникомъ сопровождаетъ интриги польской справы*. Сводъ собранныхъ свѣдѣній о perpetuum mobile ксендзовско-шляхетской мятежнической дѣятельности представляетъ собою, какъ бы анатомическимъ ножемъ вскрытый трупъ, и глазамъ наблюдателя представляются дѣйствовавшія нервы и мускулы. Начиная съ 1862 года, при переходѣ отъ однаго факта къ другому, являются постоянно ожесточенныя нападки на лица, на распоряженія, на проявленія русской жизни, если они являлись вредными *польской справѣ*, съ цѣлью ввести какъ правительство, такъ и общественное мнѣніе Европы и Россіи въ заблужденіе; нападенія были тѣмъ болѣе настойчивы, чѣмъ онѣ были для нея болѣе опасны. Полякамъ трудно разстаться съ убѣжденіемъ, что *тьма и мгла* польскихъ дѣлъ уже разсѣялись, не смотря на то, что правительство своими рѣшеніями имъ доказало, что предъ нимъ польскій вопросъ уже вполнѣ выяснился.

Пока предъ высшимъ правительствомъ польскія дѣла были *во тьмѣ и во мглѣ*, польская интрига работала между вліятельными личностями и достигала въ теченіи четырехъ предшествовавшихъ царствованій того, что самыя раціональныя мѣры правительства не приводили къ цѣли, оставаясь мертвою буквою, парализированныя русскимъ ослѣпленнымъ добродушіемъ, или другими свойствами ближайшихъ исполнителей, которые большею частью были поляки. Правительство, однажды раскрывъ истинное положеніе вещей, убѣдилось, что польскія дѣла требуютъ особаго наблюденія въ точномъ и энергическомъ исполненіи; русскіе люди, всегда готовые содѣйствовать дѣлу родины, сами кинулись, для сознательнаго исполненія, къ изученію польскихъ дѣлъ; инстинктивно русскіе люди чувствовали, что крамола кроется въ громадныхъ размѣрахъ, но труденъ былъ путь къ широкому доступу въ этотъ, *тьмою и мглою* прикрываемый, точно заколдованный кругъ (*); русская журналистика явилась тогда полезнѣйшимъ подспоріемъ.

(*) И первый выступилъ на это поприще дѣятельности «Вѣстникъ юго-западной Россіи.»

Польская эмиграція увидѣла грозу и торопливо хотѣла предупредить опасность, пустивъ въ ходъ своихъ работниковъ, пригодныхъ для этого дѣла; накинулся на нее *Герценъ* со всѣмъ своимъ острословіемъ и ругней. Имѣя постоянно въ виду сбить съ толку русское юношество, сбить съ пути долга членовъ русской семьи, *Герценъ* употребилъ *туже стратагему*, которую поляки употребляли въ офицерскихъ кружкахъ, чтобы молодыхъ русскихъ своихъ товарищей, сдѣлать солидарными съ своими польскими затѣями. Они выработывали въ нихъ впечатлѣнія, вынесенныя со школьной скамьи, что выдать наставникамъ провинившихся товарищей — въ школахъ почитается шпіонствомъ; пока мятежъ не выяснилъ дѣла, они имѣли временный успѣхъ среди молодыхъ людей, не утвердившихся еще въ понятіяхъ, что съ эполетами, они стали гражданами русской земли, а правительство — не сословіе воспитателей надъ недорослями. Поляки силились притупить то понятіе, что ревнители польской справы, работавшіе къ ниспроверженію общественнаго спокойствія и государственнаго строя, готовившіе кровопролитіе и раззореніе, всю гибель мятежей, — враги отечества; истинный русскій, съ незатемненными польскою интеллигенціею понятіями долга гражданина, конечно несравненно строже смотритъ на нихъ, какъ на поджигателей, убійцъ, грабителей и такихъ преступниковъ, которыхъ каждый честный человѣкъ спѣшитъ указать властямъ, дабы избавить отъ нихъ общество; но такія понятія не были пригодны ни полякамъ, ни Герцену, и онъ, доводами подобными польскимъ, старался уронить въ общественномъ мнѣніи русскую журналистику, разоблачавшую и источники и ревнителей гибельной крамольной дѣятельности *польской справы*. *Герценъ* выставлялъ ее *казенною*, и бранью разражался противъ враждебныхъ ему редакторовъ, разрабатывавшихъ польскія событія; всякія унизительныя сравненія на страницахъ *Колокола*, могли найдти всѣ вносившіе свѣтъ во *тьму и мглу* польскихъ дѣлъ, со стороны самаго пламеннаго *на словахъ* поборника свободы слова.

Съ такимъ же озлобленіемъ противъ русской журналистики выступаетъ и *Шедо-Ферроти*; но со всѣми дипломатическими пріемами Ламберова отеля, который ублажалъ себя надеждою, что путемъ *Шедо-Ферроти*, онъ станетъ руководителемъ высшаго русскаго общества. Онъ высказываетъ, что русская журналистика не имѣетъ *ни корня*, *ни отголоска въ массахъ*, а также что *общественное мнѣніе не оказываетъ никакого*, *или*

самое ничтожное вліяніе на журналистику, и вообще, что *въ Россіи общественное мнѣніе еще сидитъ на азбукѣ*.

Г. *Шедо-Ферроти*, силясь этимъ путемъ доказать всю односторонность и ничтожность вліянія журналистики на теченіе дѣлъ въ Россіи, посвящаетъ однако двѣ трети своего сочиненія истинному предмету своего труда. Русская журналистика для *польской справы* стала вопросомъ не меньшей важности, нежели событія столь нѣкогда ее тревожившія, какъ напр. переселеніе шляхты, проводимое *Державинымъ;* конфискація имѣній пановъ землевладѣльцевъ, изобличенныхъ въ стремленіяхъ къ отторженію западныхъ губерній отъ Россіи, проводимая *Сперанскимъ;* уясненія епископа *Крассовскаго*, что уніяты—русскіе люди и подъ русскою властью уже не должны подлежать вѣдѣнію латинскаго духовнаго начальства; упорное невѣріе князя *Трубецкаго* въ томъ, что *Конарскій* былъ простой туристъ, а для него устраиваемыя собранія, были собранія случайно съѣхавшихся гостей. Ламберовъ отель всю свою ловкость, всю изворотливость своей интриги излилъ въ книгѣ *Шедо-Ферроти:* Que-fera-t-on de la Pologne? Въ ней резюмирована вся шестидесятилѣтняя дѣятельность князя *Адама Чарторыйскаго;* книга *Шедо-Ферроти*, это усиленная попытка новаго напуска *мглы и тьмы* на польскія дѣла; но часъ приспѣлъ для ихъ разсѣянія; *тьма и мгла* всюду тѣснимыя гибнутъ безвозвратно, вопреки всѣхъ усилій, диктуемыхъ поляками *Шедо-Ферроти* и *Герцену*. Сколько ни печатай *Герценъ* о точкахъ поворота, но для нихъ мѣсто только на столбцахъ *Колокола*. Указъ 10 декабря 1865 года ясно опредѣлилъ, что *на русской землѣ, землею можетъ владѣть только тотъ, кто въ Россіи видитъ свое отечество, а не тотъ, кто жаждетъ ея ослабленія, дабы плодами русской земли угощать иностранныхъ враговъ и заманивать ихъ гостепріимнымъ пріемомъ*, по городамъ и мызамъ западной Россіи, какъ въ 1812 году; на этихъ гостей, поляки надѣялись въ 1831 и 1855 годахъ и ихъ нетерпѣливо они поджидали въ 1863. Всего забавнѣе выходитъ сравненіе отзывовъ *Шедо-Ферроти* и *Герцена* о редакторѣ „Московскихъ Вѣдомостей" и „Русскаго Вѣстника", г. *Катковѣ*. Оба работника польской справы признали его въ высшей степени человѣкомъ *зловреднымъ*, только Ламберовъ отель, при шестидесяти двухъ лѣтнихъ своихъ заботахъ о преуспѣяніи Русской Имперіи, заставляетъ своего присяжнаго ходатая по дѣламъ,

доказывать, что *Катковъ* для нея человѣкъ самый опасный, что онъ смотритъ на свои статьи не какъ на разъясненія *тьмы и мглы* польскихъ дѣлъ, а какъ на декреты, обязательные для правительства; а *Колоколъ* рядомъ статей изображаетъ того же *Каткова*, *редакторомъ казеннымъ*, *закупленнымъ правительствомъ*, *желающимъ только выслужиться передъ нимъ* и для полноты стратагемы, по теоріи столь пригодной польской справѣ— *доносчикомъ*. Впрочемъ, и поляки *бѣлые* и *красные* сходились въ желаніи только мятежа въ Россіи, и расходились во всемъ остальномъ.

Послѣ мятежа, къ старой польской эмиграціи примкнула новая; *Варшавскій Дневникъ* сообщаетъ свѣдѣнія о томъ; какъ чудитъ она снова, и по видимому она пошла по дорогѣ, открытой въ 1831 году, а *Герценъ*, нисходя по ея іерархіи, по доставленнымъ свѣдѣніямъ, заключилъ союзъ для согласныхъ дѣйствій, съ партіею *Хмѣленскаго*,—тою партіею, которую, во время мятежа, сами поляки называли *кабачною*.

Многочисленные работники польской эмиграціи, при щедрости сочувствовавшихъ туземцевъ и иноземномъ милосердіи, праздно проживая за границею, ломали голову надъ разными *стратагемами* и *революціонными теоріями* и заимствовали что могли отъ заграничныхъ революціонеровъ; такъ для мятежнаго настроенія простолюдиновъ, для *науки заговора массъ*, какъ выразился *Лелевель*, отъ *Мадзини* была заимствована мысль о *воскресныхъ школахъ*, изъ Ирландіи—*братства трезвости*. Особенно дѣятельны были *красные;* такъ какъ *бѣлымъ* перепадала *власть* по ихъ средствамъ, то *красные* выработали до возможной крайности теоріи коммунизма, дабы, уравнивъ всѣ состоянія, вырвать у *бѣлыхъ* эти средства къ преобладанію. Прокламаціи диктатора *Тыссовскаго* показываютъ, что теоріи въ 1846 году были уже вполнѣ приготовлены польскою *централизаціею*. Краснымъ, по изобрѣтеннымъ ими теоріямъ, было весьма выгодно возбуждать новыя желанія въ народѣ, и указывать на кровавыя средства къ ихъ достиженію. *Централизація* взяла на себя хлопоты своими теоріями обращать повсемѣстно живущихъ поляковъ въ заговорщиковъ, съ указаніемъ имъ безопасной, легальной обстановки, и вмѣстѣ съ тѣмъ она придумала учебныя, такъ сказать, заговорныя работы, для поляковъ, воспитанниковъ учебныхъ заведеній, съ особою

мятежническою іерархіею; помощью ея юноши должны были легко попадать въ искусно раставленныя сѣти. Въ приложеніяхъ читатели найдутъ плоды заботъ эмиграціи о туземцахъ. Начиная съ приведенныхъ въ 6-ой главѣ прокламацій *Тыссовскаго*, мы найдемъ труды *централизаціи*, въ заботахъ *Колокола* о русскомъ народѣ; по всѣмъ частямъ, труды польской *централизаціи* нашли свое мѣсто на столбцахъ *Колокола;* они дали направленіе дѣятельности *Герцена* и снабдили его своими теоріями новаго государственнаго устройства и принципами новой политической экономіи. Только для общества трезвости *Колоколъ* не даетъ наставленій, но таковыя требовались для пановъ къ благовоспитанному ими готовимому мятежу, который вовсе не входилъ въ расчетъ *польско-герценовской справы* для Россіи. Готовясь къ мятежу, паны успѣли нравственно подчинить себѣ и поляковъ, учениковъ *централизаціи*, успѣли произвести въ нихъ расколъ, а ренегаты до конца остались вѣрными ея кореннымъ принципамъ, тѣмъ болѣе, что того требовала и общая программа; эти остались учениками польской *централизаціи* pur-sang.

Всѣ теоріи, всѣ планы, всѣ стратагемы, всѣ подготовленныя работы, при свѣтѣ фонарей, казались подземнымъ работникамъ весьма складно и ладно приспособленными, но лишь только они приступали къ *великому будованію*, то оно тотчасъ обращалось въ *вавилонское столпотвореніе*, при которомъ работники никакъ не могли сговориться; впрочемъ трудно имъ было и сговориться, ближайшія подробности мятежа 1863 года указали, что возстановленіе Польши есть такое ея возобновленіе на новый ладъ, при которомъ для равенства *каждый* требуетъ ореола почета и значенія, котораго каждый жаждалъ въ давней Польшѣ, а для свободы каждый требуетъ неподчиненія никакой власти, ограничивающей шляхетское своеволіе, стремленіе бывшее постояннымъ спутникомъ жизни Рѣчи Посполитой. Она пала, но при *тьмъ и мьмъ* польская интеллигенція свободно могла передаваться отъ одного поколѣнія другому.

Время разрѣшитъ вопросъ вручатъ ли туземцы опять свою интеллигенцію польской эмиграціи и будутъ ли снова упитываться ея литературою, декретами, рѣчами, или, раставшись съ нею, станутъ жить собственнымъ смысломъ. Польская эмиграція со всѣми своими партіями, дрязгами была для массы туземцевъ — terra incognita; непосвящаемая въ ея тайны масса, поклонялась ей, какъ далекому

лучезарному свѣтилу. Конечно, польское общество не въ произведеніяхъ русской печати будетъ искать свѣдѣній; оно слишкомъ пропитано убѣжденіемъ, что русская книга, не сочувствующая польской справѣ — произведеніе *казенное*, хотя бы документы были приложены въ фотографическихъ снимкахъ; но когда станутъ изцѣляться недавнія раны, стихнетъ раздраженіе, тогда сближеніе торжественныхъ, увлекательныхъ возгласовъ польской эмиграціи съ ея дѣлами и событіями, которыхъ современники были очевидцами, не заставитъ ли ихъ серіознѣе взглянуть на сущность дѣла? Перебранка, процессы, споры и даже драки между столбами великаго будованія, съ взаимнымъ озлобленіемъ, бросаемые на потѣху журналамъ послѣ недавней неудачи мятежа, не выяснятъ ли имъ, какіе люди себя провозглашаютъ *цвѣтомъ націи, старшими братьями* и какими они заражаются побужденіями въ неестественной сферѣ эмиграціи?

Время разрѣшитъ вопросъ: незаглохшіе подъ іезуитскою интеллигенціею остатки славянской народности, вступятъ ли съ нею въ борьбу и раздавятъ ли чуждый элементъ; водвореніе русскихъ землевладѣльцевъ разобьетъ ли кругъ польской замкнутости и облегчитъ ли борьбу? *Лелевель*, съ изображеніемъ всѣхъ правъ и привилегій *польскаго шляхетства*, изслѣдуя событія *люблинской уніи*, какъ бы съ удивленіемъ прибавляетъ, что русскому дворянству, подписывавшему соединеніе съ Польшею, точно *чегото было жаль*, но не это ли *жаль* безсознательно проявляется въ вырывающихся иногда возгласахъ между развитыми туземцами сѣверо-западной Россіи.

Своеволіе сдѣлалось заманкою стремленій шляхетской интеллигенціи; *раздолье*, при которомъ легко дышется и легко живется, легло въ основаніе жизни всего русскаго народа, вопреки всѣхъ *Герценовъ* и *Шедо-Ферроти*, вопреки всѣхъ членовъ вольныхъ и невольныхъ Панургова стада, вопреки современныхъ сплетень *Колокола*, вопреки всѣхъ іереміевскихъ плачей, нагоняемыхъ на русскую литературу. Ни русскій баринъ, ни русской простолюдинъ не выселяются навсегда добровольно изъ Россіи; всякаго тянетъ домой раздолье русской жизни. Все утонетъ въ этомъ океанѣ. Разложеніе *Польшею Россіи* (dissolution de la Russie par la Pologne), какъ выражается *Мѣрославскій*, останется одною только польскою мечтою; не остановить пигмеямъ развитія мужающаго молодаго могучаго народа, не извратить имъ его народнаго разума!

В.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Къ составленному очерку о тридцати-трехъ лѣтней дѣятельности польской эмиграціи, прилагаемъ два документа и одно свѣдѣніе, изъ знаменательнѣйшихъ ея руководствъ для конспиративной дѣятельности туземцовъ. Недавнія событія свидѣтельствуютъ, что прилагаемыя польскія инструкціи имѣли огромное вліяніе, какъ на предшествовавшія обстоятельства, такъ и на самый мятежъ 1863 года; не вѣдая ихъ, сколько русскихъ людей, дѣйствительно, невольно могли попадать въ *Пануржово стадо!*

I.

Наставленія Князя Адама Чарторыйскаго къ заговорной дѣятельности туземцевъ,

(изъ рѣчи, произнесенной въ годовщину возстанія 1830 года, 17 (29) ноября 1844 года, въ засѣданіи польскаго историко-литературнаго общества въ Парижѣ).

. . . .

„Четырнадцатилѣтнее скорбное изгнаніе не могло изъ нашихъ сердецъ изгладить воспоминаній; но не объ этомъ я намѣреваюсь говорить. Истинныя, и если можно такъ выразиться, практическія надежды, каковыя таятся въ груди каждаго изъ насъ, питаютъ огонь высшей жизни. Открыто ихъ высказать было бы и неумѣстно и опасно; но въ моихъ мечтахъ я ничѣмъ не связанъ.....

„Въ мірѣ фантазіи, въ которой я на время васъ переношу, дозволены разныя предположенія. Мнѣ чудится, что въ Польшѣ въ разныхъ мѣстностяхъ находятся мужи съ пылкимъ сердцемъ, спокойнаго и обдуманнаго ума, непотрясаемой твердости и неутомимой настойчивости и что эти люди, издавна чувствуютъ свое призваніе руководить своими собратьями въ своей средѣ, и пользуются между ними значеніемъ, въ своемъ повѣтѣ, воеводствѣ или цѣлой области, для святаго дѣла освобожденія всецѣлой общей отчизны.

Это призваніе главная цѣль ихъ существованія, единственный предметъ ихъ помысловъ, стремленій, усилій и пожертвованій.

„Людей такихъ качествъ много, очень много на нашей землѣ; но при способностяхъ, которыя я въ нихъ предполагаю, таковыхъ считаю человѣкъ двадцать совершенно достаточными; они равномѣрно размѣщенные, образуютъ тѣ *столбы для фундамента*, на которомъ должно подняться все зданіе освобожденной отчизны.

„Великая мысль, громадное предпріятіе, начатое во имя Бога и отчизны, чистосердечная любовь и непотрясаемая твердость воли обильно и плодоносно могутъ содѣйствовать дѣлу.

„Они нападаютъ на способы и средства, которые предъ другими проходятъ не замѣченными, попадаютъ на пути, доселѣ еще не проходимые, встрѣчаютъ нежданныхъ союзниковъ, которые безсознательно (*), *въ общей работѣ являются усердными сотрудниками и помагаютъ совершенію дѣла.*

„Я мечтаю далѣе что при сообразныхъ трудахъ руководителей, во всѣ стороны они даютъ цѣлебные толчки, которыми облагораживаются нравы, упрочивается вѣра, вызываются полезныя занятія и благодѣтельныя учрежденія; они воздерживаютъ юношество отъ порчи нравовъ и праздности, и прививаютъ любовь къ труду; отъ нихъ исчезаютъ злоупотребленія, ребяческіе расходы; сбереженіе даетъ средства въ руку, для веденія общаго дѣла и къ накопленію наличнаго запаса въ случаѣ нежданныхъ и, въ рѣшительныя минуты, неустраняемыхъ потребностей. Общественное мнѣніе, съ разныхъ сторонъ похвальнымъ образомъ направляемое, усиливаетъ свое могущество, развивается и споспѣшествуетъ своею самостоятельностью желаннымъ перемѣнамъ.

„Каждый руководитель, въ своемъ мѣстѣ пріобрѣтаетъ исподоволь довѣренность округа и личностей; онъ избираетъ способнѣйшихъ, обсуживаетъ какими способами и средствами онъ можетъ употребить каждаго; кому въ извѣстное время ему поручить какое либо дѣло, на кого возложить извѣстную роль. Руководитель создаетъ различные планы, вникаетъ въ событія, предусматриваетъ затрудненія, дабы по возможности избѣжать колебаній; онъ *заблаговременно обдумываетъ какъ ему поступать, при всякомъ могущемъ быть случаѣ*, и какъ въ кругѣ своей дѣятельности сохранять доброчинность и порядокъ. При встрѣчѣ съ способнѣй-

(*) т. е. союзники изъ Панургова стада.

никъ, онъ самъ ему добровольно подчиняется и содѣйствуетъ ему собственнымъ послушаніемъ; тѣмъ онъ подаетъ прекраснѣйшій примѣръ благоразумія и любви къ отчизнѣ. Никто не знаетъ его помысловъ; но не менѣе того всѣ вообще болѣе или менѣе слѣдуютъ по направленію данному руководителемъ.

„Иной разъ руководитель, когда нужда заставляетъ, на нѣкоторое время, удерживаетъ и обуздываетъ слѣпое нетерпѣніе неблагоразумныхъ, которыхъ *выходки преждевременныя, не подчиненныя расчету вѣроятности полезнаго усилія, только разрушительно вторгаются на путь, уничтожая вѣрнѣйшія польскія надежды*.

„Въ другой же разъ руководитель, сообразнымъ воодушевленіемъ, отрываетъ иныхъ отъ овладѣвшихъ ими опасеній равнодушія, и лѣни. Руководители должны проникать во всѣ слои, во всѣ сословія; между всѣми личностями и націями должны снискивать симпатіи, и преслѣдуя свою мысль питать и оживлять ихъ постоянными и повторяемыми сношеніями. Евреи даже, которые враждебно и вѣроломно противудѣйствовали полякамъ, перейдя на сторону гдѣ сила и золото, и тѣ начинаютъ сознавать свое заблужденіе и свою вину. Преслѣдуемые тѣми, кому они передались, они въ своихъ воспоминаніяхъ возвращаются къ Польшѣ, воспоминаютъ то, что Польша имъ нѣкогда доставляла. Ихъ тоже унесетъ потокъ духа времени; они охотно для польской справы примкнутъ къ другимъ жителямъ страны, при убѣжденіи что Польша имъ доставитъ болѣе огражденій, болѣе свободы и болѣе выгодъ для ихъ благосостоянія.

„Мысль о возстаніи, никогда громко не произносимая, извивается по всѣмъ направленіямъ, распространяется, утверждается и всюду становится преобладающею; постоянно умалчиваемая, она не менѣе того охватываетъ всѣхъ, паритъ надъ всѣми, и не даетъ никому *ни покоя, ни отдыха;* повидимому самыя обыкновенныя явленія — на дѣлѣ, послѣдствія своеобразнаго, чарующаго обаянія, животрепещущаго участія.

„Я не останавливаюсь на этомъ; я предполагаю чудеса, предполагаю дѣйствительно чудеса, и именно такія что всѣ руководители, а потому всѣ дѣятельность сосредоточивающіе пункты, по всей странѣ, устремляются къ одной цѣли, согласно признаютъ одно и тоже средство сообразнѣйшимъ, на немъ основываются и повинуются *одной власти* слѣдуя одинаковому направленію; въ этомъ слу-

чаѣ одно стремленіе не перечитъ другому; одно пламя не препятствуетъ сосѣднему; всѣ въ затаенныхъ очагахъ направлены въ одну сторону, чтобы произвести общій пожаръ и тѣмъ достигнуть несомнѣннаго успѣха.

„Этимъ путемъ нація достигаетъ самоувѣренности, и убѣжденія въ своемъ высокомъ предназначеніи, и что она до него созрѣла; тогда она не исказитъ наипригоднѣйшій моментъ гибельными, преждевременными вспышками; но внимательно слѣдя за ходомъ дѣлъ, не пропуститъ благопріятное столкновеніе обстоятельствъ, и вполнѣ и достойно имъ воспользуется.

„Въ одинъ моментъ возстаетъ вся Польша, нѣтъ закоулка, который не выставилъ бы своихъ защитниковъ; изъ каждой шляхетской избы, изъ каждой хижины, хотѣлъ бы сказать изъ каждаго куста, выходитъ вооруженный воинъ.

„Господь благославляетъ первыя усилія, мгновенно пресѣчены сообщенія врага, его мѣстныя власти низвергнуты, отдѣльныя части войска обезоружены, запасы захвачены.

„Со всѣхъ сторонъ атакованный пришлецъ, будетъ поставленъ въ недоумѣнье, куда направить свои дѣйствія, если единовременно будетъ поднято оружіе по общему плану одной идеи, *одной правительственной власти*, заблаговременно подготовившей движеніе и дальнѣйшее ему направленіе; тогда успѣхъ не сомнѣненъ, но это условіе трудно исполнимо, особенно между нами.

„Частныя даже неудачи воодушевляютъ еще къ большимъ усиліямъ. Пламя борьбы за независимость, распространяется въ смѣшеніи успѣховъ съ неудачами; но мужество и настойчивость націи сохраняютъ перевѣсъ. Европа, доведенная до убѣжденія, что въ насъ есть такая сила къ собственной жизни и къ самоуправленію, которую нельзя уже разрушить въ нѣсколько мѣсяцевъ (какъ въ 1831 году), выступитъ съ своимъ посредничествомъ и придетъ къ намъ на помощь, чтобы остановить напрасное кровопролитіе; Европа признаетъ и громко провозгласитъ, то что будетъ само собою вполнѣ выяснено, что Польша — нація самостоятельная и что съ той поры никому уже не принадлежитъ право, у нея оспаривать ею достигнутую самостоятельность, какъ у всякаго другаго независимаго народа......“

II.

УЧМЫ СЕНЪ

(станемъ учиться).

(Изъ Виленскаго Вѣстника № 23 Января 28—1866 г.).

Послѣднее возстаніе, послужившее столь отрезвляющимъ средствомъ для русскаго общества, богато множествомъ матеріаловъ, доселѣ извѣстныхъ весьма не многимъ и обрисовывающихъ истинное значеніе польщизны въ средѣ нашего общества. Матеріалы эти важны не столько какъ документы историческіе, сколько какъ назидательное поученіе для настоящаго времени, какъ телескопы, которые открываютъ намъ мало изслѣдованныя доселѣ подробности организаціи шляхетскаго міра, вращающагося въ нашемъ обществѣ, снабжающаго насъ Огрызками, Сѣраковскими и Домбровскими, поджигателями и дѣлателями фальшивыхъ денежныхъ знаковъ и, что всего важнѣе, внушающаго всѣмъ этимъ дѣятелямъ *свентой справы* весьма выгодное для подобныхъ господъ убѣжденіе, что преступленіе относительно Россіи, при всей гнусности его, есть въ сущности дѣло нравственное, высоко-патріотическое.

Знакомство съ матеріалами этого рода намъ необходимо и для насъ самихъ, въ видахъ огражденія себя отъ опасности, и даже для поляковъ, которые тогда только могутъ серьозно подумать о томъ, чтобы сдѣлаться честными гражданами русской земли, когда фактически убѣдятся въ полной несостоятельности завѣтной мечты своей о возстановленіи Рѣчи Посполитой, руками русскаго правительства.

Предлагаемый документъ: „Uczmy się“ (будемъ учиться) заключаетъ въ себѣ весьма любопытныя и поучительныя для насъ воззрѣнія польскихъ патріотовъ на то, какъ слѣдуетъ истому поляку пользоваться доставляемыми ему нашимъ правительствомъ средствами къ образованію; интересъ документа этого возрастаетъ еще болѣе, если мы вспомнимъ, что проповѣдуемая въ немъ теорія была прилагаема къ практикѣ.... Онъ найденъ былъ между бумагами одного молодаго шляхтича подольской губерніи, С...ска-

го, бывшаго нѣкоторое время передъ послѣднимъ возстаніемъ студентомъ университета св. Владиміра. Въ маѣ 1863 года, шляхтичъ этотъ задержанъ былъ, по подозрѣнію, въ Могилевѣ (подольской губ.). По слѣдствію оказалось, что онъ занимался *обученіемъ дѣтей* у одного тамошняго пана, не смотря на то, что письменные отзывы и черновыя бумаги учителя доказываютъ крайнюю слабость его въ русской и польской грамотѣ. У него же найдено было и переложеніе на мало-россійскій языкъ извѣстнаго революціоннаго гимна: «*Боже цось Польска.*» По объясненію С....скаго, данному при слѣдствіи, онъ списалъ переложеніе «*по мистическимъ побужденіямъ*,» а статью объ образованіи «*единственно изъ любопытства.*»

Печатаемъ послѣдній документъ, въ переводѣ. Мы считаемъ лишнимъ дѣлать къ нему комментаріи. Безобразіе доводовъ, приводимыхъ въ немъ въ доказательство того, что полякъ обязанъ пользоваться наукой, преподаваемой на русскія деньги, *какъ средствомъ наносить вредъ Россіи*, слишкомъ очевидно, чтобъ останавливаться на ихъ опроверженіи.

Но какъ ни краснорѣчиво документъ этотъ говоритъ самъ за себя, какъ ни поучительны выводы изъ него, какъ ни очевидна опасность, которой подвергаемся мы вслѣдствіе холоднаго воззрѣнія нашего на русское дѣло и допущенія въ среду свою такой тлетворной язвы, какъ польщизна— мы далеко не можемъ покуда похвастаться, чтобы съ нашей стороны приняты были *всѣ* необходимыя мѣры для предохраненія себя отъ опасности въ будущемъ.

Здѣсь, въ громадной массѣ слѣдственныхъ дѣлъ, хранятся не мало поучительныхъ фактовъ, подтверждающихъ, на сколько зловреденъ для русскаго дѣла инородческій и враждебный элементъ, когда онъ занимаетъ самыя, повидимому, низшія служебныя должности.

СТАНЕМЪ УЧИТЬСЯ.

„Изъ просвѣщенія, управляемаго врагомъ и наклоняемаго къ исключительной его выгодѣ, можно извлечь выгоду и для Польши. Если изъ школъ, стоящихъ подъ прусско-австрійско-московскимъ попечительствомъ, могутъ выходить польскіе писатели, то почему же изъ тѣхъ же самыхъ школъ не могутъ выходить и

польскіе граждане? Мы не говоримъ о великихъ ученыхъ, о геніяхъ, о Коперникахъ; напрасно мы выглядывали бы ихъ; чтобы дождаться такихъ плодовъ надобно чтобы народная нива была прежде хорошо воздѣлана попольски. Но мы совершенно въ правѣ отъ образующихся въ нѣмецко-московскихъ школахъ польскихъ юношей домогаться, чтобы они были гражданами, а имѣя это право, имѣемъ и обязанность, если не подать, то по крайней мѣрѣ припомнить имъ способъ, слѣдуя которому они не будутъ ни нѣмцами, ни русскими.

„Этотъ способъ есть желаніе, съ какимъ пріобрѣтается ученіе.

„Пусть только желаніе будетъ хорошее и польское, то нѣтъ такой науки, которой нельзя было бы приложить непосредственно къ нуждамъ нашего отечества и, что вѣрнѣе,— нѣтъ такой науки, въ которой бы оно не нуждалось; да и самое ученіе пошло бы успѣшнѣе и вѣрнѣе, имѣя предъ собою цѣль не навязанную, но свою собственную, родную, естественную. Примѣромъ можетъ служить познанская область въ эпоху между 1831 и 1846 годами. Эта небольшая провинція возвысилась вдругъ и просіяла ученостію и литературою на всю Польшу. Чѣмъ это сдѣлалось? Тѣмъ, что въ ея лоно влилось живительнымъ ручьемъ желаніе посвятить себя для Польши. Предъ нею явилась цѣль: Польша цѣлая, свободная и независимая. *Познань составляла заговоры и подземными заговорными работами утучняла нравственный грунтъ.* Тамъ не учились въ то время хлѣба ради только, или же науки ради, не трудились ради личной только выгоды и славы, но именно для возстановленія отечества изъ упадка. Когда же доброе желаніе, встревоженное (полагаемъ, временно) неудачами, вздремнуло, Познань, изъ передоваго, сразу низошла на очень, очень второстепенное мѣсто, какъ будто само провидѣніе хотѣло этимъ показать намъ, что безнаказанно мы не вольны ни на минуту переставать трудиться для Польши.

„Въ чемъ состоитъ нынѣ самая важная, главнѣйшая первенствующая предъ всѣми другими потреба нашего отечества? Разсматривая все поочередно и взвѣшивая все на вѣсахъ ума, чувства, или просто народнаго только разсудка, нельзя не прійти къ тому окончательному убѣжденію, что въ числѣ многихъ потребъ, первѣйшее мѣсто принадлежитъ народной независимости. Безъ независимости, самое взысканное, самое раціональное удовлетвореніе всѣхъ иныхъ нуждъ непремѣнно будетъ уродливо, не полно и, нерѣдко, вредно. Недостатка независимости ничѣмъ за-

гѣнить нельзя. Можно вычеркнуть Польшу изъ карты Европы, но невозможно изъ сердецъ и умовъ поляковъ, изъ ихъ желаній и стремленій исторгнуть и уничтожить народнаго „я.“ Оно всегда отзовется, сильнѣе или слабѣе, явственнѣе или незамѣтнѣе, но *отзовется всегда.*

„Народная независимость, доколѣ она не осуществится, составляетъ только желаніе, но она не осуществилась бы никогда, если бы оставалась всегда въ отвлеченной сферѣ желанія. Она принадлежитъ къ тому роду хотѣній, которыхъ не иначе, какъ насильствомъ, домогаться должно. А насильство это въ переводѣ на практическій языкъ означаетъ: вооруженное исторженіе отчизны изъ объятій врага войною, посредствомъ народнаго возстанія.

„И такъ если перенесемся мыслію къ той ступени, которой нельзя миновать, если не хотимъ народную независимость предоставить милости непріятелей, то намъ сразу являются недостаточность средствъ и препятствія, изъ коихъ одни надобно пополнить, либо опрокинуть. И здѣсь тотчасъ становятся предъ нашими взорами науки, а изъ нихъ тѣ именно *специальности*, къ которымъ наклоняетъ врагъ для превращенія насъ въ послушныя ему и вредныя для отечества орудія. Когда мы учимся для врага, то какая бы ни ожидала насъ карьера, либо награда у послѣдняго предѣла ученія нашего, мы учимся нехотя, какъ за барщину, какъ наемные рабочіе. Когда же учимся для отечества, то къ побужденіямъ учиться присоединяется могучій рычагъ, который толкаетъ насъ впередъ и понуждаетъ въ таинствахъ науки выискивать тѣ именно выводы, которые можно прямо примѣнить либо наклонить къ осуществленію главнаго нашего хотѣнія. И вотъ мы закапываемся въ книгахъ и лабораторіяхъ, роемся, ищемъ, *отмѣчая особымъ знакомъ все то, что въ нравственномъ или физическомъ отношеніи можетъ быть передѣлано въ оружіе.* Техникъ замѣтитъ себѣ въ особенности и тщательно разсмотритъ слѣдующіе, напримѣръ, вопросы: какъ выдѣлывать порохъ скорѣйшимъ и дешевѣйшимъ способомъ? какъ и какія ремесла можно передѣлать въ литейныя, въ заводы для приготовленія ружей, сабель и боевыхъ снарядовъ? какимъ образомъ дорогіе, либо рѣдкіе матеріалы, необходимые для сражающихся, можно замѣнить сподручными? *Военный* задаетъ себѣ слѣдующую задачу: человѣка, не имѣющаго малѣйшаго понятія о войскѣ, передѣлать въ кратчайшій срокъ въ солдата, способнаго маневрировать въ

порядкѣ, сражаться и побѣждать непріятельское войско; онъ изслѣдуетъ при томъ *сильныя и слабыя стороны* военной организаціи непріятеля, его способы и тайны. И если-бы всякій выдѣлилъ такимъ образомъ изъ своей науки часть, примѣнимую къ возстанію, то возстаніе въ данное время увидѣло-бы въ своемъ обладаніи всесторонніе таланты и средства, которыя обезпечили-бы и ускорили его движеніе и развитіе и обнаружили-бы успѣхъ. Даже *лѣкарь*, даже *ксендзъ*, котораго правительство учитъ тому только, дабы онъ въ извѣстныхъ случаяхъ являлся въ эпитрахили и ризѣ и со ступеней алтаря наклонялъ къ покорству незаконной власти и язычеству, если-бы они проникнулись насквозь желаніемъ служить отечеству, то дошли-бы вскорѣ до убѣжденія, что для уврачеванія польскаго тѣла и польскаго духа нужны не аллопатія, не офиціозныя облаченія, но одно лишь: *„возстань и гряди.“* Изъ училищъ выходили-бы не недоучки, не противные верхогляды, но граждане, изъ коихъ каждый въ своей сферѣ и мѣрѣ несъ-бы за пазухой какое нибудь приношеніе для Польши.

„Однако на этомъ пути есть одинъ подводный камень, о которомъ мы должны предостеречь учащихся въ непріятельскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Камень этотъ есть *карьера*. Не одинъ, съ самымъ честнымъ въ началѣ желаніемъ, какъ только увидитъ блестящіе на его плечахъ въ перспективѣ генеральскіе эполеты, не въ силахъ противиться ихъ прелести и стремится къ нимъ съ тою мыслію: что донесетъ честность своего желанія до самой минуты украшенія ими себя и что съ высшаго поста расширится и его дѣятельность. Въ теоріи это кажется справедливымъ, на практикѣ же это чистая ложь. При переходѣ въ непріятельской службѣ со степени на степень, на каждой изъ нихъ теряется часть добраго желанія, а на послѣднюю приходитъ человѣкъ съ совѣстію, очищенною отъ патріотическихъ намѣреній. *Лучше по этому не заходить далеко на этомъ пути.* Безопаснѣе для тѣхъ, кому ужъ непремѣнно нужна карьера, выжидать таковой въ освобожденномъ отечествѣ и приспѣшать, торопить его освобожденіе. Нѣтъ такой высокой амбиціи, которой не моглобы удовлетворить столь великое дѣло, каково есть отвоеваніе Польши, и нѣтъ амбиціи благороднѣе той, которая опирается на посвященіе себя отечеству.

«*Станемъ же учиться, но только для Польши*, будемъ трудиться, но только для отечества. Пусть оно всегда будетъ

въ нашей мысли и сердцѣ; когда же доработаемся его, тогда процвѣтетъ въ немъ и наука.... Въ настоящую минуту намъ должно всѣми силами, всѣми добродѣтелями, всѣми умами и талантами совокупиться для высвобожденія Польши. Потребность эта составляетъ нашу политическую спеціальность, по этому вовсе не будетъ не кстати наламывать къ ней и научныя спеціальности. Строго судя, это не науки, а ремесла, которыми непріятель вспомогательно окружаетъ важнѣйшее для него ремесло военное, изучая и совершенствуя оное непрестанно. *Военное ремесло теперь и для насъ самое важное.* И для насъ нужны спеціальности, ближе или далѣе относящіяся къ войнѣ, или же вспомоществующія ей непосредственно. Само военное искуство, по общему мнѣнію, первое здѣсь занимаетъ мѣсто. Рядомъ съ нимъ становится важностію выдѣлка оружія, пушекъ, снарядовъ, а также искусство революціоннаго управленія возстающимъ краемъ. Эти три отдѣла спеціальности вмѣщаютъ въ себѣ рядъ наукъ и примѣненій, съ которыми мы обязаны ознакомиться подробно и всесторонне, если хотимъ совѣстливо готовиться къ возстанію, если не хотимъ отдать народныя усилія въ жертву технической недоучки либо злоумышленію правителей (*).

III.

Централизація демократическаго товарищества польской эмиграціи, раскинувъ повсемѣстно *секціями*, уставы для единообразной мятежнической дѣятельности своихъ стронниковъ и приверженцевъ, озаботилась и о пригодномъ для польской справы направленіи подростающаго новаго поколѣнія, воспитываемаго въ учебныхъ заведеніяхъ. Цѣль была та, чтобы юношество неминуе-

(*) Предъ началомъ мятежа 1863 года, революціонный варшавскій центральный комитетъ, собираясь вести правильно организорованную войну, хотѣлъ завести тайныя мастерскія и фабрики для исправленія оружія, приготовленія капсюлей и пороха и лабораторій. Командированный въ С. Петербургъ съ разными порученіями подземнаго правительства, исключенный изъ гвардейской конной артиллеріи подпоручикъ *Сигизмундъ Падлевскій*, въ декабрѣ 1862 года, привезъ при возвращеніи увѣдомленіе, что *таковые техники* по требованію отправятся въ Варшаву.

мо попадало *въ польскіе патріоты*, и на случай мятежа, была готова въ данный моментъ, быть пущенною первою на всякія опасныя предпріятія подготовляющія и рѣшительныя. Устройство, мятежнической организаціи для учебныхъ заведеній, вмѣстѣ съ распространеніемъ между туземцами, *секцій*, было внесено въ Западную Россію эмиссаромъ Симономъ *Конарскимъ* (въ 1839 году растрѣлляннымъ въ Вильнѣ) и имъ привито въ кіевскомъ университетѣ и въ виленской медицинской академіи. Приведенное свѣдѣніе относится къ состоянію этой мятежнической организаціи въ 1862 году.

Студенты составляютъ особое польское общество, которое для учебныхъ пособій и вспомоществованія неимущихъ товарищей, имѣетъ свою кассу и своихъ кассировъ; эта благонамѣренная цѣль была извѣстна и начальству заведеній.

Ближайшее устройство польскаго студентскаго общества существовало на слѣдующихъ основаніяхъ:

Мятежническая іерархія раздѣлялась на четыре степени, переходъ изъ одной въ другую сопровождался особою клятвою; низшія степени могли только догадываться о существованіи и предметѣ занятій высшихъ. Польское студентское общество раздѣлялось по мѣсту рожденія на гмины, по давнимъ областямъ Рѣчи Посполитой.

Вновь прибывшій, при поступленіи въ гмину давалъ обѣщаніе вносить 5% изъ своего ежемѣсячнаго прихода и хранить молчаніе о всякихъ могущихъ быть въ его присутствіи польско-патріотическихъ заявленіяхъ, за которые проступки виновный могъ-бы подпасть подъ отвѣтственность. Вступающій въ гмину имѣлъ право пользоваться нужными для занятій книгами изъ особой студентской библіотеки; гмина заботилась неимущимъ доставлять уроки или другія занятія и въ случаѣ крайности, членъ гмины имѣлъ право на вспомоществованіе изъ общей кассы. Новоприбывшіе снабжались отъ товарищей произведеніями революціонной польской литературы, польско-патріотическое настроеніе давало студенту право на переходъ во 2-й разрядъ; т. е. быть *членомъ съ голосомъ*. Члены съ голосомъ имѣли ежемѣсячныя собранія погминно; на этихъ собраніяхъ избирались *радный* (совѣтникъ), *кассиръ* и *библіотекарь;* прежніе должностные могли быть избираемы вновь; *радный* былъ главный руковидитель и распорядитель по дѣламъ гмины, *кассиръ* завѣдывалъ собираемыми деньгами, а *би-*

бліотекарь, тою частью общей библіотеки, которая ему поручалась на храненіе въ его квартирѣ. Библіотека имѣла два каталога, одинъ книгъ цензурованныхъ, а другой запрещенныхъ. (Въ московскомъ университетѣ первые были подъ буквою T, а вторые подъ буквою Z).

Радные, кассиры и библіотекари всѣхъ гминъ составляли *третью степень*, такъ называемую *администрацію*, которая изъ среды себя, избирала четвертый, высшій разрядъ—*административный совѣтъ*, состоящій изъ трехъ членовъ: *главнаго раднаго*, *главнаго кассира* и *главнаго библіотекаря*.

Административный совѣтъ, по конспиративной дѣятельности входитъ уже въ сношенія внѣ круга дѣятельности самого заведенія.

III.

Отвѣтъ г. Скарятину.

Когда мы писали статью: «Крупные и мелкіе землевладѣльцы,» мы болѣе имѣли въ виду дѣло, чѣмъ газету, крупныя заблужденія которой въ отношеніи къ этому дѣлу заставили насъ взяться за перо; мы не назвали даже этой газеты по имени. Но пословица говоритъ: ударь по столу и ножницы отозвутся; такъ случилось и теперь: одинъ изъ дѣятелей этой газеты, которую и теперь женируемся мы, не смотря на наше *семинарство*, назвать по имени, едва только очутился внѣ виленскаго района, какъ разразился надъ нами всей своею спѣсью, не дворянской ругней, жалкимъ остроуміемъ и фальшивыми извѣтами. Г. Скарятинъ догадается теперь, что дѣло идетъ объ немъ, или точнѣе—объ его: «съ дороги» (письмо (*)), и что мы теперь болѣе имѣемъ дѣло съ лицомъ, чѣмъ съ принципомъ. Потому ли, что путевыя впечатлѣнія г. Скарятина находятся еще доселѣ въ хаотическомъ безпорядкѣ, потому ли, что въ ненормальномъ состояніи духа нельзя разсуждать логично, или потому и другому вмѣстѣ,—только въ письмѣ г. Скарятина нельзя встрѣтить ни послѣдовательности, ни серьознаго взгляда на дѣло, ни доказательствъ тѣхъ обвиненій, которыя онъ, не стѣсняясь, пустилъ въ свѣтъ противъ русскихъ дѣятелей. Поэтому мы вынуждены держаться и въ настоящей бесѣдѣ съ г. Скарятинымъ тогоже безпорядка, какой царитъ въ его письмѣ.

«Въ Вильно (отъ чегоже не въ Вильнѣ?!) всѣ были крайне предупредительны, когда слышали мою русскую рѣчь... однакожъ не вездѣ въ Вильно встрѣчаютъ такъ предупредительно русскую рѣчь.» «Всѣ и не вездѣ,»— ужъ не остроуміе ли это *какое либо?!* Но въ сторону слова и даже остроуміе. Въ подтвержденіе послѣдняго наблюденія, г. Скарятинъ трактуетъ о томъ, какъ—«въ

(*) Помѣщенное въ 45 № «Вѣсти».

прихожей или кухнѣ» (*) его, самаго г. Скарятина, козакъ принялъ, лежа. Въ объясненіе этой невѣжливости,— образчика которой ни мы, и никто изъ нашихъ знакомыхъ не встрѣчали здѣсь въ теченіи трехъ лѣтъ,— знакомые г. Скарятина приводили причину болѣе чѣмъ вѣроятную, именно,— что козакъ принялъ г. Скарятина за поляка. «Утѣшительно для поляковъ, вынужденныхъ являться къ русскимъ чиновникамъ,»— восклицаетъ гуманный г. Скарятинъ въ отвѣтъ на это объясненіе. Чтожъ дѣлать, отвѣтимъ и мы г. Скарятину: насильно милымъ не будешь ни кому; а у козаковъ слишкомъ мало причинъ и побужденій гуманничать, ломаться и кривить душою предъ поляками. Отчего вы не предположите, г. Скарятинъ, такой случай, что у этого козака сидѣла въ ногѣ польская пуля, поневолѣ заставляющая его держать ноги вверхъ, или еще проще,—что казакъ, не знакомый съ столичнымъ этикетомъ и двоедушіемъ, не побезпокоился предъ человѣкомъ, идущимъ чрезъ кухню? Но это мелочь; а вотъ что главное: уже ли г. Скарятинъ не могъ найдти въ Вильнѣ явленія, болѣе достойнаго русскаго наблюдателя,— уже ли нельзя было прожить въ Вильнѣ нѣсколько дней и написать объ ней письмо— безъ того, чтобы не бросать грязью въ козака и многое другое—чистое-русское? По неволѣ приходишь къ тому убѣжденію, что человѣкъ всегда почти найдетъ то, чего ищетъ, и что можно пропутешествовать очень долго, ничего не находя и не встрѣчая, кромѣ «сору да навозу.» Ищите, г. Скарятинъ, и найдете!...

Откуда г. Скарятинъ почерпнулъ ту сентенцію, что путемъ контрибуціи хотятъ заставить пановъ продать свои имѣнія дешевле? не изъ польскихъ ли комментаріевъ? Правда, г. Скарятинъ оговоривается, что это ему сказалъ «одинъ изъ защитниковъ здѣшней администраціи.» Положимъ; но развѣ этотъ защитникъ не могъ смотрѣть на дѣло такъ же своеобразно; а еслибъ онъ — предположимъ невозможное — попалъ въ мысль администраціи, уже ли все, что скажетъ, словно на духу, русскій русскому, должно быть профанировано въ печати, переносимо во враждебный лагерь? Причины контрибуціи такъ очевидны, такъ открыто, честно и основательно указаны правительствомъ, что произвольное толкованіе ихъ болѣе чѣмъ не благоразумно.

(*) Развѣ нельзя отличить первой отъ послѣдней и развѣ нельзя было, для избѣжанія непріятныхъ qui pro quo, пойдти парадным ходомъ?

Въ подтвержденіе «несправедливости и безцѣльности» (*) контрибуціи, г. Скарятинъ приводитъ то *личное* убѣжденіе, что теперь «изчезла даже всякая тѣнь возможности какого либо движенія... безпорядковъ».. и что нельзя «серьезно вѣрить въ возможность заговоровъ.» Дѣйствительно, *теперь* нельзя вѣрить въ возможность безпорядковъ, хоть и не заговоровъ. Пока status quo продолжается, движеніе повториться не можетъ; но послѣдуйте только совѣтамъ гг. Скарятиныхъ, — отмѣните контрибуцію, снимите военное положеніе, выбросьте лѣтъ на десять изъ головы мысль о «возможности польскихъ безпорядковъ», усыпите себя оптимизмомъ, что все обстоитъ и будетъ обстоять спокойно и благополучно, не примите тѣхъ мѣръ, которыя должны дать другой характеръ цѣлому краю — и польскій бунтъ упадетъ на западную Россію, какъ мокрый снѣгъ на голову. Гдѣ доказательства, спрашиваетъ г. Скарятинъ? Въ исторіи, г. Скарятинъ, въ характерѣ и тенденціяхъ ксендзо-шляхетскихъ. Ужели вы думаете, что этотъ характеръ, эти тенденціи ослабѣли или измѣнились отъ подавленія бунта, отъ контрибуцій, конфискацій, военнаго положенія? Мы думаемъ, что отъ такихъ причинъ такія тенденціи не ослабѣваютъ, а усиливаются; только лишь, до поры — до времени, не проявляются въ фактахъ, терзаютъ душу, во глубинѣ которой таятся. Развѣ насъ не обозвали Донъ-кихотами такіе какъ вы, г. Скарятинъ, мыслители въ 62 году, а особенно, когда мы, въ ноябрѣ этого года, пророчествовали о близости польской «рѣзни»? Развѣ въ концѣ 20 годовъ не убаюкивалъ кое-кто себя, а особенно другихъ блаженнымъ оптимизмомъ? Нѣтъ, г. Скарятинъ, плохо вы изучали польскую исторію, мало знаете шляхетско-ксендзовскую натуру, закалъ папизма и полонизма, не долго вы жили въ Вильнѣ, когда думаете, — или шутите, — что бунтъ польскій абсолютно — невозможенъ отъ того только, что его *теперь* нѣтъ, или что онъ невозможенъ въ ближайшемъ будущемъ. Но мы даже не ручаемся и за это будущее, если только какія нибудь комбинаціи политическія вовлекутъ Россію въ настоящую европейскую войну... Кое какое движеніе, или точнѣе — съѣзды и разъѣзды, гордая осанка, свѣтлѣющія на физіономіяхъ надежды, говорятъ, замѣчаются.

(*) Не берете ли вы, г. Скарятинъ, на себя роль, болѣе чѣмъ самозванную, выражаясь такимъ образомъ? Вездѣ контрибуціи взимаются съ Высочайшаго утвержденія.

Перейдемъ къ нежеланію пановъ польскихъ продавать свои имѣнія людямъ русскимъ. Г. Скарятинъ думаетъ, что люди, ищущіе причинъ этого нежеланія въ закалѣ политическомъ, «сбиваютъ съ толку, морочатъ, вводятъ въ заблужденіе общественное мнѣніе Россіи, разжигаютъ страсти» и проч. Напрасно такъ думаетъ г. Скарятинъ: все это дѣлаетъ онъ самъ, отыскивая причину этого нежеланія, или точнѣе упорства, въ ариѳметикѣ. Напрасно г. Скарятинъ такъ легко относится къ такимъ доводамъ своихъ противниковъ, каковы: «польскій патріотизмъ, іезуитская интрига, польскій катихизисъ»; напрасно онъ требуетъ другихъ болѣе серьезныхъ доводовъ. Болѣе серьезныхъ и согласныхъ съ дѣйствительностью доводовъ быть не можетъ. Г. Скарятинъ аргументируетъ такъ:» пусть администрація опубликуетъ находящіеся у нея доказательства, что поляки упорствуютъ продавать имѣнія по причинамъ политическимъ и... поставитъ вопросъ внѣ спора». Не знаемъ есть ли у администраціи такія доказательства, а если есть, то всегда ли ихъ удобно публиковать; знаемъ только то, что г. Скарятинъ, должно быть, слишкомъ наивенъ, когда думаетъ, что панъ, не продающій имѣнія по причинамъ политическимъ, такъ-таки первому встрѣчному и бракнетъ: »я, дескать, не продаю имѣнія потому, что это запрещаетъ 1-й § польскаго катихизиса, что мы надѣемся, при удобномъ случаѣ, возвратить себѣ этотъ край «забранный» и приняться за вожделѣнную панщизну и всяческое насиліе» (*). По неволѣ паны, по примѣру г. Скарятина, дѣлаютъ отводъ на причины ариѳметическія; но ариѳметика ихъ держится, вѣроятно, такихъ выкладокъ: $2 + 2 = 5$. Чистая ариѳметика говоритъ, что паны запрашиваютъ за свои имѣнія-то двойную, то тройную цѣну. Въ Могилевской губерніи продано нѣсколько имѣній даже чуть не за четверную цѣну, потому что продана (по расчету на души) ревижская душа по 400 руб., тогда какъ она продавалась тамъ *во время барщины* около ста рублей. Пусть вчитается г. Скарятинъ въ извѣстную статью, перепечатанную изъ Кіевлянина во всѣ газеты, и онъ узнаетъ изъ этой статьи, что, въ началѣ кіевской крещенской ярмарки, охотниковъ продать имѣнія было много, что цѣны были объявлены почти подходящія, что были «серьезные по-

(*) Не смотря на то, что г. Скарятинъ задался причиною ариѳметическою, онъ самъ проговорился о «нѣкоторыхъ исключеніяхъ», почерпнутыхъ имъ изъ бесѣды съ здѣшними чиновниками, и доказывающихъ существованіе причинъ явленія политическихъ.

купцики», но что потомъ, пошушукавъ, конечно, между собою, паны начали ломать за свои имѣнія такія цѣны, которыя отзывались шуткой, и которыя по неволѣ устранили всякую возможность основательной сдѣлки. Напрасно даже г. Скарятинъ думаетъ, что его «пріятель» купилъ имѣніе слишкомъ дешево, заплативъ десятину земли по 12 р. 50 коп. Онъ заплатилъ за имѣніе почти вдвое дороже противъ его стоимости, если купилъ его въ Виленской, или Витебской губерніи, и если продавецъ въ эту цифру не включилъ выкупной суммы за крестьянскій надѣлъ землею. Что бъ было дѣло чище, нужно было г. Скарятину назвать имѣніе по имени; въ этомъ не можетъ быть секрета; тогда бы мы, расчитавъ всю вырученную продавцемъ за имѣніе сумму, примѣнительно къ ревижскимъ его душамъ, моглибы судить основательно о дешевизнѣ, или дороговизнѣ покупки. Нельзя не взять при этомъ въ расчетъ различіе экономическаго труда обязательнаго отъ вольнонаемнаго. За одну только обмолвку г. Скарятина мы ему и благодарны,—это за предположеніе, что «большинство поляковъ расчитываетъ перенести свои капиталы (вырученные за проданныя имѣнія) за границу». Должно быть г. Скарятинъ входилъ въ интимныя бесѣды со многими панами, когда они были предъ нимъ такъ откровенны, и когда онъ говоритъ о «большинствѣ». И мы когдато сдѣлали намекъ на опасность уплыва русскихъ денегъ, вырученныхъ панами за проданныя ими имѣнія, за границу; теперь г. Скарятинъ доказываетъ, что этотъ намекъ не былъ напрасенъ, и что противъ этой опасности мы должны взять свои мѣры, состоящія хоть бы томъ, что бы панство получало плату за проданныя имѣнія такими бумагами русскими, которыя не имѣли бы ходу за границей, на которыя можно былобы купить имѣніе въ сѣверовосточной Россіи, Финляндіи, или Царствѣ польскомъ, пускаться въ Имперіи во всѣ коммерческія предпріятія, но на которыя нельзя было бы, напримѣръ, формировать «польскихъ легіоновъ».

А вотъ и личний расчетъ нашъ съ г. Скарятинымъ. Инсинуаціи свои и фальшивые извѣты г. Скарятинъ начинаетъ нѣкоторыми общими прелюдіями, не лишенными интереса. Изъ этихъ прелюдій видно, что за идеи независимыхъ изданій, проводимыя въ границахъ закона, администрація не несетъ отвѣтственности. Ужели это новость! Было бы очень оригинально, если бы администрація отвѣчала за бредни независимыхъ газетъ! Но дѣло не въ отвѣтѣ администраціи предъ кѣмъ-то за диссонансы какихъ то независимыхъ газетъ, а объ отвѣтственности сихъ послѣднихъ предъ адми-

нистраціей — всякій разъ, когда онѣ резонируютъ не въ «границахъ закона». А что для этихъ изданій, законъ иногда не писанъ, то подтверждается постоянными предостереженіями, прекращеніями и даже закрытіями этихъ изданій. Этотъ мотивъ понадобился въ прелюдіи г. Скарятину для того, чтобы сдѣлать «Вѣстникъ западной Россіи» органомъ оффиціальнымъ и отвѣтственность за его промахи (воображаемые) свалить на администрацію. Г. Скарятину видимо не счастливится въ дѣлѣ истины: Вѣстникъ—органъ независимый; кромѣ обыкновенной цензуры, предъявляющей, въ случаѣ какихъ либо ея недоразумѣній, статьи Вѣстника на усмотрѣніе г. главнаго начальника края, онъ никакой другой зависимости ни отъ кого не испытываетъ. Такимъ образомъ г. Скарятину, къ его огорченію, снова не посчастливилось и въ упрекѣ, или вѣрнѣе—клеветѣ на безупречную здѣшнюю администрацію. Но статья: «крупные и мелкіе землевладѣльцы», равно какъ и всѣ статьи Вѣстника и весь Вѣстникъ, такого свойства, характера и направленія, что администраціи ни отвѣчать, ни краснѣть за нихъ никогда не приходилось и не придется. Будьте твердо увѣрены въ этомъ, г. Скарятинъ.

Въ той же прелюдіи, г. Скарятинъ старается, хоть и весьма туманно и непослѣдовательно, поставить въ отвѣтственность администрацію предъ правительствомъ, (*) а Вѣстникъ предъ того и другимъ. Вотъ мотивы, которыми г. Скарятинъ хочетъ достигнуть этой двойной цѣли. Онъ говоритъ: «Въ Россіи всѣ здравомыслящіе люди давно пришли къ убѣжденію, что обрусить западный край (?) возможно только посредствомъ русскаго землевладѣнія. Въ томъ же смыслѣ высказалась и верховная—власть.» А развѣ Вѣстникъ западной Россіи думаетъ иначе и развѣ не здѣшняя администрація ходатайствовала о томъ же? Прочитайте, г. Скарятинъ, статью Вѣстника: «Газетные толки о землевладѣніи въ западной Росіи,» помѣщенную въ 6-й книжкѣ его за настоящій годъ, и вы увидите, какъ изъ этой статьи, такъ равно и двухъ другихъ, что Вѣстникъ далеко давнѣе всѣхъ «людей русскихъ» пришелъ къ тому выводу, что главная сила польскаго вопроса въ польскомъ землевладѣніи, что мы обязаны сокрушить эту силу и стараться обратить земли польскія въ земли русскія, и что, пока мы этого не сдѣлаемъ, подъ нами не будетъ почвы, наши права на обладаніе краемъ будутъ апріорны, мы будемъ подвергаться необходимости укрощать періо-

(*) Какое удачное разграниченіе!

дическіе польскіе бунты и проч., и проч. Эти истины кратко высказаны нами назадъ тому почти три года (*), а окончательно развиты въ томъ же году, спустя три мѣсяца (**), и повторены снова въ названной выше статьѣ.

Попытка г. Скарятина утвердить любимую мечту свою на почвѣ исторической также неудачна. Исторія ни единымъ намекомъ не аккомпанируетъ скарятинскому мечтанію, что «русскій край ополячился отъ того, что *крупное* землевладѣніе попало въ польскія руки.» Исторія, или точнѣе—политико экономическое наведеніе можетъ доказать только то, что одной изъ *второстепенныхъ* причинъ ополяченья края былъ переходъ земель русскихъ не къ польскимъ магнатамъ вчастности, а къ польской шляхтѣ, или точнѣе—къ Польшѣ вообще; что магнаты меньше всѣхъ лицъ и сословій занимались пропагандою политической и религіозною; что нѣкоторые изъ нихъ, напротивъ, словомъ и дѣломъ стояли за диссидентовъ, за права народныя, унимали ревность не по разуму пропагандистовъ папства и полонизаціи; что, живя большею частію при дворѣ, или въ тѣсномъ и недоступномъ кружку немногихъ равныхъ себѣ по величію избранныхъ, живя для своего удовольствія и фацецій,—магнаты не имѣли ни возможности, ни охоты заниматься скучными дрязгами совращеній политическихъ или религіозныхъ; что этимъ дѣломъ по преимуществу озабочивались второстепенныя административныя лица, мелкіе паны, представители буржуазіи, ржонцы, администраторы, экономы и другая челядь панская,—т. е. людъ, съ которымъ ксендзъ жилъ за панибрата, и на котораго содѣйствіе онъ разсчитывалъ несомнѣнно. Да, все это говоритъ, г. Скарятинъ, та исторія, которой вы не знаете, и на которую, при всемъ томъ, вы опираетесь съ такою самоувѣренностью невѣденія. Прочтите со вниманіемъ 2 выпускъ сборника документовъ, который скоро будетъ нами изданъ, и вы увидите, что исторія говоритъ совсѣмъ не то, что вы пишете. Собственно говоря, полонизація не шла даже отдѣльно, а какъ то плелась издали, припутывалась случайно къ пропагандѣ религіозной,—такъ что, за исключеніемъ двухъ-трехъ декретовъ королевскихъ, трактующихъ о федераціи съ Польшей захваченныхъ его націй, мы не находимъ прямыхъ притязаній *собственно на ополяченье*, особенно

(*) Въ статьѣ: «Слово къ враждебнымъ полякамъ.» Вѣстн. 1863 г., кн. 3 отд. IV, стр. 65.

(**) Книжка 6, отд. III, статья: «По поводу корреспонденц. московск. прессы,» стр. 55—60.

со стороны магнатовъ. Короче: легче клеветать на наторію, прикрывать ея тогой свои парадоксы, нежели изучить ее. «Ясно ли это»?, спросимъ и мы, вмѣстѣ съ вами, г. Скарятинъ.

Но, положимъ, что польскіе магнаты ополячили край русскій, чтожъ изъ этого? Развѣ это несчастье можетъ повториться послѣ тѣхъ явленій и мѣропріятій, которыя теперь вдохнули новую жизнь въ западную Россію? Развѣ русскіе унизятся до тѣхъ средствъ обрусѣнія края, къ какимъ прибѣгало ксендзо-шляхетство (не говоримъ магнаты) для олатиненья его и ополяченья?... Въ статьѣ, противъ которой геройствуетъ г. Скарятинъ, доказано такъ ясно, такъ разносторонно и непоколебимо неудобство обрусѣнія края посредствомъ введенія крупнаго злмлевладѣнія русскаго, что нужно больше отваги чѣмъ здравомыслія, что бы упорствовать въ дальнѣйшемъ отстаиваньи парадокса, лишеннаго всякой точки опоры. Г. Скарятинъ имѣетъ незавидную привычку ратовать съ заключеніями и обходить посылки, или что тоже-отвергать итогъ, не отвергнувъ ни одной цифры, изъ которыхъ онъ составленъ. Результаты подобной стратегіи всегда—самые плачевные. Это все равно, что оставлять позади себя неприступныя крѣпости, сильныя арміи и тѣшить себя надеждой, съ крошечнымъ отрядцемъ, взять столицу. Изъ примѣра яснѣе: мы говоримъ: мелкіе землевладѣльцы больше и скорѣе обрусятъ край, нежели крупные,—и приводимъ разные доводы, на которыхъ незыблемо опирается эта истина; а г. Скарятинъ упорствуетъ въ противномъ и не приводитъ ни одного доказательства, а только лишъ горячится, наушничаетъ, придирается къ непонятнымъ *для него* словамъ, съ ожесточеніемъ бросается на фразы, оторванныя отъ контекста, и проч. Такая жалкая полемика была бы оставлена нами безъ вниманія, селибъ она оскорбляла только нашу личность; и «соловей улетѣлъ только за тридевять морей,» но не спорилъ съ своимъ критикомъ; и мы бы охотно послѣдовали его примѣру, если бы нашъ критикъ не поглумился надъ весьма важными принципами, не бросилъ грязью въ честную, неутомимую и благонамѣренную администрацію, не резюмировалъ въ интересахъ егомосцей нѣкоторыхъ мѣропріятій правительства, не дѣлалъ вредныхъ для русскаго дѣла внушеній и кривыхъ толковъ законодательства, не заметалъ слѣдовъ, по которымъ нужно отыскивать пути къ подавленію въ странѣ папизма и полонизма (*)

(*) Вчитайтесь только во 2-е письмо—«съ дороги» г. Скарятина (№ 46) объ учрежденіи поземельнаго банка, и вы ясно увидите, чего онъ хочетъ, куда тянетъ,—какихъ только тамъ не напутано слѣдовъ для отвода отъ истины!.

Съ такою публицистикою, точно, можно достигнуть почтенной цифры подписчиковъ (*), но не въ средѣ людей истинно русскихъ; подписчики эти могутъ составиться на счетъ убыли ихъ въ какой нибудь покаявшейся газетѣ; но такому успѣху, конечно, мы не завидуемъ.

Вотъ нѣсколько образчиковъ полемики г. Скарятина,— какъ фактическихъ доказательствъ непогрѣшимости нашего ей приговора: »общественное мнѣніе,—выражаемся нѣсколько короче, чтобъ раскутать фразу отъ лишнихъ наростовъ и сберечь мѣсто и время,—общественное мнѣніе хочетъ вѣрить, что администрація рада прибывающему крупному землевладѣльцу, а какіе то (честные, г. Скарятинъ, которыхъ никто и ничто не можетъ уклонить отъ сознанія долга и истины) журналисты въ въ Вильно (а почему вы не говорите: въ Вильнѣ; ужъ не на озновании ли исторіи?) подъ казенною печатью (какъ это?) провозглашаютъ: «мы даже (слова Вѣстника) не безъ основанія предполагаемъ, что народъ далеко не такъ симпатично отнесется къ магнату, какъ къ мелкому землевладѣльцу русскому». Обратите вниманіе, г. Скарятинъ, должное вниманіе на слова: *предполагаемъ*, *не безъ основанія*, *не такъ симпатично*, и вы сами раскаетесь въ торопливости вашего увлеченія и напрасности дальнѣйшей вашей филиппики. Предположеніе, что русскаго магната народъ встрѣтитъ не такъ симпатично, какъ мелкаго землевладѣльца, опирается на такихъ основаніяхъ, которыхъ никакая сила подкопать, пошатнуть, разрушить не всостояніи. А вы, по старой привычкѣ, принялись за итогъ, заключенье, столицу, оставивъ не сподручныя вамъ цифры, посылки, цитадели и арміи. Vana ira sine viribus, г. Скарятинъ! напрасны дальнѣйшіе ваши возгласы: «вотъ какая встрѣча ждетъ въ краѣ крупнаго землевладѣльца русскаго»! Какая же встрѣча? Къ нему народъ отнестся симпатичнѣе, чѣмъ къ польскому магнату; это у насъ доказано; только лишь не потому что онъ крупный землевладѣлецъ—а что онъ русскій; къ такому землевладѣльцу отнесется народъ не такъ лишь симпатично, какъ къ мелкому; это у насъ тоже доказано,—мы не любимъ горячиться изъ любви къ искуству, или по увлеченію своимъ величіемъ и непогрѣшимостью. Да, г. Скарятинъ, для обрусѣнія края нужны люди чисто русскаго «закала»; люди такого закала какъ,— съ позволенія вашего,— вы, да подобные вамъ, могутъ только попятить русское дѣло на-

(*) Вѣсть, № 45, первыя строки передовой статьи.

задъ,— будь они крупные или мелкіе землевладѣльцы. И само правительство дало почувствовать, какому землевладѣнію русскому даетъ оно преимущество въ дѣлѣ обрусѣнія края,—когда постановило раздавать конфискованныя и секвестрованныя земли не цѣлыми имѣніями, а участками отъ 400—600 десятинъ, а для отдачи большаго количества земли въ одни руки приказало всякій разъ испрашивать особое разрѣшеніе.

Что бы поставить насъ въ отвѣтственности не только предъ администраціей, но и предъ крупными землевладѣльцами, г. Скарятинъ продолжаетъ: «цѣлыя страницы переполнены злостными выходками и семинарскимъ юморомъ (sic!) противъ высшихъ классовъ» (?). Въ подтвержденіе этой выходки—инсинуаціи (*), г. Скарятинъ цитируетъ слѣдующія выдержки изъ Вѣстника: «зачѣмъ крупному землевладѣльцу, находящемуся (слѣдуютъ слова Вѣстника, отмѣченныя курсивомъ) *подъ обаяніемъ геральдическихъ традицій, слагавшихся въ архивъ 17 генерацій*», являться въ западный край. Его вліяніе на народъ «*будетъ равняться нулю, если не хуже*». Дальше слѣдуетъ толкованіе слова—*хуже*, которое мы откладываемъ надальше. Эту инсинуацію мы назвали *выдержкой*, и сами чувствуемъ неточность этого слова. Дѣло въ томъ, что г. Скарятинъ, обыкновенно борющійся съ заключеніями, отпилилъ процитованную фразу отъ контекста, и въ ней осталось столько примѣтъ мысли, изъ которой она вырвана, сколько остается въ ногтѣ или волосѣ примѣтъ того человѣка, которому они принадлежали. Эта фраза обставлена въ Вѣстникѣ такими частностями и оговорками: «*можетъ случиться*, что *какой нибудь* крупный землевладѣлецъ, соціальныя идеи котораго развивались... (и проч., какъ сказапо выше), спѣсиво отнесется къ своимъ сосѣдямъ, и проч. Все это,—сказано въ заключеніи,—вещи *не невозможныя*». Изъ этого сопоставленія выдержекъ выходитъ, что г. Скарятинъ позволилъ себѣ слишкомъ безцеремонное самоправство и насиліе надъ чужимъ словомъ и мыслію, что весьма случайную частность онъ возводитъ въ общее знаменованіе, и что наше возможное онъ переименовываетъ въ дѣйствительное,—наше исключеніе въ правило. Мы говоримъ *о возможности* спѣсиваго крупнаго землевладѣльца, а онъ всѣхъ ихъ дѣлаетъ спѣсивыми. Мы думаемъ, что г. Скарятинъ ока-

(*) Употребляетъ по необходимости это модное теперь, хоть и неправящееся намъ, слово.

залъ медвѣжью услугу тѣмъ, на комъ хотѣлъ обгонять мухъ и въ тоже время поступилъ съ нашей мыслью, по меньшей мѣрѣ, нечестно и нелогично. Если мы и не страдаемъ «предразсудкомъ сословности», то и не относимся ни къ какому сословію не только «злостно», враждебно, но даже презрительно «съ юморомъ». Мы знаемъ, что во всякомъ сословіи есть люди, достойные нашихъ симпатій, дѣлающіе честь своему сословію, равно какъ и люди, которыхъ презирать можно и должно, которые срамятъ родъ свой и званіе. Абсолютное куренье ѳиміама предъ извѣстнымъ сословіемъ, равно какъ и поголовное его порицаніе, по нашему, равно нелѣпы. Мы всегда были далеки отъ мысли, тѣмъ болѣе отъ желанія оскорблять поголовно такое почтенное сословіе, какъ русское дворянство; мы лучше г. Скарятина знаемъ услуги, оказанныя этимъ сословіемъ отечеству; при всемъ томъ, никто не можетъ насъ заставить воздавать поголовное раболѣпство недѣлимымъ, составляющимъ это сословіе. Уваженіе наше къ симъ послѣднимъ всегда идетъ обруку съ личными ихъ заслугами и посильнымъ служеніемъ ихъ интересамъ нашей вѣры, престола и отечества. Мы доселѣ твердо помнимъ переведенную Кантемиромъ сатиру Боало: «объ истинномъ благородствѣ», которую зубрили въ дѣтствѣ, и которую совѣтуемъ г. Скарятину прочитать со вниманіемъ. Но какъ бы ни было глубоко наше уваженіе къ крупнымъ землевладѣльцамъ, мы все—таки, по причинамъ, указаннымъ въ извѣстной статьѣ нашей, остаемся при томъ убѣжденіи, что край больше и скорѣе обрусится мелкими, чѣмъ крупными землевладѣльцами, и что личное вліяніе на народъ такого крупнаго землевладѣльца, котораго имѣнія простираются на десятки верстъ, и который едва ли даже станетъ жить въ этихъ имѣніяхъ, будетъ равняться нулю. Что касается слова—«не хуже», г. Скарятинъ изобрѣтаетъ такое для него толкованіе: «судя по недосказаннымъ соображеніямъ автора, это (не хуже) значитъ—(,) что полякъ, что русскій *магнатъ* (курсивъ г. Скарятина)—все одно». Нѣтъ, г. Скарятинъ, вамъ также не далась герменевтика, какъ исторія, ариѳметика и логика. Смыслъ слова «не хуже» весьма ясенъ; авторъ вполнѣ высказался; соображенія его очевидны: онъ разумѣлъ *возможнаго* спѣсиваго барина и считалъ только излишнимъ повторяться. Онъ думалъ, что спѣсивый баринъ *можетъ* взглянуть слишкомъ преувеличенно на свое величіе и ничтожество недавняго холопа, *можетъ* отнестись къ нему, въ случаѣ инерціи, высокомѣрно, репрессивно, какъ *теперь* не можетъ отнестись къ нему магнатъ польскій; *можетъ* сказать ему:

«я вамъ не полякъ, вы у меня держите ухо востро,— не бунтуйтесь, а то я васъ!...» Все это вещи не невозможныя.

Словомъ— *магнатъ* г. Скарятинъ думалъ нанести намъ окончательное пораженіе и остался при одномъ намѣреніи: онъ хватался нѣсколько разъ за это оружіе, но оно оказалось картоннѣе и тупѣе всякихъ другихъ орудій изъ арсенала г. Скаратина: оно доказало, что г. Скаратину также далась филологія, какъ исторія, ариѳметика, логика и герменевтика. Слово «магнатъ» есть слово не польское, а общеевропейское; оно также принадлежитъ польскому языку, какъ дефицитъ, прогресъ, специялистъ, агентъ и безчисленныя другія, формированныя изъ классическихъ языковъ, получившія право гражданства во всѣхъ новѣйшихъ языкахъ, незамѣнимыя однимъ словомъ и даже невполнѣ выражаемыя оборотомъ, фразой. Таково и слово магнатъ, означающее вмѣстѣ и крупнаго землевладѣльца, и знаменитаго боярина, а особенно вліятельную на дѣла, вѣскую личность. Такое безразличное и, конечно, безобидное названіе различается въ національномъ смыслѣ прилагаемыми къ нему эпитетами: магнатъ польскій, магнатъ русскій и проч. И «Вѣсть» чувствовала, что слово магнатъ не совмѣщаетъ въ себѣ идеи польскаго магната, и потому не сказала, что «правительство желаетъ создать въ краѣ партію (русскую), которая могла бы противодѣйствовать партіи магнатовъ», а прибавила: «*польскихъ* магнатовъ», и тѣмъ самымъ доказала, что безъ этой прибавки слово магнатъ осталось бы безразличнымъ, понятіемъ неопредѣленнымъ, недоконченнымъ! По поводу только этой прибавки, и мы употребили, отвѣчая на тираду съ этой прибавкой, слово магнатъ, прибавивъ къ нему, какъ для соотвѣтствія слововыраженію Вѣсти, такъ и для опредѣлительности идеи, слово—«*русскій*, православно-русскій». Во всѣхъ другихъ мѣстахъ статьи мы употребляли обороты: «крупный землевладѣлецъ, большой помѣщикъ, крупный помѣщикъ», и однажды слово баринъ, когда оно оказалось сподручнѣе въ контекстѣ всякаго другого (*). Впрочемъ, мы извиняемъ промахъ и придирку г. Скаратина частію его невѣдѣніемъ, частію его положеніемъ: нужно же было придраться хоть къ чему либо, хоть къ непонятному для него слову, когда нельзя было придратся къ дѣлу, выпутаться изъ сѣти діалектики своего

(*) А если назовемъ польскихъ магнатовъ «крупными землевладѣльцами», не оскорбятся ли слова русскіе крупные землевладѣльцы?

противника, найдти въ его силлогистикѣ трещины, въ которыя моглабы запустить свои когти логичная критика.

Но, если мы предположили возможность спѣсиваго магната русскаго, за то г. Скарятинъ слишкомъ ужъ часто, поголовно и, можно сказать, непростительно—дерзко относится ко всѣмъ чиновникамъ русскимъ. Кромѣ постоянныхъ, враждебныхъ всей корпораціи, безспорно имѣющей первѣйшее право на всеобщее уваженіе и признательность, выходокъ и оскорбленій,— г. Скарятинъ истощаетъ надъ этой благородной, самоотверженной, трудолюбивой корпораціей всю свою желчь и все свое *гимназическое* остроуміе. Чиновникъ у него синонимъ и «афериста и голыша» (*) (sic!) и т. подобн. Дайте себѣ, г. Скарятинъ, хоть однажды отчетъ въ томъ, что вы пишете. Вы постоянно оскорбляете чиновниковъ, а понимаете ли вы, что такое чиновникъ? Чиновникъ есть человѣкъ, посвящающій всю свою нравственную дѣятельность разносторонним пользамъ своего отечества, есть человѣкъ, принадлежащій (у насъ) къ одному изъ 14 ранговъ, имѣющій чинъ, отъ котораго онъ и получилъ свое названіе. Такимъ образомъ, въ полномъ объемѣ этого слова, подъ идею чиновника подходятъ всѣ, служащіе престолу и отечеству, начиная отъ канцелярскаго чиновника, до предсѣдательствующаго въ комитетѣ министровъ, отъ прапорщика до фельдмаршала. Только повелитель, глава, *господинъ*, націи выдѣляется изъ группы чиновниковъ, какъ слугъ, — *служащихъ*. Огромное большинство этихъ достоуважаемыхъ дѣятелей исходитъ, какъ и должно быть, изъ той среды, которая больше всякой другой имѣетъ средствъ къ нравственной подготовкѣ для служенія престолу и отечеству, — изъ дворянскаго, то есть, сословія. Были времена, когда служба считалась обязательною для всякаго дворянина, когда неслужащій дворянинъ считался почти ничѣмъ. Какъ бы то ни было, только то несомнѣнно, что г. Скарятинъ наноситъ самыя непростительныя оскорбленія *всей* корпораціи нравственныхъ дѣятелей Россіи. Быть можетъ, г. Скарятинъ понимаетъ часть вмѣсто цѣлаго, недѣлимыхъ вмѣсто корпораціи; но мы не имѣемъ никакого основанія прибѣгать къ такому нелогичному, хоть и великодушному, толкованію выходокъ г. Скарятина противъ чиновниковъ: идеи чиновника онъ нигдѣ не съу-

(*) Статья, на которую мы отвѣчаемъ г. Скарятину, «Вѣсть», № 45 (1866 г.) стран. 2.

живаетъ добавленіемъ къ ней понятій или эпитетовъ въ родѣ: *некоторые* чиновники, *есть* чиновники и т. п. Ясно для всякаго, что г. Скарятинъ снова оказываетъ медвѣжью услугу большинству дворянской (служащей) корпораціи и прямо нарушаетъ Высочайшій рескриптъ 13 мая, повелѣвающій—«прекратить повторяющіяся попытки къ возбужденію вражды между разными сословіями.» Мы думаемъ, что корпорація чиновниковъ, какъ самое полезное, видное и достойное всеобщей признательности и уваженія сословіе, не исключено изъ этихъ, Богомъ вдохновенныхъ, словъ того рескрипта, который причислитъ исторія къ группѣ самыхъ славныхъ памятниковъ настоящаго Царствованія.

Г. Скарятину показалось недостаточнымъ поставить насъ въ отвѣтственности предъ администраціей и дворянствомъ,— онъ хочетъ видѣть насъ даже нарушителями Высочайшаго рескрипта 13 мая. «Высочайшій рескриптъ,— пишетъ г. Скаратинъ,... указываетъ, что силы эти (*«здравыя, охранительныя, благонадежныя»*) заключаются въ землевладѣніи,— а въ Вильно (ѣ) какіе-то (уже сказано какіе) журналисты проповѣдуютъ, что въ мировыя учрежденія землевладѣльцевъ пускать не слѣдуетъ» (*). Мы не говоримъ г. Скарятинъ, о томъ, что вы говорите: сказанное вами— сочетаніе сахару съ дегтемъ,— огня со льдомъ; мы только думаемъ о томъ, что вы хотѣли сказать. Взвѣсилиль вы важность вашего фальшиваго доноса, понимаете ли серьезность отвѣтственности, къ которой позовемъ мы васъ, если вы его не докажете?! Мы съ молокомъ матернимъ всасывали въ себя тѣ начала, которыми проникнутъ,— опять повторимъ,— вдохновенный Богомъ рескриптъ 13 мая; съ тѣхъ поръ, какъ мы стали лепетать слова: Богъ, Царь, Россія— и доселѣ, мы всѣмъ естествомъ нашимъ служили и служимъ этимъ началамъ, ратуемъ за нихъ со всѣми— чужими и своими нарушителями ихъ; у насъ нѣтъ силъ выразить тотъ восторгъ, тѣ слезы, то блаженство, съ которыми мы читали и лобызали этотъ незабвенный рескриптъ,— а вы, г. Скарятинъ, позволили себѣ какъ бы глумиться надъ нимъ, извращать его богомудрые глаголы, дѣлать изъ святыхъ словъ его кощунственное примѣненіе къ вашимъ грѣшнымъ помысламъ, клеветать,— скажемъ положа руку на сердце,— на однихъ изъ

(*) Возгласы г. Скарятина на счетъ того, будто бы кто либо исключаетъ изъ обязательствъ рескрипта 13 мая западн. Россію не стоютъ никакого вниманія.

благоговѣйнѣйшихъ его чтителей и провозвѣстниковъ, глумиться надъ нашими слезами, нашимъ восторгомъ, нашею молитвой!!.. Если мы напрасно ставимъ васъ, г. Скарятинъ, предъ судомъ вашей совѣсти, то мы васъ снова поставимъ предъ судилищемъ неумолимой логики — и спрашиваемъ васъ: гдѣ вы нашли въ нашихъ статьяхъ (всѣхъ) хоть тѣнь неуваженія къ праву собственности вообще и землевладѣнію вчастности? Какую вы нашли связь между землевладѣніемъ и мировыми учрежденіями, или,— выражаясь въ духѣ вашихъ понятій,— между чиновникомъ и землевладѣльцемъ? Найдете ли вы хоть одинъ намекъ въ Высочайшемъ рескриптѣ на мировыя учрежденія и на неотдѣлимость ихъ отъ землевладѣнія? Когда мы отдаемъ преимущество въ дѣлѣ обрусѣнія западной Россіи среднему землевладѣнію предъ крупнымъ, развѣ мы тѣмъ самымъ не ратуемъ за права собственности, за землевладѣніе? Къ чемужъ вы поставили предъ судомъ Высочайшаго рескрипта людей, для которыхъ нарушеніе его мыслію, не только словомъ или дѣломъ,— есть абсолютная невозможность!? Вамъ, г. Скаратинъ, хотѣлось какъ нибудь пріурочить нашъ взглядъ на мировыя учрежденія къ нарушенію Высочайшаго рескрипта? Попытка неудачная, доносъ бездоказательный! Не смотря на вашу угрозу, мы снова говоримъ, что землевладѣльцу не приходится быть разбирателемъ спорныхъ дѣлъ между собою и крестьяниномъ, и вполнѣ увѣрены, что не только не противорѣчимъ рескрипту 13 мая, но и вообще провозглашаемъ святую истину. Мировыя учрежденія — администрація посредствующая между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ; отъ того и называется мировой посредникъ *посредникомъ*, что онъ стоитъ *посреди* между стоящимъ по правую его руку землевладѣльцемъ, а по лѣвую руку крестьяниномъ; какъ же этотъ чиновникъ можетъ стоять въ одно и тоже время — посрединѣ и съ правой стороны самаго себя? Если бы даже гдѣ либо и случалось иначе, то мы имѣемъ основаніе смотрѣть на эти случаи, какъ на явленіе не нормальное. Иное дѣло — мировой судья; онъ можетъ быть и землевладѣлецъ, знакомый — въ теоріи, или на практикѣ — съ законовѣденіемъ и судопроизводствомъ. Онъ будетъ судить другихъ; надъ нимъ, въ свою очередь, будетъ судья, а такую переходную службу, какъ мироваго посредника и подобн., долженъ несть «homo nullius» (ничей человѣкъ), на одинаковое пространство отстоящій какъ отъ вотчинника, такъ и крестьянина. По нашему мнѣнію, такимъ посредникомъ, или хоть его помощни-

комъ, могъ бы быть даже заслуженый священникъ (въ своемъ приходѣ), какъ человѣкъ вполнѣ благонадежный и знакомый болѣе другихъ съ нравственнымъ и экономическимъ бытомъ своихъ сельскихъ сосѣдей. Это даже сообщило бы его миссiи сугубое значенiе и влiянiе, на отсутствiе которыхъ, равно какъ и на изолированность священника, раздаются столь частые попреки въ нашей прессѣ (*). Священникъ не хотѣлъ бы быть изолированнымъ, да его изолируютъ и оставляютъ въ званiи почти одного требоисправителя.

Не думая, что бы мы уклонились отъ предмета нашей съ г. Скарятинымъ бесѣды, вводомъ въ нее личности священника,— мы снова обращаемся къ ея продолженiю. Тотъ послѣднiй ударъ, которымъ г. Скарятинъ «завѣнчалъ свое дѣло», и которымъ онъ думалъ положить насъ на мѣстѣ, гласитъ такъ: «въ Вильно (ѣ) печатаются слѣдующiя строки: «магнатъ (польскiй) почти понизился до степени холопа— раба, а холопъ почти поднялся до уровня магната!... Неужели (,) въ самомъ дѣлѣ (,) произведена такая нивелировка», вопрошаетъ грозно, патетически г. Скарятинъ и скрывается отъ насъ за кулисами. Браво, пане Скарятинъ! bis— bis, шановный пане Скарятинъ, кричатъ польскiе магнаты и топаютъ ногами отъ восторга, а русскiе еще усерднѣе свистятъ да шикаютъ. Но, играйте себѣ, г. Скарятинъ, для кого хотите,— это ваше дѣло; только не навязывайте пьесѣ того смысла, котораго въ ней нѣтъ, тѣхъ сентенцiй, которыя не имѣютъ съ него ничего общаго Вы говорите: «нивелировка произведена» и восклицаете: «вотъ какъ аттестуетъ *Вѣстникъ* З (з) ап. Россiи чиновниковъ (вообще?) западнаго края»! Откуда вы, г. Скарятинъ, почерпнули мысль, что нивелировка *произведена*, и что производство ея Вѣстникъ усвояетъ чиновникамъ? Эта инсинуацiя есть полнѣйшiй, безраздѣльный продуктъ вашей фантазiи и вниманiя къ Вѣстнику; сей послѣднiй— ни словомъ, ни даже помышленiемъ— никому не подалъ къ подобной клеветѣ ни малѣйшаго повода; мы утверждали и утверждаемъ, что, по вашему, нивелировка, а по нашему метаморфоза, *произошла*, но отнюдь не *про-*

(*) Весьма было бы полезно, еслибъ и волостныя правленiя, и мiрскiе сходы поставлены были въ нѣкоторую зависимость отъ священника, или по крайней мѣрѣ въ соучастiе съ нимъ. Тогда меньше происходилобы безобразiя на судѣ волостномъ, меньше бы покрывала преступленiй и производила кривосудiй— водка; этотъ предметъ стоитъ серьознаго вниманiя.

изведена, и что она произошла не отъ *кого*, а отъ *чего*,— отъ неизбѣжнаго хода событій. Свобода крестьянъ, обязательный надѣлъ ихъ землею, собственная управа— поставили холопа внѣ *всякой* зависимости отъ пана, внѣ всякаго вліянія пана на бытъ и дѣятельность холопа. Минувшій мятежъ, во время котораго холопы явились героями, патріотами и мучениками, а паны измѣнниками и убійцами, во время котораго первые ловили, вязали, били кольями послѣднихъ, окончательно разорвалъ ту слабую соціально-экономическую связь, какая могла бы удержаться между ними при другомъ складѣ политическихъ отношеній,— и въ тоже время настолько возвысилъ нравственное и гражданское значеніе холопа, насколько унизилъ здѣшнее шляхетство. Если теперь панъ напрасно расходуетъ всю свою іезуитику, что бы задобрить холопа, а сей послѣдній отталкиваетъ отъ себя и ласки, и ухаживанья, и одолженія (объ угрозахъ не можетъ быть и рѣчи) стародавняго своего мучителя; если теперь иной холопъ скорѣе согласится терпѣть нужду, чѣмъ польститься на богатый заработокъ у пана, если деньги, наконецъ, въ такой же пропорціи приливаютъ къ холопамъ, въ какой отливаютъ отъ пановъ; то что теперь значитъ для холопа панъ— въ какомъ угодно отношеніи?!.. Не выразились ли мы даже слишкомъ скромно, съ обидой для опытной истины, обставивъ нашу фразу двукратнымъ: *почти?* Мы не утверждаемъ даже, чтобъ это явленіе было для насъ особенно пріятно, что бы мы не желали польскимъ панамъ исхода изъ настоящаго положенія; а только обрисовываемъ фактъ совершившійся, какъ онъ есть, и въ тоже время утверждаемъ, что измѣненіе къ лучшему для пановъ зависитъ отъ нихъ самихъ,— отъ сліянія ихъ съ нами душой и тѣломъ, отъ покаянія въ измѣнѣ ихъ предковъ, а не отъ «чиновниковъ западнаго края», не отъ Россіи. Россія дѣлала прежде для панства все, что *могла* сдѣлать, теперь она дѣлаетъ то, что *должна* дѣлать. Не забудьте, г. Скарятинъ, и того, что вы и теперь попали въ австрійскій четвероугольникъ потому только, что ударили на заключеніе, обойдя весьма неосторожно тѣ непобѣдимые доводы, на которыхъ оно опирается.

Занявшись болѣе серьезными соображеніями и болѣе крупными навѣтами г. Скарятина, мы чуть было и не забыли, что у насъ есть маленькій съ нимъ счетъ за «семинарскій юморъ.» Въ послѣднее время опять посыпались попреки и юморъ *безъ названія* на семинарію и семинарское. Нѣкоторые наѣздники то— и дѣло

гарцуютъ вокругъ этой цитадели, уцѣлѣвшей, благодаря Бога, отъ напора окружающаго ее нигилизма, и, со скрежетомъ зубовъ, ведутъ противъ нее упорную канонаду. Выстрѣлы, то летятъ мимо, то перелетаютъ чрезъ цитадель, то разсыпаются въ прахъ отъ прикосновенія къ ея твердынямъ. Гарнизонъ почти не отстрѣливается, не дѣлаетъ вылазокъ; онъ сознаетъ ничтожество врага, безвредность его выстрѣловъ, и только думаетъ: пусть ихъ, *до поры до времени*, забавляются и разоряются... Но что бы ни думалъ гарнизонъ, а на наѣздниковъ нельзя смотрѣть безъ грусти и изумленія. Откуда такое ожесточеніе противъ сословія самаго невиннаго, полезнаго, и безупречнаго? Не потому ли такъ ожесточились эти «медвѣди, рыси, волки на воловъ», что первымъ думается сдѣлать послѣднихъ очистительною жертвой за свои проказы?.. Не для того ли поднялась снова эта баталія, чтобы сбить кого слѣдуетъ съ пути истины и поставить на путь соглашенія или обобщенія принциповъ «здравыхъ, охранительныхъ, добронадежныхъ», какихъ держится «семинарія», съ принципами отрицанія и всяческой разнузданности?.... Уже ли они до того близоруки, что смѣютъ разсчитывать на сочувствіе ихъ инсинуаціямъ мужа испытанной чести и мудрости, котораго они хотятъ искусить?... Ужели ли эти господа не чувствуютъ того, что они «сваливаютъ съ больной головы на здоровую, мигаютъ украдкой на Петровъ»? Уже ли они не сознаютъ даже того, что, острясь, тупясь и клевеща на все семинарское, они вмѣстѣ съ тѣмъ кощунствуютъ надъ тѣмъ разумнымъ, благонамѣреннѣйшимъ сословіемъ, которое всегда было и есть самою сильною опорою Россіи, изъ котораго выходили по преимуществу прославленные церковью угодники Божіи, знаменитые іерархи и учители народные, изъ котораго выходили и выходятъ самые надежные и ревностные слуги вѣры, престола и отечества, на разныхъ поприщахъ служенія общественнаго, и изъ котораго, при равносильномъ складѣ обстоятельствъ, вышли бы тысячи Сперанскихъ? Проявляя духъ открытой вражды противъ такого сословія, не обнаруживаютъ ли эти наѣздники тѣмъ самымъ вражды противъ русской народности и православія и прямаго противленія смыслу всего Высочайшаго рескрипта 13 мая, а особенно тому его мѣсту, въ которомъ говорится о «началахъ здравыхъ, охранительныхъ, добронадежныхъ», и тому, которымъ воспрещаются «повторяющіяся попытки къ возбужденію вражды между разными сословіями?»

Путешествуя по заднимъ дворамъ Вильны, г. Скарятинъ пронюхалъ, что и писавшій статью— «крупные и мелкіе землевладѣльцы» получилъ первоначальное образованіе въ семинаріи, умолчавъ, *съ обычною ему скромностію*, о высшемъ заведеніи, въ которомъ ея авторъ продолжилъ свое образованіе, оконченное въ школѣ жизни и саморазвитія. Этотъ авторъ владѣетъ такимъ яснымъ сознаніемъ самаго себя и своего юмора, что не только не оскорбляется юморомъ скарятинскимъ, но и гордится тѣмъ юморомъ, тѣми нравственными началами, тѣмъ развитіемъ, которыя онъ выработалъ въ помянутыхъ школахъ, и которыхъ онъ не промѣняетъ на юморъ, начала и развитіе дюжины Скарятиныхъ.

Теперь, когда вы, г. Скарятинъ, знаете, что Вѣстникъ не есть органъ администраціи, что честныя изданія возможны и внѣ правительственной опеки, и что наше изданіе нисколько не можетъ «компрометировать администраціи» ни теперь, ни тогда, еслибъ оно было органомъ правительства,— не угодно ли вамъ сдержать свое слово— «поспорить» (*) немножко? Но мы не думаемъ,

(*) Намъ крѣпко не хотѣлось бы спорить съ одной провинціальной газетой, да чтожъ дѣлать, когда amicus veritas дороже чѣмъ amicus Plato. Эта газета разсуждаетъ такъ. «Намъ кажется страннымъ препирательство газетъ о томъ, какіе землевладѣльцы (вѣроятно русскіе) нужны въ сѣверо (отъ чегожъ и не юго) западномъ краѣ (?)— крупные (,) или мелкіе, препирательство оправдывается или совершеннымъ незнакомствомъ съ краемъ, или желаніемъ чѣмъ нибудь наполнить пустые столбцы газетъ. Всякій простой здѣшній житель скажетъ, что здѣсь *равно* нужны и крупные (,) и мелкіе русскіе землевладѣльцы.» Въ этой тирадѣ очень много промаховъ. Вопервыхъ, вопросъ не въ томъ, какіе *нужны* землевладѣльцы, а въ томъ, какіе будутъ *полезнѣе* для обрусѣнія края, какіе скорѣе и больше обрусятъ западную Россію,— крупные, или мелкіе? Вовторыхъ этотъ вопросъ не такъ страненъ, не такъ легокъ и маловаженъ, что бы рѣшеніе его было результатомъ или незнакомства съ краемъ, или желанія наполнить только пустыя страницы изданія; этой цѣли обыкновенно достигаютъ *инымъ путемъ*. По крайней мѣрѣ, этимъ, весьма важнымъ въ дѣлѣ обрусѣнія края, вопросомъ правительство занималось очень серьезно, пока не выработало истины. Напрасно, втретьихъ, редакція газеты говоритъ: «всякій простой здѣшній житель скажетъ что»,... и проч. (что сказано выше). Быть можетъ *простой*, быть можетъ и *здѣшній*. но не *всякій*. Мы болѣе здѣшніе, чѣмъ редакція газеты, мы даже и не совсѣмъ просты, а думаемъ объ этомъ предметѣ иначе, нежели редакція. «*Равно*» нужны!... Нѣтъ ничего легче подобнаго отвѣта; но не всякій узелъ разсѣкается и не всякій владѣетъ мечемъ Александра. Вѣроятно не все *равно*, когда правительство, раздѣливъ на мелкіе участки ему принадлежащія, т. е. конфискованныя имѣнія, предоставило право пріобрѣтать ихъ разнымъ небогатымъ чиновникамъ и ког-

что бы всякое слово такъ легко исполнялось, какъ дается, что бы споръ съ нами былъ по плечу г. Скарятину,— особенно, когда на нашей сторонѣ все оружіе истины. Несравненно легче потрясать въ воздухѣ картоннымъ мечемъ, нежели вступать въ бой съ сильнѣйшимъ себя противникомъ.

Не взыщите, г. Скарятинъ, за «семинарскій юморъ» и, если вы намѣрены продолжать свои письма «съ дороги», то подписывайте ихъ: Л. Мѣрославскій; будетъ приличнѣе.

да на сторонѣ мелкаго землевладѣнія такъ много шансовъ. Много ли обруситъ, напрм., край землевладѣлецъ, который пріобрѣтетъ здѣсь 10—20000 десятинъ, самъ будетъ жить въ Венеціи, или Мадритѣ, а имѣнье и русское дѣло будутъ эксплоатировать, положимъ, хоть егомосци? Не покончимъ ли на этомъ, уважаемая нами редакція?....

IV.

ЗАПИСКИ ПОСРЕДНИКА.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Въ февралѣ 1866 пустился я въ путь по витебской и могилевской губерніи.

Первое лицо, съ которымъ пришлось встрѣтиться въ динабургскомъ дву-классномъ приходскомъ училищѣ, былъ законоучитель, священникъ отецъ Ар....въ

Ученики составляютъ элементъ смѣшанный; православные числомъ преобладаютъ. Ксендзъ хотя и рѣдко ходитъ, но его науку поддерживаетъ домашнее воспитаніе. Со священникомъ не то: при смѣшанныхъ бракахъ православное ученіе для дѣтей не имѣетъ почвы въ семьѣ.

Дочь отца Ар....ва наставницею въ женской смѣнѣ приходскаго училища. Большинство дѣвочекъ— православныя; въ русскомъ языкѣ особенно трудно успѣваютъ нѣмки, при отсутствіи практики дома.

Отецъ Ар....въ обѣщалъ разузнать и извѣстить о имѣющейся у одного изъ его знакомыхъ королевско-польской грамматѣ, воспрещающей евреямъ жить въ Динабургѣ.

Въ дѣвичьемъ пансіонѣ г-на и г-жи Гру....въ нашли мы два класса. Въ старшемъ изъ нихъ, семь дѣвочекъ и одинъ мальчикъ; въ меньшомъ четыре дѣвочки съ дочерью хозяевъ включительно.

Г-жа Гру....ва (такъ письменно называетъ себя почтенная нѣмка), сама преподаетъ русскій языкъ. Особенно успѣшно учат-

ся и чисто говорятъ по русски двѣ еврейскія дѣвушки, сестры Левитъ, выросшія въ Ярославлѣ и учившіяся въ Смоленскѣ. Въ меньшомъ классѣ острѣе и понятливѣе своихъ подругъ маленькая Гр...ва: ошибки въ письмѣ подъ диктовку — самыя простительныя.

Въ единовѣрческую церковь, далеко за городомъ въ старомъ форштадтѣ, возилъ меня извощикъ, чисто русскій по облику, одеждѣ, разговору и ухваткамъ. Оказалось, что онъ родомъ курляндецъ, а по вѣрѣ полякъ. По польски ни слова не знаетъ: „ажно смѣшно ему, когда нужно идти къ ксендзу на-споведь; а дочка, ходя въ пансіонъ, теперь закрытый, знатно выучилась и по русску и по нѣмецку.“ Любопытно, какіе плоды въ этой парѣ русскихъ людей принесло-бы сознательное изученіе латинскаго догмата, враждебнаго во всѣхъ его приложеніяхъ русскому началу?

Единовѣрческая Успенская церковь существуетъ съ 1850 г.

Первымъ изъ священниковъ былъ прежній наставникъ часовни, іеромонахъ Автономъ Анку....вичъ. Нынѣ священствуетъ отецъ Григорій Го...инъ, діакономъ отецъ Константинъ Пи..новъ.

Богослужебныхъ и учительныхъ книгъ много.

Между ними есть замечательныя по рукописи и по печати:

а) Рукописная служебная Минея, на бумагѣ въ два столбца, XV вѣка.

б) На развернутомъ листѣ, съ прекрасными уставными буквами и украшеніями, пѣснь херувимская малаго распѣва, по крюкамъ. Варіантъ въ текстѣ слѣдующій:

„Трисвятую пѣснь приносяше всякую нынѣ житейскую отъвержемъ печаль.“

в) Тетроевангеліе отъ прежде печатанныя 7156 книги вторымъ тисненіемъ...... Новогородскаго сѣверьскаго намѣстничества, округа суражскаго въ клинцовскомъ посадѣ..... типографіи..... Якова Железникова, 7295 (1787).

г) Номоканонъ московскаго изданія 1639 г. Въ немъ глава 30-я очадотвореніе и обратотвореніе, т. е. о усыновленіи и о братарствѣ особый чинъ, въ новѣйшихъ требникахъ невстрѣчающійся.

д) Азбука крюковая, рукописная, съ наименованіями знаковъ: статья, полстатьи, скамья, два въ челну, свѣтлый крюкъ, мрачный крюкъ, параклитъ, паукъ, змѣйца, голубецъ, сорочья ножка, подферѫка, хамила, и проч.

Отецъ діаконъ обѣщалъ списокъ этой азбуки выслать въ Вильну.

Я впервые узналъ о такомъ образномъ наименованіи голосовыхъ крюковъ; припоминая способъ такого же толковаго преподаванія славянской азбуки въ глубинѣ Болгаріи, около рыльскаго монастыря: азъ букву вѣдаю; глаголъ добро есть (для того чтобъ) живѣти зѣло (на) земли: иже и како люди мыслете нашъ онъ покой?— рцы слово твердо..... понятною становится та вражда, которою сопровождались гоненія латинскаго Рима на словянскую письменность; понятнымъ становится и то недружелюбіе, съ которымъ всякій причастившійся латинскимъ началамъ взираетъ на букву, глаголъ, слово, письменность, духъ и обычай словянскіе.

При церкви есть училище, въ которомъ, по складамъ и по верхамъ обучаются двѣнадцать дѣтей мальчиковъ и дѣвочекъ чтенію. Способъ преподаванія большею частію безплодный потому, что оно не остается вѣрнымъ духу науки. А все таки не могу не вспомнить словъ почившаго Иннокентія херсонскаго: „умѣйте взяться за раскольниковъ, и раскольники спасутъ православіе.“ Дѣйствительно, раскольники въ мірѣ православномъ тоже, что евреи въ мірѣ христіанскомъ: при всей невѣрности своей духу исповѣдуемаго ученія, они остаются на почвѣ буквы и письменности (къ несчастію, мертвой), хранящихъ въ себѣ высоко-христіанскую воспитательную и образовательную силу. Недалеко то время, когда христіанская словянская письменность займетъ подобающее ей мѣсто надъ классическими письменностями языческой Греціи и языческаго Рима.

Священникъ и діаконъ динабургской единовѣрческой церкви просили г. попечителя виленскаго учебнаго округа выслать имъ букварей, *часовниковъ* и псалтырей (особо для старовѣровъ печатаемыхъ при московской единовѣрческой типографіи, при Введенско-Троицкой единовѣрческой церкви. Цѣны по дешевому: часовникъ 2 руб. 50 коп., псалтырь 5 руб.. букварь 30 коп.)

Въ Динабургѣ я долженъ былъ отыскать помѣщика Ковенской губерніи, Новоалександровскаго уѣзда, титулярнаго совѣтника Мойсея Іоахима сына Талятъ-Ке...ша, который обратился въ виленское свято-духовское братство съ просьбою, о нравственной поддержкѣ, о исходатайствованіи ему службы, на которой онъ могъ бы работать, и ежедневнымъ трудомъ доставлять содержаніе и воспитаніе четыремъ дѣтямъ, сыновьямъ Болеславу 12 лѣтъ, Моисею 10 лѣтъ, Цезарію 9 лѣтъ, и Петру 8 лѣтъ, съ которыми онъ въ 1863 году присоединился къ православной церквы. Братство поручало мнѣ узнать подробно о положеніи просителя и семейства.

Это тотъ самый Ке...шъ, о которомъ я сказалъ въ предъидущей главѣ.

Зимою 1864 года, проѣзжая чрезъ Динабургъ, нашелъ я время навѣстить въ гимназіи старшаго изъ сыновей Ке...ша. Мальчикъ съ глазками умными, но сдержанный въ словахъ и движеніяхъ до послѣдней возможности; ни лакомства, ни дружескія разговоры о дѣтскихъ шалостяхъ и мечтахъ, ничто не расшевелило одинадцати-лѣтняго мальчика. Въ гимназію онъ только приходилъ учиться, а жилъ на квартирѣ. Русская его рѣчь порядочно отзывалась акцентомъ.

Теперь, отыскавъ домъ, занимаемый Ке....емъ, самаго хозяина я не засталъ дома; его ждали изъ деревни къ вечеру. Встрѣтили меня трое мальчиковъ и дѣвочка, и объявили, что мама *хора*. Г-жа Ке...шъ пожелала меня видѣть. Проходя къ ней въ спальню, я сосчиталъ въ сосѣднихъ комнатахъ четырнадцать кроватей. Больная объявила мнѣ, что они содержатъ ученическую квартиру на десять человѣкъ, по сту рублей съ каждаго; что этотъ заработокъ весьма невыгодный, и что приходится приплачивать своихъ денегъ.

Возвратясь въ сумерки въ домъ Ке...ша, на дворѣ еще услышалъ я польскую рѣчь игравшихъ въ снѣжки, и отличилъ звонкій голосъ Болеслава. Въ комнатахъ польскій языкъ царствовалъ; дѣти, допивая чай, и готовясь приниматься за уроки, всѣ между собою говорили по польски. Ке...шъ уже возвратился изъ деревни и пошелъ меня отыскивать. Я собирался уйти, когда онъ возвратился. Мы сѣли въ средней комнатѣ; въ двухъ сосѣднихъ, гдѣ повтореніе русскихъ уроковъ еще не началось, переговоры между учениками шли по польски. Въ одной изъ комнатъ громко заспорили; Ке...шъ пошелъ унимать и, послѣ рѣчи его шопотомъ,— все утихло.

Я просилъ Ке...ша высказать мнѣ категорически, чего онъ ожидаетъ отъ ходатайства братства.

Онъ выразилъ желаніе, чтобы ему, какъ принявшему православіе, разрѣшено было покупать въ краѣ имѣнія и оказана помощь удержать собственное, Мо..ли, описываемое нынѣ къ продажѣ за неплатежъ графу Іосифу Ты.....чу процентовъ по заемному письму въ двѣнадцать тысячь, срокомъ по 12 декабря 1869 г. (?)

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желаетъ получить мѣсто по службѣ гражданской.

Я спросилъ г. Ке...ша какого рода русскую, православную дѣятельность онъ можетъ поставить на видъ правительству, чтобы получить желаемыя льготы?

— Я принялъ православіе, отвѣчалъ г. Ке...шъ, вмѣстѣ со старшимъ сыномъ, и остальныхъ *готовлю* къ томуже.

„Такъ эти остаются еще въ латинствѣ?

— Но они такіе маленькіе.....

„И вашъ сынъ и всѣ ученики говорятъ по польски?

—Мой сынъ только поддается вліянію товарищей. Ученическая квартира— это такая обуза! Никакъ не могу совладать съ учениками. Прежде у меня было заведено, что молитву предъ обѣдомъ читали по русски; я приказывалъ, чтобы между собою говорили ученики по русски. Но по возвращеніи съ рождественскихъ каникулъ, дѣти, по приказанію своихъ родителей, стали упорнѣе въ польской рѣчи; такъ что вотъ и мои дѣти перестали говорить по русски. Я хотѣлъ-бы получить отъ директора *приказаніе* построже, чтобы на квартирахъ иначе не горовили какъ по русски; да чтобы въ томъ обязали меня въ присутствіи учениковъ подпискою..... Изъ учениковъ особенно фанатичны три племянника сосѣдняго ксендза.

„Если гдѣ, то въ западномъ краѣ для дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ необходимы были бы закрытыя учебныя заведенія, съ чисто русскимъ и православнымъ характеромъ воспитанія.

„Помните, г. Ке...шъ, въ 1863, я говорилъ о несостоятельности православія, принимаемаго изъ одной политической необходимости. Гдѣ нѣтъ убѣжденія—тамъ....

— Но припомните исторію: во время введенія уніи, польско-королевская власть всячески поощряла уніатовъ; въ русскомъ правительствѣ и обществѣ не видно и малѣйшаго желанія поощрять возсоединяющихся къ православію римско-католическихъ русскихъ.

„Не чувствуется ли вамъ, что это потому, что они возсоединяются не изъ религіознаго убѣжденія, а по одной политической необходимости, чтобы пользоваться гражданскими правами, которыя нетронуты въ здѣшнемъ краѣ со времени польско-королевскихъ привиллегій, и къ которымъ правосавная русская натура чувствуетъ такое неодолимое отвращеніе?

—Но „Московскія Вѣдомости“ такъ убѣдительно доказываютъ, что обрусѣніе края совершенно зависитъ отъ перевода латино-поль-

скихъ понятій на русскій языкъ. Я и самъ думаю, что сила русскаго языка такова, что она способна поглотить и переварить въ себѣ латинство.

„Отравившись имъ — подумалъ я, но не сказалъ, вспомнивъ изреченіе: не мечите..... (*)

И дисненское дворянство, въ убѣжденіи о необходимости разорвать связь съ Варшавою и Римомъ, собиралось *просить* правительство перевести для него польскія книги и латинскую литургію на русскій языкъ. И Ке...шъ надѣется, что православное русское правительство вступитъ на іезуитскій путь, чтобы возвратить къ православію заблуждающихся въ латинствѣ чадъ своихъ. Не то думаютъ ксендзы, не тому поучалъ Фелинскій, не о томъ мечтаютъ и дисненскіе дворяне! (**)

Мѣстечко Друя за Двиною, въ Виленской губерніи, съ Придруйскомъ, по сю-сторону въ Витебской, составляютъ одно цѣлое. И тамъ и здѣсь большинство населенія — сыны Евера.

Съ почтовой станціи въ Придруйскѣ, поѣхалъ г. попечитель въ маленькихъ саночкахъ въ Друю — осмотрѣть народное училище. Самаго наставника, г. Бирюковича не нашли мы дома.

Въ тѣсной келліи подоминиканскаго монастыря, занимаемаго причтомъ и училищемъ, застали мы за двумя столами, довольно тѣсно скучившимися, сорокъ трехъ мальчиковъ, за книгами, по которымъ многіе бѣгло и вразумительно читаютъ. Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ помощникъ наставника Малевичъ, а нѣсколько позже отставной юнкеръ, изъ пензенскихъ семинаристовъ, Любимовъ, учащій дѣтей церковному пѣнію. Ученики обращались къ своему наставнику непринужденно и порядочно изъясняли заученныя ими молитвы, которыя, всѣ, безъ различія вѣроисповѣданія, хорошо выговариваютъ по русски. Ариѳметическія способности также развиты хорошо; изъ спрошенныхъ дѣтей почти всѣ, а особенно сынъ друйскаго мѣщанина Григорій Грецковъ, быстро рѣшали въ умѣ четыре ариѳметическія правила.

Большое удовольствіе доставили дѣтямъ розданныя имъ на мѣстѣ г. попечителемъ, купленныя изъ училищнаго же склада книги.

(*) Намъ кажется, что русскій языкъ отрезвляетъ поляка, а не отравляетъ. Ред.

(**) Вѣрно ксендзы не такъ думаютъ, если они такъ перепугались и всполошись было въ 1864 году, по случаю замѣны польскаго языка русскимъ въ преподаваніи наукъ въ ихнихъ семинаріяхъ, а закона Божія въ гимназіяхъ и народныхъ училищахъ, что дерзнули протестовать противъ этой мѣры, а бискупъ Боровскій прямо таки запретилъ своему духовенству приводить ее въ исполненіе, за что, впрочемъ, поплатился денежнымъ штрафомъ. Ред.

Они пропѣли народный гимнъ, крестный тропарь и литургію Василія Великаго довольно стройно.

Въ Друѣ съ Придруйскомъ три приходскія и одна приписная церковь. Намъ случилось видѣть одну послѣднюю, Петропавловскую. Ни одна несчастная молдавская церковь въ Бессарабіи, ни одинъ изъ болгарскихъ храмовъ, подавленныхъ турецкимъ игомъ не въ состояніи дать понятія о Петропавловской приписной церкви дисненскаго уѣзда. Деревянное зданіе примкнуто къ каменной колокольнѣ, которая издали обѣщаетъ еще что нибудь. Сквозь разсохшіяся доски потолка видно отсутствіе большей части крыши. Снѣгъ завѣялъ иконы и самый святой престолъ, на которомъ покровъ положенъ безконечно небрежно. Богослужебныхъ книгъ много; но самая большая ихъ часть свалена въ кучу въ алтарѣ, возлѣ комода. Между ними и дорогое изданіе мѣсячной Минеи, въ которомъ, по заявленію предсѣдателя совѣта братства, ощущается такой недостатокъ во всей епархіи.

Намъ сказали, что приходская церковь хуже этой: трудно повѣрить!—Приходская Благовѣщенская починяется восьмой годъ на двѣнадцать тысячъ рублей, ввѣренныхъ на сей предметъ помѣщику Мірскому. Костеловъ два приходскихъ и одинъ приписной. Священниковъ три, ксендзовъ пять.

При Петропавловской церкви числится нынѣ два прихода, но въ праздники собирается къ службѣ 3—4 человѣка, рѣдко-рѣдко пятнадцать.

По исповѣднымъ росписямъ, которыя намъ случалось видѣть здѣсь, у исповѣди въ 1863 году изъ 831 мужчинъ и 619 жен. не было 472 м. и 341 ж., въ 1864 году изъ 883 м. и 646 жен. не было 452 м. и 388 жен.

Изъ этихъ цифръ можно видѣть прогрессъ совратившихся въ теченіе девяти лѣтъ возсоединенныхъ мужчинъ и женщинъ.

Документы по доминиканскаго монастыря запечатаны военнымъ начальникомъ, и хранятся при костелѣ.

Изъ церковныхъ документовъ, хранящихся въ церкви Петра и Павла видѣли мы два; и тотъ и другой по польски.

а) Гродна, на сеймѣ 14 марта 1687 года, Казиміръ Янъ Сапѣга разрѣшаетъ священнику своимъ коштомъ, на указанномъ мѣстѣ, построить Благовѣщенскую греческой благочестивой вѣры церковь. Священнику разрѣшается взимать: отъ крещенія 6 грошей, отъ брака 19; коляды и волочебнаго за молитвы 3 гроша.

б) 12 декабря 1725 года, Николай съ Козельска Огинскій

подтверждаетъ друйскимъ базиліанамъ религіи греческой благочестивой права на церковь Благовѣщенія, и подчиняетъ ихъ юрисдикціи виленскаго Свято-Духовскаго монастыря (доминиканы).

Нынѣшній православный Свято-Духовъ монастырь въ уніи никогда не былъ; есть другой, римскій тогоже имени: ему ли, и въ такомъ случаѣ зачѣмъ уніатскую церковь подчинять латинскому монастырю? Или и этотъ не былъ-ли *въ 1725 году въ уніи.*

Въ Дриссѣ церковь во имя Святителя Николая, при въѣздѣ въ городъ, вновь обнесена красивою рѣшеткою, которую только остается докрасить. Священникомъ при ней отецъ Викторъ За...нъ, діаконъ Ипполитъ Дѣл...вичъ. Приходъ состоитъ изъ четырнадцати домовъ, считая сто четырнадцать душъ обоего пола. Ученики уѣзднаго училища составляютъ изъ себя хоръ, въ которомъ, вмѣстѣ съ служащими чиновниками бываетъ пятнадцать человѣкъ.

Въ училищѣ, въ обоихъ классахъ, 91 ученикъ; есть и женская смѣна, которою занимается наставница Якубовичева. Говоря о недостаточности высылаемыхъ нынѣ книгъ, учитель вспомнилъ, что въ 1859-мъ было ихъ выслано на пять рублей, и въ томъ числѣ пять академическихъ календарей по восьмидесяти копѣекъ. Наемъ дома подъ училище дорогъ. Военный начальникъ Августъ Евгеніевичъ Мер...нъ 16—17 января представилъ о разрѣшеніи ему перевезти въ городъ зданія упраздненныхъ лещиловскаго костела и виліяновой и таполоцкой каплицъ для постройки просторнаго училища.

Объ освѣйскомъ училищѣ, на содержаніе котораго гр. Шадурскій даетъ ежегодно 1200 рублей и хлопочетъ оставить его подъ непосредственнымъ своимъ вліяніемъ, Мер...нъ того мнѣнія, что его или перенести въ Дриссу, или до корня слѣдуетъ преобразовать непремѣнно.

Вибліографическихъ и пожалуй археографическихъ рѣдкостей искать слѣдуетъ въ Саріаской библіотекѣ Игнатія Лопатинскаго, проживающаго въ Кайранахъ.

Къ обѣдни въ дѣтской Воскресенской церкви, на день восшествія на престолъ Государя Императора, въ день приснопамятный всему православному крестьянству, собрался весь чиновный людъ уѣзднаго города. Единственнымъ представителемъ крестьянства случилась крестьянка, зашедшая съ базара. Пѣлъ весьма стройный хоръ изъ мѣщанскихъ дѣтей, которымъ городъ обязанъ исправляющему должность предводителя дворянства А. А. Браиловскому.

Двукласное уѣздное училище только образовывается. По случаю праздничнаго дня, нельзя было видѣть всѣхъ его учениковъ:

судя по собравшимся на лицо, мальчики хорошо были приготовлены въ приходскомъ училищѣ: твердо и сознательно отвѣчали на предложенные имъ вопросы о крупныхъ событіяхъ изъ русской исторіи, скоро въ умѣ рѣшали довольно сложныя задачи вычитанія и сложенія по хронологическимъ и географическимъ задачамъ. Въ объясненіи молитвъ слабѣе чѣмъ въ прочихъ предметахъ: этому общему явленію причины нужно искать въ упадкѣ преподаванія церковно-словянской грамоты и въ развивающемся утилитарномъ методѣ первоначальнаго образованія. Обращая менѣе вниманія на славянскій языъ и налегая на русскій, мы, конечно, объединяемъ по языку массы народа; но объединяя въ этомъ смыслѣ, разобщаемъ ихъ съ языкомъ молитвы, съ языкомъ богослуженія: отсюда чаще и чаще слышимыя требованія перевода словянскихъ книгъ на русскій языкъ. Переводъ замедляется, и никогда удовлетворительно исполенъ быть не можетъ; ибо никогда языкъ, хотя бы и безчисленнаго великорусскаго племени, не выразитъ вполнѣ всѣхъ красотъ общесловянскаго, обще всѣмъ словянамъ доступнаго языка.

Уже въ краковскомъ университетѣ, по свѣже полученнымъ оттуда извѣстіямъ, успѣхи преподаванія старославянскаго языка такъ значительны, что молодые люди, незнакомые съ русскою рѣчью, изучивъ ея первообразъ, легко понимаютъ хорошо говорящаго по русски.

Дисненское училище терпитъ недостатокъ въ книгахъ за медленностію висылки ихъ отъ Сеньковскаго изъ Вильны.

Еврейское училище переполнено. Мальчики первыхъ четырехъ лавокъ читали по русски очень порядочно,—нѣкоторые даже безъ семитическаго акцента. Остальные считаются вновь вступившими, и едва дошли до складовъ.

Женская смѣна въ приходскомъ училищѣ радуетъ успѣхами своихъ ученицъ. Дѣвочки, не смотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ семействамъ полякующихъ, всѣ чисто и твердо читаютъ словянскія молитвы, сознательно говорятъ, и объясняютъ басни Крылова. Жаль что рукодѣлье ученицъ представляетъ образцы занятій, необходимыхъ простому быту ихъ семей. Стеклярусъ, гарусы, цвѣтной шелкъ, бумажная канва суть предметы болѣе роскоши чѣмъ необходимости. Наставница объясняла, что дѣвочки умѣютъ также и бѣлье шить, но ни на ученицахъ, ни въ классѣ намъ не пришлось въ томъ удостовѣриться.

Свиданіе съ патріархомъ православныхъ жителей Дисны, отцомъ Ѳеодоромъ Соловьевичемъ доставляетъ всякій разъ новое на-

слажденіе. Богатый запасъ свѣдѣній и воспоминаній о краѣ и городѣ, въ которомъ онъ болѣе тридцати лѣтъ священствуетъ, знакомство со всѣми ухищреніями пановъ къ подавленію православія, твердая память подъ восьмидесяти-лѣтняго старца, оживленный расказъ, жаръ и цвѣтъ молодости лица его все даетъ сношенію съ нимъ невыразимое наслажденіе.

Вотъ обращикъ изъ его повѣствованій, повѣренный мною на мѣстѣ во время десятимѣсячнаго пребыванія въ Дисненскомъ уѣздѣ.

Есть верстахъ въ 85-ти отъ Дисны деревня Мосаръ, нынѣ въ тридцать девять дворовъ. При освобожденіи крестьянъ принадлежала она графу Брестовскому, усадьба котораго расположена верстахъ въ двухъ отъ деревни. Съ незапамятныхъ временъ въ деревнѣ стояла церковь, дорогая всѣмъ окрестнымъ жителямъ, по чудотворной въ ней иконѣ Святителя Николая. Къ сороковымъ годамъ храмъ этотъ обветшалъ; къ этому же времени въ сосѣднемъ Вилейскомъ уѣздѣ упразднёнъ былъ кляшторъ базиліанокъ меделскій, патронъ коего графъ Брестовскій, ѣздившій самъ въ Римъ, поспѣшилъ соорудить между деревней и усадьбой костелъ, въ который перенесъ изъ Медель, что-то закрытое, въ небольшомъ ковчегѣ, названное имъ мощамы святаго Іустина, привезенными будтобы изъ Рима. Повалилъ народъ бѣлорусскій, падкій вообще на *чудо*, въ костелъ. Къ 1863 году выросло въ Мосарѣ при костелѣ четыре ксендза, всѣмъ имъ была неустанная работа. Между тѣмъ обветшалый храмъ православный рухнулъ, и въ 1864 г. остатки основанія и нѣсколько сгнившихъ бревенъ видѣлъ я среди крестьянскаго огорода, наискось противъ волостнаго правленія. Икону Святителя Николая, котораго очень хотѣлось завладѣть ксендзамъ, перевезъ къ себѣ верхнянскій священникъ; и она помѣщена нынѣ въ верхнянской церкви, въ которой ктиторствуютъ старинные русскіе помѣщики Снитки, до того ополяченные и полякующіе, что въ православномъ храмѣ, родителю своему, коллежскому ассесору и кавалеру, соорудили монументъ съ польскою надписью, кажется, 1854 года. О православномъ происхожденіи мосарской церкви, по какому-то случаю, пришли въ руки отца Соловьевича слѣдующіе документы: одинъ 1763 года, 13 марта, о принадлежности къ церкви трехъ уволокъ (60 десят.) земли, крестьянъ особо надѣленныхъ землею, (которыхъ Снитки поспѣшили продать въ рекруты) и тридцати семи деревень прихожанъ. Другой документъ печатная грамата 1777 года 12 мая, выданная унитскимъ митрополитомъ

Филиппомъ Володковичемъ священнику Іоанну Шостаку, на вступленіе въ сей приходъ.

Еще въ сороковыхъ годахъ понадобились зачѣмъ-то графу Брестовскому эти документы. „Пріѣзжаетъ онъ къ отцу Соловьевичу:“ ксенже, отдай мнѣ эти документы“ —Не отдамъ.— „Продай мнѣ ихъ; вотъ тебѣ двѣсти рублей“.—И двухъ тысячъ не возму.— „Ой будешь каяться“. И графъ поѣхалъ въ Вильну. Чрезъ нѣсколько времени отецъ Соловьевичъ увидѣлъ въ Диснѣ графа Брестовскаго, который, подсмѣиваясь надъ нимъ, сказалъ ему: а что ксенже, не хотѣлъ брать двухъ сотъ рублей: я и дешевле добылъ.

Въ началѣ текущаго столѣтія, въ мѣстечкѣ Бермановичахъ существовала греко-унитская церковь въ честь Господня Преображенія. Въ настоящее время, зданіе обращено въ костелъ. Письменное доказательство 1802 года о томъ, что зданіе дѣйствительно принадлежало унитской церкви, — тотъ же отецъ Соловьевичъ въ туже, литовскую консисторію отправилъ, 26 апрѣля 1845 года за № 314. Но сильнѣе всякихъ документальныхъ и монументальныхъ доказательствъ, о существованіи въ этихъ двухъ мѣстностяхъ православныхъ приходовъ, то, что доселѣ въ обѣихъ, олатиненныхъ парафіяхъ чтутся въ народѣ несуществующія въ римскомъ календарѣ торжества въ честь святителя Николая и праздника Преображенія Господня.

Гораздо позже, въ имѣніи Путятино, помѣщика Глазки, принадлежащемъ теперь Кореневскому, невдалекѣ отъ усадьбы, находилась православная церковь, подпавшая, вмѣстѣ съ прочими, уніи. За ветхостію она была опечатана. Вмѣсто церковной земли, окружавшей церковь и подходившей къ озеру и усадьбѣ владѣльцевъ Путянина, православному штату сей церкви отведена болотистая мѣстность далеко отъ упраздненнаго храма. Государственные крестьяне, принадлежащіе къ приходу, общими силами построили себѣ маленькую церковь верстахъ въ пяти отъ бывшей — такъ, что священнику приходится, особенно въ весеннюю водополь — и эту дорогу я самъ хорошо испыталъ,— чтобы добраться до церкви, проѣхать верстъ семь, мимо прежней церкви, которая еще стоитъ бѣдная, безъ оконъ, безъ дверей, униженно нагнувшись къ выстроенной Кореневскимъ жидовской корчмѣ, отъ которой ее отдѣляютъ проѣзжая дорога, да ворота отъ сгнившаго лѣса, приготовленнаго нѣкогда помѣщикомъ Глазкою (за собранныя съ крестьянъ деньги, конечно), на постройку новой церкви. Теперь, вслѣдствіе крайняго неудобства помѣщенія священника,— покосившееся

и протекающее жилье въ шесть квадратныхъ шаговъ,—и, не знаемъ другихъ какихъ соображеній, идетъ, по словамъ отца Соловьевича, ходатайство о совершенномъ упраздненіи путятинскаго прихода. —*„Зонтикъ стоитъ въ углу — слѣдовательно: дождь идетъ!“*

Личныя мои впечатлѣнія на этотъ разъ въ Диснѣ были слѣдующія. Выгорѣвшая недавно часть города быстро отстраивается. Кирпичъ для будущей постройки православнаго собора, по настоянію помощника военнаго начальника, отъ берега Двины, гдѣ онъ подмокалъ, свезенъ на площадь. Военнаго начальника въ городѣ не было, а супругу его, *шествовавшую изъ костела*, я видѣлъ.

Послѣ обѣда у хорошаго знакомаго, видѣлъ я пріѣхавшаго къ нему за какою-то бумагою, знаменитаго помѣщика, отставнаго генерала россійской службы, кавалера ордена Св. Георгія, промотора проэкта извѣстнаго адресса дисненскихъ дворянъ 1864 года, который испускалъ горячіе вопли противъ дѣйствій въ его имѣніи повѣрочной коммисіи. Предсѣдатель этой коммисіи былъ на лицо и хладнокровно замѣтилъ вопіявшему, что всѣ требуемыя закономъ формальности были исполнены: повѣстки своевременно посланы, показанія прикащика въ имѣніи приняты въ уваженіе.. „Прикащикъ не мой, а матушки, которая живетъ въ моемъ имѣніи.“ — Да вѣдь имѣніемъ она распоряжается. — „А имѣніе все таки мое.“ — Но въ имѣніе посланы повѣстки; и вашему превосходительству, въ теченіе минувшихъ двухъ слишкомъ лѣтъ, пора уже было ознакомиться съ существующими правилами. „Нѣтъ мнѣ дѣла до вашихъ правилъ.“

... Вечеромъ, въ номерѣ у Фалки, разговаривая съ посредникомъ, услышалъ я въ сосѣдней комнатѣ приказанія, отдаваемыя на польскомъ языкѣ: „кто тамъ смѣетъ кшипшившикать?“ громко спросилъ я. — А кто тамъ смѣетъ спрашивать, возразилъ воинственный голосъ, по которому я узналъ знакомаго помѣщика, ротмистра Жабу. И затѣмъ начался въ сосѣдней комнатѣ разговоръ шепотомъ, обратившійся наконецъ въ громкую и чистую русскую рѣчь.

Мировой посредникъ В. Н. Тепловъ сообщилъ мнѣ о знакомыхъ мнѣ въ норѣчьской волости братьяхъ крестьянахъ Тарико. Старшій грамотѣй-самоучка, толково знаетъ положеніе 19-го Февраля и послѣдующія распоряженія по крестьянскому дѣлу. Онъ теперь помощникомъ писаря, должность свою исполняетъ ревностно и находитъ время читать все, что найти можетъ. Изъ читаннаго

дѣлаетъ извлеченія съ замѣтками, и теперь оканчиваетъ совершенно своеобразное обращеніе къ крестьянамъ, указывая имъ, на то, что латинская вѣра, навязанная имъ панами, задерживаетъ ихъ умственное и нравственное развитіе. Меньшій его братъ, скрипачъ самоучка, тоже хорошій грамотѣй, и былъ-бы отличнымъ кандидатомъ въ молодечнянскую семинарію. Жаль, что средства ихъ скудны, и оба помогаютъ въ хозяйствѣ отцу, не имѣющему средствъ нанимать работника.

Яцковскій бѣлоруссъ, развитый чтеніемъ и отвращеніемъ ко всему, чего пришлось ему наслушаться во дворѣ помѣщика Зеновича въ тяжкое время мятежа и предшествовавшихъ ему мѣсяцевъ. Кромѣ того онъ выдержалъ много положительныхъ преслѣдованій отъ мятежниковъ, и безстрашно указалъ на нихъ военной власти.

Многіе домы помѣщиковъ, опустѣвшіе въ 1864, вслѣдствіе арестованія владѣльцевъ ихъ за участіе въ мятежѣ, вновь оживились, по благополучномъ возвращеніи господъ изъ динабургской крѣпости. Въ одномъ изъ нихъ, сестра трехъ возвратившихся, неисправимая фанатичка, говоритъ, что она дошла до убѣжденія, что „въ польскомъ языкѣ все спасеніе дисненскихъ помѣщиковъ.“

Къ Полотску подъѣзжаешь съ запада болотистымъ лѣсомъ, и только за версту показываются на горизонтѣ, во первыхъ, высокія башни бывшей іезуитской коллегіи, потомъ св. Софіи, отстроенной въ настоящемъ видѣ во время уніи, уніятскимъ митрополитомъ Флоріаномъ Гребницкимъ. Первое большое зданіе, встрѣчающее васъ въ городѣ, это костелъ бывшаго доминиканскаго кляштора, занявшаго мѣсто у въѣзда на городскую площадь, такъ что крестьяне, пріѣзжая изъ уѣзда въ городъ съ сѣвера и выѣзжая изъ него, первою и послѣднею въ немъ станціею имѣютъ костелъ. И на такое помѣщеніе кляштора строители расчитывали не напрасно, потому что весь полотскій уѣздъ по сю-сторону Двины тянется отъ города именно къ сѣверу. А въ праздничные дни такое преобладаніе костела дѣлается постороннему наблюдателю еще виднѣе: въ то время когда въ православныхъ храмахъ, удаленныхъ отъ площади, служеніе къ 12-му часу уже окончено, и храмы затворяются, въ костелѣ, гдѣ можно молиться и поѣвши и выпивши, только начинается эффектное богослуженіе— и, конечно, весь народъ, уѣзжая изъ города не минетъ костела, хоть-бы для того, чтобы послушать музыки;— а въ костелѣ есть къ томуже хорошо обдуманная приманка, о коей подробно раскажу ниже.

Святыня полотская, и духовная и русско-историческая — это древность почти современная одной кіево-печерской лаврѣ, церковь Спасо-Евфросиньевской женской обители, на Сельцѣ, бывшемъ въ XII вѣкѣ мѣстомъ загороднаго архіерейскаго дома.

Въ 1833 г. „Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ“ (книжка 3. стр. 326), давалъ свѣдѣніе о современномъ видѣ и состояніи храма говоря: „Сія церковь, именуемая по бѣлорусскому нарѣчію Спасъ-Юрьевичи (Спасъ-Георгіевъ; преподобная княжна Евфросинія была дочь Святослава-Георгія, праправнука св. князя Владиміра)... сохраняетъ доселѣ какъ снаружи, такъ и внутри неизглаженныя временемъ признаки священной древности. Образъ построенія, необыкновенная толщина каменныхъ стѣнъ, съ малыми, узкими окнами, иконное и стѣнное писаніе въ старинномъ греческомъ вкусѣ, сохранившееся отъ поврежденія, и древнія русскія надписи, подтверждаютъ истину историческихъ указаній.“

Изъ польскихъ писателей Стебельскій, увѣрявшій, что Россія и до уніи была въ соединеніи съ Римомъ; современный фантазеръ графъ Борхъ, усиливающійся доказать въ извѣстной намъ рукописи, что св. Евфросинія была римской вѣры, — только усиливаютъ историческія указанія о древности и значеніи для насъ Спасо-Евфросиньевской обители, креста, вложеннаго преподобною Евфросиніею въ сію обитель, и древняго храма, къ сожалѣнію, въ последнее время попорченнаго.

По упраздненіи древней обители послѣ взятія Полотска Баторіемъ, зданія ея и храмъ переданы были іезуитамъ, которые имѣли здѣсь свой загородный домъ. Въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія, какъ помнитъ нынѣшняя игуменья, храмъ стоялъ безъ оконъ и дверей; стѣнная древняя живопись, изъ которой ей особенно памятны образа св. Пахомія, которому ангелъ въ образѣ схимника подаетъ уставъ монашескаго житія, да шестокрылатыхъ серафимовъ надъ столбами и алтаремъ; живопись, гдѣ только рука человѣческая могла достать, была попорчена выцарапанными по ней іезуитскими воспитанниками надписями именъ, фамилій и ругательствъ въ родѣ „кривоустъ, косоглазъ“. У многихъ святыхъ глаза были выколоты. Слѣды пуль видны были въ образѣ благословляющаго Спасителя въ главномъ куполѣ и въ образѣ знаменья, въ келліи преподобной Евфросиніи. Однако православные жители Полотска не забывали исторической обители; по праздникамъ нанимали базиліанскаго священника и ходили пѣть литургію въ древній храмъ. Поминовеніе папы обычно заглушалось гром-

кимъ и продолжительнымъ *„и всѣхъ и вся“*. После литургіи, православные, базиліане и іезуиты оканчивали день общею пирушкою, на травѣ, въ тѣни храма.

Игуменья помнитъ какъ въ 1827 году, уѣзжая съ родителями изъ Полотска, она ходила проститься съ дорогою ей святынею и видѣла съ сѣвера отъ храма обрушившуюся круглую главу, придѣланную іезуитами, съ желѣзнымъ на ней крестомъ, на которомъ былъ монограммъ имени Іисуса. Въ бывшемъ архіерейскомъ домѣ проживали — то предводитель дворянства, то капитанъ-исправникъ, и совершались всякія шумныя увеселенія.

При этомъ расказѣ я мысленно спросилъ себя: поляки-ли турокъ, или турки поляковъ научили ругаться надъ православною святынею? При расказѣ живо вспомнились мнѣ древніе храмы Тернова, Солуни и Охриды въ Болгаріи, гдѣ точно также завоеватели турки разстрѣливали изображенія святыхъ, выкалывали у нихъ очи; а въ св. Софіи цареградской и доселѣ лики шестокрылатыхъ серафимовъ залѣплены алебастровыми розетками.

Въ 1832 году, по Высочайшему повелѣнію, церковь передана была въ духовное вѣдомство православнаго исповѣданія. Въ 1842 году, въ домъ при церкви переведены отъ свято-Софійскаго собора пять монахинь базиліанокъ, обѣщавшихъ возсоединиться съ православною церковью, изъ коихъ еще и теперь двѣ живы. При возобновленіи женской Спасо-Евфросиньевской обители, святѣйшій синодъ имѣлъ въ виду образованіе ее изъ сестеръ хорошо знающихъ уставъ. Прибывшая изъ бородинскаго монастыря съ сестрами монахиня Дегтерева не удостоилась выбора въ игуменьи. Выписаны были сестры изъ Орши, и изъ нихъ Клавдія Щепановская была первою настоятельницею возобновленной обители. Ея мѣсто заняла по преемству нынѣшняя игуменья, мать Евфросинія Сербиновичева, поставленная 12 декабря 1854 г., при освященіи теплой церкви во имя преподобной Святой. Такъ сбылись завѣтныя мечты женщины, въ дѣтствѣ, отрочествѣ и юности наполнившей свое воображеніе мыслью объ историческихъ судьбахъ поруганной святой обители и ея святой основательницы!

Храмъ въ настоящемъ своемъ видѣ только внутреннимъ расположеніемъ столповъ и сводовъ, толщиною стѣнъ съ узенькими окнами, хорами съ двумя крестообразными келлійками, въ одной изъ которыхъ молилась преподобная Евфросинія, да каменнымъ жертвенникомъ, напоминаютъ о священной старинѣ зданія. Иконная живопись новѣйшая; стѣнная, старинная, увы! заштукатурена,

и по штукатуркѣ наведены подобія древнихъ образовъ. Въ мѣстахъ, гдѣ эта новѣйшая, 1842 года, подмазка отвалилась, видна гладкая поверхность семисотлѣтней штукатурки, съ красками, напоминающими фрески кіевской св. Софіи, и съ царапинами по нимъ іезуитскихъ клериковъ. Изъ древняго стѣнописанія сохранились надъ сводами пять изображеній: на сѣверной стѣнѣ — Успенія Пресвятыя Дѣвы и Распятія Христа Спасителя; на южной — Рождества Христова и, неясныя, воскрешенія Лазаря и входа во Іерусалимъ. Но и эти изображенія въ томъ же 1842 году покрыты были свѣжою масляною краскою. Образъ Спаса благословляющаго, въ куполѣ, также древній; но какъ крыша надъ нимъ течетъ, то и штукатурка, вмѣстѣ съ красками, осыпается.

Нынѣшній полъ настланъ очень высоко надъ прежде бывшемъ по древнему обычаю ниже уровня земли. Такъ, что двери въ жертвенникѣ для хода въ усыпальницу, теперь видна только верхняя, малая часть.

Вокругъ монастыря есть слѣды ограды, обнимавшей нѣкогда большое пространство монастырьскихъ зданій, съ ясно видимыми утолщеніями въ основаніи для угловыхъ башенокъ. Есть неопровержимыя доказательства, что подъ монастырскою почвою сокрыты значительныя сокровища, закопанныя тамъ изгоняемыми іезуитами, которые не теряли надежды возвратиться чрезъ два года. Еще при игуменьѣ Щепановской приходилъ изъ Невеля дворянинъ Грибовскій, имѣвшій родственниковъ между іезуитами, и убѣдительно просилъ позволить ему сдѣлать въ извѣстномъ мѣстѣ раскопку. Если раскопки вообще въ Спасо-Евфросиньевской обители и не поведутъ къ открытію сокровищъ денежныхъ, то другаго рода сокровища непремѣнно найдутся: это сокровища археологіи, остатки древней, XII вѣка архитектуры. Что же касается до древней стѣнной живописи, нынѣ заштукатуренной, то образецъ работъ академика Солнцева въ кіевской св. Софіи надъ возобновленіемъ древнихъ фресковъ, даетъ примѣръ, къ какимъ послѣдствіямъ привести могутъ: усердіе къ отечественной древности съ умѣньемъ — полезно употребить ассигнуемыя на работу средства.

Какъ въ XII вѣкѣ преподобная основательница полотской обители распространяла вокругъ себя христіанское просвѣщеніе, списывая священныя книги, и распродавая ихъ на пользу нищей братіи, такъ и нынѣшняя обитель, состоя подъ управленіемъ игуменьи соименной основательницѣ, продолжаетъ освѣщать и просвѣщать далеко вокругъ себя мѣстность, забитую латинопольскимъ игомъ. Чинъ бо-

гослуженія-пустынножительскій, хоры пѣнія и чтецы—безукоризненныя. Въ обители имѣютъ пріютъ двадцать семь дѣвицъ духовнаго званія, получающихъ основательное воспитаніе и образованіе. Святѣйшій синодъ отпускаетъ на это учрежденіе по тысячѣ рублей въ годъ: сумма едва-едва достаточная на прокормленіе дѣвочекъ,—выходитъ по 37 рублей 3 копѣйки на каждую. Впрочемъ, обитель готова принять и стороннихъ воспитанницъ по сорока рублей въ годъ. Такимъ образомъ поступила недавно Екатерина Щастновичева, сирота дочь священника, бывшаго за штатомъ въ тадулинскомъ монастырѣ, на сумму внесенную отъ главнаго начальника края К. П. Фонъ-Кауфмана.

Другая древность полотская, Богоявленскій мужской монастырь совершенно утратилъ характеръ старины. Ни въ зданіяхъ, ни въ памятникахъ, ни въ книгахъ его ризницы—нѣтъ, по словамъ настоятеля, отца архимандрита Сергія, ничего—ничего древняго. Монастырь втораго класса; иноковъ въ немъ кромѣ настоятеля, одинъ іеромонахъ и одинъ іеродіаконъ; штатъ до нѣкоторой степени пополняется свѣтскими священниками. Служеніе, благодаря воспитанникамъ уѣзднаго духовнаго училища, отправляется весьма порядочно; но собственные чтецы, одинъ съ бородкою, напоминающій великорусскаго причетника, другой съ бритою бородою, и занимающійся крученіемъ усовъ усерднѣе нежели чтеніемъ, ниже всякой критики.

Приписной къ Богоявленскому задвинскій Борисоглѣбскій монастырь вовсе безъ монаховъ. Тамъ всю братію составляютъ прекрасный священникъ, отецъ Іоаннъ Лузгинъ, обязанный и служить и вести хозяйство съ отчетомъ, да такъ называемый послушникъ изъ мужичковъ, которому очень хотѣлось, по вьюгѣ и подъ метелицею, пронести изъ дома къ церкви, чрезъ снѣжные сугробы, зажженную свѣчу. Церковь, холодный соборъ, зимою безъ служенія, съ воющимъ сквозь оконныя щели вѣтромъ, съ навѣяннымъ по мѣстамъ снѣгомъ, внушаетъ безотрадное чувство. Въ ризницѣ много одеждъ изъ старинной парчи и штофа; между ними мантія уніатскаго епископа съ двойнымъ воротникомъ и источниками, идущими по коричневому фону какъ-то иначе чѣмъ у насъ: ее вложилъ въ храмъ нынѣшній архіепископъ Василій; тамъ же крестообразная митра уніатская. Подъ ризницею, въ усыпальницѣ, стѣны которой очень грозно для всего храма разсѣдаются, видно нѣсколько гробовъ, и въ одномъ изъ нихъ прекрасно сохранившійся трупъ, облеченный въ иноческую одежду. Православная церковь, оставляетъ, спасибо ей, земное землѣ, и не нарушаетъ покоя усопшихъ для

своекорыстныхъ цѣлей, какъ то случалось, да и нынѣ случается въ костельномъ мірѣ.

Отецъ Іоаннъ расказалъ личное воспоминаніе изъ своей молодости, какъ недалеко отъ Полотска, въ Люцинскомъ уѣздѣ, въ имѣніи помѣщика Карницкаго, ксендзы *іезуиты*, выкоптивъ въ трубѣ трупъ одного ксендза, выдали его за нетлѣнныя мощи одного изъ предковъ пана. Панъ какъ панъ, не безъ придури и пыхи, подался на іезуитскую ловушку. Соорудилъ серебрянную раку, построилъ часовню, приказалъ хлопамъ чтить новаго святца; — а народу только скажи святый — и довольно, — и повалила толпа съ грошами, холстомъ, воскомъ и карбованцами. Прислали изъ Петербурга коммисію,—разобрали подлогъ, и закопали въ землю копченаго ксендза.

Въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ есть нѣсколько связокъ болѣе или менѣе старинныхъ актовъ: сколько изъ нихъ удалось намъ разсмотрѣть, это большею частью неуплаченные долговыя обязательства сосѣдей монастырскихъ, окрестныхъ помѣщиковъ. Фундушовая запись Корсака, о которой говорили мнѣ, не попалась на глаза; а бережется съ особымъ тщаніемъ кусокъ пергамина 6 вер. длины и 4 вер. ширыны, съ привѣсною къ нему восковою печатію, которую разобрать трудно. На пергаминѣ четкимъ почеркомъ написано некрасивымъ полууставомъ:

„Во имя божое стансе: Іа княз Полоцки Іарославъ Ваславович сознаваю симъ моимъ листомъ....“

Жалованье монастырю... „Лѣта 6904 (1396,—въ подлинномъ такъ ЅѦСОТНОВД).

Неудачны, большею частію, передѣлки въ православные храмы бывшихъ латинскихъ костеловъ, если къ костельной архитектурѣ не сдѣлано примѣненій, требуемыхъ православнымъ богослуженіемъ. Требованія костельной архитектуры-особенны. Тамъ удлиненная середина храма, высокіе своды, подъ которыми звучали и дробились бы оглушительные звуки органа и ревъ, безъ словъ, братчиковъ костельныхъ, для одурѣнія молящейся толпы, которой чуждъ языкъ литургіи и латинскихъ пѣснопѣній. Единственное, удобно примѣненное въ нихъ къ потребностямъ слушающихъ мѣсто, это мѣсто проповѣди,— каѳедра, приближенная къ срединѣ, возвышенная, съ которой ораторъ, всѣмъ видимый и слышимый, словами увлекательной рѣчи дѣятельно вліяетъ на своихъ слушателей.

Такія каѳедры, еще ближе къ срединѣ, существуютъ во всѣхъ православныхъ храмахъ юго-востока Европы, у грековъ и болгаръ.

Съ этихъ каѳедръ не только произносятся тамъ поученія, но раздается и само слово Божіе Евангелистовъ и Апостоловъ (*). Чтеніе тамъ—отчетливое и общепонятное преподаваніе народу вѣчныхъ истинъ по богослужебнымъ книгамъ; пѣніе—не утонченное подражаніе бездушному органу, а сознательное сочетаніе дивнаго дара слова, отличающаго человѣка отъ животныхъ, съ голосомъ души, выражающимися въ сочувственномъ произношеніи словъ. Чтецы и хоры пѣвцовъ, стоя на своихъ мѣстахъ, обращены лицомъ къ срединѣ храма; такъ, что и къ молящемуся въ отдаленіи ясно долетаютъ звуки и смыслъ словеснаго служенія.

Мысли эти пронеслись въ моей головѣ, когда я стоялъ въ полотскомъ Николаевскомъ соборѣ, передѣланномъ въ православный храмъ изъ іезуитскаго костела. Стройное длинное зданіе храма, съ легкими сводами, какъ нельзя лучше примѣнилось бы и къ православному богослуженію, если бы клиросы, вмѣсто того, чтобы прятаться гдѣто далеко впереди, за массивными столбами, такъ, что звуки голоса чтеца обращеннаго къ олтарю, ударяясь о стѣны иконостаса, возвращаются въ храмъ въ видѣ раздробленнаго гула, въ которомъ даже знакомму съ ходомъ богослуженія трудно уловить живое слово,—если бы клиросы помѣщались ближе къ срединѣ храма, гдѣ, между столбовъ имъ было бы прекрасное мѣсто.

Латинскій клиръ даетъ мірянамъ то, что онъ считаетъ для нихъ нужнымъ и для себя полезнымъ: одурѣніе и фанатизированіе толпы внѣшними впечатлѣніями на слухъ, зрѣніе, чувственность, воображеніе; онъ даетъ право молиться сидя, и пріобрѣтать легко индульгенціи, съ единственнымъ обязательствомъ—считать слово пастыря закономъ. Словесное служеніе, по преданіямъ и слову Божію, въ латинской церкви отсутствуетъ. Какова же при этомъ могла бы быть сила словеснаго служенія въ православной церкви, когда въ рукахъ ея столь громадное средство какъ общепонятный языкъ богослуженія и общедоступный смыслъ священныхъ обрядовъ!

Въ городѣ остались старинныя названія мѣстностей, не имѣющія въ настоящее время никакого значенія: нижній замокъ, верхній замокъ. Въ недальномъ разстояніи отъ верхняго замка, по окраинѣ его вала, у городской, называемою нынѣ кадетской, площади по-

(*) Подобныя каѳедры существовали во всѣхъ древнихъ церквахъ и существуютъ нынѣ во многихъ изъ нихъ въ юго-западной Россіи, а въ каѳедральныхъ соборахъ и во всей Имперіи. Желательно было бы, чтобъ устройство ихъ вошло въ обычай повсемѣстно во всѣхъ церквахъ Россіи.

мѣщается Николаевскій соборъ, съ примыкающими къ нему зданіями военной гимназіи,— бывшаго кадетскаго корпуса— и еще прежде бывшей іезуитской полотской коллегіи, центральной для всего края Бѣлоруссіи и Литвы.

О значеніи іезуитовъ въ Россіи много въ послѣднее время было говорено, много писано, такъ что и повторять имени ихъ, противнаго по историческимъ воспоминаніямъ, не слѣдовало бы, еслибъ имя это не встрѣчалось и теперь при памятникахъ, къ которымъ привязаны чувствительнѣйшіе нервы простыхъ сердецъ бѣлорусскихъ крестьянъ. Однимъ изъ такихъ памятниковъ служитъ, упомянутый мною въ началѣ, латинскій костелъ упраздненнаго доминиканскаго монастыря, хранящій въ себѣ наслѣдіе іезуитовъ, переданное туда при изгнаніи ихъ изъ Россіи, — ящикъ съ костями печальной памяти такъ называемаго Андрея Боболи.

При входѣ въ костелъ чрезъ маленькую дверь справа, вы видите предъ собою олтарь, надъ которомъ помѣщена икона въ серебрянномъ окладѣ святителя Николая, съ словянской на ней, обычною надписью: „Святый Николай чудотворецъ" (*). Здѣсь икона его помѣщена для привлеченія русскаго народа въ латинскій костелъ, какъ будто бы никакой разницы съ православною церковью въ ней нѣтъ. Противъ этой иконы, въ задней стѣнѣ костела есть низенькая дверь, ведущая въ неглубокое подземелье, освѣщенное продолговатымъ окномъ, на улицу приходящимся снаружи какъ разъ надъ тротуаромъ, около котораго снуютъ въѣзжающіе въ городъ и выѣзжающіе изъ него крестьяне.

Въ подземельи, съ лѣвой стороны, огороженный решеткою альковъ. На стѣнѣ его, обтянутой краснымъ сукномъ, посрединѣ черная доска, окруженная множествомъ серебрянныхъ ex-voto всякихъ видовъ. За рѣшеткою, въ альковѣ, изъ дубовыхъ рамъ со вставленными цѣльными стеклами, ящикъ, покрытый большою съемною рамою, въ которой натянуто проволочное ситное полотно; сквозь него видно, что-то таинственное. При подъемѣ этой рамы я увидѣлъ подъ стекломъ уложенную въ ящикѣ фигуру слѣдующаго вида: на атласной подушкѣ, рядомъ съ капланскою четырехъ-граннаго скуфьею, безобразная голова съ дырками вмѣсто глазъ и носа; въ старческихъ длинныхъ жолтыхъ зубахъ недостаетъ двухъ верхнихъ рѣзцовъ. Ниже головы идетъ чистое, бѣлое съ краснымъ, ксендзовское одѣніе изъ подъ котораго выглядываютъ двѣ скрюченныя кисти

(*) Надпись эта по польски. *Ред.*

рукъ и два ступня ногъ обмочалившеюся на концахъ пальцевъ кожею. Фигура внутри обвита по поясу бѣлымъ шнуромъ, у узла котораго печать митрополита Жилинскаго. Концы шнура расходятся къ верху, проходятъ сквозь просверленныя въ верхней рамѣ дырки и оканчиваются у соединенія криши съ ящикомъ, подъ сургучными печатями, которыя очевидно неоднократно были разогрѣваемы, и на которыхъ ни малѣйшаго изображенія не существуетъ. Рядомъ съ этими печатями привинчены къ рамѣ криши и къ верхней рамѣ ящика мѣдныя форточныя петли; царапины на нихъ и покривленныя головки винтовъ тоже говорятъ, что отвертка не однажды къ нимъ прикасалась. Ксендзъ-деканъ объяснялъ мнѣ что опечаталъ этотъ предметъ въ 1859 году митрополитъ Жилинскій, чтобы охранить ее отъ излишней ревности поклонниковъ, но акта этому опечатанію никакого не было составлено. Свѣжая одежда на фигурѣ, изглаженныя изображенія на боковыхъ печатяхъ, царапины на петляхъ, — все мнѣ говоритъ что есть посторонняя забота о содержаніи предмета въ должной опрятности, немыслимой при весьма плохомъ состояніи недоистлѣвшихъ частей трупа.

На черной доскѣ такая польская лаконическая надпись: „Андрей Боболя род. 1591. Вступилъ въ монашество въ Вильнѣ 1611. Мученъ въ Яновѣ около Пинска 1657. Вынутъ изъ земли 1700. Принесенъ въ Полотскъ 1808 (*).

Въ подоминиканской библіотекѣ нашелъ я грубую гравюру in.—12, изъ тѣхъ, очевидно, какія роздаются поклонникамъ, ибо верхняя надпись гласитъ: „Alligit corpus B. M. Andreae Boboli S. J.“, т. е. прикоснулся тѣлу блажен. муч. Андрея Боболи, общ. іезуит.; это аттестатъ, бывшій въ обычаѣ у всѣхъ латинскихъ и унитскихъ монастырей, который выдавался поклоннику чтимой святыни. Въ одномъ изъ православныхъ нынѣ монастырей нашелъ я мѣдную гравировальную доску для печатанія подобныхъ образковъ другаго изверга въ унитскомъ мірѣ, Іоасафата Кунце-

(*) По преданію, ксендзами поддерживаемому, трупъ Боболи вынутъ изъ болота. А извѣстно, что торфяныя болота Пинскаго уѣзда, какъ и всякій торфъ, имѣютъ свойство сохранять погруженныя въ нихъ тѣла въ ихъ первоначальномъ видѣ. Гораздо лучше Боболева видѣлъ я сохранившимся трупъ Сѣцинскаго, также долго лежавшій въ Упитскомъ болотѣ Поневѣжскаго уѣзда, и который до 1865 года включительно хранился въ Упитскомъ костелѣ, безъ репутаціи святости — напротивъ — какъ воспоминаніе о первомъ шляхтичѣ упитскомъ, прокричавшемъ въ Варшавѣ: «не позваламъ!»

вича. Гравюра Боболи говоритъ, что *тѣло* его перенесено къ доминиканамъ 1835 года.

Печатнаго жизнеописанія Боболи я въ Полоцкѣ не могъ найти; но у ящика, въ которомъ заключены кости, выдаваемыя за Боболевы, ксендзъ-деканъ, на вопросъ мой, кѣмъ былъ замученъ Боболя, отвѣчалъ, скромно потупивъ очи: „казаками, говорятъ, во время сраженія русскихъ войскъ съ польскими". Я не буду передавать мнѣній о Боболѣ изъ противнаго ксендзамъ лагеря: онѣ или общеизвѣстны, или также мало доказательны, какъ и латинская хроника. Для меня достаточно того, что вторгшіеся въ Бѣлоруссію іезуиты, враждебные православію, враждебные Россіи, перевезли съ собою изъ пинскихъ болотъ части тѣла, выдаваемыя ими за Боболевы. Я вижу, что по изгнаніи іезуитовъ, чрезъ четырнадцать лѣтъ, кости эти обогащаютъ собою доминиканскій полоцкій монастырь. Послѣ мятежа 1863 г., въ коемъ участвовали отцы-доминиканы, монастырь закрытъ и костелъ его остается приходскимъ. И когда мнѣ говорятъ, что вся святость Боболи заключается въ томъ, что іезуитъ былъ убитъ при стычкѣ казаковъ съ поляками, когда, въ таинственной обстановкѣ, поражающей воображеніе кроткаго и простодушнаго бѣлорусса, я вижу изъ польской литаніи, повѣшенной надъ ящикомъ, что къ нему взываютъ: „Пинскій апостоле! Орудіе Богомъ избранное для поврагценія къ едности вѣры свентой,—т. е. къ уніи,—то для меня непостижимою становится та толерантность, или то равнодушіе, которыя допускаютъ въ сердцѣ Россіи, въ городѣ преподобной Евфросиніи полоцкой, послѣ изгнанія іезуитовъ, а наконецъ и доминикановъ, послѣ торжественнаго возсоединенія съ православною церковью бѣлорусскаго народа, существованіе столь постыднаго напоминанія о триклятой уніи, обезобразившей и продолжающей безобразить бѣдное, лишенное всякаго развитія — и духовнаго и умственнаго — воображеніе русскаго крестьянина.

Изъ подоминиканскаго костела, чрезъ коридоръ, перешелъ я въ помѣщеніе, занимаемое подоминиканскою библіотекой, разобранною по языкамъ тружениикомъ, неизвѣстнымъ полиціи, завѣдующей ключемъ и печатью отъ библіотеки. Шесть огромныхъ шкафовъ заключаютъ въ себѣ 8832 тома книгъ, распредѣленныхъ по языкамъ въ слѣдующемъ отношеніи: латинскихъ 4793, французскихъ 2563, польскихъ 1915, нѣмецкихъ голландскихъ, а также рукописныхъ на разныхъ языкахъ 1265, итальянскихъ 296.

Полиція продавала недавно шкафы, оставшіеся послѣ оо. до-

миниканов; купил их священник и, к удивлению своему, нашел в одном из них несколько боченков с отличною старою водкою, не вошедшею в опись.

Из подоминиканскаго зданія направился я к вышнему замку, гдѣ стоят: собор св. Софіи, зданія бывшаго монастыря и семинаріи іезуитов-базиліан и деревянное зданіе для монахинь-базиліанок.

Зданіе полотской семинаріи, по переводѣ ея в Витебск, продано было в частныя руки, и нынѣ уже из частных рук отдается в наем квартирующим в городѣ войскам. Любопытны цифры, сообщенныя мнѣ знающим дѣло человѣком в Витебскѣ: продан был дом за 40 тыс. руб. (кажется ассигнаціями); в том же году покупщик половину дома заложил за 75 т. руб.; нынѣ владѣлец получает из сумм военнаго министерства 1500 руб. сер. в год. Зданіе монахинь-базеліанок, по переводѣ их в Спасо-Ефросиньевскую обитель, поступило под помѣщеніе священнослужителей соборных.

Внутренность собора, величественная по размѣрам, представляет какое то холодное безжизненное пространство, ничѣм, как то бывает в древних и новых православных храмах, несогрѣтое. Очевидных памятников уніятства там уже нѣт; каплица sanctus Benedictus очищена; но голыя стѣны, рѣдко размѣщенное наслѣдіе латинян в их плотяных картинах, замѣняющих образа, наводят на душу какое то стѣсненіе. Я поспѣшил обратиться к старинным книгам, которыя обязательно предложил мнѣ разсмотрѣть почтенный протоіерей отец Юркевич.

1) Рукописная на польском языкѣ книга архибратства Покрова пресвятыя Богородицы при храмѣ св. Софіи, установленнаго папою Бенедиктом XIII, и веденная с 1727 по 1838 год. Братская же икона псковской Богоматери. Есть другая, так называемая, братская икона, складень, на котором изображены святитель Николай, св. великомученица Варвара и епископ, подпись имени котораго из серебрянаго оклада вырѣзана, около лика его нацарапано: св. апостол Іаков. Но документов о Свято-Никольском братствѣ никаких несуществует.

2) Апостол с предисловіем и посвященіем Богдану Стеткевичу, подконорію мстиславскому, печат. в Могилевѣ лѣта от Рождества Христова 1638. Спиридон Соболь типограф.

3) Евангеліе и апостол в малую четвертку; между текстом двѣ виньетки, представляющія св. евангелистов Матѳея и Марка, с подписью мѣста печати в Кутейнѣ 1654. К нему спереди

приклеенъ заглавный листъ изъ другой книги: „Правило къ божественному причащенію первѣе въ типографіи святои троицкой илиинской, черниговской издадеся. Нынѣ же въ типографіи богоявленской братской могилевской коштомъ и накладомъ того-жъ року 1736.“

Въ храмѣ хранится крестъ серебряный, вызолоченный, съ надписью года его сооруженія 1661.

Отецъ Юркевичъ и староста соборный, витебскій мѣщанинъ Михаилъ Потоцкій, положили основаніе собранію библіографическихъ рѣдкостей, предоставивъ въ распоряженіе мое слѣдующія книги:

1) Сводный лѣтописецъ, рукопись полууставомъ въ книгѣ въ малую четвертку, 450 листовъ. На 436-мъ древнее писаніе продолжается до конца позднѣйшею рукою, и въ концѣ страницы значится слѣдующее: „лѣта 7003 (1489) написана бысть сія книга, глаголемый лѣтонисецъ въ градѣ Смоленсцѣ при Державѣ великого князя Александра, изволеніемъ Божіимъ и повелѣніемъ господина владыки нашего епископа смоленского Іосифа, рукою многогрѣшнаго раба Божія Авраамѣка. Но господіе, отцы и братіе.... и проч. Слѣдуетъ обычное извиненіе писца, а затѣмъ снова текстъ лѣтописи, обрывающійся на возвращеніи Ягеллы съ Ядвигою изъ Кракова въ Вильну. На поляхъ много польскихъ замѣтокъ. Не та ли же рука и конецъ оборвала?... (*).

2) Старопечатная, не изъ древнихъ, лѣтопись безъ начала и конца, съ заглавіями вверху страницъ. Первое заглавіе „о народѣ роксоланстѣмъ и о нарѣчіи его“, послѣднее “о пришествіи въ Чигиринъ войскъ православныхъ,—это отрывокъ исторіи кіевскаго митрополита Гизеля.

3) Старовѣрческая, почаевскаго изданія (1781), скитское покаяніе.

4) Семь подлинныхъ документовъ XVI и XVII вѣка, касающихся полотской архіепископіи. 1588—два, 1606, 1619, 1624, 1635 и 1640 годовъ.

Предъ выѣздомъ изъ Полотска не могу не бросить бѣглаго взгляда на все мною тамъ видѣнное и слышанное. Припоминая заявленное многими у насъ желаніе видѣть перевезенными въ По-

---

(*) Н. П. Барсовъ убѣдился изъ сличенія, что лѣтопись эта составляетъ подлинникъ той копіи 1820 года, которую издалъ латинскими буквами и съ польскими изъясненіями въ 1827 году Даниловичъ.

лотскъ мощи препод. Евфросиніи, думаю, что не можетъ быть приличнымъ это перевезеніе, пока не вынесется изъ Полотска трупъ іезуитскаго Боболи и не вывѣтрится воздухъ отъ столь долгаго поруганія его присутствіемъ латинской штуки.

Евреи города Полотска особенно безпокойны и наглы: въ нихъ какъ будто живъ духъ привиллегій, данныхъ имъ польскими королями, которые въ Бѣлоруссіи ихъ употребляли какъ язву для умерщвленія въ русскомъ народѣ духа его вѣры и народности. Отъ всѣхъ властей пришлось мнѣ слышать жалобы на дерзость ихъ, лукавство и упорство. Къ пріѣзду генералъ-губернатора въ еврейское училище собрано было до трехъ-сотъ дѣтей, между тѣмъ какъ ни прежде, ни послѣ ихъ вовсе въ училищѣ не бываетъ.

Всякаго пріѣзжаго поразитъ отсутствіе зимою въ Полотскѣ нищихъ. Едва ли это не единственный городъ, въ которомъ нищіе по истинѣ трудятся. Цѣлый день отъ утра до вечера можете вы видѣть на крутыхъ подъемахъ улицъ, идущихъ отъ Двины, стариковъ, старухъ, дѣтей, которые съ усиліями тащатъ въ городъ салазочки съ мѣшками бѣлаго песка, употребляемаго жителями для усыпанія пола въ домахъ своихъ. И здѣсь не безъ гадостей отъ жиденятъ: я видѣлъ, какъ человѣкъ пять этихъ маленькихъ оборванцевъ высыпали въ грязь у маленькой дѣвочки до крупинки всѣ четыре мѣшечка, которые она съ такимъ трудомъ дотащила до верха.

Развитіе крестьянъ съ 1839 года возсоединенныхъ изъ уніи, весьма слабо. Повсемѣстно господствуютъ уніатскіе обычаи. Стремленія привлекать безсознательно латинствующихъ дорого обходится дѣятелямъ. Такъ въ горспилянской волости, прекрасный священникъ съ помощію добросовѣстнаго писаря успѣлъ убѣдить небольшое число латинниковъ, удаленныхъ отъ костела и сжившихся съ православными сосѣдями, дать подписку о возсоединеніи съ православною церковью. По интригѣ ксендза писарь смѣщенъ, назначено дознаніе, при которомъ обязательство крестьянъ, вслѣдствіе отреченія ихъ отъ него, торжественно при нихъ разорвано.... дѣло находится еще въ производствѣ у судебнаго слѣдователя.... Надежда на училища, которыя шли доселѣ хорошо, но въ нѣкоторыхъ, вслѣдствіе невозможности продовольствовать дѣтей, ученье пріостановилось.

Городскія церкви народомъ посѣщаются слабо; костелъ всегда полонъ.

Есть слухъ,—не поручусь за полную достовѣрность его,—

что помѣщики римскаго исповѣданія собираются переходить въ лютеранство, съ цѣлію избѣжать послѣдствій для нихъ Высочайше утвержденнаго 10-го декабря положенія.

Болѣзнь, приключившаяся мнѣ въ Полотскѣ, помѣшала мнѣ видѣть многое изъ памятниковъ православной русской старины, чудомъ уцѣлевшихъ на классической почвѣ уніи въ бывшемъ полотскомъ воеводствѣ. Такъ, въ Полотскѣ не видѣлъ я ни Струньи, ни Якиманіи, бывшихъ нѣкогда загородными домами полотскихъ архіепископовъ. Проѣзжая мимо первой, видѣлъ я кучу часовенекъ, которыя образуютъ ограду церкви и представляютъ собою, въ миніатюрѣ, конечно, ту кальварію, которая въ окрестностяхъ Вильны столько содѣйствуетъ къ фанатизированію въ латино-польскомъ смыслѣ невѣжественныхъ массъ крестьянъ, привлекаемыхъ издалека смутнымъ представленіемъ, что они посѣтятъ истинное мѣсто страданій и крестной смерти Искупителя и получатъ отпущеніе грѣховъ чуть ли не цѣлой жизни.

Въ Витебскѣ не видѣлъ я ни Маркова, ни тадулинскаго монастырей, въ послѣднее время подробно описанныхъ въ памятныхъ книжкахъ Витебской губерніи (*); не могъ посѣтить ни Ильинской ни заручеевской церквей, служившихъ православному люду убѣжищемъ для молитвы въ то время, когда, при введеніи уніи, всѣ храмы стояли запертыми и запечатанными; не успѣлъ проникнуть и въ Успенскій соборъ, свидѣтель гибели неукротимаго фанатика Кунцевича. Не видѣлъ ни собранія портретовъ унитскихъ архіепископовъ, ни богатой библіотеки семинаріи.

Мнѣ случилось встрѣтиться съ просвѣщеннымъ единовѣрческимъ священникомъ, отцемъ Василіемъ Волковичемъ, который обогатилъ мое собраніе слѣдующими предметами:

1) Рукопись въ книгѣ in fol.; тридцать листовъ церковнаго пѣнія по крюкамъ.

2) Рукопись въ книгѣ in 4to; сто тридцать пять листовъ старовѣрческихъ обличеній противу нововведеній:

Гл. 23-я истинное описаніе о отступленіи отъ святыя восточныя церкви нарицаемыхъ *юнитовъ*.

3) Рукопись въ книгѣ малое in fol., четыреста восемьнадцать листовъ мѣсячной Минеи, полные мѣсяцы: Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь, Январь.

(*) Да и прежде въ Витебскихъ Губернск. Вѣд. г. Говорскимъ и въ издаваемомъ имъ „Вѣстникѣ Западной Россіи“.

Почтенный священникъ довѣрительно вручилъ мнѣ составленный имъ для единовѣрцевъ Катехизисъ ученія православныя церкви, въ которомъ всѣ тексты заимствованы имъ изъ старопечатныхъ книгъ, не отвергаемыхъ и православною церковію. Достоинство книги считаетъ авторъ особенно въ томъ, что онъ, путемъ доводовъ, основанныхъ на текстахъ, приводитъ нашихъ отщепенцевъ къ убѣжденію о необходимости правильной іерархіи, хранительницы, совершительницы и преподавательницы истинныхъ таинствъ церковныхъ. Книга эта, дважды представляемая на одобреніе возвращалась автору безъ успѣха. Въ первый разъ было найдено, что книга не соотвѣтствуетъ всѣмъ нуждамъ единовѣрцевъ, и дано обѣщаніе составить столь потребное руководство. Въ другой разъ книга встрѣтила два противуположныхъ мнѣнія: двое полагали сократить изложеніе, а одинъ распространить оное. Между тѣмъ единовѣрцы остаются безъ вѣроученія, подверженные всей шаткости разнообразныхъ ученій наставниковъ въ русскомъ расколѣ (*). Какъ вводное предложеніе, сообщу извѣстіе радостное и вполнѣ достовѣрное, что могилевскіе старовѣры охотно отдаютъ дѣтей своихъ для общаго образованія въ гимназію, съ единственнымъ условіемъ, чтобы ихъ не принуждали слушать ученіе вѣры: и вотъ, какъ разъ кстати является Катехизисъ, составленный отцемъ Волковичемъ, который пользуется, по словамъ его, одобреніемъ всѣхъ единовѣрцевъ и многихъ старовѣрческихъ наставниковъ.

Я познакомился съ витебскимъ центральнымъ архивомъ чрезъ архиваріуса его, почтеннаго труженника Александра Михайловича Сазонова. Собралъ свѣдѣнія объ архивѣ и со стороны; вотъ выводъ ихъ:

Витебскій центральный архивъ долженъ заключать въ себѣ все древнее дѣлопроизводство присутственныхъ мѣстъ нынѣшнихъ витебской и могилевской губерній. Ученыя работы въ архивѣ этомъ должны выяснить документальнымъ способомъ духовный, гражданскій и юридическій бытъ русскаго народа, на который столь тяжкимъ гнетомъ начало съ конца XVI вѣка налегать печальной памяти латино-польское иго. Особенно любопытны памятники Полотска, Витебска, Орши, Мстиславля; ибо географи-

---

(*) Одинъ изъ виленскихъ авторитетовъ выразился, что книга «ведетъ къ сепаратизму, а уніонизмъ лучше.» Впрочемъ единовѣріе нашихъ раскольниковъ,— это синонизмъ уніонизма.

ческое пространство этихъ именно мѣстностей подверглось сильнѣйшимъ нападеніямъ передовой арміи латинскаго папства, іезуитовъ, стремившихся осуществить столь давно желанное римскимъ клиромъ присвоеніе римскому католичеству гражданскихъ правъ въ Россіи среди православнаго ея населенія. Тамъ именно удалось іезуитамъ особенно сильно укрѣпить латинскія вѣрованія и латинскій обрядъ, посредствомъ облеченія ихъ въ бѣлорусское слово (*), посредствомъ примѣненія ихъ къ бѣлорусскому обычаю. Плоды этого обличенія и такого примѣненія очевидны всякому, читающему въ народной жизни *не по верхамъ:* плоды эти — въ усвоеніи латинскихъ воззрѣній на главенство папы, ксендза, пана; они въ массѣ бѣлорусскихъ кантычекъ, представляющихъ все божественное въ образахъ тривіально-человѣческихъ (**); плоды эти въ томъ, что нигдѣ какъ въ Бѣлоруссіи не согнулся такъ низко народъ подъ гнетомъ латинско-польскаго папства, и нигдѣ такъ не трудно ему оправиться отъ минувшаго полнаго безправія при крѣпостномъ состояніи; въ томъ, наконецъ, что нигдѣ какъ тамъ, среди воспитанныхъ и въѣвшихся въ умъ суевѣрій, осо-

---

(*) Намъ извѣстно только нѣсколько книжечекъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи:— Катехизисъ, Науки парафіальныя, да пять, шесть пѣсней духовнаго содержанія, переложенныхъ, отчасти съ польскаго, уніятами, для домашняго обихода въ ихъ, хотя уніятскихъ, но все таки въ русскихъ церквахъ, но іезуиты и другіе латинскіе ксендзы никогда не облекали свои вѣрованія и обряды въ бѣлорусское слово, они его также не терпѣли какъ и русское, а напротивъ пропаганду свою всегда вели на языкѣ польскомъ (за исключеніемъ только миссій въ царствованіе Александра 1-го, на которыхъ поучали простой народъ ломанымъ польскимъ языкомъ, но ничуть не въ костелѣ, а внѣ его, подъ открытымъ небомъ, чтобъ дескать, не прафанировать русскою рѣчью ихъ святыню). Извѣстно, что почти до 18 столѣтія въ уніятскихъ церквахъ поученія произносились на бѣлорусскомъ, т. е. древле русскомъ языкѣ, но поляки, съ цѣлью ополяченія уніятовъ, навязали имъ употребленіе въ церквахъ польскаго языка, на которомъ уніятскіе ксендзы не только стали произносить проповѣди, но читать молитвы и пѣть духовныя пѣсни, такъ, что въ эпоху возсоединенія не было уже въ западной Россіи ни одной уніятской церкви, въ которой бы, кромѣ славянской литургіи, раздавались звуки русскаго слова. Повсюду въ нихъ все говорилось и пѣлось по польски, а изъ церквей польскій языкъ перешелъ и въ домы уніятской шляхты и духовенства, вслѣдствіе чего уніяты стали называть себя поляками и въ 1830 году приняли участіе въ польскомъ мятежѣ,— какъ истые поляки—патріоты. *Ред.*

(**) Кто здѣсь не слыхалъ пѣсьни, распѣваемой дѣтьми, путешествующими въ день Богоявленія (по латинопольскому вѣрованію „Трехъ Королей", нигдѣ изъ священныхъ книгъ неизвѣстныхъ, какихъ-то Каспера, Мельхіора и Бальтазара), гдѣ рожденный Спаситель въ ясляхъ представляется такъ:

Съ одной стараны сапитъ бычекъ,
Съ другой стараны ослючокъ

бенно почвенныхъ, при свободно живущихъ памятникахъ Кунцевича, Боболи и другихъ латинопольскихъ святыхъ,— не трудно будетъ привить ростки истиннаго христіанскаго просвѣщенія, которое будетъ постоянно встрѣчать себѣ противника въ усвоенномъ народомъ латинскомъ полу-христіанствѣ.

На полдень обращенный выступъ архивнаго зданія занятъ центральнымъ архивомъ. Высотою помѣщенія воспользовались, чтобы устроить два яруса раздѣленные досщатымъ поломъ. Въ нижнемъ живетъ сторожъ и находится комната для занятій архиваріуса, нежилая, впрочемъ, вслѣдствіе дурнаго устройства печей, дымовые ходы которыхъ проведены въ наружной стѣнѣ и неправильно извиваются, повинуясь неправильному расположенію въ стѣнѣ булыжника среди кирпича. Въ верхнемъ ярусѣ, въ двухъ первыхъ комнатахъ, расположены на полкахъ систематически девять сотъ пятьдесятъ шесть книгъ присутственныхъ мѣстъ нынѣшней Витебской губерніи, которымъ составлена подробная опись, по числу, по годамъ, по отдѣламъ, по числу листовъ и по языкамъ. Послѣдняя комната далеко не наполнена поступающими весьма туго изъ Могилевской губерніи книгами, которымъ, поэтому и описи никакой составить нельзя.

Помѣщеніе для книгъ не тѣсно,—и если нижнее, для занятій, будетъ исправлено, то работать можно съ успѣхомъ. Но жаль, что весь богатый складъ недостаточно обезпеченъ отъ огня, который, при пожарѣ въ множествѣ дереванныхъ зданій, окружающихъ архивъ, можетъ мгновенно истребить его. Необходимо ко всѣмъ окнамъ сдѣлать желѣзныя ставни и въ жилыхъ помѣщеніяхъ устроить отличныя печи.

Богатство витебскаго архива заключается, какъ я сказалъ, въ 956 книгахъ, которыя, распредѣленныя по мѣсту и времени.

Весь трудъ пріема, разбора и описанія сихъ книгъ совершенъ

Грѣетъ Господа Бога своего,
Суса Христа маленькаго.
Божа мати поглядаетъ,
Что нискуль гостей не маетъ.
Пришли къ нему два литвины,
Принесли горшокъ ботвины
Ахъ вы глупые литвины.
Сусъ Христосъ не ѣстъ ботвины,
Принесите кашки съ молокомъ,
Либо съ медовымъ сочкомъ,
То на васъ Христосъ ласковъ будетъ.....

однимъ человѣкомъ. При витебскомъ архивѣ нѣтъ археографической комисіи, у архиваріуса нѣтъ сотрудниковъ: А. М. Сазоновъ не жалуется на свое одиночество въ работѣ, хотя ему хотѣлось бы, конечно, начать печатаніе документовъ витебскаго архива. И въ самомъ дѣлѣ важно скорѣе выпустить ихъ на свѣтъ Божій для того, чтобы разсѣять всю черную тьму латино-католической польщизны, облекавшую русскую страну, отуманившую русскій народъ, заглянувшую во всѣ полусвѣтлые углы и безъ того темной избы русской деревни, изсушившую народную жизнь, *оцивилизовавшую* русскій *городъ*, подготовившую раздѣленіе народа на народъ, общество и публику, и наконецъ, произведшую насъ изъ *народа* въ *націю*, въ каковомъ качествѣ мы теперь и имѣемъ честь предстоять суду европейской публики.

Александръ Михайловичъ сообщилъ намъ сорокъ шесть выписей, сдѣланныхъ имъ изъ книгъ полотскаго магистрата. Текстъ ихъ, надѣемся, будетъ изданъ въ теченіи нынѣшняго года. (*)

Предъ выѣздомъ изъ Витебска случилось мнѣ быть очевидцемъ слѣдующей вещи.

Скончалась въ городѣ старушка, римскаго обряда, сестра всѣми уважаемаго православнаго дѣятеля. Собрался къ выносу тѣла чуть не весь городъ, а общество положительно все, начиная съ высшихъ властей, и кончая маленькими чиновниками, подвѣдомственными брату покойницы.

Весь поѣздъ тронулся подъ предводительствомъ мѣстныхъ ксендзовъ. Прійдя въ костелъ, гробъ поставили посрединѣ, на катафалкѣ, и его обступили русскіе чиновные гости, въ мундирахъ и орденахъ. Разумѣется, что текстъ латинопольскихъ пѣснопѣній былъ чуждъ большинству собравшихся.

Костелъ не громаденъ, не изященъ, не особенно чистъ и не отличается художественностію отдѣлки подробностей. Особенность его та, что съ правой стороны, на видномъ мѣстѣ, какъ разъ противъ каѳедры для казаній, поставлено изображеніе епископа, въ православномъ облаченіи, съ таковымъ же архіерейскимъ жезломъ въ лѣвой рукѣ; правая рука прижата къ груди, глаза подняты къ небу, а верхняя часть лба закрыта ярко вызолоченнымъ топоромъ, вбитымъ въ голову.

Ба, старый знакомецъ, „душехватъ“ Іоасафатъ Кунцевичъ, подмастерье виленскаго портнаго, воспитанникъ виленскаго іезуит-

---

(*) Уже изданъ подъ названіемъ «Сборникъ», потому желающихъ познакомиться съ содержаніемъ этихъ выписей отсылаемъ къ этой книгѣ. *Ред.*

скаго коллегіума,— папское орудіе для ополяченія Бѣлоруссіи посредствомъ уніи,—полотскій архіепископъ, который затворилъ въ Полотскѣ, Витебскѣ, Оршѣ, Могилевѣ и Мстиславѣ всѣ православные храмы,— который мучилъ все русское христіанство, и котораго витебскіе мѣщане, выведенные наконецъ, изъ терпѣнія, убили,— за что и былъ по благословенію папы Урбана VIII, и по повелѣнію польскаго короля Сигизмунда III, *омытъ въ крови виновныхъ жителей* доблестный *мечъ* вѣроотступника, Льва Сапѣги: *всѣ безъ исключенія, жители Витебска должны были принять унію, такъ, чтобы въ немъ не осталось никакихъ слѣдовъ православія!....*

Протекло двѣсти лѣтъ; „отторгнутое насиленіемъ возсоединено любовію.“

Много нужно „любви“, чтобы возсоединеніе достигло полнаго объединенія. Но какъ достигнуть его, когда памятники насилія стоятъ живые въ видѣ образа Кунцевича въ Витебскѣ, въ видѣ костей Боболи въ Полотскѣ,—городѣ Святой Евфросиніи, находя себѣ незаконный пріютъ въ польскихъ костелахъ, откуда они не отразимо дѣйствуютъ на темный людъ, исподоволь, постоянно фанатизируемый латинопольскою, религіознополитическою пропагандою?

Да и одною-ли религіознополитической! Развѣ просвѣтительныя начала нашего образованія не выхватываютъ ежечасно изъ русскаго народа, цѣльнаго по своему быту и православнаго по строю его жизни, массу личностей, чтобы, обезличивъ ихъ, причастить латинскимъ воззрѣніямъ латинской цивилизаціи, всецѣло корнями своими погруженной въ до христіанское язычество?

Въ русскомъ городѣ латинопольскій костелъ, преисполненный обоготвореній польско-политической идеи, хотя бы то въ лицѣ *свентыхъ патронувъ крулевства польскаго.*

Въ костелѣ гробъ польской, по вѣрѣ, женщины, окруженный *русскими* людьми! Съ каѳедры слышна польская проповѣдь; со стѣны глядитъ образъ подвижника латинопольской уніи; на капителяхъ колоннъ и за гробомъ алѣютъ знаки ордена Станислава, бискупа краковскаго, друга и единомышленника польской шляхты, врага монархической власти Болеслава Смѣлаго...... Господи Боже, есть ли въ мірѣ страна, кромѣ несчастнаго западнаго нашего края, въ которомъ царили бы, на смерть народности, столько аномалій!.......

НѢТЪ БОЛѢЕ ПОЛЬШИ.

СОЧ. ФУКА, ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

(*Продолженіе*) (*).

Глава первая.

ПОЛЬША.

Поверхность Польши представляетъ гладкую равнину, которая, по своей величинѣ, равняется почти Франціи, если только считать Польшу, въ прежнихъ ея границахъ, то есть самое Царство Польское, Герцогство Познанское, Галицію и Литву. Обыкновенно присоединяютъ къ Польшѣ, Курляндію, Волынскую, Подольскую и Кіевскую губерніи. Но это заблужденіе: народъ, населяющій эти области—коренной русскій, какъ и большая часть крестьянъ въ Галиціи и Литвѣ, и только богатые владѣльцы могутъ назваться настоящими поляками (**). Польскій край скученъ, однообразенъ, ничего не имѣетъ общаго съ германскими долинами, и хотя хлѣбопашество есть единственно-спеціальное занятіе поляковъ, тѣмъ не мѣнѣе растительность дурная и плоды безвкусны. Скудность почвы происходитъ отъ недостаточно хорошаго управленія имѣніями. Князья и вельможи поручаютъ свои земли управляющимъ, которые ихъ до того окрадываютъ, что, въ теченіи весьма небольшаго періода ихъ управленія, пріобрѣтаютъ достаточные капиталы для покупки своихъ собственныхъ помѣстій; или же польскіе магнаты сдаютъ имѣнія въ аренду, и въ такомъ случаѣ фермеры изнуряютъ почву, требуя отъ нея въ два года столько сколько она не могла бы дать и въ шесть лѣтъ. Шляхта съ своей стороны не имѣетъ достаточно вѣрнаго взгляда на сельскую экономію и алчность, свойственная мелкому дворянству, заставляетъ ихъ жертвовать будущностью, мелкимъ интересамъ настоящаго. Съ другой стороны, данныя крестьянамъ льготы по казенныхъ земляхъ

(*) Смот. кн. 10. Вѣстника зап. Россіи.

(**) Большинство ихъ—тоже ренегаты русской вѣры и народности. Ред.

такъ заманчивы, что третья часть народонаселенія сосредоточилась на одномъ пунктѣ, а частныя земли нуждаются даже въ необходимомъ числѣ работниковъ. Къ такому возрастающему бѣдственному положенію, надо прибавить, что такъ какъ въ Польшѣ главные капиталисты евреи, то помѣщикамъ приходится платить беззаконные проценты за необходимый заемъ для пользованія землею; оттого, самыя плодородныя страдаютъ отъ бѣдности способовъ, употребляемыхъ при ихъ обработкѣ. Зимой климатъ обыкновенно очень холодный. Случается, что даже въ самыхъ южныхъ оконечностяхъ, морозъ доходитъ до 20 градусовъ. Густые еловые лѣса, извилистыя рѣки, топкія болота, озера, гористая почва, великолѣпныя пастбища по берегамъ Вислы и Варты, въ другихъ мѣстахъ песчаныя степи,—вотъ общій видъ Польши. Почтовыя дороги содержатся отлично; хорошо уравнены, на всемъ протяженіи усажены высокими деревьями и составляютъ оригинальную противоположность съ дорогами, находящимися подъ вѣдомствомъ національныхъ владѣльцевъ. На пути сообщенія, столь необходимые для успѣха въ хлѣбопашествѣ, владѣльцы совершенно не обращаютъ вниманія, и въ нихъ ощущается сильный недостатокъ. Проселочныя дороги вовсе не поддерживаются и въ иныхъ мѣстахъ колеи то расширяются, то съуживаются, смотря по шероховотости земли и перемѣнчивости погоды. Невозможно себѣ составить яснаго понятія объ этой мукѣ, не проѣхавъ самому, хоть однажды въ туземныхъ экипажахъ, называемыхъ *бричками* (bryczka), которые съ трудомъ тащитъ четверка или шестерка лошадей. Въ короткое время такой печальной ѣзды, или лучше сказать, двиганья, путешественникъ, разломанный и разбитый, начинаетъ думать, что онъ попалъ въ необитаемый край и проклинаетъ такое варварство. На рѣкахъ нѣтъ мостовъ и устроенный когда то паромъ, перевозитъ съ однаго берега на другой повозки съ лошадьми и людей. Никто не подумаетъ измѣнить издавна заведенный порядокъ вещей. Ежели вы попадаете не на почтовую дорогу, то вамъ прійдется даже небольшіе ручейки переплывать въ лодкѣ или переходить въ бродъ.

Города дѣлятся на два разряда: на большіе, между которыми замѣчательныя, Варшава, Краковъ и Лембергъ, и на маленькіе, между которыми трудно найдти хоть одну точку заслуживающую малѣйшаго вниманія. Выстроены они дурно, вымощены и освѣщаемы скверно, вездѣ грязь, и кого-же въ этомъ винить, какъ не мѣстную національную администрацію? Варшава скучный городъ,

разстилающійся зигзагами по обѣимъ сторонамъ широкой и длинной улицы; здѣсь замѣчательныя предмѣстья, Новый-Свѣтъ (Nowy-Swiat), Александрійское, Краковское и Прагское. Въ отношеніи архитектуры весьма не многія зданія заслуживаютъ вниманіе, но все же нельзя не замѣтить Саксонскаго дворца и Замосць (Zamość). Есть и общественныя гулянья, какъ напримѣръ, лазенкскій садъ; но публика охотнѣе собирается въ саксонскій садъ, единственное мѣсто, гдѣ можно свободно подышать свѣжимъ воздухомъ. За то окрестности Варшавы очаровательны; островокъ Кенпа-Саска (Kępa-Saska) и вилла Вилланово, принадлежащая князю Любомірскому, такъ хороша, что ни въ чемъ не уступаетъ самымъ богатымъ—парижскимъ вилламъ. Краковъ, съ пятидесятью церквами, считается священнымъ городомъ поляковъ, по воспоминаніямъ и многочисленности духовенства; въ окрестности, его болѣе церквей чѣмъ въ Парижѣ. Краковская цитадель—огромной величины и заключаетъ въ себѣ соборъ и нѣсколько часовень, въ которыхъ хранятся мощи безчисленнаго множества святыхъ, нарожденныхъ польскимъ фанатизмомъ. Дѣланныя австрійцами укрѣпленія придаютъ Кракову какой-то причудливый видъ: это странное смѣшеніе всевозможной архитектуры къ гражданскомъ, военномъ и духовномъ вкусахъ. Укрѣпленіе города не прекращается. На курганахъ Косцюшки и Ванды (Wanda), гдѣ прежде свободно гуляли, вы увидите въ настоящее время грозные редуты и укрѣплѣнія, которыя возвышаются одно за другимъ. По поводу кургана Косцюшки замѣтимъ, что въ Краковѣ туземцы разказываютъ проѣзжимъ иностранцамъ будто бы Косцюшко (Kosciuszko) похороненъ именно подъ тѣмъ памятникомъ, который воздвигнутъ въ честь его, на юго-западной сторонѣ города; но это только народная легенда, такъ какъ достовѣрно извѣстно что Косцюшко умеръ въ Солотурнѣ (мѣстечко въ Швейцаріи) и могила его сохранилась до сихъ поръ на шуазевильскомъ кладбищѣ. Это четырехъугольный камень на которомъ вырѣзана слѣдующая надпись:

Viscera
Thaddei Kosciusko
Deposita die XVII Octobris
MdcccXVIII.

Только сердце патріота, скончавшагося въ изгнаніи, неразлучны съ Краковомъ. Косцюшко былъ единственный полякъ, понявшій нужды своего отечества. Если бы когда либо Польша и могла существовать, то единственно трудами Косцюшки, потому что

онъ любилъ народъ и заботился о крестьянахъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Краковъ сдѣлается военнымъ городомъ. Никогда еще военныя работы такъ дѣятельно и успѣшно не подвигались какъ въ 1863 году, но не смотря на этотъ фактъ, французская пресса, получающая всегда достовѣрныя свѣденія, утверждала, что въ одинъ прекрасный день, безкорыстная Австрія, великодушно уступитъ Галицію польской національности. Бульваръ которымъ окружили старинные валы въ Краковѣ, составляетъ пріятное гулянье для мѣстной аристократіи, въ особенности въ лѣтніе вечера, когда она собирается слушать австрійскую музыку на плантаціяхъ. Мѣнѣе же избранное общество посѣщаетъ охотничій садъ и другія общественныя гулянья. Польское воображеніе поляковъ, пробовало сравнить варшавскія и краковскіе гулянья съ Пратеромъ въ Вѣнѣ, но въ сущности между ними нѣтъ ничего общаго. Лембергъ, городокъ новенькій, выстроенъ въ болѣе благородномъ стилѣ и особенно кидается въ глаза путешественнику, привыкшему встрѣчать въ Польшѣ, большею частію развалины. Пребываніе въ этихъ городахъ и большихъ и малыхъ непріятнѣе чѣмъ оно кажется съ перваго взгляда; заводить знакомство трудно, а если вы и попадете въ общество, то въ каждомъ кружкѣ замѣтите одно и то же, педантизмъ, язвительный тонъ, ненависть и мелочность, свойственныя пустымъ людямъ.

Деревней называютъ собраніе большаго или меньшаго числа избъ, сгруппированныхъ въ предѣлахъ однаго помѣстья. Есть деревни болѣе чѣмъ во сто избъ, а есть и такія, въ которыхъ не болѣе двадцати хатъ. Деревней управляетъ въ Царствѣ Польскомъ старшина (Wojt), которымъ бываетъ обыкновенно самъ владѣлецъ или его управляющій; выбираютъ старшину, распредѣляютъ крестьянамъ обязанности и по своему взыскиваютъ съ нихъ за безпорядки. Такой административный составъ, созданный должно полагать, съ цѣлью поддержать національность, служитъ главной причиной несчастій края. Деревни раздѣляются на три разряда: 1) деревни, составляющія собственность помѣщика; 2) деревни, въ которыхъ живутъ казенные крестьяне и 3) деревни, населенныя колонистами (*). Въ первыхъ крестьянинъ не владѣетъ ничѣмъ; всѣ постройки, стоящія на барской землѣ, составляютъ неотъемлимую собственность помѣщика, исключая развѣ хижину. Въ казенныхъ деревняхъ, крестьянинъ не только хозяинъ своего дома, но онъ и

(*) Нынѣ, съ введеніемъ реформы о крестьянахъ 19 февраля, административный порядокъ управленія измѣненъ совершенно. *Ред.*

владѣлецъ той земли, которую своимъ трудомъ, въ потѣ лица, обработываетъ. Къ третьему разряду, какъ уже сказано, принадлежатъ колонисты, составляющіе совсѣмъ отдѣльное вѣдомство. Въ деревняхъ не существуетъ ни торговли, ни промысла, и предметы самые необходимые въ жизни, можно достать только въ городахъ. Въ Польшѣ всякое жилище обозначается однимъ общепринятымъ словомъ *домъ* (dom). Крестьянскій домъ строится изъ глины и большихъ кусковъ деревъ горизонтально поставленныхъ и покрытыхъ кровельной соломой. Трудно описать нищету этихъ шалашей; часто огромныя семьи тѣснятся и гніютъ въ крошечномъ пространствѣ, гдѣ воздухъ дѣлается вреднымъ и злотворнымъ. Жиды также живутъ въ зараженныхъ и вонючихъ гнѣздахъ и какъ будто любуются своей нищетой и грязью. Дома городскихъ жителей строятся изъ дерева, желѣза, кирпича и известковаго раствора, самые высокіе изъ нихъ въ три этажа. Преобладаютъ вездѣ строенія деревянныя, что и объясняетъ частые пожары. Замки, въ сущности не что иное, какъ дачи, болѣе или мѣнѣе роскошныя и привлекательныя, выстроенныя безъ опредѣленнаго стиля и не отличающіяся изысканнымъ вкусомъ. Внутренняя отдѣлка замковъ бываетъ роскошна и великолѣпна у аристократовъ; за то въ среднемъ кругу ея увидите сборъ всевозможныхъ предметовъ, а особенно поразитъ васъ причудливый фасонъ мебели, уродливость и неудобство которой трудно описать. Въ тѣхъ мѣстахъ Царства Польскаго, гдѣ дѣятельность жонда свободнѣе высказывается вслѣдствіе настоящихъ смутъ, всѣ жилища носятъ отпечатокъ полнѣйшаго недостатка; это происходитъ отъ чрезмѣрныхъ требованій національнаго правительства. Всякое высокое обширное зданіе, съ аристократической наружностью, пріобрѣтаетъ *право* называться дворцемъ. Конечно, понятія о прекрасномъ относительны, но кто былъ разъ во Франціи и вынесъ живое воспоминаніе обо всемъ видѣнномъ, для того, надо сказать правду, польскій дворецъ покажется обширнымъ, холоднымъ и мрачнымъ сараемъ въ родѣ казармы. Можно смѣло сказать, что если бы подобный дворецъ находился въ одной изъ улицъ Парижа, то въ теченіи нѣскольнихъ столѣтій, никто бы не подумалъ и взглянуть на его архитектуру. Кромѣ весьма рѣдкихъ исключеній, Польша совершенно лишена артистическаго значенія: въ числѣ этихъ исключеній, замѣчателенъ монументъ, поставленный потомками угасшаго рода Ягелловъ и Собѣскихъ (Sobieski). Что-же касается до католическихъ церквей, то теперь сохранились одни только развалины ихъ,

не заключающія въ себѣ никакого величія. При постройкѣ ихъ, отразу замѣтно, что никто не обращалъ вниманія на правильность размѣровъ, и теперь самый привычный глазъ не отъищетъ ни одной формы въ готическомъ или византійскомъ вкусѣ. Вездѣ голый кирпичъ, колокола угрожаютъ паденіемъ, по разломаннымъ лѣстницамъ съ трудомъ можно ходить и вѣтеръ, врываясь въ разбитыя окна, жалобно стонетъ, гуляя подъ сводами во глубинѣ храма. Въ нѣкоторыхъ городкахъ духовенство (всегда изобрѣтательно) устроиетъ нѣчто въ родѣ стѣны съ отверстіями, въ которыхъ колокола могутъ свободно двигаться, такъ что вмѣсто чистаго гармоническаго, сзывающаго къ молитвѣ звука сверху, слухъ вашъ странно поражаетъ какое-то бряцанье внизу. Внутренняя обстановка церкви отталкиваетъ своей бѣдностью или лучше сказать грязью. Храмъ святой Маріи въ Краковѣ (о соборѣ я ужъ и не говорю) съ оловянными колоколенками, мѣдной позолоченной короной и деревянными скульптурными украшеніями на престолѣ, считается богатѣйшей польской базиликой. Внутренность его походитъ на лавку съ разной ветошью. Здѣсь въ особенности можно удостовѣриться, какъ способенъ нравственно у насъ народъ, не имѣющій политическаго бытія. Если народъ можетъ безъ трепета осмотрѣть и даже поощрять тысячи прокаженныхъ и униженныхъ нищихъ, которые постоянно толпятся на паперты р.-католическихъ церквей, то это уже одно служитъ доказательствомъ, какъ низко стоитъ та нація между государствами XIX столѣтія. Надо замѣтить что въ цѣломъ Царствѣ Польскомъ, такъ же какъ и въ Галиціи, всѣ зданія въ упадкѣ; въ стѣнахъ трещины, иныя полуразвалились и давно необитаемы. Все что находится въ прямой зависимости отъ р.-католической или еврейской религіи, или же отъ туземнаго національнаго правленія, все то носитъ отпечатокъ гнуснаго скряжничества, тогда какъ казармы, школы, госпитали, полицейскія управленія, крѣпости, общественные дома, присутственныя мѣста, русскія церкви — содержаны отлично. Однимъ словомъ, Царство Польское обѣднѣло и находится въ самомъ жалкомъ состояніи, благодаря лѣности и неспособности своихъ-же гражданъ.

Глава вторая.

НАРОДЪ.

Прежде всего я утверждаю, что польскій народъ не существуетъ. Можно легко доказать, что если различные классы людей, составляющіе польское общество и имѣютъ сношенія вслѣдствіе соціальныхъ вопросовъ, тѣмъ не мѣнѣе, между ними не существуетъ никакой нравственной связи, на основаніи того правила, что разнороднные элементы не могутъ соединяться. Слѣдовательно польскій народъ есть въ этомъ случаѣ весьма не точный терминъ, поэтому въ настоящей статьѣ онъ будетъ употребляться въ условномъ значеніи. Народонасѣленіе Польши простирается, отъ девяти до десяти милліоновъ (*) душъ, которые можно приблизительно раздѣлить слѣдующимъ образомъ:

Духовенства	97,000
Дворянъ, богатыхъ и мелкономѣстныхъ помѣщиковъ	650,000
Гражданъ { чиновнаго люда	96,000
Гражданъ { торговыхъ и мѣщанъ	77,000
Служащій классъ и мастеровые	100,000
Жидовъ	1,500,000
Крестьянъ	6,900,000
Всего	9,420,000

Типъ польскаго племени красный. Мужчины высокіе, полные, выраженіе лица кроткое, хотя невсегда умное. У стариковъ лобъ вдавленный и строгое выраженіе глазъ. Женщины зажиточнаго сословія чрезвычайно хороши собой; видъ ихъ благороденъ, поразительно свѣжій цвѣтъ лица, гибкій тонкій станъ, ножка маленькая и великолѣпные волосы. Польская нація составляетъ два класса, рѣзко разнящіеся одинъ отъ другого: классъ образованный и классъ непросвѣщенный. Къ первому — принадлежатъ: духовенство, дворянство и граждане, къ второму — ремесленники, крестьяне и жиды. Католическое духовенство управляетъ духомъ польскаго народа чрезъ посредство женщинъ, которыя пользуются правами первенства и своимъ вліяніемъ поддерживаютъ до сихъ поръ старую систему ѳеократіи. Во главѣ духовенства стали, своими чрезмѣрными притязаніями на права, — іезуиты, которые всюду воцарились и властвуютъ самоправно. Даже самое епис-

(*) Считая тутъ народонаселеніе западной Галиціи и герцогства Познанскаго. *Ред.*

конство, находится въ ихъ зависимости. За іезуитами слѣдуютъ доминиканы, предприимчивые и фанатическіе монахи; папа хорошо понялъ ихъ моральное направленіе, поручивъ имъ «святую инквизицію.» Послѣ доминикановъ слѣдуютъ всѣ остальные монашескіе чины, начиная съ францискановъ, вплоть до нищенствующаго духовнаго общества, т. е. канониковъ и прелатовъ, назначенныхъ для разсмотрѣнія дѣлъ по назначенію папы. Вслѣдъ за наемниками папы можно поставить епископовъ. Кстати не мѣшаетъ замѣтить, что начальникъ іезуитовъ имѣетъ резиденцію въ монастырѣ, который принадлежитъ церкви Il Giesu въ Римѣ. Эта церковь стала собственностью іезуитовъ со времени основанія этого ордена. Не стану разсказывать извѣстную всѣмъ длинную и безплодную борьбу папства съ этимъ духовнымъ обществомъ хищниковъ. Борьба эта продолжалась даже и во время царствованія Пія IX, который такъ же какъ и его предшественники хотѣлъ избавиться тягостнаго ига послѣдователей Лойолы. Въ настоящее время всѣмъ и каждому извѣстно, что подлинный правитель католицизма не кто иной какъ генералъ іезуитовъ. Епископы хотя и не лишены вліянія на дѣла, поставлены въ такое щекотливое положеніе въ отношеніи папы и всего управленія, что изъ чувства деликатности должны оставаться въ довольно ничтожной роли. Все остальное духовенство: ксендзы, каноники, приходскіе ксендзы, викаріи и т. д. не болѣе какъ безгласное сословіе, жалкое, бѣдное, которое по простотѣ своей, чтобы не сказать болѣе, несетъ иго рабства отъ высшаго духовенства и папства. За то въ нравственномъ смыслѣ, духовенство этаго класса довольно независимо; духовныя лица курятъ, посѣщаютъ театры, балы и разныя общественныя увеселенія, пьютъ публично вино, какъ испанскіе ксендзы. Одѣяніе ихъ мало отличается отъ свѣтскаго платья. Они служатъ орудіемъ высшаго духовенства и посредничествомъ своимъ изнуряютъ народъ налогами. Бѣдность и недостатокъ католическихъ церквей, происходятъ отъ чрезмѣрнаго поглощенія доходовъ ихъ динаріемъ святаго Петра, что мнѣ не разъ было говорено даже въ самыхъ религіозныхъ семействахъ. Случайные доходы не служатъ на поддерживаніе храмовъ; полуобвалившіеся колокола остаются не поднятыми, и вещи священныя для богослуженія, остаются безъ ремонта. Главнымъ образомъ стараются какъ-бы потуже набить сундуки папскаго двора. Изъ всего этого видно, что безмѣрный римскій егоизмъ нигдѣ себѣ не измѣняетъ. *Папа заранѣе вычелъ себѣ десятую часть отъ*

доходовъ инсуррекціонной войны, и никто не протестовалъ противъ такого вопіющаго факта.—Польское золото послужило помощью въ войнѣ противъ Гарибальди, въ тоже время Италія независимая— не сознавая что и для чего она дѣлаетъ, даетъ деньги полякамъ и тѣмъ поддерживаетъ кровопролитіе. На ксендзовъ легко смотрятъ польскія женщины, перемѣняютъ духовниковъ смотря когда вздумается и даже часто по капризу. Въ нравственномъ вліяніи монастыри опаснѣе, такъ какъ они вмѣшиваются *во все*, даже въ практическую политику. Въ Галиціи іезуиты отличаются совсѣмъ особеннымъ обхожденіемъ. Тамъ они владѣютъ огромными землями, и помѣстья ихъ великолѣпны. Мы часто дѣлали въ ихъ имѣніяхъ войскамъ смотры, и складывали оружія на сохраненіе въ монастыри. Такъ мнѣ случилось разъ выслушивать назидательные совѣты іезуитовъ относительно ихъ плановъ и политическихъ видовъ, въ то время какъ я нѣсколько дней скрывался въ одномъ монастырѣ Д.... не далеко отъ Вiе... Не смотря на ихъ обычную осторожность, святые отцы говорили со мной откровенно, и тѣмъ болѣе имѣли ко мнѣ довѣрія, что я встрѣтилъ между ними одного старика монаха, котораго знавалъ еще въ домѣ іезуитовъ въ Эксѣ (провинціи во Франціи), и который думалъ видѣть во мнѣ яраго приверженца польскаго дѣла. Впрочемъ присутствіе мое въ Польшѣ достаточно оправдывало это предположеніе.

Кто хорошо не знаетъ польскаго народа, тотъ видитъ въ лицѣ дворянства (какъ въ мѣлкопомѣстныхъ, такъ равно и въ богатыхъ помѣщикахъ)— отборный, мыслящій классъ. Можно утвердить, что въ высшей аристократіи между магнатами (классъ въ настоящее время чрезвычайно сократившійся), встрѣчаются иногда люди съ прекрасными дарованіями, даже слишкомъ рѣзко выдающіеся изъ обыкновенной среды; но такіе люди большую часть года проводятъ внѣ своего отечества: въ характерѣ ихъ нѣтъ неумѣстнаго патріотизма, они хорошо понимаютъ, что Польша болѣе существовать не можетъ и избираютъ лучшее средство—удаляются. Кромѣ класса аристократовъ—милліонеровъ, которые остаются равнодушны къ вопросу объ образованіи народа, остальные дворяне находятся еще въ болѣе грубомъ невѣжествѣ и въ добавокъ такъ горды, что ихъ ничто не удивляетъ, и ничто не можетъ вызвать ихъ сочувствія: Nil admirari. Польское дворянство имѣетъ еще ту особенность, что оно, подобно варварскимъ племенамъ, съ своеобразными понятіями о собственности и ку-

лахахъ, не терпитъ имени безъ титула, не смотря на то, что всѣ ихъ герцоги, маркизы, графы и въ небольшомъ количествѣ, безъ сомнѣнія иностраннаго происхожденія и награждены титулами, не кѣмъ инымъ, какъ германскими императорами. Предразсудки польскаго дворянства неискоренимы. Никогда дворянинъ, кто-бы онъ ни былъ, бѣдный или богатый, не помирится съ мыслею, что всѣ люди должны быть ровны предъ закономъ, какъ предъ смертью, для него слуга и крестьянинъ не болѣе какъ скотъ, который надо держать подъ палкой. Я видѣлъ своими глазами, какъ били палками крестьянъ въ самомъ разгарѣ мятежа (*), не смотря на страшныя послѣдствія, которыя несомнѣнно влекла за собой, подобная мѣра наказанія. Я бы могъ назвать фамиліи, тѣхъ вельможъ-патріотовъ,, которые присуждали своихъ слугъ, къ этимъ оскорбительнымъ и унизительнымъ казнямъ, если-бъ кто вздумалъ оспаривать и опровергать—фактъ, который я долгомъ считаю разоблачить въ глазахъ всего европейскаго общества (**), тѣмъ болѣе что я твердо убѣжденъ, что всѣ подробности, касающіяся польскаго вопроса, возбудятъ вниманіе всѣхъ людей, слѣдящихъ за современными событіями и за ходомъ польскаго дѣла вособенности. Если бы французъ—мужикъ, такой ревностный защитникъ польскаго вопроса, зналъ что въ Польшѣ *благородные патріоты* бьютъ крестьянъ палками какъ собакъ, ихъ сочувствіе замѣтно бы ослабѣло. Но, къ несчастью, никто имъ этого не сообщаетъ и газета «Siecle» по прежнему продолжаетъ выставлять польскій народъ, какъ народъ угнетенный и справедливо домогающійся своихъ правъ.—Дворяне, по примѣру духовенства, не допускаютъ въ низкомъ сословіи здраваго разсудка, которымъ считаютъ себя одаренными свыше; однородность дворянскихъ и духовныхъ предразсудковъ поразительна, изъ чего слѣдуетъ, что дворянство и духовенство въ тѣсной связи, и что послѣднее своей ловкостью и дерзостью, кладетъ на *все* печать своего вліянія. Поляки такъ долго оставались идолопоклонниками, что они и въ католическую вѣру внесли фанатизмъ своей языческой религіи. Теперь можно себѣ представить, какую пользу извлекало духовенство изъ такого расположенія народа къ фанатизму. Пагубное ученіе іезуитовъ и монаховъ распространилось по всей странѣ. Дворяне стараются впадать въ льстивый іезуитскій тонъ и вѣжли-

(*) Надо обратить вниманіе, что принципъ самаго возстанія есть независимость и свобода. (Отъ переводчика).

(**) Не безпокойтесь, покрайней мѣрѣ за насъ: мы это видали тысячи разъ. *Ред.*

вость ихъ становится не естественна и даже притворна. Они лицемѣры до глубины души, и большею частью слова ихъ противорѣчатъ мыслямъ. Въ средѣ польскаго общества, предразсудки возрасли до такихъ размѣровъ, что теперь нѣтъ уже возможности вырвать ихъ съ корнемъ, тогда какъ, по мѣрѣ развитія общества, надо было ждать, что они мало по малу, совсѣмъ изгладятся. Несмотря однако на такой образъ мыслей, въ настоящее время чрезвычайно легко сдѣлаться польскимъ шляхтичемъ: для этого стоитъ только не заработывать хлѣбъ своими руками. При первыхъ признакахъ довольства и богатства, ремесленникъ превращается въ дворянина. Случалось даже встрѣчать обогатившихся различными предпріятіями жидовъ—перекрестовъ въ р.-католическую вѣру, которые пользовались дворянскими титулами. Генер. Лелевель, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ польскихъ начальниковъ, былъ литейщикомъ въ Краковѣ, но съ тѣхъ поръ какъ революція обогатила его, и онъ имѣлъ возможность бросить свое ремесло, всѣ стали величать его дворяниномъ и оказывать различныя почести. Я бы могъ тоже перечислить многихъ евреевъ неофитовъ, которые, не смотря на то, что фамиліи ихъ не оканчиваются на аристократическій польскій ладъ, т. е. на *скій* или *вичъ*, пользуются въ Польшѣ болшою популярностью. Странное дѣло, что у евреевъ сословные предразсудки еще болѣе вкоренились чѣмъ у кого-либо. Надо полагать что это явленіе происходитъ отъ ихъ непостижимой глупости! Въ Краковѣ одинъ французъ былъ выгнанъ изъ дому професора музыки за утвержденіе, что купцы и ремесленники ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права хвастать дворянствомъ, такъ какъ это глупое хвастовство есть отчасти причина бѣдствій польскаго края. И такъ, убѣдившись, что между дворянствомъ и народомъ нравственной связи не существуетъ и существоватъ не можетъ, надо позаботится измѣнить прежній порядокъ и, перебравъ до основанія все гнилое, прежнее общество, освѣжить или лучше сказать обновить его, для пользы и благополучія польской націи. Я сказалъ выше, что люди, случайно возвысившіеся изъ ничтожества, больше всѣхъ стараются задавать тонъ шляхтича и своей смѣсью и чванствомъ дѣлаются невыносимы. Они, то—унижаются и льстятъ, то становятся грубыми и дерзкими, а къ ясневельможнымъ панамъ и духовенству выказываютъ глубокое уваженіе и преданность. Есть ли возможность при такихъ основныхъ правилахъ развить демократическія и либеральныя идеи? Какимъ образомъ распространить ихъ? Мнѣ кажется это рѣшительно невозможно.—По мнѣнію та-

кихъ развращенныхъ умовъ, всякое либелярное помышленіе есть уже расколъ, и человѣкъ съ демократическимъ направленіемъ есть врагъ монастырей, духовенства, дворянства и Бога; такого человѣка во что бы то нистало, надо стараться вытѣснить. Только одни поляки—выходцы почерпнули за границей кое-какія прогрессивныя свѣденія, но такъ какъ выходцы эти составляютъ самую незначительную часть народа, то невозможно судить о польской націи и ея убѣжденіяхъ—по убѣжденіямъ встрѣчающихся во Франціи, Англіи и Испаніи эмигрантовъ. Нигдѣ въ Европѣ не знаютъ, какъ бѣдна промышленность въ Польшѣ. Здѣсь работникъ лѣнивъ и неспособенъ. Плотникъ едва понимаетъ первоначальное совокупленіе деревянныхъ матеріаловъ, кузнецъ съ трудомъ наваривает желѣзо и сталь, а каменщикъ едва-ли знаетъ, что известка соединяется съ глиной и пескомъ. Въ такомъ положеніи находятся и остальныя ремесла и искуства. Все, что вы видите выставленнымъ въ магазинахъ, привозится изъ Вѣны, Петербурга или Берлина; а если въ Польшѣ встрѣчается хорошій мастеровой, то онъ или нѣмецъ, или русскій, или жидъ. Жиды составляютъ въ Польшѣ особую націю,—родъ факторовъ, исполняющихъ приказанія выше поставленныхъ людей. Жидъ изъ всего извлекаетъ пользу: онъ не стыдится никакихъ способовъ въ обогащенію и занимается своимъ промысломъ открыто. Увѣренный въ неспособности поляка ко всякому дѣлу, требующему смышлености и усидчиваго труда, онъ чувствуетъ себя необходимымъ въ Польшѣ, и если только онъ ловокъ и хитеръ, то онъ неутомимо занимался своимъ дѣломъ особенно если имѣетъ въ виду извлечь для себя, хотя небольшую выгоду. Стыдно сознаться въ такомъ позорномъ смѣшеніи двухъ націй какъ поляки и жиды. Послѣдніе безнаказанно извлекаютъ пользу изъ лѣности поляковъ, которые даже и не замѣчаютъ этого. Нѣтъ ни одного дома, какъ бы онъ знатенъ и богатъ не былъ, гдѣ-бы не нашлось жида,—повѣреннаго въ дѣлахъ и серьезныхъ операціяхъ. Жиды всюду втерлись и для всякаго сумѣли сдѣлаться полезными и необходимыми, преимущественно въ денежномъ отношеніи. Чтобы составить себѣ ясно понятіе о водареніи жидовъ въ Царствѣ Польскомъ надо припомнить, что въ одномъ городкѣ Мазовецкой губерніи (Maseovie) изъ 2,600 жителей—1,400 человѣкъ жидовъ. Безъ жидовъ Польша сдѣлалась бы необитаема; въ нихъ заключается все богатство края, и чрезъ нихъ только можно добывать предметы самые необходимые для жизни, такъ какъ въ рукахъ евреевъ находятся всѣ отрасли

торговли. Тѣмъ не менѣе польскіе жиды нисколько не отличаются отъ арабскихъ; ихъ равно презираютъ какъ въ Польшѣ такъ и въ Африкѣ. Въ той и другой странѣ, племя Израелево умѣетъ одинаково сносить побои и униженія, если надѣется извлечь изъ нихъ для себя пользу. Іудейство всюду носитъ свой гнусный и мерзкій отпечатокъ, и его безъ преувеличенія можно сравнить со странствующимъ на плечахъ его рубищемъ. Грязные лоскутья, тряпье, которое таскаютъ за собой евреи по улицамъ Кракова и Варшавы, возбуждаютъ полное отвращеніе, превосходящее всякое описаніе. Впрочемъ надо сознаться, что въ отношеніи неопрятности, въ Польшѣ, евреи и христіане имѣютъ много общаго, и познакомясь съ этою стороною покороче, можно забыть, что эти люди живутъ въ краю образованномъ. Въ лучшихъ аристократическихъ домахъ, я встрѣчалъ молодыхъ людей съ самыми отвратительными привычками, что ясно доказывало всякое отсутствіе порядочнаго воспитанія. Вслѣдствіе такихъ причинъ, Польша и подвергнута больше болѣзнямъ, чѣмъ сосѣднія съ ней страны. Напримѣръ, колтунъ почти нигдѣ болѣе не встрѣчается, кромѣ Польши. Это одно изъ странныхъ одномѣстныхъ болѣзней; образуется вредный гной, устремляется въ волоса и до того ихъ слипляетъ, что въ послѣдствіи нѣтъ возможности ихъ распутать. Въ особенности подверженъ этой болѣзни низшій классъ, какъ ведущій самый неопрятный и грязный образъ жизни. Впрочемъ эта отвратительная чума не щадитъ ни возраста, ни сословія, ни пола; она очень заразительна (*) и сообщается легко.— Слуги не имѣютъ къ господамъ ни малѣйшей преданности, они ленивы, безпечны и въ характерѣ ихъ преобладаютъ двѣ рѣзкія черты: уклончивость и наглость. Горничныя имѣютъ претензію называться тоже *паннами*, а молодая бѣдная дѣвушка, поступившая въ чужой домъ въ услуженіе, тотчасъ начинаетъ называть себя *паней*, какъ называются гувернантки. Въ иныхъ домахъ эти пани обѣдаютъ за однимъ столомъ съ господами, въ другихъ— гордое дворянское достоинство такой вольности не дозволяетъ. Первое мѣсто изъ всѣхъ слугъ занимаетъ управитель и экономъ. Послѣ жида (который достаетъ деньги), это первое довѣренное лицо, управляющее рѣшительно всѣмъ. *Офиціалистъ* или экономъ, такъ-же какъ и гувернантка, пользуется въ домѣ нѣкоторымъ уваженіемъ. Обязанность дворецкаго состоитъ въ томъ, что онъ одѣваетъ и брѣ-

(*) Этимъ именемъ обозначаются всѣ служащіе у помѣщика лица, управляющіе, секретари и т. д.

етъ барина и, по приказанію того же барина, къ случаѣ надобности, наказываетъ мужиковъ. Мысль, что слуги не *люди*, одаренные одинаковыми понятіями съ господами, такъ вбилась къ голову «польскаго пана, что на несчастную прислугу не обращаютъ никакого вниманія,— во время совершенія, наприм., туалета, входъ въ эту комнату послугѣ дозволяется постоянно. Послѣдній обычай, непріятно поразилъ меня въ Краковѣ, тотчасъ послѣ моего прибытія въ Польшу. Въ Саксонскомъ отелѣ, прислуга, безъ различія пола, входили въ мою комнату, постоянно безъ спроса, и я не смотря на мое искреннее желаніе, къ несчастію, никакъ не могъ отъучить ее отъ такой дурной привычки,— привычки проистекающей отъ равнодушія или вѣрнѣе сказать отъ общественной безнравственности господъ. За то нѣтъ края гдѣ бы вамъ хуже прислуживали и хуже кормили, какъ въ Польшѣ. Вы чувствуете недостатокъ во всемъ, кромѣ того яда, который поляки называютъ водкой. Хлѣбъ недопеченный изъ овсяной и ржаной муки вмѣстѣ, и если вы принуждены голодомъ проглотить кусокъ такого хлѣба, то вмѣсто того, чтобъ подкрѣпить свои силы, вы такъ разстроите желудокъ, что еще больше ослабѣете. На всѣ приказанія слуги отвѣчаютъ неопредѣленнымъ словомъ *заразъ* (сейчасъ), (или цо? что) и тѣмъ еще болѣе выводятъ изъ терпѣнія голоднаго путешественника. Такое обращеніе обясняетъ, какъ много имѣютъ уваженія слуги къ господамъ и фактъ этотъ не говоритъ въ пользу ни тѣхъ ни другихъ.— Крестьянинъ понятливъ, хитеръ и впадаетъ въ двѣ крайности, или чрезвычайно откровененъ, или очень скрытенъ; это зависитъ отъ того, какъ съ нимъ обращался его баринъ. Мужикъ съ перваго разу поразитъ своей грубостью. Судя по первому впечетлѣнію, можно даже подумать, что онъ дѣйствительно похожъ на скота, но, познакомившись съ нимъ ближе, тотчасъ убѣдитесь въ противномъ. Онъ ожесточенъ нуждой и тяжкимъ трудомъ, но привыкъ терпѣливо сносить лишенія и отказываться отъ всѣхъ удовольствій. Только пляска для него необходима; безъ этого развлеченія мужикъ не можетъ обойдтись, и въ деревняхъ, не смотря на инсуррекцію, по прежнему крестьяне и крестьянки танцуютъ свой національный танецъ краковякъ.— Въ высшемъ кругу общества, національное правительство запретило танцы на томъ основаніи, что народъ будтобы въ траурѣ, а на дѣлѣ изъ 10-ти милліоновъ жителей не болѣе однаго милліона тщеславится своими слезами, остальные же такъ мало думаютъ объ инсуррекціи, какъ-бы дѣло касалось вовсе

не ихъ отечества. Государственные крестьяне, пользующіеся продуктами съ казенныхъ земель, сотавляютъ самую здоровую и процвѣтающую часть изъ всего народонаселенія; совершенное довольство и сознаніе собственнаго достоинства выражается на ихъ лицахъ; потому что они чувствуютъ себя свободными гражданами и утверждаютъ, что ничего общаго съ поляками не имѣютъ. Государственныхъ крестьянъ считается въ настоящее время болѣе 2,000,000, и число ихъ продолжаетъ ежедневно увеличиваться. Крестьяне, обработывающіе земли частныхъ мѣстныхъ владѣльцевъ, называютъ своихъ помѣщиковъ *поляками;* себяже не считаютъ принадлежащими къ той націи. Когда же помѣщикъ строго спрашиваетъ мужика, *кто-же ты*, наконецъ? То мужикъ увертывается отъ вопроса такими уклончивыми отвѣтами и тѣлодвиженіями, что по неволѣ избегнетъ всякаго названія. Съ иностранцемъ мужикъ не такъ остороженъ, онъ ему прямо говоритъ, что онъ или австріецъ, или русскій, или прусакъ, а подобный фактъ не требуетъ изъясненія. Состояніе въ нѣсколько милліоновъ злотыхъ, встрѣчаются въ Польшѣ не рѣдко, между тѣмъ ежедневныя заработки крестьянина не превышаетъ 20-ти копѣекъ. Кромѣ этого умѣреннаго дохода, у крестьянина рѣшительно ничего нѣтъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ былъ еще несчастнѣй; тогда барщина была еще во всей силѣ, но къ счастью для мужиковъ русское правительство позаботилось уничтожить это варварство. Во время уничтоженія барщины, дворяне сыграли неудачную комедію. Они разгласили, что сами домогались этой реформы, и по видимому съ благоговеніемъ приняли ее, но крестьяне, знающіе до глубины всѣ изгибы панскаго характера, поняли хитрость помѣщиковъ, потому, что подобная перемѣна нанесла сильный ущербъ ихъ карманамъ, а иные, которые попроще, такъ были поражены неожиданностью перемѣны, что громко выражали свое неудовольствіе и роптали на сокращеніе своихъ доходовъ. Самое поверхностное изученіе польскаго народа, приведетъ всѣхъ и каждаго къ тому убѣжденію, что эта нація, представленная самой себѣ, никогда не подвинется впередъ, и что въ теченіи многихъ лѣтъ, она не признаетъ нужнымъ никакого измѣненія ни во взглядахъ, ни въ образѣ жизни.— *Женщина-крестьянка* обречена на самыя тяжкія полевыя работы; она легко покоряется своей участи, добросовѣстно исполняетъ свои обязанности и трудится съ такой энергіей, что уже это одно, ставитъ ее нравственно несравненно выше мужчины. Впрочемъ, не разъ было доказываемо, что поль-

ская женщина и въ другихъ отношеніяхъ занимаетъ первое мѣсто въ своемъ отечествѣ, и справедливо можетъ назваться *существомъ высшимъ*. Женщины задумываютъ— или вѣрнѣе мечтаютъ, соединяя въ пустыхъ снахъ своего воображенія, всѣ необъяснимыя комбинаціи чувствъ, всѣ слабости, весь гнѣвъ, весь эгоизмъ— характеризующія ихъ женскую натуру. Въ Царствѣ Польскомъ, прекрасная половина рода человѣческаго, не признавая, надъ собой власти, дала полную свободу своему врожденному побужденію *властвовать;* ихъ женское тщеславіе дошло до изступленія, и требованія въ будущемъ безграничны; онѣ походятъ на дѣтей, требующихъ съ неба звѣзды. Привыкшія давно держать въ своихъ рукахъ скипетръ управленія всѣми умами, эти непонятныя существа обо всемъ позаботились, но за то потеряли свою женственность. Онѣ въ каждомъ случаѣ обращаютъ вниманіе на мелочи и желаютъ согласовать обстоятельства съ собственнымъ образомъ мыслей, ссылаясь на среду ихъ окружающую. Съ какимъ удовольствіемъ я вспоминаю вечера, проведенные мной у знаменитой графини П... Нельзя не цѣнить польскихъ женщинъ вообще и героинь въ особенности. Были три горячія патріотки, которыя дѣлали намъ честь, разсказывая о составленномъ ими заговорѣ, противъ *національнаго правительства*. Врочемъ, въ этомъ случаѣ какъ и въ другихъ вопросахъ женщины увлекались, и я самъ видѣлъ, какъ это увлеченіе доводило ихъ до крайнихъ предѣловъ нелѣпости. Еслибъ польки знали, какъ много теряютъ онѣ прелести отъ тѣхъ усилій, которыя дѣлаютъ въ ущербъ своей женственности, онѣ навѣрно скоро бы разстались съ педантическимъ высокомѣрнымъ и жеманнымъ тономъ — избавительницъ,— которыми никогда не могутъ быть уже потому именно, что онѣ женщины. По этимъ причинамъ, польская женщина не соотвѣтствуетъ своему прямому назначенію; мы не видимъ въ ней той робкой кротости, которая должна быть неразлучна съ подругой жизни мужчины; напротивъ, женщина превратилась въ *фата*, хвастающаго своимъ направленіемъ. Такія *высшія* женщины стоятъ гораздо ниже француженокъ и итальянокъ. Но есть и прекрасныя исключенія. Разъ мнѣ было поручено набирать людей. Преслѣдуемый австрійскими жандармами, которые замѣтили меня на желѣзной дорогѣ, я былъ принужденъ скрываться ночью въ незнакомомъ краю и постучался въ первый, попавшійся мнѣ на встрѣчу замокъ. Казалось, судьба покровительствовала мнѣ; я попалъ къ г-жѣ Б..., о которой сохранилъ самое пріятное воспоминаніе. Ни-

когда еще въ продолженіи всѣхъ моихъ отважныхъ странствованій не встрѣчалъ такого свѣтлаго ума и такой чудной хрустальной души. Прекрасная мать, настоящая христіанка, настоящая патріотка, она понимала всѣ причины бѣдствій края, и отъ всего сердца ими сокрушалась. Не смотря на слишкомъ короткое пребываніе въ ея домѣ, я былъ глубоко тронутъ прекрасными качествами этой несчастной женщины. Г-жа Б... недавно овдовѣла и носила еще трауръ по мужѣ, убитомъ въ дѣлѣ К... Польскія дамы не имѣютъ обыкновенія спрашивать у иностранца не оставилъ ли онъ въ своемъ отечествѣ мать или друга; онѣ завербуютъ его сейчасъ же, но не съ тѣмъ чтобы заставить забыть разлуку съ родиной. Они начинаютъ напротивъ доказывать все преимущество Польши предъ Франціей и поляковъ и полёкъ надъ французами и француженками. Здѣсь же я встрѣтилъ совершенно противное, и отъ души желаю, чтобы Богъ сохранилъ отъ дальнѣйшихъ несчастій гостепріимный кровъ достойной г-жи Б... Въ другихъ же домахъ, и почти вездѣ безъ исключенія, я попадалъ въ кругъ женщинъ необыкновенной холодности, полныхъ равнодушія, язвительно-посмѣшливаго тона, и не имѣющихъ уваженія ни къ чему. Однажды вечеромъ у г-жи Мм. *** читали громко въ газетѣ *Часъ* (Czas) одно несчастное приключеніе съ молодыми супругами, — г. Бобровскимъ и его женой. Эта чета ѣздила по какимъ-то дѣламъ въ Краковъ и возвращалась въ свой деревенскій домъ. Было около 10-ти часовъ вечера; ночь темная, и путешественники, полагаясь на кучера, преспокойно дремали въ каретѣ, какъ вдругъ изъ опушки лѣса, мимо котораго они проѣзжали, раздались два выстрѣла, а вслѣдъ за ними послѣдовала вблизи довольно частая перестрелка. Лошадь одну убили, кучера ранили и пули ежеминутно свистѣли мимо ушей г. Бобровскаго. Что же случилось? Австрійской патруль, подъ начальствомъ офицера, былъ въ засадѣ, въ небольшомъ лѣсу, выжидая транспорта оружій везомыхъ для инсургентовъ, а два часовые услыхавъ на дорогѣ конскій топотъ, не различили должно быть въ тѣмнотѣ кареты, и подали условный знакъ. Разгорячившійся австрійскій офицеръ не хотѣлъ слышать никакихъ объясненій и г-да Бобровскіе были приведены пѣшкомъ въ Краковъ и заперты отдѣльно въ тюрьму, гдѣ помѣщались всевозможные заключенники. Только нѣсколько дней спустя послѣ этого случая освободили несчастныхъ мучениковъ. Г. Бобровскій обратился къ императору и энергично протестовалъ. По моему мнѣнію, въ этой драмѣ нѣтъ ни одной комической черты,

между тѣмъ все общество смѣялось до слезъ. Въ особенности нравился этотъ случай дамочкамъ и дѣвицамъ, которыя не могли удержать своихъ необузданныхъ порывовъ смѣха. Судите по *этому* объ ихъ нравственномъ воспитаніи! Въ теченіи пятимѣсячнаго безотлучнаго моего пребыванія на полѣ битвы, я ни разу не видѣлъ, чтобъ женщина перевязала рану или выказала малѣйшее участіе. Раненный въ свою очередь, я самъ о себѣ заботился до тѣхъ поръ, пока, возвращаясь изъ Россіи, не остановился у баронессы Н..., гдѣ за мной усердно ухаживали. Но надо прибавить, что баронесса была француженка и имѣла сильное желаніе выказать себя *героиней*.—Въ Польшѣ образованіе свѣтской женщины ограничивается знаніемъ музыки и нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ, тогда какъ ученость мужчинъ не стоитъ и вниманія. Поляки не любятъ серьезныхъ занятій, въ чѣмъ я удостовѣрился при наборѣ молодыхъ людей въ инсуррекцію. У мелкаго дворянства или шляхты, знаніе иностранныхъ языковъ ограничивается фразой: «prosze pâna» на всѣхъ діалектахъ, и за тѣмъ полнѣйшее невѣжество. Если я отклонился отъ своего разказа, то на томъ основаніи, что, по моему мнѣнію, *все* это имѣетъ радикальное отношеніе къ политикѣ. Можно только тогда серьезно изучать національные вопросы, когда вполнѣ ознакомимся съ націей, а потому я продолжаю мое обозрѣніе.

Конецъ второй главы.

(*Продолженіе впредь*)

ОПИСАНІЕ

устройства и освященія Александро-Невской церкви въ м. Креславлѣ, Витебской губерніи, Динабургскаго уѣзда.

14-го ноября прошедшаго года у насъ въ Креславлѣ происходило небывалое, въ своемъ родѣ, явленіе. Въ подтвержденіе необыкновенности этого явленія необходимо сказать кое-что о самомъ Креславлѣ, а равно о предшествовавшихъ и сопутствовавшихъ устройству и освященію новой церкви обстоятельствахъ.

Въ Креславлѣ жидовскіе домы несравненно чище и опрятнѣе внутри и по наружности, чѣмъ въ тысячѣ другихъ литовско-бѣлорусскихъ мѣстечекъ, такъ что рѣдкій изъ нихъ, по національнымъ примѣтамъ, можно отличить отъ жилищъ христіанскихъ. Въ центрѣ самаго, съ виду веселенькаго, мѣстечка, среди базара, рука природы, быть можетъ еще послѣ потопа, образовала промоину, разсчитывая, что люди осушатъ ее, для собственной выгоды и здоровья, коль скоро прокопаютъ пятисаженную канавку къ Двинѣ. Но природа ошиблась: поселились здѣсь люди, для которыхъ болото показалось привольнымъ, сподручнымъ, вмѣстительнымъ резервуаромъ, куда они могутъ безъ труда бросать навозъ, сметье, соръ, гниль, падаль и всякую гадость. Можетъ быть въ мысляхъ первобытныхъ жителей Креславля и существовалъ тайный проэктъ запрудить со временемъ болото насыпью нечистотъ; но этотъ проэктъ не удался по настоящее время и едвали когда либо осуществился бы и Богъ вѣсть до коихъ поръ разливала бы безпримѣрное зловоніе, по всему мѣстечку и его окрестностяхъ. Пришельцы-владимірцы, увидавъ осенью, что имъ нѣтъ прямой переправы въ полковой штабъ, а обходъ болота слишкомъ длиненъ, и предвидя такое же неудобство весной, прорили канавку по скату къ Двинѣ, только уже поздно, когда морозы сгустили болото; впрочемъ есть надежда, что это болото владимірцы докапаютъ, если простоятъ здѣсь хоть будущую весну; въ противномъ случаѣ ему грозитъ вѣчность: мѣстные жители теперь начали уже засорять спускъ, а весной и совсѣмъ запрудятъ.

За исключеніемъ этихъ оригинальностей, м. Креславль, расположенное на правомъ берегу р. Зап. Двины, по обѣимъ сторонамъ впадающей въ нее малой рѣчки, по мѣстоположенію и устройству своему, представляетъ одинъ изъ лучшихъ уголковъ сѣверо-западнаго края,—уголокъ, правда, ополяченный и ожиденный, но и въ самомъ даже полячествѣ и жидовствѣ нетеряющій своей природной и отчасти искуственной красоты, особенно въ надеждѣ обновленія русью и православіемъ. Западная часть Креславля особенно живописна; здѣсь, на возвышенномъ холмѣ, стоитъ великолѣпный панскій домъ, окруженный съ трехъ сторонъ, по скатамъ горы, обширнымъ садомъ, который обнесенъ каменною стѣной,—каменною въ собственномъ смыслѣ, т. е. построенною, какъ и много другихъ здѣшнихъ зданій, не изъ кирпича, а изъ крупнаго булыжника. Западъ и сѣверъ возвышенностей отъ панскаго дома, по кру-

тымъ берегамъ рѣчекъ, природа украсила рощами, а Задвинье—боромъ. При подошвѣ панской горы устроенъ изъ липовыхъ деревъ прекрасный паркъ, въ которомъ, на берегу чистаго пруда, стоитъ трехъ-этажный кирпичный домъ, занимаемый нынѣ владимірскаго полка лазаретомъ, которому лучшаго и удобнѣйшаго помѣщенія нигдѣ не найдти: отдѣльно, просторно, лѣтомъ благовонно, живительно.—Ничтожная рѣчонка-ручей домостроительнымъ предкомъ нынѣшняго владѣльца обращена въ полезную хозяйственную струю: на ней сооружены два моста, двѣ мельницы и винокурня изъ того же булыжнаго камня, устроены два пруда чистой кристальной воды, населенной разнаго рода рыбой. Въ самомъ мѣстечкѣ на соотвѣтственномъ панской горѣ холмѣ, на самомъ, по обыкновенію, видномъ мѣстѣ, высится огромный костелъ съ обширнымъ огородомъ,—обнесенные на половину каменною стѣной.

До послѣдняго времени въ этомъ, довольно многолюдномъ населеніи, не имѣлось ни одного православнаго храма. Чтобы пополнить этотъ вопіющій недостатокъ, правительство, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, предписало устроить здѣсь православную церковь.—Но здѣшніе вельможные паны, владѣвшіе десятками тысячь русскихъ *негровъ*, кровавый трудъ этого несчастнаго человѣчества, доведеннаго до состоянія двуногаго быдла,—съ особою энергіей посвящали на сооруженіе однихъ римскихъ костеловъ: для открытія православной церкви здѣсь отдѣлана была часть кирпичныхъ лавокъ, находящихся, правда, на самомъ базарѣ, но и на самомъ низменномъ и грязнѣйшемъ во всей окрестности мѣстѣ, вблизи вышеописаннаго, непросыхающаго во все лѣто, вонючаго болота.—Устроенная здѣсь церковь, самая убогая внутри, по наружности отличалась отъ прочихъ лавокъ однимъ только крестомъ; но чтобы видѣть его, надо было подойти къ самому зданію, тогда какъ римскій костелъ здѣшній открывается взору за нѣсколько верстъ. Въ послѣдствіи сооружена здѣсь и единовѣрческая, хотя деревянная, но довольно благовидная церковь на мѣстѣ лучшемъ базарнаго, далеко однакожъ недосягающая костельнаго великолѣпія. Рьянымъ фанатикамъ папизма и польской справы, для совершеннаго ополяченья мѣстнаго простонародья недостаточнымъ, видно, показалось процвѣтаніе здѣсь одного великолѣпнаго костела, и потому, вблизи его, они устроили, подъ предлогомъ больницъ, женскій монастырь, гдѣ ретивыя сестрицы не столько занимались лѣченіемъ больныхъ и уходомъ за страждущими, сколько совращеніемъ нерѣдко попа-

давшихъ туда православныхъ и утвержденіемъ насильно отпадшихъ.—Къ этой преимущественно цѣли приспособлена была постройка всей больницы-монастыря: она состоитъ изъ двухъ-этажнаго дома, устроеннаго наподобіе буквы П; въ сѣверо-восточномъ углу зданія существовалъ не большой костелъ, отличный отъ прочаго зданія наружною формою и значительно его превышающій.—Такъ какъ въ этомъ монастырѣ, по малочисленности подвижницъ-сестрицъ не было de facto монастыря, то и одной такой причины достаточно было бы къ упраздненію совершенно лишней обители; но въ этомъ пріютѣ смиренныхъ, по виду, отшельницъ и даже въ ихъ храмѣ завелись порядочныя, не-монастырскія шашни: въ эту больницу монастырь стекались въ послѣднее время не болящіе, а излишне здоровые,—сюда, собирались на тайныя бесѣды и совѣты страждущіе распаленіемъ мозговъ и помѣшанные на безумной фантазіи возстановленія ойчизны; въ костельчикѣ, вмѣсто священныхъ псалмовъ, органъ аккомпонировалъ революціоннымъ гимнамъ, съ усердіемъ распѣваемымъ всѣми молельщиками и молельщицами; ксендзъ—плебанъ, чуть не выпригивалъ изъ каѳедры проповѣдуя не покаяніе, а повстаніе, вызывалъ охотниковъ до рухавки, требовалъ отъ послѣднихъ присяги, для принятія которой бралъ съ престола лежавшіе на немъ рядомъ въ одну руку крестъ, а въ другую револьверъ,—сопоставленіе, какъ видите, оригинальное: крестъ и револьверъ, престолъ и револьверъ, священникъ и револьверъ,—жизнь и смерть, молитва и душегубство, а въ итогѣ: богохульство, изувѣрство, поруганіе святыни.

Хоть и далеко отсюда жилъ въ то время чтимый всею Русью, отъ мала до велика, нашъ литовскій *архистратигъ*, зоркій глазъ его скоро увидалъ креславскія затѣи: пріѣхали изъ Вильны нежданные гости и нашли *все въ порядкѣ;* только револьверъ отыскали *не на своемъ мѣстѣ,*—не на престолѣ, какъ бы слѣдовало по законамъ безумія, а подъ престоломъ.—Прямѣйшимъ слѣдствіемъ розысканія было то, что монастырекъ этотъ закрытъ и переданъ въ вѣденіе православнаго духовенства, для помѣщенія причта и устройства изъ костела церкви.

Предположенная правительствомъ цѣль ознаменовалась *только* тѣмъ, что причтъ получилъ выгодныя квартиры, а устройство церкви отложено на неопредѣленное время. Правда, что составленъ былъ комитетъ и ассигнована сумма; но что дѣлалъ и сдѣлалъ этотъ комитетъ, неизвѣстно. Легко могло статься, что и здѣсь, какъ

въ м. Друѣ и другихъ мѣстахъ, предположенное зданіе скорѣе превратилось бы въ развалины, чѣмъ въ святыню. Богъ послалъ однакожъ сюда человѣка, повидимому, менѣе всего, по образу жизни и службы своей, способнаго къ занятію постройками, и вотъ чрезъ три-четыре мѣсяца мы сами были свидѣтелями превращенія костела въ церковь. Въ началѣ прошедшаго мая, къ счастію нашему, прибылъ сюда на квартиры владимірскій пѣхотный полкъ. Достойный всеобщей признательности командиръ этого полка, полковникъ Александръ Никаноровичъ Берновъ, истый тверской баринъ, принявъ на себя христоугодное титло ктитора приходской церкви, поворотилъ дѣло по военному. Въ самое короткое время кляшторъ мнишекъ превращенъ въ прекраснѣйше военное помѣщеніе и на вратахъ его красуется огромный русскій орелъ съ золотою надписью: „Штабъ такого-то полка"; бывшій костелъ, получивъ наружно форму православнаго храма, увѣнчанъ куполомъ и сіяющимъ крестомъ. Внутреннее устройство и убранство этой новоявленной святыни превосходитъ все здѣсь когда либо существовавшее въ православныхъ сельскихъ храмахъ: новый иконостасъ благолѣпенъ; запрестольный крестъ, подсвѣчники къ иконамъ, паникадило, хоругви, св. сосуды для богослуженія, облаченія на престолъ, жертвенникъ, налой для священнослужителей,—все это новое, благолѣпно православное, могущее украсить и городской соборъ. Кромѣ собственныхъ приношеній полковникъ Берновъ, имѣя обширныя связи, сношеніемъ съ своими родными, знакомыми, получилъ отъ нихъ разныя жертвы готовыми вещами и матеріялами. Послѣдніе изъ нихъ усерднымъ собственноручнымъ трудомъ полковыхъ дамъ передѣланы въ церковную утварь: въ ризницу, въ облаченія для престола, жертвенника, налоя, въ покровцы, воздухи, платы,—словомъ: церковь изобильно, на первый разъ, надѣлена всѣмъ необходимымъ для священнодѣйствій. Ктожъ все это устроилъ? Человѣкъ мимоходящій, кочевой, по всей вѣроятности, не успѣющій отдохнуть на мѣстѣ своего подвига и трудовъ, человѣкъ военный!..

Ктитору-воину желательно было и освященіе воздвигнутаго имъ храма устроить возможно-военное. Для достиженія такой цѣли, онъ предварительно испросилъ согласіе мѣстнаго архипастыря, чтобы въ сонмѣ совершителей освященія первенствовалъ армейскій священнослужитель, дивизіонный благочинный, протоіерей Константинъ Дорошкевичъ. Этотъ почтенный ветеранъ, замѣчательный

по своимъ медалямъ, мечамъ на орденѣ св. Анны, кабинетному кресту на георгіевской лентѣ, — вполнѣ довершилъ картину духовно-военнаго торжества примѣрнымъ священнослуженіемъ и особенно произнесенною, подъ конецъ литургіи, патріотическою бесѣдой, сказанною чистымъ звучнымъ голосомъ съ отличною декламаціей.

Такъ какъ зданіе церкви съ двухъ сторонъ находится въ связи съ домомъ, и потому не было возможности сдѣлать положенное обхожденіе вокругъ храма, то, вмѣсто его, освящатели и строитель, условились совершить крестьный ходъ въ прежнюю церковь. Для большей торжественности шествія священнаго собора, по распоряженію строителя-воеводы, ведущая чрезъ рынокъ къ старому храму дорога усыпана была ельникомъ и уставлена воинами и музыкантами. Необыкновенное явленіе, кромѣ присутствовавшихъ православныхъ, собрало толпу сопутниковъ хода изъ иновѣрцевъ и даже изъ евреевъ, а когда предстоятель, съ св. антиминсомъ на главѣ, вышелъ изъ старой церкви для обратнаго хода и полковая музыка заиграла гимнъ: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ", почти все населеніе стеклось на священную процессію и провожало ее до новаго дома Божія. Весь чинъ богослуженія, при содѣйствіи прекраснаго хора полковыхъ пѣвчихъ. совершенъ былъ умилительно-назидательнымъ образомъ и заключился слѣдующею бесѣдой достойнаго предстоятеля.

„Что чувствовали блаженныя сестры праведнаго Лазаря въ тѣ великія минуты, когда Господь воскресилъ его изъ мертвыхъ? Онѣ, безъ всякаго сомнѣнія, преимущественно ощущали несказанную радость о возстаніи изъ гроба брата, неизреченную благодарность къ чудному Воскресителю уже смердѣвшаго тлѣніемъ покойника и крайнее удивленіе чуду оживленія четверодневнаго мертвеца.

„Тѣже св. чувства радости и благодаренія Господу еще живѣе наполняютъ душу каждаго православно-русскаго человѣка при видѣ воскрешенія въ здѣшней несчастной странѣ вселенскаго православія: ибо не брата, но матерь видимъ воскрешаемую. Взирая на безчисленные, подобные здѣшнему, громадные памятники, сооруженные поборниками папства на могилахъ православія, отрадно русской душѣ, видѣть воскресеніе изъ вѣковыхъ могилъ родныхъ мертвецовъ.

„Несчастная, многострадальная страна, претерпѣвшая гоненія, безчеловѣчнѣйшія и тягчайшія татарскаго погрома. Враги Христовы, истребляя огнемъ и мечемъ русскіе города и селенія, на ихъ пепелищахъ не воспрещали созидать новые грады и веси и украшать ихъ св. храмами; а заклятые враги православія, хищные волки въ одеждѣ Іисуса, угашая свѣтильники православія, лестію, соблазнами и пытками плѣняли тысячи душъ исповѣдниковъ Его, и такимъ образомъ увлекли десятки поколѣній въ сѣти чуждаго и ненавистнаго русскимъ папежства. Полоцкъ, глава здѣшней страны, древнее, исконное достоеніе Россіи, отечество Рогнеды, жены Великаго Владиміра еще язычника, родовое наслѣдіе сына его и потомства, братъ св. Кіеву, Новграду, Владиміру, Пскову, Чернигову, Смоленску и другимъ древнѣйшимъ русскимъ городамъ, крещенный во Христѣ общимъ крестителемъ Россіи, св. Равноапостоломъ Владиміромъ, Полоцкъ—родина и поприще подвиговъ св. благовѣрной княжны-инокини Евфросиніи, престольный градъ русскаго княжества, вмѣщавшій въ себѣ болѣе 20-ти православныхъ храмовъ и 10-ти обителей и едва спасшій одну изъ нихъ въ первобытномъ видѣ, Полоцкъ—глава и владыка здѣшней страны, что представляетъ онъ теперь, возставъ изъ вѣковаго тлѣнія во гробѣ іезуитства? Это тотъ же воскресшій духомъ Лазарь православія, святотатственно совлеченный боголѣпныхъ ризъ, еще обвитый укроями и саваномъ папизма!.... А юнѣйшій родной братъ Полоцка—Витебскъ, этотъ ревнитель древней отеческой вѣры, судья и мздо-воздатель гонителя, мучителя, лже-пастыря, за свой подвигъ, по изувѣрскому велѣнію римскаго деспота, обагренный рѣками крови подвижниковъ? Это другой Лазарь,— Лазарь, воскресшій изъ гроба римскаго, но явившійся на бракъ православія, не имый одѣянія брачна: св. храмы этихъ престольныхъ городовъ, сіяя внутри воскресшимъ православіемъ, снаружи до нынѣ показываютъ плачевный видъ долголѣтняго рабства въ плѣну египетско-польскомъ!... А здѣшніе грады, веси и селенія, чада древняго Полоцка по духу, по вѣрѣ, по языку? Это все русскіе наши Лазари, лежащіе въ гробахъ, смердящіе зловоніемъ иновѣрія,—это младенцы русскаго Виѳлеема, избіенные западными Иродами, чающіе воскресенія въ жизнь православія. На стогнахъ, на поляхъ и въ хижинахъ здѣшнихъ доселѣ всюду слышится одна русская рѣчь, и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ они сіяли когда-то православіемъ и русскими святынями. Но повѣялъ здѣсь губительный польско-рим-

скій ураганъ, поразившій прежде того единовѣрную сестру нашу Литву, разразился подземный трусъ, произведенный врагами, а не слугами Господа Іисуса, бичами человѣчества іезуитами, и... здѣшніе свѣтильники православія угасли,— первобытные св. храмы православные рухнули и, подобно мертвецу Лазарю, погребены въ нѣдрахъ земныхъ не съ христіанскими гимнами, но съ злорадостнымъ поруганіемъ, съ варварскимъ кощунствомъ. Долго плакала, какъ Марія на гробѣ Лазаря, старшая сестра православія— всероссійская церковь о насильственной смерти православныхъ сестеръ своихъ, церквей литовскихъ и бѣлорусскихъ. Проливала она, св. матерь наша, и доселѣ проливаетъ неутѣшныя слезы о долговременномъ заточеніи здѣшнихъ чадъ ея въ плѣну римскомъ. И какъ не плакать, не рыдать? Тяжкій, прискорбный, горькій видъ для каждаго: исконная-законная царица въ изгнаніи; а пришлица на престолѣ! Госпожа загнана въ дебрь, въ блато смрадное; служанка— на высотѣ холмовъ, на престолѣ окрестностей! Домовладычица въ рубищахъ, уничиженная, умаленная паче хилищъ, паче хижинъ человѣческихъ; а рабыня иноземная и иноплеменная, преукрашенная и преиспещренная, дерзостно воздымаетъ къ облакамъ гордое чело свое! Чада родной матери разогнаны, разхищены, овцы извращены въ козлищъ и преданы въ неволю чуждой наемницѣ!...

„О благословенны и препрославлены въ роды родовъ и во вѣки вѣковъ державные покровители православія, великіе монархи наши Николай Премудрый и АЛЕКСАНДРЪ Премудро-Милосердый, указавшіе поле христіанскаго дѣланія и изведшіе достойныхъ дѣятелей на жатву Христову! Вѣчное благословеніе св. церкви и почетное мѣсто въ бытописаніяхъ Россіи славнымъ дѣятелямъ на поприщѣ православной вѣры и русской народности, обновителямъ Литвы и Бѣлоруссіи!—Всегдашняя признательность и живѣйшая благодарность незабвенному обновителю св. храма сего, стоящаго достойно и на мѣстѣ свѣтлѣ: его примѣрно-ревностными трудами водружено здѣсь, въ странѣ отчужденной и одичалой, первое благолѣпное знамя православія,—его чисто-христіанскимъ усердіемъ воздвигнута изъ праха и свѣтло благоукрашена красная внѣшнею и внутреннею лѣпотою Невѣста Христова,—тѣмъ сладчайшая православному взору что она, по наружному виду своему, имѣетъ нѣкое подобіе 8 вѣковому храму преподобной Ефросиніи Полоцкой. Доколѣ священныя стѣны св. храма сего будутъ оглашаться боголѣпнымъ православнымъ пѣніемъ,—

околѣ будетъ приноситься здѣсь святѣйшая безкровная жертва, имя болярина Александра пребудетъ священно и незабвенно, какъ первоначальника, поспѣшника обновленія и благоукрашенія сей святыни. Милость и благодать Божія да почіетъ на всѣхъ ревнителяхъ православія, послуживших трудами и жертвами своими, подобно Мироносицамъ, красотѣ новаго гроба Господня! Слава и хвала доблестному владимірскому полку, оставляющему здѣсь въ краткое время пребыванія своего, такой прекрасный и долговѣчный памятникъ своего странничества!

„Господи Іисусе Христе, воскресивый Лазаря! Воззови изъ гробовъ здѣ и всюду лежащія наши мертвыя и живыя мертвецы, воздвигни изъ тлѣнія и забвенія бывшіе здѣ и ондѣ св. храмы православные, утверди ихъ на Тебѣ, живомъ камени, собери подъ крылѣ Твоихъ кокошъ птенцы, расточенная чада ихъ, да будетъ едино стадо и единъ пастырь, да будетъ во всѣхъ концахъ и удоліяхъ любезнѣйшаго отечества нашего едино православіе и едина Россія!“

Не знаю, какое имѣетъ значеніе бесѣда эта въ духовно-литературномъ отношеніи, (*) но мы слушали ее съ напряженнымъ вниманіемъ и увлеченіемъ. Думаю что та проповѣдь не безплодна, которая приводитъ слушателей въ восторгъ и самозабвеніе, а этой цѣли нашъ проповѣдникъ достигъ вполнѣ: по окончаніи всего духовнаго церемоніала, первое движеніе г. ктирора и всѣхъ присутствовавшихъ было-благодарность о. предстоятелю, за его благоговѣйное служеніе и въ особенности за рѣдко-слыханную бесѣду. На проповѣдника-патріота посыпались со всѣхъ сторонъ усердныя просьбы о сообщеніи списка бесѣды; но едва удалось побѣдить іерейскую скромность витіи сослуживцамъ его.

Заключеніемъ всего торжества былъ великолѣпный въ двухъ залахъ обѣдъ у хлѣбосольнаго строителя для священно-служителей, офицеровъ полка и всѣхъ почетныхъ посетителей. За обѣдомъ провозглашено было множество тостовъ, начиная съ державнаго отца Россіи, ангелу котораго посвященъ новый храмъ, и Его Августѣйшаго семейства, за бывшаго и настоящаго начальниковъ края, и кончая здравіемъ хозяина и гостей.

Но человѣку русскому сердцемъ и душой; но любимому началь-

(*) Значеніе огромное, можно сказать, безпримѣрное. Это не слово, а вопли и стоны русскаго православнаго пастыря при видѣ могилъ и мертвецовъ русскихъ на землѣ, надъ которою промчалась язва польско-папская. *Ред.*

нику, желающему доставить своимъ подчиненнымъ благородное развлеченіе въ краткіе часы свободы и роздыха, не доконченнымъ показалось и такое рѣдко-виданное торжество, и онъ приготовилъ для своихъ гостей и всѣхъ русскихъ обитателей Креславля прекрасный такъ сказать финалъ торжества: чудный фейерверкъ, иллюминацію ново-освященной церкви и открытіе офицерскаго клуба. Съ 7 часовъ вечера, обширная площадь около церкви биткомъ была набита толпою разнаго народа, въ ожиданіи чуда. Къ 8 часамъ съѣхались посѣтительницы и посѣтители клуба, устроеннаго чрезъ площадь противъ церкви. Немедленно засіялъ храмъ Божій множествомъ плошекъ по всѣмъ карнизамъ, а на одномъ изъ оконъ церкви заблисталъ величественный вензель Царя-Освободителя. Прекрасный фейерверкъ произвелъ необыкновенный эффектъ не только въ простонародьи, но даже въ зрителяхъ высшихъ классовъ. Вечеръ былъ туманный, а потому колеса, бураки, шутихи и другія штуки, разсыпывая множество искръ и разноцвѣтныхъ огней, превращали темную ночь въ ясный день, а визгливыя ракеты, улетая за облака тумана и тамъ разражаясь, производили какъ бы въ заоблачномъ пространствѣ, полугромъ и внезапное озареніе воздушной тьмы. Еще далеко не кончилась отличная иллюминація, какъ громъ полковой музыки возвѣстилъ открытіе клуба, и умолкъ.... въ 4 часа утра! Все военное и мѣстное русское дворянство обоихъ половъ провело этотъ незабвенный вечеръ самымъ пріятнымъ образомъ и всякой и всякая унесли душевную благодарность незабвенному виновнику нашего сугубаго наслажденія.

Такъ начался, продолжался и кончился нашъ единственный, незабвенный день освященія русскаго храма въ ополяченно-жидовскомъ селеніи на канунѣ вступленія въ рождественскій постъ.

К. Полоцкой.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

ПОѢЗДКА Г. НАЧАЛЬНИКА СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ

по ковенской губерніи.

Въ теченіе семнадцати дней, считая съ 31 мая по 16 іюня включительно, его высокопревосходительство К. П. фонъ-Кауфманъ изволилъ осматривать Ковенскую губернію. За исключеніемъ Новоалександровскаго уѣзда, который по происхожденію и характеру населенія, а также и по смежности границъ, принадлежитъ скорѣе Виленской, чѣмъ Ковенской губерніи, остальные шесть уѣздовъ имѣли случай увидѣть у себя г. главнаго начальника края. Поѣздка, какъ сейчасъ увидимъ, не ограничилась однѣми между уѣздными большими дорогами; были и уклоненія отъ нихъ по проселкамъ. Городъ Вилкоміръ, древній православный Успенскій монастырь въ м. Сурдекахъ (Вилкомірскаго уѣзда), города Поневѣжъ и Шавли, православное село: Подубись, городъ Тельши, мѣстечки Таурогенъ и Юрбургъ (въ Россіенскомъ уѣздѣ) и наконецъ города Россіены и Ковна были главными пунктами осмотра. Кромѣ того, г. начальникъ края останавливался во всѣхъ мѣстечкахъ и почти во всѣхъ деревняхъ, лежащихъ между указанными пунктами, чтобы лично ознакомиться съ народомъ и съ тѣми многообразными условіями и отношеніями, которыми Ковенская губернія преизобилуетъ и которыми рѣзко отличается отъ остальныхъ губерній имперіи.

Но прежде всего припомнимъ нашимъ читателямъ, что такое Ковенская губернія. Относительно счастливыя климатическія условія, богатая и разнообразная растительность, благодарная почва, мѣстами превосходная обработка ея, хлѣба и фрукты сѣверной и отчасти южной полосы, соприкосновеніе съ иностранной границей, близость моря, судоходный Нѣманъ, сплавные его притоки, два шоссейныхъ пути, желѣзная дорога, телеграфныя нити отъ города до города, необыкновенно развитая пограничность и соотвѣтственно съ нею развитыя средства перевоза и сообщенія, какъ водянаго, такъ и сухопутнаго,—таково разнообразіе географическихъ и топографическихъ *условій* для широкаго и всесторонняго развитія тѣхъ вліяній, которыя доселѣ были цивилизующими. и которыя переживалъ небольшой уголокъ Имперіи, извѣстный подъ именемъ Ковенской губерніи. Казалось бы, что самое послѣднее слово цивилизаціи могло найти себѣ выраженіе въ жизненныхъ формахъ этой губерніи. Но ничто не оправдаетъ такого предположенія. Стоитъ присмотрѣться къ памятникамъ прошлой и формамъ современной жизни въ Ковенской губерніи, чтобы по нимъ наглядно опредѣлить сроки, пути, цѣли и средства пережитой ею циви-

лизаціи. Эта цивилизація захватила себѣ преобладаніе въ нашихъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ въ теченіе трехъ предпослѣднихъ столѣтій, а въ первой половинѣ текущаго столѣтія и сама себя не могла вынести. Монументальнымъ выраженіемъ ея преобладанія служатъ пышные каменные костелы и такія же монастырскія зданія XVI и XVII столѣтій. Чѣмъ старше костелы и монастыри, тѣмъ они роскошнѣе по постройкѣ и, на оборотъ, чѣмъ они моложе, тѣмъ меньше, проще, грубѣе и въ большинствѣ, на подобіе хлѣбныхъ магазиновъ государственныхъ крестьянъ, возведены изъ дикаго камня. Различные по времени происхожденія, по величинѣ и по стилю постройки, старые и новые костелы сходствуютъ въ одномъ, а именно въ безвкусицѣ во внутренней отдѣлкѣ. Старыхъ памятниковъ немного; за то новыхъ костельныхъ построекъ, кажется, болѣе чѣмъ надобно. Изъ старыхъ назовемъ всѣ городскіе въ г. Ковнѣ, бывшій камальдульскій (нынѣ православный Можайскій монастырь), червонодворскій, велюнскій, россіенскій, тельшевскій и шавельскій. Внутри жмудскихъ уѣздовъ рѣдко, а по литовскимъ уѣздамъ почти вовсе нѣтъ большихъ костеловъ, кромѣ бывшихъ монастырскихъ. Литва не нуждалась въ нихъ, а Жмудь слѣдовало опоясать ими вдоль по прибрежью Нѣмана и со стороны прусской границы: закрѣпивъ Жмудь за католицизмомъ, не трудно было пріобрѣсть для него всю Литву. И такъ, наглядная исторія прошлаго въ современныхъ памятникахъ доказываетъ, что въ ту старину, когда православіе едва начинало одолѣвать язычество и еще не могло укрѣпиться на развалинахъ его, изъ-за Нѣмана вышло латинство, вынесло съ собою крѣпостное право, создало мѣстную панщизну, и съ помощію ея воздвигло большія костельныя и монастырскія зданія, чтобы громадностію ихъ поразить и привлечь массы, едва тронутыя развитіемъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ двойной гнетъ латинства и панщизны не щадилъ никакихъ усилій, чтобы заслонить собою исконное православіе и неумолимо истребить его памятники. А что эти послѣдніе заходили въ глубь Ковенской губерніи, въ томъ можно убѣдиться по письменнымъ историческимъ и по монументальнымъ памятникамъ. Можно, кажется, и не безъ основанія предполагать, что изъ православныхъ храмовъ далекой старины уцѣлѣли на своихъ мѣстахъ, но въ новѣйшихъ постройкахъ, сурдекскій монастырь и подубисская церковь. Но это были старинныя небольшія постройки, служившія только для молитвенныхъ и ни для какихъ иныхъ цѣлей. Онѣ исчезали предъ высокими, а иногда и вычурными костельными зданіями, изъ которыхъ, какъ изъ крѣпостей, поражалъ своего врага, во всѣхъ врага видящій и потому нетерпящій, латинскій католицизмъ. Но время поизносило его исторически: онъ ударился въ сторону, утратилъ обаятельное вліяніе на панщизну, покорился польщизнѣ, понизилъ себя до ея орудія и, разумѣется, долженъ былъ понизить своихъ служителей до фанатизма и невѣжества. Въ позднѣйшее время, когда латинизація окончательно отожде-

ствилась съ полонизаціею (*), для ея цѣлей не нужно было памятниковъ, подобныхъ прежнимъ памятникамъ; напротивъ, можно было довольствоваться какими угодно костелами, лишь бы съ кальваріями, и съ возможностью ставить кресты и каплички на столбахъ и деревьяхъ, за костельными оградами, по кладбищамъ, на перепутьяхъ, по холмамъ, по дорогамъ, у жилыхъ домовъ, при клѣтяхъ, амбарахъ и т. п.—Лишь бы такъ или иначе, въ какихъ бы то ни было формахъ, внести значеніе костела, а по полонизованный костелъ и зачарованные фанатизмомъ служители его поклонниковъ и усилятъ полонизацію,— такъ расчитывали представители небольшой партіи, которая безнаказанно злоупотребляла захватомъ политическаго преобладанія въ ущербъ всему племенному и государственному на Литвѣ и Жмуди. Но правда исторіи опрокинула разсчеты захвата и привела къ необходимости на вѣки остановить незаконную пропаганду полонизованнаго и полонизующаго латинства. Эта задача уже разрѣшена правительствомъ и возложена для исполненія на представителей мѣстной администраціи.

Но этимъ мы еще не очертили всѣхъ признаковъ былой цивилизаціи въ Ковенской губерніи. Посмотримъ, чѣмъ отозвалась она на народѣ. — Поодаль отъ замковъ и дворцовъ, съ костелами и безъ костеловъ, размѣщаются небольшія мѣстечки (нѣчто въ родѣ велико-русскихъ селъ) и еще меньшія деревни. Это жилища земледѣльцевъ литовско-жмудскаго, бѣлорусскаго и великорусскаго происхожденія. Но крестьяне не вмѣщаются въ деревняхъ и мѣстечкахъ. Они живутъ еще вразсыпную, односельями, а такихъ односельевъ множество. Говоря объ нихъ, мы будемъ разумѣть по преимуществу тѣ, которыя приневолены къ полонизованному латинству. Тамъ, гдѣ жилой домъ, съ хозяйственными постройками, съ палисадомъ и изгородью, походитъ на порядочную русскую избу, владѣетъ домомъ и поземельнымъ участкомъ домохозяинъ-господарь, уже важный и гордый, какъ шляхтичъ, но нерѣдко богаче послѣдняго. Господарь этотъ—или отецъ семейства, или старшій, а нерѣдко и младшій, но любимый сынъ отца, который еще живъ, но за старостію самъ передалъ сыну господарство и, въ силу обычая, низошелъ въ батрачество. При господарѣ - домохозяинѣ живутъ его батраки и батрачки, или не состоящіе въ родствѣ съ нимъ, или, напротивъ, связанные ближайшими степенями родства, нерѣдко родные, или двоюродные, даже старшіе братья и сестры, по бѣдности батрачества безсемейные до сорокалѣтняго возраста. Эти господарскіе дома съ поземельными участками составляютъ своего рода центрики, въ которыхъ неумолимо господствуетъ господарь-домохозяинъ, на всемъ правѣ собственника - капиталиста, безспорно распоряжающагося способностями, трудомъ и средствами къ жизни обатраченныхъ родственниковъ. Какими семейными нравами отличаются эти домохозяйскіе центрики и какія семейныя

(*) Посредствомъ польскаго языка въ костелахъ. *Ред.*

драмы переживаются въ нихъ, можно судить по книгамъ волостныхъ судовъ. Въ этихъ книгахъ попадаются жалобы батрака-отца на господаря-сына за то, что послѣдній билъ перваго полѣномъ по головѣ. Но это не слишкомъ поражаетъ тамъ, гдѣ уголовному суду приходится судить такіе, для примѣра, случаи: на отца и сына одной семьи приносятъ жалобу двѣ, впрочемъ неродныя между собою, батрачки и требуютъ, чтобы судъ заставилъ отца и сына взять отъ нихъ и вскормить незаконно прижитыхъ съ ними младенцевъ, по крайней мѣрѣ, до того возраста, въ которомъ можно ходить пастухомъ чужаго стада. Чаще всего и до суха не доходятъ подобныя преступленія; матери-батрачки идутъ на мировую за 25 руб. единовременной уплаты, или за три года прокорма матери съ ребенкомъ. Къ этимъ фактамъ прибавимъ мимоходомъ одну статистическую цифру: кромѣ незаконнорожденныхъ младенцевъ извѣстныхъ матерей, до 200 подкидышей поступаютъ ежегодно въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія въ одной Ковенской губерніи. Непривлекательна картина этихъ нравовъ! Съ новымъ положеніемъ гражданскія отношенія крестьянъ измѣнились, мѣняются и семейныя, но нравы измѣняются развѣ съ новыми поколѣніями. Таковы домохозяйскія односелья.

Перейдемъ отъ нихъ къ тѣмъ состояніямъ, которыя можно назвать переходными отъ господарства къ батрачеству. Тамъ, гдѣ вокругъ или поодаль господарскаго односелья, поближе къ ручью, или къ рощѣ, стоитъ избушка съ огородомъ въ полдесятины, непрестанно трудится и кое-какъ всю жизнь перебивается бѣдный огородникъ. А тамъ, гдѣ лѣпится одинокая хижинка въ пять шесть квадратныхъ аршинъ въ вышину съ кровлею, коротаетъ недолгій досугъ безпраздничной жизни какой нибудь полуоборванный, нерѣдко обремененный семьею, изможенный отъ труда и горя, или одинокій и уже выродившійся физически, а нравственно полуодичалый кутникъ. Не безъ злобной зависти смотрятъ эти полусытые элементы сельскаго населенія на сосѣдей — господарей и по самой силѣ своего положенія не чужды всякаго непорядка, потому что чужды всякаго умственнаго и нравственнаго развитія. Сожительствуютъ они вблизи господарей, но собесѣдуютъ развѣ съ тѣми крестами и капличками, которыми окружаютъ свои жилища, нисколько не заботясь о томъ, что открыто виситъ на крестѣ, или что скрыто внутри каплички, привѣшенной къ столбу, или живому дереву. Полуодичалый не различаетъ, есть-ли въ домашнихъ пенатахъ его что-либо христіанское, кромѣ имени. Грубые фетиши язычества, пожалуй, немногимъ ниже произведеній жмудской деревянной скульптуры; по крайнѣй мѣрѣ, тѣ человѣкообразныя фигуры изъ дерева, которыя замѣняютъ подсвѣчники при гробахъ умершихъ, напоминаютъ статуи японскихъ божествъ. И досугъ-ли думать о вкусахъ въ какихъ нибудь произведеніяхъ, когда у кутника нерѣдко нѣтъ не только птицы или поросенка, но и собаки-сторожа, потому что и сторожить нечего. Въ его лачужкѣ есть только пріютъ для ноч-

лега. Непрестанная забота не даетъ покою; нужно заботиться объ одеждѣ, заботиться о пищѣ, а иногда и о томъ, чтобы полакомить аппетитъ кускомъ соленаго сала или мяса и добыть его изъ господарскихъ запасовъ цѣною тяжкой работы. Но это еще собственники. Нынѣшній переворотъ засталъ земледѣльческое большинство въ батрачествѣ, которое если не нуждается понищенски, то развѣ въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, и то цѣною суровой, непрестанной и безсрочной барщины, отбываемой на домохозяина. Выхода изъ этого положенія нѣтъ, по крайней мѣрѣ, не было; ибо не было и еще нѣтъ никакихъ заработковъ внѣ участка домохозяйскаго.

Такъ разбилось и ударилось въ затаенную рознь литовско-жмудское латинизованное крестьянство. Но не ограничилось этимъ вліяніе цивилизаціи, которая въ прежнее время приневолила къ себѣ народъ, тяготѣла и еще тяготѣетъ надъ нимъ тяжкимъ бременемъ. Послѣдствія ея сложны, засѣли глубоко и не скоро могутъ быть вырваны съ корнемъ. Обезпеченный до роскоши, домохозяинъ уже испорченъ этой роскошью. Онъ чуждается иной работы, кромѣ производства земледѣльческаго сырья. Небольшая часть этого производства расходуется на продовольствіе, а избытокъ за-дешево выторговываетъ и чрезъ десятки передаточныхъ рукъ втридорога продаетъ потребителю пронырливый паразитъ — еврей. Но этого не знаетъ, или знать не хочетъ домохозяинъ, нерѣдко незнающій уѣзднаго города. Все, что нужно ему съ чадами и домочадцами, у него есть дома; своя земля родитъ ему хлѣбъ, свой скотъ даетъ ему мясное продовольствіе и шерсть для тканей; льняное и шерстяное суровье вырабатывается изъ домашняго сырья руками домашнихъ же батраковъ. Только за шитье жмудякъ платитъ портному — еврею. Вотъ отъ чего во всей Ковенской губерніи нѣтъ ни одной фабрики, и всякій потребитель вынужденъ довольствоваться плохими иностранными фабриками, которые предлагаетъ еврей по цѣнѣ, какую создаетъ еврейская конкурренція. Точно также, кромѣ винокуренныхъ изъ картофеля, пивоваренныхъ и кирпичныхъ, въ цѣлой губерніи нѣтъ никакихъ заводовъ. При данномъ порядкѣ или безпорядкѣ отношеній они и не нужны. Каждый домохозяйскій дворъ есть и жилье, и пивоварня, и фабрика всего, что нужно для жизненнаго обихода, — можно бы сказать, что у домохозяина есть все свое, даже до церкви, ибо, кромѣ божницы, въ разныхъ мѣстахъ, стоитъ у него множество крестовъ и капличекъ на столбахъ и живыхъ деревьяхъ.

Но тамъ, гдѣ дѣло касается святыни, жмудякъ захолустья поневолѣ подчиняется теоріи раздѣленія труда: производствомъ священныхъ изображеній занимается костельный сакристіанъ (нѣчто въ родѣ прикостельнаго сторожа), а освященіе ихъ составляетъ прямой доходъ ксендзовъ. Впрочемъ крестьянинъ мало заботится о числѣ и цѣлости разъ поставленныхъ крестовъ; онъ знаетъ только то, что они обошлись ему не дешево: надо было заплатить сакристіану за изображеніе, ксендзу за освященіе, да всѣмъ приход-

скимъ ксендзамъ и дѣдамъ (*), приготовить угощеніе въ праздникъ постановки и освященія *кшижа*. О наличности домашнихъ пенатовъ заботится всего болѣе домохозяйка ничѣмъ не ограниченная госпожа дома. Во что бы то ни стало, она ставитъ кресты и каплички или въ искупленіе «смертельнаго» грѣха, или въ память семейнаго событія, или въ ознаменованіе мнимого чуда, или во избавленіе отъ пожара, грома, градобитія, повѣтрій, дождей, засухъ, неурожая, падежа, болѣзней и т. д. Окруженная множествомъ знаковъ внѣшняго богопочтенія, привязанная къ костелу всей силой фанатически-религіознаго чувства, беззавѣтно покорная волѣ духовнаго отца, вооруженная множествомъ сподручныхъ индульгенцій, эпитимій при кальваріяхъ, рожанцемъ на груди и *пачержами* на устахъ, крестьянка-господыня на Жмуди съ спокойной совѣстью деспотствуетъ дома и едва ли имѣетъ какую нибудь долю разумѣнія, что есть непорочность узъ супружескихъ, что такое добрые семейные нравы, семейныя добродѣтели и пороки.

Если жмудскій крестьянинъ ошляхетился и извратился подъ вліяніемъ панскихъ и шляхетскихъ нравовъ, то жмудская крестьянка испортилась чрезъ вліяніе латинскаго духовенства. Женщина на Жмуди есть и орудіе, и жертва латинизаціи; этой религіозной политикѣ, или политической религіи она обязана той глубиною невѣжества, въ которой доселѣ невозмутимо пребываетъ. Послѣдствія такого положенія женщины, чрезъ вліяніе ея въ семьѣ, проходятъ въ глубь всей нравственности и отражаются на всей жизни жмудяковъ. Благодаря имъ, нравственный обликъ жмудяка рисуется скорѣе отталкивающимъ, чѣмъ привлекающимъ. Онъ смышленъ, смѣтливъ, немногорѣчивъ, съ виду всегда со всѣми и во всемъ соглашается, но онъ хитритъ и, не стѣсняясь словомъ, обманетъ, если то нужно. Вся его нравственная необузданность и формальная покорность практикуются всего нагляднее близъ тѣхъ мѣстечекъ, изъ которыхъ евреи сдѣлали складочныя мѣста контрабанды. Но не самъ жмудякъ виноватъ въ этихъ качествахъ; они сложились въ немъ подъ вліяніемъ полонизующей религіи и край-

---

(*) Прикостельные дѣды произошли въ силу стараго обычая, набираются изъ безсемейныхъ старцевъ, живутъ въ прикостельныхъ домахъ или богадѣльняхъ, содержатся на счетъ десятины, собираемой ими же съ прихожанъ. Эти дѣды составляютъ нѣчто въ родѣ батраковъ ксендза, батрачествуютъ исключительно на ксендза, въ смыслѣ обработки огородовъ, распространенія пропаганды и разноски вѣстей, которыя нужно ксендзамъ, не компрометируя себя, распространять между прихожанами. Участь, а съ нею и воля такихъ прикостельныхъ батраковъ въ рукахъ ксендза; за то и положеніе вполнѣ обезпечено. Стало быть, дѣды тѣ же безродные, но призрѣваемые, и такъ сказать штатные нищіе: обыкновенно число ихъ при приходскомъ костелѣ равно 12. Интересенъ способъ сбиранія десятины: сегодня дѣдъ приходитъ въ домъ и ставитъ свою палку, а на завтра беретъ ее вмѣстѣ съ пожертвованіемъ. Мы удержимся отъ объясненія, на что намекаетъ странный символъ добровольнаго пожертвованія. Дѣла слѣдственныхъ коммиссій показали, что дѣды до крайности фанатизованы, и тамъ, гдѣ ксендзъ участвовалъ въ мятежной организаціи, гибли орудіемъ и жертвою его козней.

ностей польскаго крѣпостнаго права. Первая тупила человѣка умственно и нравственно, а второе изнашивало матеріально и физически. По силѣ прежняго обычая, крѣпостное право укладывалось въ самыя безобразныя формы, благодаря арендаторству: арендаторъ, по условію, выбиралъ весь дѣйствительный доходъ въ пользу помѣщика, а свои выгоды вымучивалъ придирками къ срокамъ по разнымъ уплатамъ, такъ что арендаторство становилось чѣмъ-то въ родѣ древняго мытарства. Протестовать было нельзя, апеллировать не къ кому; крѣпостное право давило, а духовенство прислуживалось пану; куда же уйти отъ мытарства и фарисейства? Оставалось или идіотизироваться подобно батраку, или хитрить и обманывать пана и духовника, а отъ грѣха отдѣлываться добровольной эпитиміей, рожанцемъ или индульгенціей ближайшаго монастыря. Вотъ въ какую мрачную дѣйствительнось втянула жмудяка та искуственно созданная, искусно навязанная и религіозными средствами закрѣпленная постановка, которая умышленно работала надъ разрушеніемъ всего гусударственнаго, племеннаго и семейнаго на Жмуди.

Мы уже видѣли общественныя отношенія крестьянъ нарушенными, общественные и семейныя нравы порушеными; но это разрушеніе пошло еще далѣе. Тамъ, гдѣ нѣтъ семейныхъ нравовъ, не можетъ быть ни семейныхъ, ни племенныхъ преданій, ни даже сказокъ и былинъ, которыми съ младенчества такъ легко воспитывается народное чувство; разрушеніе коснулось всѣхъ произведеній творческаго духа. Изъ самородковъ его у жмудяковъ сохранились присловья и пословицы древнѣйшаго бытоваго происхожденія; но, не собранныя, теряются они рядомъ съ тѣми, которыя цѣликомъ заимствованы у сосѣдей, или недавно сложились, какъ отрицаніе и сарказмъ на всѣ навязываемыя формы жизни; ибо жмудякъ только съ виду покорялся имъ, а на дѣлѣ обходилъ ихъ, и такимъ образомъ привыкъ во всемъ скорѣе казаться, чѣмъ быть. Въ жмудской пѣснѣ безъ большаго труда угадывается племенное происхожденіе, но и оно порушено, потому что заслоено и заслонено католицизмомъ настолько, что въ пѣснѣ слышится католическій оттѣнокъ и однообразный костельный мотивъ. Даже въ пѣсняхъ и мелодіяхъ жмудякъ нуждается въ освобожденіи изъ-подъ гнета костельнаго.

Таково, повторяемъ, было вліяніе той цивилизаціи, которая доселѣ была преобладающею на Жмуди. Только съ этой точки зрѣнія можно уяснить причину наглядно замѣтной противоположности между мѣстной физической и нравственной природою: съ одной стороны, всѣ условія довольства, роскошь, картинность, привлекательность; а съ другой—выродившаяся въ большинствѣ норода, подавленность, тупость, равнодушіе, бѣдность и оборванность. Съ одной стороны все привлекаетъ, съ другой—все возбуждаетъ оттолкновеніе. Сравненіе этихъ сторонъ производитъ подъ часъ впечатлѣніе пытки. Насильственно навязанная цивилизація, еще во

время преобладанія своего, неравномѣрно подѣлилась между сословіями на Литвѣ и Жмуди: одни изъ своекорыстія увлеклись ею до отрицанія въ себѣ всего племеннаго и государственнаго, а другія насильственно и наружно покорились ей, затаивъ въ душѣ глубокую къ ней ненависть и столь же глубокую преданность тому, что уцѣлѣло изъ племеннаго и бытоваго. Вотъ причина того непонятнаго съ-разу явленія, что въ Ковенской губерніи досел̂ѣ могутъ уживаться богатыя условія для развитія правильныхъ гражданскихъ отношеній и рядомъ съ ними почти первообразъ грубѣйшаго бытоваго невѣжества. Не ясно-ли, что все польское не народно на Жмуди?—Стало быть, весь строй и всѣ формы быта, какъ непервичныя, ненародныя, навязанныя, и какъ всякая аномалія, должны миновать и измѣниться въ томъ направленіи, которое Высочайше предуказано положеніемъ 19-го февраля 1861 г. Въ настоящее время законъ этотъ примененъ къ гражданскимъ и общественнымъ отношеніямъ крестьянъ.

Но еще многое нужно для того, чтобы писанный законъ перешелъ въ жизнь народа. Народъ долженъ быть воспитанъ въ немъ,—и въ этомъ состоитъ вторая важнѣйшая задача мѣстной администраціи.

Но у администраціи есть и другія, не менѣе важныя задачи. Чтобы указать ихъ соберемъ еще черты Ковенской губерніи. Губернскій городъ каждой губерніи имѣетъ значеніе если не топографическаго, то такого жизненнаго центра, по особенностямъ котораго можно заключать о различіяхъ между губерніями. Въ Ковенвенской губерніи такого центра нѣтъ. Напротивъ въ ней есть нѣсколько пунктовъ, которые притягиваютъ къ себѣ ту или другую мѣстность, тѣми или другими вліяніями въ большей или меньшей степени. Такъ географическимъ центромъ былъ и навсегда останется г. Попевѣжъ; кальвинское направленіе группируется въ его уѣздѣ около м. Биржъ; лютеранское исходитъ изъ м. Таурогена (въ Россіенскомъ уѣздѣ); до р.-католическаго центра, мѣстные клерикалы думали поднять и сдѣлать жмудскимъ Римомъ м. Ворни (въ Тельшевскомъ уѣздѣ, потому только, что тамъ жилъ тельшевскій римско-католическій епископъ. Такимъ образомъ городъ Ковна имѣлъ и имѣетъ значеніе губернскаго, администравивнаго и торговаго пункта, но значеніе центра жизненнаго онъ получитъ развѣ въ будущемъ, когда окрѣпнетъ, направленіе, данное новою системою управленія краемъ. Но, скажутъ намъ, эти центры существовали всегда и не имѣли серьознаго значенія. Въ прошломъ, дѣйствительно, громадный и потому исключительный перевѣсъ принадлежалъ полонизованному латинству, которое безнаказанно и беззаконно давило всѣ направленія. Время беззаконности миновало; латинство должно установиться въ законныхъ предѣлахъ; но въ немъ замѣтны отзывы прошлаго.

Отъ привычки къ злоупотребленію, какъ отъ всякой привычки, отдѣлаться не легко. Но, кромѣ неновыхъ явленій, есть и новыя

ли, пожалуй, прежнія, но въ усиленной степени: разнородныя направленія, какъ будто въ отмѣстку за вынесенныя притѣсненія и потери, подъ-часъ выступаютъ съ странными претензіями болѣе тѣмъ прежде тѣснить другъ друга и пропагандироваться одно на счетъ другаго. Очевидно, что претензіи эти по существу своему могутъ быть только ничтожны, а по послѣдствіямъ только безплодны. И въ настоящей формѣ въ нихъ не видно серьозно-сознанной цѣли, нѣтъ обдуманнаго плана, часто нѣтъ связи; онѣ усилились вслѣдствіе реакціи противъ прошлаго, но тѣмъ не менѣе составляютъ болѣзненное ея послѣдствіе и потому незаконное. Переворотъ можетъ сопровождаться такими явленіями, но не долженъ терпѣть ихъ. Самъ по себѣ переворотъ не вызываетъ ихъ, потому что не касается тѣхъ направленій, которыя выступаютъ съ претензіями. Переворотъ не стѣсняетъ этихъ направленій, но не имѣетъ въ виду предоставлять имъ болѣе того, что разъ предоставлено закономъ. А между тѣмъ въ претензіяхъ ихъ замѣтно исканіе болѣе широкой постановки для себя. Будемъ называть это неновое, но болѣе замѣтное явленіе ошибкой, временнымъ заблужденіемъ, чѣмъ угодно; но тѣмъ не менѣе укажемъ на него, ибо и самое неумышленное отступленіе отъ закона сопровождается фальшивыми представленіями, питаетъ напрасныя надежды, и — что того хуже — зедерживаетъ правильное устроеніе узаконенныхъ вѣроисповѣдныхъ, гражданскихъ и сословныхъ отношеній. Подмѣтить зарожденія этихъ аномалій, своевременно предупредить и только въ крайнемъ случаѣ во время установить ихъ въ законныя нормы — такова третья задача мѣстной администраціи.

Но это еще не все. Стоитъ еще разъ присмотрѣться къ особенностямъ Ковенской губерніи. На пространствѣ 35,762 квадр. верстъ въ Ковенской губерніи проживаетъ 1,051,628 душъ обоего пола, и въ числѣ ихъ: великороссіяне, бѣлоруссы, малоруссы, жмудины, литовцы, евреи, латыши, нѣмцы, поляки, татары, караимы, цыгане, греки, датчане, шведы, англичане, бельгійцы, французы, тосканцы и венгерцы. Заимствуемъ эти указанія изъ книги г. Д. Аѳанасьева (С.-Пб. 1861 г.), извѣстной подъ названіемъ: «*Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба, Ковенская губернія*». Въ этой книгѣ, на стр. 279 и 281, мы находимъ, что преобладающее племенное большинство составляютъ жмудины (53,400 семействъ), литовцы (39,713 сем.) и потомъ евреи (23,680 сем.). Славяне (8,483 сем.) и нѣмцы (3,330 сем.) составляютъ замѣтную часть населенія; остальные инородцы или заѣхали на время. Изъ той же книги узнаемъ, что племеннымъ различіямъ соотвѣтствуютъ вѣроисповѣданія: въ Ковенской губерніи уживаются православные, раскольники, р.-католики, лютеране, евреи, рефоматы, англичане, караимы и магометане. Изъ нихъ преобладающее большинство (*) составляютъ р.-католики (24,264

(*) Тамъ же, стр. 277.

сем.) и евреи (23,593 сем.); за ними слѣдуетъ лютеране (7,521 сем.), раскольники (3,691 сем.), православные (1,900 сем.) и реформаты (1,459 сем.). Число семействъ, принадлежащихъ другимъ вѣроисповѣданіемъ, незначительно. Приведенныя нами цифры не соотвѣтствуютъ настоящей дѣйствительности, отчасти потому, что относятся къ 1857 году, но, главнымъ образомъ, по двумъ совершенно исключительнымъ и прямо мѣстнымъ причинамъ очень серьознаго свойства. Ключъ къ уразумѣнію ихъ кроется въ условіяхъ прежней губительной цивилизаціи, а возможность ихъ объясняется предательствомъ прежней польской администраціи. Мы остановимся на причинахъ, интересующихъ насъ, чтобы на нихъ показать, до какой степени злоумышленно и губительно рука руку мыла въ прежнее, по выраженію г. главнаго начальника края, «недоброе время».

Выше мы замѣтили, какъ и почему разрушились племенныя, бытовыя, бщественныя и гражданскія отношенія въ представителяхъ племеннаго большинства. Замѣтили также, что размножившееся батрачество оставалось и теперь еще нерѣдко остается безсемейнымъ до сорока-лѣтняго возраста. Послѣдствія этого можно предугадать; но тѣ формы, въ которыхъ при разнообразныхъ условіяхъ примиренія съ совѣстію, они проявляются въ Литвѣ и на Жмуди, превосходятъ мѣру обыкновеннаго вѣроятія. Не забудемъ, что рѣчь идетъ о такой мѣстности, которая изобилуетъ условіями быстраго сообщенія и развитія. И въ этой же мѣстности *конкубинатъ* въ обыкновенныхъ его формахъ и съ обыкновенными его послѣдствіями,—каковы: размноженіе незаконнорожденныхъ батраковъ, не совсѣмъ обыкновенное число найденышей и подкидышей, а также и дѣтоубійство,—составляетъ еще слабѣйшее изъ преступленій этого рода. Стало быть, ни о семейственности въ ея правильныхъ формахъ и важныхъ значеніяхъ, ни о размноженіи, какъ оно опредѣляется Божескими, гражданскими, статистическими и физіологическими законами, на Литвѣ и Жмуди не можетъ быть и рѣчи. Пожелаемъ новому цивилизующему вліянію вытѣснить и преобразить унаслѣдованныя отъ прежней цивилизаціи безобразныя явленія и самую ея сущность. Да проститъ намъ прежняя цивилизація: отрицая ее, мы знаемъ, за что отрицаемъ ее въ Ковенской губеріи. И ей самой въ XIX вѣкѣ пора бы знать, за что и въ какой мѣрѣ она заслуживаетъ отрицаніе. Вышесказаннаго достаточно для того, чтобы судить, почему у литвиновъ и особенно у жмудиновъ цифра семей крайне невелика сравнительно съ цифрою поголовнаго счета мущинъ, женщинъ и дѣтей. Послѣ литвиновъ и жмудиновъ большинство остается за евреями. По отношенію къ нимъ цифры семей, точно также, какъ цифры поголовнаго счета, приводимыя въ извѣстныхъ статистическихъ сборникахъ, много ниже цифры наличнаго еврейскаго населенія. Съ обычной своей хитростью, евреи умѣютъ обходить нѣкоторыя, конечно, невыгодныя для нихъ, требованія закона. Мы знаемъ тѣ изъ уловокъ, ко-

торыя позволяли себѣ евреи при народной переписи и при рекрутскихъ наборахъ. Чтобы не говорить голословно, сошлемся на недавній фактъ нежданной переписи жителей г. Ковны, въ прошломъ апрѣлѣ, и на результаты, добытые ею. Администраціи вообще не мало дѣла съ евреями, и въ частности, по нашему мнѣнію, обыкновенныхъ средствъ, употребляемыхъ ею для собиранія статистическихъ свѣдѣній, не достаточно для того, чтобы имѣть дѣйствительную цифру поголовнаго и посемейнаго счета евреевъ. Цифры эти невыгодны, потому что влекутъ за собою расходъ на прямыя подати и повинности. Мы знаемъ, что еврейскія общества горько сѣтуютъ на «*Виленскій Вѣстникъ*» за указанія тѣхъ недостатковъ, которыми страждетъ еврейское общество. Статистическія цифры семей въ прочихъ племенныхъ особяхъ Ковенской губерніи, по всему вѣроятію, во столько ближе къ истинѣ, во сколько правдоподобно то, что жизненныя условія этихъ особей вырабатывались изъ рѣшительнаго отрицанія самаго бытія ихъ. Нетерпящая цивилизація не могла быть благосклонною къ правильнымъ условіямъ естественнаго ихъ размноженія. Это весьма вѣроятное заключеніе даетъ достаточно основаніе предположенію, что представители племенныхъ особей, составляющихъ большее или меньшее меньшинство, по необходимости воздерживались отъ семейной жизни.

Итакъ всѣ, заимствованныя у г. Аѳанасьева цифры болѣе или менѣе невѣрны, но для нашей цѣли достаточно приблизительныхъ указаній. Приблизительныя цифры свидѣтельствуютъ, что Ковенская губернія представляетъ пеструю смѣсь племенныхъ различій, разновѣрія и разноязычія. Численныя отношенія этой пестроты мы выразили въ числахъ семействъ, потому что семейства составляютъ первое условіе правильнаго естественнаго размноженія. Очевидно, что въ Россіи трудно встрѣтить еще одну мѣстность, гдѣ бы нашлось столько разнородностей, сопоставленныхъ такъ близко, въ такихъ неравномѣрныхъ численныхъ отношеніяхъ и въ столь неодинаково счастливыхъ условіяхъ развитія. Присмотримся къ послѣдствіямъ такого положенія. Разноплеменность, разновѣріе и разноязичіе, однимъ словомъ, всѣ разнородности не могутъ не отражаться на семьѣ, на домашнемъ и общественномъ воспитаніи и на всей жизни населенія. Мы уже видѣли, въ какой мѣрѣ неискренно они сожительствуютъ. Посмотримъ, что происходило и происходитъ отъ этого. Сила обстоятельствъ, господствовавшихъ въ недавнее время, вызвала и воспитала неискренность. По чувству самохраненія предъ напоромъ разнородности, злоупотреблявшей численнымъ преобладаніемъ, всѣ прочія стали оттягиваться въ свою сторону и, разъ попытавшись оттянуться, не могли остановиться на этомъ: всякая устремилась въ добываніе монополій, изъ-за нихъ вступала со всѣми во всякія сдѣлки, кое-какъ дѣлилась съ ними почвою и только тогда убѣждалась въ напрасной затратѣ силъ, когда по прежнему начинала заготовляться катастрофа мятежа. Во время катастрофы, какъ извѣстно, всѣ тяготѣнія уступали пе-

редъ тяготѣніемъ въ одну польскую сторону. Исторія не разъ убѣждалась, что тяготѣніе въ мятежную сторону умѣло набрасывать свою тѣнь на всѣ другія тяготѣнія, и, маскируясь такимъ образомъ передъ Европою, съ виду обманывало того, кому было выгодно казаться обманутымъ. Все это безспорно было и вмѣстѣ съ катастрофами повторялось во всѣхъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, но въ Ковенской сильнѣе, чѣмъ въ другихъ. Былое не разъ доказало, что разнородности избирали непрямые пути и ложныя средства, чтобы въ недавнее—недоброй памяти—прошлое время уходить и отстаивать себя отъ насиловавшаго направленія. Между тѣмъ во избѣжаніе заблужденія стоило только воспользоваться тѣмъ выходомъ, который предопредѣленъ исторіею, обезпеченъ государствомъ и невозбранно открытъ для каждаго вѣрноподданнаго. Понятно, на какой выходъ указываемъ, и рѣшительно не понятно, для чего нужно было искать другого. Въ ходячихъ объясненіяхъ этой странности часто слышатся ссылки на то направленіе, отъ котораго уходили. Но, заставляя уходить, оно не предопредѣляло разныхъ выходовъ; напротивъ, оно косвенно указывало на единственный спасительный и законный выходъ: если это направленіе было преобладающимъ не по закону, а по злоупотребленію, то противуположное ему направленіе тѣмъ легче было найти въ направленіи, господственномъ по закону. Однакожъ разнородности, случайно или неслучайно, предпочитали не уступать беззаконному, не обращаться къ законному и, стало быть, искать чего-то третьяго, четвертаго и т. д. То же исканіе, по старой привычкѣ, обозначается и теперь. Чего же искать и гдѣ можно отыскать что нибудь? Въ государственномъ организмѣ и въ смыслѣ государственномъ не представляется разнопочвенности, въ которой всѣ разнородности могли бы найти для себя условія роста и развитія. Если нѣтъ почвы для развитія разнородностей, то не можетъ быть ни путей, по которымъ могли бы привести, ни цѣлей, къ которымъ привели бы ихъ вожаки, никѣмъ непрошеные. Разнородности не могли не созрѣть до этого убѣжденія; но мѣшаютъ имъ старыя привычки къ политическому кочеванію по мечтательнымъ направленіямъ. Для блага края пора отказаться отъ этихъ привычекъ. Мы коснулись ихъ потому, что онѣ обнаружились во время прошлаго мятежа и, стало быть, вмѣстѣ съ нимъ должны отойти въ область безвозвратнаго прошлаго. Съ привычками не легко разставаться, но въ виду новой системы управленія краемъ разстаться необходимо. Множество неуловимыхъ на бумагѣ фактовъ заставляетъ признать, что старыя привычки уцѣлѣли въ жизни. Мы усматриваемъ ихъ, и при томъ по Ковенской губерніи сильнѣе и смѣлѣе, чѣмъ по другимъ, въ томъ неоспоримомъ фактѣ, что дѣятельное участіе въ русскомъ дѣлѣ принадлежитъ почти однимъ русскимъ. Нѣльзя невидѣть, что мятежная разнородность и теперь тайкомъ противудѣйствуетъ, а остальныя скорѣе соприсутствуютъ,—сочувственно или несочувственоо,— тяжкой работѣ русскихъ, нежели дѣятельно уча-

ствуютъ въ ней. Нельзя не видѣть, что даже въ нынѣшнее время, едва напоминающее о бывшемъ мятежѣ, даже въ нынѣшнее время, когда Высочайшей власти угодно было узаконить повсюдную разработку только однихъ русскихъ, законныхъ и государственныхъ началъ, одни русскіе у насъ неустанно трудятся, чтобы выполнить волю Государя Императора; а представители прочихъ разнородностей, по старымъ привычкамъ, недоумѣваютъ, приступать-ли къ русской работѣ. Очевидно, они выжидаютъ, прочна-ли русская работа, не предстоитъ-ли ей рушиться колебаніями, за которыя расплатился бы будущій мятежъ. Не трудно угадать, откуда происходятъ эти фиктивныя сомнѣнія. Не трудно усмотрѣть въ нихъ старыя привычки— одной стороны влiять, съ другихъ сторонъ— легкомысленно подчиняться привычному вліянію. Польской сторонѣ не нужно привыкать и очень трудно отвыкать не оправдывать своихъ фикцій. Въ новыхъ сомнѣніяхъ слышна старая погудка на новый ладъ. Въ нихъ видится только новая маска, годная для обмана тѣхъ, которымъ кажется выгоднымъ казаться обманутыми. Странно, что и теперь немятежныя разнородности не хотятъ или боятся повѣрить, что «ни отступленій, ни колебаній», какъ выражается г. главный начальникъ края, «быть не можетъ». Не обвиняемъ ихъ за это нежеланіе, не обвиняемъ и за страхъ: онѣ или дурно пользуются уроками семидесятилѣтняго прошлаго, или слишкомъ запуганы ими. Намъ можно не винить, но въ то же время нельзя оставлять ихъ ни въ состояніи невѣдѣнія, ни подъ впечатлѣніями страха. Съ нашей стороны обязательно сообщить имъ вѣдѣніе, бодрость и мужество, которыми владѣютъ всѣ русскіе,— предвидимъ упрекъ за наши выводы и спѣшимъ оговориться.

Мы далеки отъ мысли набрасывать тѣни на кого бы то ни было. Мы говоримъ, напередъ зная всѣ возраженія, какія вслѣдъ за присмирѣлой стороною мятежа, можно противупоставить нашимъ выводамъ. Но всѣ возраженія падаютъ сами собою. Беремъ на пробу любое изъ нихъ. Есть весьма распостраненное, но несовершенно основательное сужденіе, что въ мятижѣ виновата одна, такъ называемая *интеллигенція*. Разберемъ это положеніе. Дѣйствительно, она создала мятежъ; она грозила и намъ, когда предстояло усмирять мятежъ. Мы не забыли толковъ о «Московіи» и всякихъ толковъ о нашемъ азіятскомъ происхожденіи, о нашей природной неспособности, о нашей умственной апатичности, китайской неподвижности и т. д. Но того, что можно было говорить тогда, теперь повторять, не краснѣя, не слѣдуетъ. Факты мятежа и факты его усмиренія неотразимы. Пора бы убѣдиться въ несостоятельности *интеллигенціи*, распроститься съ нею и открыто работать противъ нея. Но мы видимъ, что она еще успѣваетъ навязывать свои толки и свои страхи дѣлать чужими. Какъ это можетъ быть? Какой смыслъ въ этомъ явленіи? Оно не менѣе странно и гораздо болѣе непозволительно, чѣмъ прежнее вліяніе *интеллигенціи*. Мы знаемъ, она была всегда не многочисленна; каче-

ственныя ея средства мы также видѣли; они не таковы, чтобы претворить въ себя или, по крайней мѣрѣ, затянуть съ собою всѣхъ въ свои стремленія; легко-ли напримѣръ найти лютеранскаго пастора, подобнаго тому, который въ Калишѣ открыто призывалъ прихожанъ къ молитвѣ объ избавленіи польско-латинской церкви отъ угнетенія? Простые жмудяки и литвины,— мы знаемъ, — устояли предъ напоромъ *интеллигенціи;* Но вопросъ, очевидно, не можетъ стоять на почвѣ перечисленія разнородностей. Если станемъ перечислять ихъ, то окажется, что всѣ устояли предъ *интеллигенціею*. По нашему мнѣнію, данный вопросъ ставится и рѣшается только въ такой формѣ: какая *интеллигенція* могла бы поднять мятежъ напр. въ Тульской губерніи? Стало быть, та *интеллигенція*, за которой, по приведеннымъ выше фактамъ, нельзя признать высокой качественноси, могла уловить для себя и дѣйствительно уловила какія нибудь возможности въ средѣ разнородностей, не смотря на то, что всѣ онѣ въ своихъ стремленіяхъ расходятся съ партіею революціи. И мы расходимся съ нею, но расходимся также и со всѣми разнородностями въ выводахъ, къ которымъ приводятъ насъ уроки прошлаго. Возьмемъ напр. одинъ изъ такихъ уроковъ и покажемъ на немъ общій характеръ нашихъ выводовъ. Числовыя отношенія семействъ, принадлежащихъ разнородностямъ, свидѣтельствуютъ, что сумма семействъ, непричастныхъ мятежному направленію, превосходитъ цифру ссмействъ, подготовлявшихъ мятежъ, и оставляетъ далеко за собою цифру семействъ, участвовавшихъ въ немъ; тѣмъ не менѣе мятежъ подготовился и сокончалъ свой краткій срокъ. Если мало уроковъ прошлаго, обратимся къ современнымъ фактамъ,— и они дадутъ тѣ же выводы, какіе дало намъ прошлое время. Такъ напр. для государственнаго дѣла въ здѣшнихъ губерніяхъ недавно сложилось особое названіе. Русскіе называютъ его русскимъ дѣломъ; за русскими и съ русскими—это названіе всегда на устахъ у представителей всѣхъ разнородностей; всѣ въ одинъ голосъ безспорно повторяютъ, что въ настоящее время здѣсь совершается русское дѣло; стало быть, во первыхъ, до мятежа и во время его, не смотря на разнородности, здѣсь совершалось какое нибудь, только никакъ не русское дѣло; и, во вторыхъ, истинно русское дѣло иначе, чѣмъ совершается, совершаться и—главное, окончательно повершиться не можетъ. Всмотримся еще разъ, провѣримъ прошлое, разберемъ настоящее, и всѣ факты, взятые вмѣстѣ, подтвердятъ наши выводы. Мятежи въ здѣшнихъ губерніяхъ повторялись періодчески; по періодамъ мятежей считаются періоды бѣдствій въ здѣшнихъ губерніяхъ; современники бѣдствій тридцатыхъ годовъ еще не вымерли; вся мѣстность лучше насъ владѣетъ фяктами, потому что безъ насъ переживала ихъ. И не смотря на все, только разнородности не замѣтили, что нынѣшнимъ взрослымъ поколѣніямъ разныхъ разнородностей,—тогда какъ нигдѣ въ Россіи не было и еще нѣтъ столькихъ казенныхъ, среднихъ и низшихъ, учебныхъ заве-

деній, сколько ихъ было и еще есть въ здѣшнихъ губерніяхъ' что этимъ взрослымъ поколѣніямъ отзываться незнаніемъ русскаго языка значитъ почти тоже, что наивно сознаваться въ равнодушіи къ государственному языку, безъ котораго невозможно знаніе государственнаго дѣла.

И такъ, если прежде не знали здѣсь государственнаго дѣла, то опять тотъ же выводъ: значитъ, знали какое нибудь другое и никакъ не государственное дѣло. При такой ясности и неотразительности выводовъ остается ли возможность незнанія государственнаго дѣла и незнанія русскаго языка въ настоящемъ? Зачѣмъ же теперь тянуть въ стороны, зачѣмъ теперь слѣдовать прежнимъ привычкамъ и довѣрчиво поддаваться привычному вліянію *интеллигенціи?* Она оказалась несостоятельною, она обусловила одни бѣдствія, она безсильна на благо, она всегда была и несомнѣнно умретъ такою. Въ этомъ убѣждаетъ ея настоящее, то же свидѣтельствуетъ ея прошлое. Съ нашей точки зрѣнія, она была безсильною и въ прошломъ. Если бы представители всѣхъ разнородностей, наравнѣ съ подданными господствующаго племени, принадлежали государству семейнымъ и общественнымъ воспитаніемъ, воспитаніемъ въ смыслѣ государственномъ, т. е. обладали бы знаніемъ государственнаго языка, государственныхъ законовъ, государственныхъ нуждъ, требованій и интерессовъ, то мятежъ, не могъ бы подготовиться. Это ясно, и для будущаго, въ смыслѣ законоположенія, рѣшено и предписано. И такъ, можетъ-ли быть мѣсто прежней практикѣ прежнихъ привычекъ? И наконецъ, если эти привычки какъ нибудь отзываются не характеромъ и отпечаткомъ, но только современностью чему либо негосударственному, то мы наклонны утверждать, что происхожденіемъ своимъ онѣ обязаны тому же негосударственному, т. е. мятежному, т. е. польскому началу. Доводя успѣхи этого начала въ прошломъ до привычекъ въ немятежныхъ разнородностяхъ, мы убѣждены, что стоимъ на почвѣ фактовъ. Такіе громадные и громкіе, но не славные успѣхи польскаго начала объясняются цѣлой системою польскаго воспитанія, которая въ прежнее время проникла и охватила собою всѣ учебно-воспитательныя казенныя заведенія. Она одолѣла ихъ полскимъ составомъ учебнаго сословія. Вотъ почему, не смотря на множество училищъ, переполненныхъ учащимися, прошлая мятежная катастрофа нашла себѣ поборниковъ на ученическихъ скамьяхъ казенныхъ училищъ. Подавленный мятежъ увлекъ въ погибель за собою все, чѣмъ внутренно разлагали здѣшнюю мѣстность школа и жизнь. Отъ обломковъ мятежа на мятежной почвѣ мѣстами уцѣлѣли злыя сѣмена и злые сѣятели; стало быть, еще могутъ выйти злыя плевелы. И такъ, всей почвѣ нужно перероднться и обновиться въ духѣ новой системы управленія краемъ. Пускай же всѣ разнородности откажутся отъ прежнихъ привычекъ и помогутъ общей государственной работѣ. Почва должна быть иначе воздѣлана, а сѣмена внимательно разобраны. Пускай же всѣ разнородности откажутся отъ прежнихъ

тяготѣній и сольются въ одномъ тяготѣніи къ работѣ въ смыслѣ русско-государственномъ. Государь Императоръ требуетъ отъ нихъ этого, отечество ожидаетъ, а современники и исторія будутъ судить за то, какъ и какъ скоро отнесутся они къ этой работѣ. Она есть смѣлое и законное требованіе исторической минуты. Она должна совершиться; напоминаемъ объ этомъ, только во благо самимъ разнородностямъ. Мы сказали достаточно о законности этой работы, о незаконности старыхъ привычекъ и ненормальности разнородныхъ тяготѣній. Намъ остается сказать, до какой почвы и до какой работы мы договорились.

Правительство по прежнему предоставляетъ мѣстной разноплеменной почвѣ для новой безмятежной работы цѣлый составъ учебно-воспитательныхъ заведеній. Составъ ихъ видоизмѣнился, направленіе переродилось, уже слишкомъ три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ началось это перерожденіе. Наравнѣ съ другими отраслями администраціи и по училищамъ въ здѣшнихъ губерніяхъ начато исключительно одно русское дѣло. Жизнь должна измѣнить привычки возрастныхъ поколѣній; школа должна воспитать лучшія привычки въ поколѣніяхъ подростающихъ. Послѣдовательный рядъ правительственныхъ мѣропріятій въ здѣшнихъ губерніяхъ и наконецъ Высочайшій рескриптъ 13-го прошлаго мая для цѣлой Россіи должны окончательно убѣдить всѣ разнородности, что съ нынѣшняго срока во всей Россіи будетъ совершаться исключительно одно русское дѣло. Относительно нашихъ училищъ Высочайшій рескриптъ 13-го мая имѣетъ особенно важное значеніе: коснувшись вопроса о народномъ образованіи вообще, онъ тѣмъ самымъ какъ бы дважды санкціонировалъ направленіе, введенное у насъ Высочайшими же повелѣніями трехъ послѣднихъ лѣтъ. Удержать это направленіе во всей его чистотѣ, а учебныя заведенія на высотѣ служенія высокимъ цѣлямъ законнаго направленія есть дѣло спеціальнаго учебнаго вѣдомства. Но пока возрастныя поколенія будутъ отдѣлываться отъ дурныхъ привычекъ, а подростающія будутъ воспитываться въ лучшихъ привычкахъ, необходимо очистить мѣстность отъ прежнихъ представителей учебно воспитательнаго дѣла, оберегать ее отъ вторженія всякихъ непрошенныхъ тяготѣній и дать законный просторъ единственному государственному тяготѣнію и его представителямъ. Въ этомъ состоитъ четвертая задача мѣстной администраціи.

Постараемся не обойдти ни одной изъ важнѣйшихъ особенностей Ковенской губерніи. Въ прежнее время одна изъ нихъ, по малочисленности своихъ представителей оставалась почти внѣ законнаго обезпеченія и потому имѣла наименьшее значеніе. Выше приведенныя цифры показываютъ, что современный переворотъ застаетъ представителей господствующей въ государствѣ народности и господствующаго вѣроисповѣданія почти исчезающими въ массѣ представителей терпимыхъ вѣроисповѣданій и подчиненныхъ племенъ. Рѣчь идетъ вообще о русскихъ и православныхъ безъ различія со-

словій и состояній. Указанное въ прошломъ явленіе подавленности ихъ находитъ для себя нетрудное объясненіе.

Прежде всего напомнимъ, что такое состояніе было не первичнымъ. Изстари господствовало въ Ковенской губерніи русское православіе; господство его было продолжительнымъ. Припомнимъ, что въ Ковенской губерніи нашелъ пріютъ для себя знаменитый изгнанникъ кн. Курбскій. О враждѣ и угнетеніи русскихъ и православныхъ не было и помину. Древнія связи литовскихъ князей съ русскими всего мѣнѣе предопредѣляли вражду. Слѣдовательно, племенное большинство въ Ковенской губерніи само по себѣ не могло вынести изъ своей старины никакихъ ни преданій о враждѣ, ни причинъ для нея. Причины вражды даны не жизненными, но насильственно навязанными условіями и требованіями польскаго латинства. Неудержимо пропагандируя себя, оно увеличило составъ своихъ служителей выше мѣры требованія. На народныя требованія только ссылались, а въ дѣйствительности для своихъ политическихъ видовъ увеличивали ихъ составъ агитаторы польсколатинской политико-религіозной доктрины. Впрочемъ, мы не имѣемъ въ виду заходить въ глубь исторической старины и доказывать наши положенія историческими фактами по документамъ. Трудъ этотъ шире размѣровъ газетной статьи и не довольно сподрученъ: польское начало разрушало монументы, истребляло памятники и искажало исторію. Мы заинтересованы тѣмъ положеніемъ, въ которомъ нынѣшній переворотъ засталъ русскихъ и православныхъ въ Ковенской губерніи. Пояснимъ, какъ могло оно до такой степени понизиться во времена, близкія къ двумъ прошедшимъ мятежамъ.

Чрезмѣрный избытокъ р.-католическаго духовенства въ Ковенской губрніи, почти отъ нечего дѣлать, вопреки прямому закону, ловко пользовался отдаленностію православныхъ храмовъ и православнаго духовенства.. Объединяя свои цѣли съ цѣлями революціоннаго направленія, р.-католическое духовенство стремилось извести русскихъ и православныхъ. Оно исподоволь пріучало ихъ къ совершенію требъ по римско-католическому обряду надъ больными и умирающими; потомъ стало назойливо *бѣржмовать*, исповѣдывать и причащать взрослыхъ, насильственно крестить дѣтей смѣшанныхъ браковъ, противиться этимъ бракамъ и запрещать ихъ подъ страхомъ казней въ будущей жизни. Такимъ образомъ частичками и одиночками оно присоединяло православныхъ къ латинству, а устойчивыхъ тѣснило, разселяло и разсѣевало при помощи панщизны. Кто не жилъ въ здѣшнемъ краѣ, тотъ съ трудомъ повѣритъ, чтобы духовенство одного изъ христіанскихъ исповѣданій было способно такъ фамиліярно, или, по старинному выраженію, такъ »воровски« обходиться съ закономъ страны, въ подданствѣ которой находится. Но пусть вспомнятъ скептики, чему учило здѣшнее р.-католическое духовенство. Пусть вспомнятъ польскую теорію мессіанизма, или революціоннаго посланничества Польши. Пусть вспомнятъ, что посланничество это не въ шутку величалось божественнымъ и кичли-

во ухватилось за утопическую цѣль— охватить всѣ государства революціонными стремленіями. Пусть вспомнять, что эта нечистая задача обзывалась спасеніемъ цѣлаго міра, для цѣлей какой-то особенной по-польски понимаемой свободы. Фикціи дошли до того, что въ смыслѣ ихъ сама Пресвятая Дѣва чтится подъ именемъ Св. Матери одной только Польши и королевой польской. Кому не легко привести себѣ на память эти факты, тотъ, можетъ быть, не забылъ еще, что р.-католическое духовенство въ Россіи сложило польскую *революціонную обѣдню* *) и что изъ служителей этой обѣдни вышли предводители здѣшнихъ шаекъ и жандармы-вѣшатели. Теперь распространеніе былаго зла пресѣчено, но зло не уничтожено: злое начало, злое воспитаніе, злые нравы, злыя привычки и наконецъ просто злоба за отнятыя возможности беззаконничать, продолжаютъ существовать тайкомъ и втихомолку практикуются, и если не доходятъ до достиженія злыхъ цѣлей, то настойчиво и неутомимо сѣютъ рознь и тѣмъ парализуютъ всякое доброе начинаніе и вліяніе. Таковы свойства описываемой нами минуты, ибо таковы свойства всякаго переворота. А между тѣмъ переворотъ имѣетъ цѣлію уподобить сѣверо-западныя губерніи внутреннимъ россійскимъ, т. е. сдѣлать первыя такими же вѣрноподданными и вѣрнопреданными, какъ всѣ остальныя. Нуженъ же въ средѣ, нами очерченной, близкій и наглядный типъ этой вѣрнопреданности; нужные русскіе православные всѣхъ сословій и состояній, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Въ настоящемъ небольшомъ ихъ числѣ — типъ недовольно выразителенъ, и безпрепятственное его развитіе невозможно. Переворотъ засталъ русскихъ въ Ковенской губерніи въ ничтожномъ меньшинствѣ и потому въ наиболѣе уничиженномъ положеніи. Объ этомъ положеніи и вспомнить тяжело. По закону полноправные представители господственнаго языка и вѣроисповѣданія, только изъ-за права терпимости ихъ въ средѣ разныхъ разнородностей, выносили матеріальныя лишенія всякаго рода и ту степень государственнаго униженія, что приходилось имъ отказываться отъ роднаго языка и даже скрывать преданность родной вѣрѣ обязательнымъ участіемъ въ р.-католическихъ религіозныхъ процессіяхъ. Преданность языку и вѣрѣ отцовъ, законамъ Государя и отечества, словомъ, преданность русскимъ началамъ должна была прятаться предъ незаконнымъ торжествомъ началъ польскихъ. Открытая преданность всему родному— страшно вымолвить!— не избавляла ни русскаго архіерея, ни русскаго воина отъ публичныхъ оскорбленій. Пускай вспомнятъ объ этомъ польское дворянство и р.-католическое духовенство. Никакими ширмами не замаскируются и не уйдутъ отъ потомства эти факты безстыдства предковъ. Оно такъ велико въ XIX вѣкѣ, такъ безпримѣрно, что не даетъ права надѣяться на возможность исправленія и примиренія съ русской законностью. И послѣ того рѣшаются увѣрять насъ въ воз-

*) См. „Вѣстникъ зап. Россіи за 1865—66 годъ кн. 8 отд. I.“

можности примиренія со стороны, олицетворяющей собою польское начало! Мы уже выше замѣтили, что оно отождествилось съ латинствомъ; а латинство— это та іерархическая власть, которая протестуетъ противъ всякой государственной власти. Стало быть, пока латинское духовенство будетъ въ нашихъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ держаться началъ ультра-клерикальныхъ, а польское начало будетъ отождествено съ латинствомъ, русскія и польскія начала будутъ началами противуположными; имъ будетъ невмѣстно въ русскихъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ; одно другому должно уступить; уступка должна быть въ пользу русскихъ началъ; таково требованіе исторіи. И такъ, пока не совершится эта уступка, русскія начала не могутъ успокоиться на своей почвѣ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Въ прошломъ русскія начала пытались быть уступчивыми въ пользу польскихъ; уступки приводили только къ мятежу, бѣдствіямъ и разореніямъ. Въ настоящее время эта правда такъ доказана, что прошедшее становится грѣхомъ отцовъ и дѣдовъ передъ дѣтьми и внуками. Допускать грѣхъ снова значило бы легкомысленно и малодушно поступаться государственностью въ пользу не государственности, органическою цѣлостностію единой власти въ пользу собирательнаго *агломерата* признающихъ ее частей. Въ наше время это было бы фикціей похуже польскихъ фикцій. Мы изобличены въ этомъ за прошлое; насъ изобличили бы въ этомъ современныя событія у нашихъ сосѣдей. Тридцативосьмимилліонной Австріи тяжело столкновеніе съ восемнадцатимилліонной Пруссіей. Не отъ того ли, что у Австріи есть больныя мѣста, которыя нужно прятать, есть скрытыя цѣли, которыя должны быть скрытыми? У насъ нѣтъ причины скрывать наши больныя мѣста. Скрываться-ли громадной одноплеменной государственной массѣ предъ ничтожнымъ противугосударственнымъ меньшинствомъ? Мы выразумѣли наше положеніе. Зачѣмъ же хотятъ затянуть насъ въ обманъ? Зачѣмъ насъ затягиваютъ въ него толками, даже криками о преданности русскому языку и русскимъ началамъ, съ которыми крикунамъ быть и жить не совмѣстно? Зачѣмъ они, толкуя вслухъ о преданности, тайкомъ и интригой отбиваютъ отъ исполненія законныхъ требованій власти, обходятъ ихъ, парализуютъ и силятся доказать, что они недолговѣчны? Зачѣмъ такъ заносчиво и кичливо смѣяться надъ тѣми, которые еще не вдались и, конечно, не вдадутся въ обманъ? Каковы бы ни были толки, мы убѣждены въ томъ, что во искупленіе грѣха отцовъ, въ вознагражденіе за пережитыя бѣдствія и, что всего важнѣе,— для цѣлей нынѣшней реформы законно теперь же поднять и усилить русскимъ православный элементъ новыми переселенцами въ Ковенскую губернію. Законность этой необходимости выступаетъ тѣмъ очевиднѣе, что въ Ковенской губерніи всякій русскій всякого состоянія можетъ служить службу государству, ибо говорить по-русски, стало быть, знакомитъ Литву и Жмудь съ государственнымъ языкомъ. Начало этому важному дѣлу усиленія русскихъ положено. Число право-

славныхъ вмѣстѣ съ вновь прибывшими чиновниками и вновь поселенными крестьянами поднялось до 21 т. человѣкъ обоего пола, кромѣ войскъ. Но въ числѣ вновь прибывшихъ на службу большинство составляютъ безсемейные, стало быть легкіе на подъемъ и всегда готовые оставить новое мѣсто, трудную службу, трудовую и непокойную жизнь. Даже семейные недовольно прочны въ Ковенской губерніи; не всякій согласится жить въ захолустьѣ и, вдали отъ немногихъ храмовъ, оставить дѣтей безъ церковно-православнаго воспитанія. Начало и въ этомъ отношеніи положено: вновь строящіеся храмы и походныя полковыя церкви почти удвоили прежнее число православныхъ храмовъ. Но всего 29 храмовъ вмѣстѣ съ кладбищенскими недостаточно на 35,762 квадр. версты. Успѣхъ дѣла зависитъ не отъ одного числа храмовъ, но и отъ обстановки ихъ. Священникъ безъ діакона, съ двумя причетниками, однообразное двухголосное пѣніе, почти постоянно одно и тоже бѣдное облаченіе, малочисленность прихожанъ и малолюдство молящихся, всего этого мало для подобающей обстановки. Для такихъ важныхъ цѣлей мало правительственной инициативы, нужно участіе общественное, нужна дѣятельность православнаго Ковенскаго братства, которое какъ будто замерло, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ не даетъ знать о себѣ. Нужно еще, повторяемъ, разрѣдить р.-католическое населеніе Ковенской губерніи русскимъ и православнымъ, крупнымъ и мелкимъ земствомъ. Это нужно, по крайности, во столько, во сколько даютъ для того мѣста имѣнія польскихъ помѣщиковъ, которые непосредственнымъ участіемъ въ мятежѣ, или открытымъ содѣйствіемъ ему, сами себя лишили права на какое бы то ни было имѣніе въ Ковенской губерніи. И это важное дѣло начало съ 1863 года, 10-го декабря 1865 года узаконено, и теперь находится въ процессѣ практическаго разрѣшенія. Но до тѣхъ поръ, пока оно совершится, необходимо укрѣпить и развить прежнія начинанія, то есть изъ прежнихъ и прибылыхъ и малознакомыхъ между собою русскихъ составить одно цѣлое, а служащихъ чиновниковъ собрать въ одно общество, воспитать его, создать изъ него общественную силу и направить ее на непраздное служеніе русскому дѣлу. Въ этомъ состоитъ пятая задача мѣстной администраціи.

И такъ рамки административной дѣятельности въ Ковенской губерніи обязательно шире тѣхъ, какими можетъ довольствоваться администрація во внутреннихъ губерніяхъ. Тамъ жизненное дѣло постоянно въ процессѣ естественнаго поступательнаго движенія. Тамъ весь составъ служебныхъ лицъ, развѣ по несчастному исключенію, не можетъ сливаться съ составомъ населенія. Тамъ задачи администраціи осложняются только тѣмъ, что въ настоящее время предстоитъ многое измѣнить по требованіямъ послѣднихъ государственныхъ преобразованій. Тамъ дѣло администраціи есть перестроеніе. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, и особенно въ Ковенской, должно совершиться пересозданіе. Стало быть, администраціи нельзя довольствоваться одними, такъ сказать, чиновниче-

кими средствами и пріемами, одной служебной исполнительностью. Нужна служба высшаго рода. Служба здѣсь имѣетъ цѣлью гражданскую оккупацію, или новую цивилизацію края. Для той цѣли нужно общество. Пока нѣтъ даже всѣхъ элементовъ для составленія общества,—пока, занятые службою, русскіе чиновники должны, во чтобы то ни стало, замѣнить собою общество, разумѣется, русское,—средствъ для рѣшенія исторической и правительственной задачи у насъ не много. Тѣмъ не менѣе не мы первые, не мы и послѣдніе должны сознать себя въ этомъ положеніи. Пусть единица для измѣренія нашихъ заслугъ велика, но тѣмъ не менѣе она совершенно законна. Формальная исполнительность, какъ и всюду, не можетъ имѣть никакого значенія; но и обыкновенной служебной мало. Правда, со стороны правительства она можетъ служить ручательствомъ за обезпеченность чиновниковъ въ матеріальномъ отношеніи. Но по самой силѣ обстоятельствъ, въ какихъ находятси сѣверо-западныя губерніи, такая обезпеченность недолговѣчна: въ XVI вѣкѣ и тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія въ сѣверо-западныхъ нашихъ губерніяхъ господствовалъ русскій языкъ; но прошлый мятежъ если и засталъ ихъ здѣсь, то въ такомъ положеніи, какого не пожелаетъ себѣ ни одинъ изъ служащихъ въ краѣ. Положеніе русскаго въ русскихъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ должно измѣниться къ лучшему и неминуемо упрочиться. Вспомнимъ рескриптъ 13 прошлаго мая: по Высочайшей волѣ оно должно сдѣлаться одинаковымъ во всѣхъ россійскихъ губерніяхъ. Стало быть, все то, что въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ есть истинно русскаго, должно быть не мертвымъ, но живымъ, и при томъ не орудіемъ, а органомъ правительственной мысли и воли. Безъ этого условія всякое распоряженіе, откуда бы ни исходило, останется внѣшнимъ и формальнымъ; а если не перейдетъ оно въ жизнь и не пересоздастъ ея, то не искоренитъ и тѣхъ стремленій, которыя сѣяли и сѣютъ рознь и вражду. За рѣшительность искорененія всякихъ плевелъ мятежа и за прочное внѣдреніе здѣсь русскихъ ручаются всѣ новыя мѣры правительства. «На то воля Государя, на то желаніе цѣлой Россіи, на то право государственное, на то и право историческое», — такъ выразился г. главный начальникъ края, обращаясь къ россіенскому дворянству. Какъ и какъ скоро историческое и юридическое сдѣлается фактическимъ, т. е. какъ и какъ скоро здѣшній край сдѣлается вполнѣ русскимъ, за то отвѣчаютъ предъ Государемъ, отечествомъ и исторіею *всѣ, теперь служащіе* въ здѣшнихъ губерніяхъ. И такъ не наружный и формальный, но дѣйствительный успѣхъ русскаго дѣла есть законная единица для измѣренія заслугъ каждаго. Въ русскомъ дѣлѣ легко можетъ и непремѣнно долженъ всецѣло участвовать всякій русскій. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть ни поприща, сколько высокаго или низкаго, ни способностей столько счастливыхъ или недостаточныхъ, чтобы всякій русскій,—будетъ ли то военный, или гражданскій началь-

никъ большой отдѣльной части, или только скромный учитель простой народной школы,— чтобы всякій русскій не могъ вносить въ свое дѣло всѣхъ лучшихъ свойствъ русскихъ началъ. Таково мѣрило служебной исполнительности каждаго русскаго: такова и почва, на которой должны сойдтись всѣ русскіе, чтобы создать изъ себя общество. Чиновнику какого бы то ни было вѣдомства не трудно быть такимъ членомъ общества, какого требуетъ дѣло. Ему нужно не дѣлиться на себя по разнороднымъ направленіямъ, но поднять себя до мужества *быть* тѣмъ, чѣмъ создала его русская природа, русская исторія и русская жизнь. Русское происхожденіе, русскія семейныя преданія, русское воспитаніе, русскіе нравы и обычаи, умственные и нравственные интересы, цѣли и стремленія, достаточно ручаются за то, что русскій никогда и нигдѣ не перестаетъ быть русскимъ. Но по силѣ мѣстныхъ условій, нужно позаботиться о томъ; чтобы все русское здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо носило на себѣ печать высокой качественности. Сумма честности, безукоризненной правдивости, добрыхъ нравовъ, трудолюбія самодѣятельности, и энергіи—такова печать и степень этой качественности. Отъ нея, или что тоже, отъ личныхъ качествъ каждаго изъ служащихъ болѣе, чѣмъ отъ формъ и достоинства учрежденій и предписаній, зависитъ главнымъ образомъ успѣхъ нашего русскаго дѣла. Мы можемъ считать его тѣмъ болѣе достижимымъ, что сейчасъ приведенныя условія только съ виду могутъ казаться преувеличенными. Мы не имѣемъ въ виду преувеличенія. Высокая степень достигнутаго умственнаго и нравственнаго развитія есть подвигъ государственный. Для такихъ подвиговъ нужны исключительныя способности, счастливыя условія для ихъ развитія и не совсѣмъ обыкновенное поприще. Мы имѣемъ въ виду не исключенія. Мы настаиваемъ только на томъ, что необходимо и обязательно для всякой нравственной личности и на всякомъ поприщѣ. По силѣ мѣстныхъ обстоятельствъ, мы желали бы встрѣчать на всѣхъ мѣстныхъ поприщахъ только одни нравственныя личности. Желаніе велико, но здѣсь подается исполненію. Доказательствомъ тому служитъ общественное признаніе. Для насъ оно сказывается въ томъ выраженіи, которое само собою сложилось въ нашихъ губерніяхъ. У насъ часто слышится выраженіе *русскій дѣятель*. Издали оно можетъ казаться заносчивымъ и преувеличеннымъ, но въ мѣстномъ пониманіи означаетъ только такого русскаго человѣка, который, сверхъ служебныхъ обязанностей, еще что нибудь предпринимаетъ и добросовѣстно исполняетъ въ интересѣ русскаго дѣла. Постоянно поддерживать и поднимать этихъ немногихъ и готовыхъ въ тоже время приготовлять новыхъ русскихъ дѣятелей, чтобы чрезъ нихъ изъ всѣхъ служащихъ создать сферу, внутри которой не только козни враждебной интриги, но и ничто нерусское не могло быть мыслимо,—такова та задача, которая безотлагательно и безповоротно предписывается предшествовавшими обстоятельствами и, которая какъ послѣднее слово

русскаго дѣла,—должна составлять предметъ постоянной административной заботы.

Отъ этихъ общихъ очертаній Ковенской губерніи перейдемъ къ главному предмету нашей статьи— къ поѣздкѣ г. главнаго начальника края. Переходомъ послужитъ объясненіе, почему мы сочли себя въ правѣ предпослать ея описанію такое длинное вступленіе. Послѣдовать за его высокопревосходительствомъ на пространствѣ шести уѣздовъ, шагъ за шагомъ, въ теченіе семнадцати дней, значило бы составить цѣлый томъ, и въ немъ, кромѣ существенно-важнаго, пересказать параллели такихъ дѣйствій, распоряженій, приказаній и наставленій, которыя могли имѣть мѣсто въ каждомъ уѣздѣ и даже при осмотрѣ каждой губерніи. Но одно то, въ чемъ выразилось существенно важное значеніе поѣздки г. главнаго начальника края, превосходитъ размѣры обыкновенной газетной статьи. Чтобы по неволѣ довольствоваться ею, мы сочли себя уполномоченными предпочесть наше длинное отступленіе еще длиннѣйшему описанію тѣхъ, иногда мелкихъ, но въ связи съ другими немалозначительныхъ подробностей, которыми сопровождалась поѣздка. Скажемъ болѣе. Сама поѣздка обязала насъ предпослать ей длинное введеніе.

Объѣзжая губернію, начальникъ края лично знакомился съ нею, именно и преимущественно по главнѣйшимъ ея особенностямъ, и съ точки зрѣнія этихъ особенностей указывалъ, какъ упорядочить и узаконить ихъ въ томъ направленіи, которое Высочайше указано и отъ котораго «отступуть я не въ правѣ и по убѣжденію не способенъ», какъ однажды выразился Константинъ Петровичъ. Мы заключаемъ о такомъ, а не иномъ значеніи поѣздки по тѣмъ сторонамъ жизненной и административной дѣятельности, на которыя въ каждомъ уѣздѣ начальникъ края обращалъ особенное вниманіе. Постараемся сгруппировать факты поѣздки по приведеннымъ нами особенностямъ губерніи, чтобы самъ читатель могъ провѣрить по нимъ наше заключеніе.

По всему вѣроятію, г. главный начальникъ края имѣетъ достаточно основаній подозрѣвать ксендзовъ, а иныхъ прямо обвинять во враждебныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ правительственнымъ мѣропріятіямъ. При каждой встрѣчѣ съ ксендзами, на общихъ-ли представленіяхъ, или по одиночкѣ въ училищахъ, онъ обращался къ нимъ съ словами укора.

Есть много вѣроятія предполагать, что большинство ксендзовъ на Жмуди еще не успѣло, или не хочетъ отдѣлаться отъ прежнихъ привычекъ и не перестаетъ тайкомъ служить прежнему направленію. И дѣйствительно, возьмемъ для примѣра современныя выходки ксендзовъ въ Шавельскомъ уѣздѣ. Мы узнали объ нихъ потому, что сказано самимъ г. начальникомъ края на общемъ представленіи въ г. Шавляхъ. Обращаясь къ ксендзамъ уѣзда, онъ сказалъ: «У всѣхъ ксендзовъ пріемы не хорошіе. Я сужу объ нихъ по тѣмъ фактамъ, которыми эти пріемы сказываются въ народѣ:

гдѣ ксендзъ не хорошъ, не исполняетъ своего долга, тамъ это сейчасъ обозначается на прихожанахъ,—ксендзамъ прежде и больше всѣхъ слѣдовало бы подумать о своемъ собственномъ поведеніи. Я наконецъ вынужденъ высказывать это прямо и откровенно. Ксендзы не могутъ не знать, что мятежное направленіе въ сѣверозападныхъ губерніяхъ не должно быть мыслимо. Духовенство не можетъ не знать, въ чемъ состоятъ его прямыя духовныя обязанности. По смыслу ихъ, болѣе другихъ вѣрноподданныхъ, ксендзы обязаны служить видамъ правительства. Ничего подобнаго я не вижу, особенно въ римско-католическомъ духовенствѣ Ковенской губерніи. Вы, господа деканы, виновнѣе другихъ ксендзовъ: вы должны отвѣчать за себя и за нихъ; они подчинены вамъ. Но вы сами не безупречны. Такъ, напримѣръ, вы, деканъ Борткевичъ, вы забыли свои вины предъ правительствомъ, но я ихъ помню. Вы были замѣшаны въ дѣлахъ по мятежу, были подъ арестомъ, были по моимъ соображеніямъ помилованы и оставлены на прежнемъ мѣстѣ. И не смотря на то, у васъ и вашихъ приходскихъ ксендзовъ замѣтны такія проявленія, которыхъ я допустить не могу. За это я сменю васъ. Поведеніе вашихъ ксендзовъ просто негодно; они у васъ дѣлаютъ Богъ знаетъ что. Въ одномъ изъ приходовъ вашего деканата ксендзъ позволилъ себѣ съ каѳедры передъ народомъ сравнивать христіанскія вѣроисповѣданія, хулить православіе и издѣваться надъ нимъ. Развѣ это долгъ ксендзовъ? Развѣ въ этомъ состоятъ ихъ христіанскія обязанности? Развѣ это вы, какъ начальникъ, должны внушать подчиненнымъ? а вы и не знали объ этомъ? И за это вы, г. деканъ, будете отвѣчать. Я васъ смѣняю.— Вы заслужили это.— Во время мятежа вы помните, вы позволили себѣ читать возмутительный манифестъ. Я простилъ васъ. Я принялъ во вниманіе ваше объясненіе, что вы человѣкъ безхарактерный, котораго можно заставить читать, что угодно. Но честнаго человѣка нельзя заставить дѣлать то, что противно его долгу. Напрасно же ссылались вы на свое малодушіе. Вамъ не повѣрили, но васъ простили, какъ человѣка мелкаго. Вы понадѣялись на это и продолжали дѣйствовать въ прежнемъ направленіи. Мнѣ нѣтъ надобности терпѣть васъ долѣе. „*(Обращаясь къ начальнику губерніи)*.“ Прошу Васъ, графъ, написать епископу, чтобы немедленно назначилъ Борткевича викарнымъ въ другой деканатъ и вошелъ съ представленіемъ о томъ, кого полагаетъ назначить на его мѣсто, а если знаете достойнаго, укажите сами. „*(Снова къ ксендзамъ)*.“ И вы, деканъ, не подаете полезныхъ примѣровъ вашимъ ксендзамъ, вы не знаете вашихъ пастырскихъ обязанностей. Народъ хочетъ молиться за спасеніе жизни Государя Императора, а вы позволяете себѣ служить молебенъ съ разсвѣтомъ, когда нѣтъ никого въ костелѣ.» Каноникъ представилъ въ свое оправданіе то обстоятельство, что, занятый требами, не могъ позволить себѣ отсрочить богослуженія и по первой вѣсти о событіи отслужилъ молебенъ, но на первый празд-

никъ назначилъ торжественное богослуженіе, чтобы весь приходъ могъ принять въ немъ участіе. Тогда начальникъ края, обращаясь снова къ католическому духовенству, прибавилъ: «Я надѣюсь, что вы всѣ поняли, для чего говорю съ вами такимъ образомъ. Церковію шутить нельзя; ея вліяніе отзывается на народѣ. А если ксендзы забыли объ этомъ и, увлекшись негодными стремленіями, идутъ на перекоръ своимъ обязанностямъ, то для блага народа я не могу смотрѣть на это равнодушно. Что будетъ, если народъ перестанетъ вѣрить вамъ? Отъ васъ зависитъ не доводить его до этого. Подумайте объ этомъ внимательно, позаботьтесь хорошенько. Съ моей стороны пощады не ждите. Я не могу и не долженъ обѣщать ее. Вы слышали, что я сейчасъ сказалъ польскому дворянству о тѣхъ мѣрахъ, на какія положеніе края вынуждаетъ правительство. Эти мѣры касаются и васъ, и, въ случаѣ малѣйшихъ уклоненій отъ вашихъ обязанностей, я не остановлюсь ни передъ чѣмъ, чтобы примѣнить ихъ къ вамъ во всей ихъ строгости.»

Нѣчто подобное повторилось въ г. Тельшахъ. «Ваши ксендзы, г. деканъ, фанатизуютъ народъ. Зачѣмъ вы допускаете ихъ до вредной крайности? Этимъ вы вредите и ксендзамъ, и народу, и себѣ, и отвѣтите за это предъ Богомъ, но прежде отвѣтите предъ земною властію.» — Мы не повторяемъ всего буквально; мы приводимъ токько рельефное. Такъ въ м. Ворняхъ ксендзы встрѣтили начальника края вмѣстѣ съ народомъ на самомъ въѣздѣ. Молодому ксендзу, который былъ въ шайкѣ, но помилованъ за то, что первый изъ всѣхъ мятежныхъ ксендзовъ явился съ повинной, начальникъ края при всемъ народѣ замѣтилъ: «Правительство хочетъ блага народу, а вы противодѣйствуете правительству; стало быть, вы не спасаете, а губите народъ и себя.» Точно также въ г. Россіенахъ начальникъ края сказалъ монахамъ доминиканскаго ордена: «Больше того вреда, какой сдѣлало сдѣшнее и особенно монастырское духовенство, оно не могло сдѣлать. Вмѣсто проповѣди слова Божія, оно по системѣ проповѣдывало политическій развратъ; вмѣсто того, чтобы просвѣщать народъ, оно воспитывало его во злѣ; оно учило не тому, чему Христосъ училъ. Есть нѣсколько ксендзовъ, которые ведутъ себя не дурно и исполняютъ свои обязанности сносно. Я бываю радъ, когда укажутъ мнѣ на нихъ; я искренно радъ похвалить ихъ. Не скрою отъ васъ, что такія исключенія въ послѣднее время попадаются чаще. Это подаетъ мнѣ надежду, что и остальное духовенство исправится. Пусть всѣ примкнутъ къ исключеніямъ. Я буду очень радъ этому. Вамъ лично могу сказать спасибо за то, что приняли участіе въ пожертвованіяхъ на постройку православнаго храма (*). Тѣмъ не ме-

---

(*) Монахи внесли свою лепту на украшеніе вновь строющагося въ Россіенахъ каменнаго храма; старый деревянный переносится на кладбище, а временная церковь помѣщается въ наемномъ домѣ.

нѣе хвалить вообще мнѣ незачто. Р.-католическое духовенство здѣсь силилось и силится создать какую-то нехристіански-нетерпящую политическую секту. И бывшее зло, и послѣдствія его лежатъ на отвѣтственности духовенства. Въ этомъ я давно убѣдился и на каждомъ шагу встрѣчаю подтвержденіе моему убѣжденію.» Нерасположеніе свое къ р.-католическому духовенству г. главный начальникъ края выразилъ всего болѣе тѣмъ, что въ Ковнѣ не хотѣлъ принять епархіальное начальство, которому духовенство Ковенской губерніи обязано религіознымъ и политическимъ воспитаніемъ.

Разъ коснувшись представленій г. начальнику края по уѣздамъ, считаемъ умѣстнымъ привести въ отрывкѣ то, что было сказано имъ польскому и литовскому полонизованному дворянству.— По видимому, оно также не хотѣло или не успѣло заслужить довѣрія начальника края; по крайней мѣрѣ, въ каждомъ обращеніи своемъ къ мѣстному дворянству онъ считалъ не лишнимъ сближать прошедшее съ настоящимъ. Въ Поневѣжѣ его высокопревосходительство сказалъ слѣдующее: «Вашъ уѣздъ, господа, началъ мятежъ въ Ковенской губерніи. Въ вашемъ уѣздѣ онъ и удержался долѣе. Здѣсь же мѣсто рожденія извѣстнаго фанатика, ксендза Мацкевича. Здѣсь же нашелъ себѣ пріютъ и Сѣраковскій. Эти явленія должны бы обратить на себя особенное вниманіе здѣшняго дворянства. Но то настроеніе умовъ, о которомъ могу заключить по ходу дѣлъ въ вашемъ уѣздѣ, не доказываетъ этого. А я ждалъ и ждалъ съ большимъ терпѣніемъ. Ссылаюсь на факты, мнѣ и вамъ извѣстные, и убѣждаюсь, что дворянство, называющее себя польскимъ, не думаетъ уступать предъ направленіемъ, которое Высочайшей власти угодно было указать мнѣ, какъ обязательное для меня, для васъ и для всего края. Большинство мѣстныхъ дворянъ удерживается отъ признанія, что здѣшній край былъ и съ нынѣшняго времени навсегда будетъ русскимъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ я не могу по чистой совѣсти сказать, чтобы настала пора забыть о прошломъ. Напротивъ, надо и, быть можетъ, еще долго удерживать нынѣшнее положеніе для того, чтобы нашъ уѣздъ сдѣлался такимъ, какимъ предназначила его исторія и какимъ повелѣваетъ ему быть Государь Императоръ, т. е. уѣздомъ русскимъ. Вамъ, господа, пора убѣдиться въ достоинствѣ тѣхъ мѣръ, какія Государемъ Императоромъ предписаны мнѣ въ послѣднее время. Ни отступленій, ни колебаній и никакого вопроса о томъ, будутъ-ли эти мѣры доведены до конца, быть не можетъ. Стало быть, отъ васъ зависитъ счастіе ваше и вашего уѣзда. Обращаюсь особенно къ вамъ, г. предводитель *(Гр. Кейзерлингъ)*, какъ къ представителю здѣшняго дворянства. Надѣюсь, что какъ вы, такъ и другіе уроженцы прибалтійскихъ губерній помогутъ мнѣ какъ можно скорѣе выполнить Высочайшую волю. Прошу васъ повторить мои слова дворянамъ, считающимъ себя

поляками, и пригласить ихъ перейти къ новымъ для нихъ началамъ. Чѣмъ скорѣе они это сдѣлаютъ, тѣмъ лучше.»

Мы позволили себѣ остановиться на этомъ, чтобы выиграть мѣсто для другихъ обращеній г. главнаго начальника къ дворянамъ, по крайней мѣрѣ, въ отрывкахъ.

Къ шавельскому дворянству начальникъ края обратился съ такими словами:

«Недавно здѣсь было не хорошее время; недавно тайно и свободно развивалось здѣсь, потомъ мало-по-малу обнаруживалось и наконецъ открытымъ мятежомъ вышло совсѣмъ наружу чуждое сѣверо-западному краю недоброе польское начало. Дворянство было самымъ сильнымъ его пособникомъ и поборникомъ. Послѣдствія вамъ извѣстны. Здѣшнее дворянство лишилось довѣрія правительства. Правительство убѣдилось, что нельзя быть довѣрчивымъ къ польскому дворянству, потому что довѣріе влечетъ за собою тѣ ужасы, которыми сопровождался прошлый мятежъ. И такъ само здѣшнее дворянство вызвало нынѣшнее положеніе и нынѣшнія мѣры правительства. И положеніе, и мѣры, какъ единственное ручательство за настоящее спокойствіе и будущее счастіе края, будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока весь край не сдѣлается русскимъ. Цѣль мѣръ, вами вызванныхъ и испытываемыхъ, вамъ извѣстна. Вы и будете ихъ испытывать, пока эта единственно законная цѣль будетъ достигнута. Отъ васъ зависитъ ускорить тотъ срокъ, когда къ здѣшнему краю, какъ къ русскому, можно будетъ примѣнить всѣ тѣ благодѣтельныя реформы, какія Высочайше дарованы внутреннимъ губерніямъ. Онѣ необходимы и особенно для вашей губерніи, обладающей всѣми средствами быстраго развитія. Но для нихъ нужно пока очень многое. И это многое въ васъ и отъ васъ. Задерживая примѣненіе новыхъ реформъ, вы вредите остальному населенію края. Вы знаете, сколько мѣръ было испытано правительствомъ и въ прежнее и въ послѣднее время, и всѣ онѣ только на половину достигали законной цѣли. Послѣдній результатъ этихъ мѣръ составляетъ Высочайшее повелѣніе 10 декабря прошлаго года. Государь Императоръ выразилъ въ немъ рѣшительную свою волю, чтобы здѣшній край сдѣлался русскимъ. Я долженъ выполнить эту волю; я ее выполню; говорю это, какъ мое твердое и искреннее убѣжденіе. Вамъ извѣстно, что начато и сдѣлано въ смыслѣ этого повелѣнія. Я направлю на него всѣ силы администраціи. Въ этомъ ея настоящее дѣло. Высочайшій рескриптъ 13 прошлаго мая меня и васъ долженъ увѣрить въ этомъ. Онъ требуетъ именно той законной правды, перевѣсъ которой естественно на сторонѣ не польскаго, но русскаго начала; а только этому началу служитъ здѣшняя администрація. Когда убѣдитесь въ этомъ, я перестану напоминать о прошломъ.»

Благодаримъ, благодаримъ было отвѣтомъ на эти слова, а на слѣдующій день при прощаньи г. Эрдманъ, по уполномочію всего дворянства, произнесъ слѣдующее: «Слова вашего высокопревосхо-

дительства, вызвавшія единогласное нашего дворянства *благодарим*, не остались безъ послѣдствія. Мы сочли святою обязанностію, моля Всевышняго за многолѣтіе царствованія Государя нашего, открыть вамъ искренное сознаніе въ готовности вѣрноподданическихъ чувствъ нашихъ, съ просьбою расширенія Монаршей милости надъ нами и скорѣйшаго забвенія сознаваемой нами вины.»

Россіенское дворянство, въ лицѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Повстанскаго, встрѣтило г. главнаго начальника нижеслѣдующимъ заявленіемъ: «ваше высокопревосходительство, мы глубоко чувствуемъ всю нашу вину предъ Государемъ и предъ Россіею и надѣемся нашимъ поведеніемъ и нелицемѣрною преданностію въ будущемъ заслужить прощеніе прежнимъ нашимъ преступнымъ замысламъ. Въ ознаменованіе этого мы собрали къ пріѣзду вашего высокопревосходительства капиталъ для покупки 300 десятинъ земли на обезпеченіе вольныхъ людей 2-го разряда.» Произнеся эти слова, д. с. с. Повстанскій поднесъ г. главному начальнику подписной листъ.

«И слова сейчасъ слышанныя мною, и эти подписи,» такъ отвѣчалъ Константинъ Петровичъ, «и самый фактъ добраго дѣла—надѣлить землею вольныхъ людей 2-го разряда, доказываютъ мнѣ, что здѣшнее дворянство хочетъ вступить на правый путь, указываемый правительствомъ. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, могу предвидѣть начало тѣхъ правильныхъ отношеній, какія должны существовать между сословіями. И съ другой стороны, сознаніе въ винѣ есть немаловажный шагъ къ будущему исправленію. Но не могу скрыть отъ васъ, что возвратить разъ утраченное довѣріе правительства не легко. Но какъ ни трудно, возстановить его надо. Я первый вмѣстѣ съ вами буду радоваться, если увижу, что здѣшнее дворянство безповоротно рѣшилось выполнить волю правительства. Когда увижу это по дѣламъ, я буду съ радостію предстательствовать у подножія престола о забвеніи прошлаго, на сколько это возможно. Въ заявленіи вашемъ я вижу только первый шагъ; но такихъ шаговъ и еще болѣе рѣшительныхъ остается еще много въ будущемъ. Буду терпеливо ожидать ихъ. Мнѣ не нужно указывать вамъ, къ какой правительственной цѣли должны быть направлены эти шаги. Она ясно выражена Государемъ Императоромъ. Его воля, вы знаете, состоитъ въ томъ, чтобы здѣшній край былъ русскимъ. Въ этомъ конечная цѣль правительства, потому что этимъ условливается будущее процвѣтаніе и благо края; въ этомъ наконецъ единственное средство для того, чтобы безпорядки не повторялись періодически. Опыты прошлаго остались навсегда поучительными. И въ прежнее время—поднимался и усмирялся мятежъ; все успокоивалось и принимало видъ внѣшняго порядка; а между тѣмъ за этой наружностію укрывалось польское начало, попрежнему развивалось въ свою дурную польскую сторону и снова влекло за собою послѣдствія, хорошо извѣстныя, т. е. бѣдствіе и раззореніе. Уроки прошлаго слишкомъ осязательны, чтобы невос-

ользоваться ими. Государь Императоръ удостовѣрился, что нельзя о прежнему довольствоваться наружною покорностію и признавать а польскимъ началомъ право на развитіе въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Это значило бы вѣрить въ какую-то роковую необходимость періодическихъ мятежей въ здѣшнихъ губерніяхъ. Такой езвыходности допустить нельзя. И вотъ исходъ изъ нея Высочайше твержденъ 10 декабря 1865 г. Этотъ же исходъ данъ исторически найденъ политически: край былъ и долженъ быть навсегда русскимъ. На то воля Государя, на то желаніе всей Россіи, на то право государственное, на то и право историческое. И такъ объ хорошемъ исходѣ изъ нынѣшняго положенія дѣлъ въ польскую сторону не можетъ быть и рѣчи. Хорошій исходъ возможенъ только въ русскую сторону. Эти слова есть святая истина, которой и вамъ нельзя не признать такою. Я увѣренъ, что въ этомъ смыслѣ здѣшнее дворянство понимаетъ исходъ, о которомъ говорю. Таково, полагаю, и ваше желаніе. И только въ этомъ смыслѣ могу благодарить васъ, господа, за пожертвованіе въ пользу вольныхъ людей 2-го разряда. Не помню цифры ихъ и потому не могу судить, всѣ-ли они будутъ обезпечены. Россіеискіе крестьяне доставили мнѣ истинное утѣшеніе. По чувству человѣколюбія и благодарности къ правительству, въ память спасенія священной особы Государя Императора, крестьянскія волости, за исключеніемъ одной Юрбурской, согласились надѣлить изъ своихъ земель всѣхъ батраковъ. Желательно, чтобы вольные люди 2-го разряда также всѣ имѣли землю».

На другой день цифра вольныхъ людей, всего 2 т. семействъ была извѣстна г. главному начальнику края. Прощаясь съ дворянствомъ, онъ счелъ за нужное напомнить о заявленіи. «Я понялъ,» такъ закончилъ Константинъ Петровичъ, «что дворянство желаетъ обезпечить всѣхъ вольныхъ людей 2-го разряда. Предоставляю на вашу волю, какъ это сдѣлать. Количество земель, остающихся за надѣломъ, скоро приведется въ извѣстность. Повѣрочныя работы у васъ почти кончены, и я перевожу даже одну коммиссію, чтобы ускорить работы въ другомъ уѣздѣ. Пора покончить со всѣми повѣрочными работами, чтобы скорѣе увидѣть здѣсь водвореніе русскаго помѣщичьяго начала. Съ этой стороны я очень благодаренъ г. Тарашкевичу за первую попытку въ этомъ родѣ. Я очень радъ поблагодарить васъ, г. Тарашкевичъ, за то, что вы продали свое имѣніе русскому помѣщику и, стало быть, самымъ дѣломъ доказали ваше поминаніе правительственныхъ рапоряженій и вашу преданность русскимъ интересамъ. Я не могу скрывать отъ васъ, господа, — намъ съ вами не приходится обманывать другъ друга, — польское начало здѣсь неумѣстно; оно должно уступить свое мѣсто началу русскому. Въ этомъ нѣтъ преслѣдованія отдѣльныхъ личностей, но есть полное, всестороннее и всецѣлое преслѣдованіе польскаго начала. Это преслѣдованіе должно быть доведено до

конца, до послѣдней его капли. Надѣюсь, что мы будемъ достигать этого общими силами».

Если приведенные нами отрѣзки берутъ одну и туже тему съ разныхъ сторонъ, то послѣднее обращеніе къ дворянству Ковенскаго уѣзда было послѣднимъ и прямымъ выводомъ изъ всего сказаннаго въ другихъ городахъ. «Все подвинулось въ губерніи, но для увѣренности, что подвинется и самое русское дѣло нужно, чтобы дворянство перестало быть больнымъ мѣстомъ губерніи»....

Иныя рѣчи слышались въ обращеніи къ тому сословію, которое, не смотря на тяжелый гнетъ, не уступило предъ полонизаціею, и въ массахъ, за рѣдкими исключеніями, во время мятежа осталось вѣрно правительству. Въ отношеніи къ нему, мятежъ, можно сказать, ускорилъ совершеніе переворота, подготовленнаго исторіею, и если крестьяне на Жмуди несовершенно сознали его благодѣянія, то до нѣкоторой степени поняли и оцѣнили его значеніе. По крайней мѣрѣ, не иное что выразилось для насъ въ томъ не сразу понятномъ явленіи, что жмудскія крестьянки, недовѣрчивыя къ схизматикамъ, толпами собирались на пути начальника края, а въ мѣстечкахъ, гдѣ онъ останавливался, приводили къ нему дѣтей въ венкахъ изъ васильковъ, усыпали дорогу его цвѣтами, заставляли дѣтей и сами бросались на перерывъ, цѣловать его руки и ноги. Не говоря и даже мало понимая порусски, онѣ усиливались дать понять, что разумѣютъ русскій языкъ, скоро будутъ говорить на немъ и отъ слова понимаютъ русскаго начальника края. Хлѣбъ-соль, цвѣты, праздничныя лица, крики *ура* и живая пестрота движущейся толпы — все это такого рода представленія начальству, которыя будутъ имѣть для народа воспитательное значеніе. На все, на что смотрѣлъ начальникъ края, народъ не забудетъ смотрѣть внимательнѣе. Заходилъ-ли начальникъ края въ училище, толпы окружали училище; обращался-ли къ толпамъ съ приглашеніемъ посылать въ нихъ дѣвочекъ, толпы увѣряли, что посылать будутъ, осматривалъ-ли волостное правленіе, разбиралъ и выслушивалъ тамъ старыя рѣшенія волостныхъ судовъ, крестьяне окружали правленіе и, конечно, изъ живаго факта выносили новое пониманіе того, что есть волостное правленіе, что значатъ старшины, старосты и судьи, что значитъ говорящій съ начальникомъ края грамотный писарь, и что не худо каждой семьѣ имѣть у себя такого домашняго грамотѣя. Мы хотимъ сказать, что во время поѣздки народъ не могъ не учиться, потому что слышалъ только правду и при томъ отъ представителя той власти, отъ которой ничего, кромѣ правды и блага, не произошло для него. Крестьянъ собственниковъ, получившихъ надѣлы, начальникъ края поздравлялъ съ Царской милостію; неполучившимъ надѣловъ обѣщалъ ускорить работы повѣрочныхъ коммиссій; казенныхъ поздравлялъ съ переходомъ въ вѣдомство мировыхъ учрежденій, и всѣмъ одинаково наказывалъ чтить послѣ Бога Царя, молиться за него, отблагодарить Его строгимъ исполненіемъ законовъ, повиновеніемъ

начальству, обученіемъ дѣтей русскому языку, сбереженіемъ своей и уваженіемъ чужой собственности. Всему крестьянскому населенію губерніи Константинъ Петровичъ напомнилъ, что вилкомірскіе крестьяне постановили отводить огородные участки отставнымъ солдатамъ, а крестьяне россіенскаго уѣзда, въ память спасенія Царя-Освободителя, надѣлили обезземеленныхъ батраковъ. Въ то же время начальникъ края указывалъ народу на мировыхъ посредниковъ, какъ на естественныхъ его защитниковъ, судей и учителей: «Зачѣмъ вы меня просите», не разъ говорилъ онъ крестьянамъ, «у васъ есть посредники; они не откажутъ въ вашихъ просьбахъ, если просьбы законны; не разрѣшитъ посредникъ, онъ передаетъ дѣло въ мировой съѣздъ; не покончитъ съѣздъ, покончитъ губернское присутствіе; а если эти начальства откажутъ, откажу и я, значитъ просьба незаконна». Такимъ образомъ значеніе и вліяніе мировыхъ посредниковъ усилится въ народѣ, и мы можемъ надѣяться, что мировые посредники воспользуются поѣздкой начальника края, чтобы довоспитать въ народѣ понятіе о правѣ всѣхъ членовъ семьи на поземельный участокъ, и потомъ дойдутъ до того, что всѣ крестьяне пожертвуютъ небольшими надѣлами въ пользу батраковъ и отставныхъ солдатъ.

Стоитъ припомнить, что выше говорили мы о положеніи жмудско-литовскаго крестьянства, и сравнить съ тѣмъ, что сейчасъ разсказано. Одного такого разсказа достаточно, чтобы судить, сколько добра вноситъ съ собою русское начало. Оно еще не внесено и не окрѣпло окончательно; предстоитъ еще разверстаніе. Но всѣ существенные вопросы подняты, установлены и въ смыслѣ предписанія и закона разрѣшены. Остается перенести ихъ въ жизнь. Таковъ настоящій трудъ ближайшей администраціи. Надежды на то, что предписанія, касающіяся крестьянъ, скоро перейдутъ въ ихъ бытовыя условія, г-нъ главный начальникъ края возлагаетъ на служащихъ по мировымъ учрежденіямъ. Эта часть администраціи замѣтно удовлетворила его ожиданія. Не можемъ не порадоваться за всѣхъ представителей мировыхъ учрежденій. Нужно особенное гражданское мужество, чтобы, одолѣвая заботы, тяжесть и многосторонность труда и разъѣзжей жизни, одолѣвать еще множество разнородныхъ препятствій и за все это выносить тѣ нарѣканія, которымъ повѣрочныя коммиссіи и мировые посредники подвергались и подвергаются въ нѣкоторыхъ печатныхъ органахъ извѣстнаго направленія. Эти русскіе чиновники всего болѣе вредятъ интригѣ, потому что искореняютъ всѣ ея подпоры и подмостки въ самой жизни. Мы знаемъ, что представители мировыхъ учрежденій, за немногими исключеніями, успѣли заслужить любовь крестьянъ и довѣріе помѣщиковъ. Отдѣльныя лица не могутъ быть недовольны дѣятельностію мировыхъ учрежденій, ибо эта дѣятельность основана на прямомъ законѣ. Лица недовольны тѣми послѣдствіями, которыми отозвалось для нихъ законное примѣненіе положенія 19 февраля 1861 года.

Но главнымъ образомъ источникъ толковъ, толковъ противъ мировыхъ учрежденій кроется въ средѣ того же польскаго начала. Смиряясь законною властію и разставаясь съ аномаліями своего преобладанія, оно не можетъ помириться съ тѣмъ, что въ историческомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, оно обойдено участіемъ. Устраненія отъ такого дѣла оно не можетъ простить ни себѣ, ни другимъ, но виновато въ этомъ оно само, и никакъ не составъ лицъ, служащихъ по мировымъ учрежденіямъ. Но защитники этого изжитаго принципа, по прежнимъ привычкамъ, не стѣсняются ничѣмъ; они не смотрятъ на то, что обвиненія противны здравому смыслу; имъ важно пустить въ ходъ кривотолки и поколебать общественное мнѣніе. Сколько такихъ кривотолковъ пущено было черезъ газеты. Винили повѣрочныя коммиссіи въ раззореніи помѣщиковъ; но факты показали, что средняя оцѣнка почти всегда составляетъ среднюю цифру между бывшими оцѣнками люстраціонныхъ коммиссій и помѣщичьихъ инвентарей, составленныхъ появленіемъ польскаго крѣпостнаго права: такъ напр., если инвентарная оцѣнка сороковыхъ годовъ составляла 3 руб. годоваго дохода съ десятины, а люстраціонная въ той же мѣстности 2 руб., то повѣрочныя коммиссіи назначили 2 руб. 50 к. Такъ и теперь винятъ мировыхъ посредниковъ за то, будто они разорили помѣщичьи имѣнія, понизили ихъ цѣнность и тѣмъ создали важнѣйшее препятствіе къ водворенію русскихъ помѣщиковъ въ здѣшнихъ губерніяхъ. Но такъ ли это? Разорить имѣніе помѣщиковъ возможно было при крѣпостномъ правѣ, когда это право представляло собою оборотный капиталъ для экономическихъ затратъ владѣльца. Въ то время истощеніе матеріальныхъ средствъ крестьянъ неизбѣжно отражалось упадкомъ благосостоянія владѣльца, нынѣ же, когда крѣпостное право болѣе не существуетъ, экономическая постановка помѣщичьяго хозяйства измѣнилась. Переходъ къ вольнонаемному труду естественно объусловилъ измѣненіе въ цѣнности поземельнаго имущества, наконецъ нужно прибавить, что помѣщичьи земли, остающіяся за надѣломъ крестьянъ, находятся внѣ всякаго вліянія посредника. Гдѣ-же тутъ виновность мировыхъ дѣятелей, гдѣ же препятствіе для водворенія въ краѣ русской собственности? Правда, что прежніе инвентари помѣщичьихъ имѣній пострадали во время мятежа: но въ этомъ случаѣ продавецъ долженъ истратить капиталъ на ихъ пополненіе, или покупатель заплатить во столько дешевле, во сколько удешевился инвентарь. Все это просто и ясно; но нужна не ясность, но толки противъ ясности, за которыми проглядываютъ худо скрытые расчеты на выигрышъ времени, на проволочку дѣла, и на интриги, чтобы дѣло не состоялось, если общественное мнѣніе поколеблется. Но, по счастію, дѣятели по крестьянскому дѣлу не обращаютъ вниманія на толки, прочитываютъ и выслушиваютъ ихъ съ улыбкою, а между тѣмъ воспитываютъ крестьянъ-собственниковъ для самоуправле-

нія, расчитываютъ государственныхъ крестьянъ по новымъ волостямъ, готовятся къ разверстанію и возложенной на нихъ оцѣнкѣ имѣній, слѣдующихъ въ обязательную продажу. Пожелаемъ же имъ всякаго терпѣнія. Еще годъ-два, дѣло подвинется, толки замолкнутъ и оконченное разверстаніе повершитъ монументъ вѣковѣчной славы, созидаемой мировыми учрежденіями.

Осматривая губернію, г. главный начальникъ края воздалъ должное представителямъ мировыхъ учрежденій. Но не будемъ забѣгать впередъ. Постараемся привести собственныя слова его высокопревосходительства. Въ обращеніяхъ къ дворянству начальникъ края неоднократно упоминалъ о мировыхъ учрежденіяхъ, «къ которымъ», прибавлялъ онъ, «я отношусь всегда съ особеннымъ уваженіемъ.» У насъ нѣтъ возможности повторить все, что говорилось на мировыхъ съѣздахъ въ каждомъ городѣ, или лично съ предсѣдателями ихъ, или наконецъ съ тѣми мировыми посредниками, которые сопровождали начальника края, въ теченіе 17 дней. Мы представимъ нашимъ читателямъ сводъ изъ всего того, что удалось намъ самимъ слышать, по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ, на мировыхъ съѣздахъ, въ волостныхъ правленіяхъ, при осмотрѣ строющихся церквей и т. д. Читатель замѣтитъ вмѣстѣ съ нами, что начальникъ края возлагаетъ на мировыя учрежденія заботу не объ одномъ крестьянскомъ дѣлѣ, но и вообще о русскомъ дѣлѣ.— «Я знаю: ваша задача трудная; «вы должны воспитать народъ. Польское начало развратило его «беззаконіями. Вы должны перевоспитать его и научить понимать, что такое русскій законъ. Для этого мало вести дѣла во «всей полнотѣ законнаго основанія; нужно еще разъяснять ихъ «народу и примѣромъ показывать и возбуждать уваженіе къ Русскому Царю, къ русскому закону, къ русскому имени. Я знаю: «подъ часъ вамъ приходится тяжело. Тяжело потому, что «большая часть изъ васъ люди новые въ краѣ; вопросы мѣняют«ся безпрестанно; рѣшается одинъ, предъявляется другой, за «нимъ третій и т. д.; тяжело и потому, что ваше дѣло совер«шается не на бумагѣ только, но и въ жизни; тяжело наконецъ «потому, что вы сами недовольно знаете другъ друга. Но у васъ «есть мировой съѣздъ; въ немъ вы сходитесь по службѣ, може«те знакомиться, совѣтоваться и помогать другъ другу. Труда «много, и труда тяжелаго. Но весь край въ этомъ положеніи. «Дѣла много, но, благодаря Бога, есть и дѣлатели; между ва«ми я знаю такихъ, которые энергически и безропотно несутъ «двойныя и тройныя обязанности; этого требуютъ успѣхи русска«го дѣла; вложите же въ него всю душу. Намъ всѣмъ не вы«пало на долю собирать плоды нашихъ трудовъ; результаты на«шего дѣла принадлежатъ будущему: наше ободреніе и побужде«ніе— въ совѣстливомъ трудѣ, въ неусыпной заботѣ, въ неодо«лимой енергіи, въ зоркомъ наблюденіи за исполненіемъ закон«ныхъ требованій и, что самое главное, въ дружныхъ отноше-

«ніяхъ другъ къ другу и въ единодушіи. Это моя единственная «просьба и къ вамъ, и ко всѣмъ служащимъ.— Вы знаете, здѣсь «идетъ неустанная борьба съ польскимъ началомъ. Стало быть, «крупныя вражды въ другомъ мѣстѣ менѣе значатъ, чѣмъ ма«ленькій разладъ здѣсь. Наши общіе враги сослѣдятъ его, по«стараются развить и, гдѣ только можно, подольютъ въ огонь «масла, да подсыплютъ соли для треску. При такихъ отноше«ніяхъ между русскими наше дѣло замедлится. А намъ нужно «какъ можно скорѣе достигнуть того, чтобы польское начало бы«ло совершенно изъято изъ жизни. Для проведенія же русскаго «государственнаго начала у каждаго русскаго должно быть до«статочно мужества для взаимныхъ уступокъ и для соединенной «черезъ то работы на пользу русскаго дѣла. Будь это единоду«шіе, дѣло пошло бы успѣшнѣе. Впрочемъ я долженъ сказать «большое вамъ спасибо, господа, за то, что вами сдѣлано. Ва«ше дѣло должно идти впереди всѣхъ: вы должны быть первы«ми и передовыми представителями русской интеллигенціи. Вве«деніемъ ея вы должны показать превосходство русскаго начала «передъ польскимъ. Безпристрастному наблюдателю очнвидно, на«сколько одно выше другаго. Польское вводило себя насиліемъ «и оставило по себѣ невѣжество. Русское, напротивъ, даетъ «права народу, вноситъ законность, устанавливаетъ правильныя «отношенія между сословіями, заботится объ ихъ воспитаніи, «строитъ школы, упорядочиваетъ въ настоящемъ, устроиваетъ «и для будущаго и тѣмъ пріобрѣтаетъ общее довѣріе. Въ на«родъ начало русское проходитъ черезъ васъ. Вотъ почему я «всегда отношусь съ уваженіемъ къ мировымъ учрежденіямъ и въ «нихъ вижу проводниковъ прочной русской интеллигенціи. Мнѣ «пріятно сказать вамъ, что ваше дѣло замѣтно подвигается и «большими шагами. Таковы: устройство семейнаго владѣнія зем«лею, надѣлъ возвращающихся отставныхъ солдатъ, начало на«дѣла батраковъ и вольныхъ людей, распредѣленіе государ«ственныхъ крестьянъ по волостямъ, содѣйствіе къ устройству и «открытію училищъ, заботы объ ихъ обезпеченіи и объ успѣхахъ «дѣтей въ русскомъ языкѣ, и наконецъ то общее довѣріе, кото«рымъ пользуются мировыя учрежденія между всѣми заинтересо«ванными сословіями. Иначе и быть не можетъ. Большинство «посредниковъ знаетъ свое дѣло; правда, участки очень велики, «но, не смотря на то, посредники знаютъ ихъ, знаютъ и нужды «ввѣренныхъ имъ крестьянъ. Есть утѣшительное движеніе впе«редъ и по другимъ частямъ администраціи. Такъ я могу ука«зать на земскую полицію; не только исправники, но и становые «почти въ полномъ составѣ имѣютъ достаточно задатковъ, что«бы исполнять свои обязанности съ законной твердостію и съ «тѣмъ уваженіемъ, съ которымъ полиція должна относиться «ко всѣмъ сословіямъ. Есть исключенія между становыми. Нѣ«которые изъ нихъ не умѣютъ вести себя и не довольно внима-

«тельно относятся къ дѣламъ, начинающимся по отношеніямъ ми-
«ровыхъ съѣздовъ и мировыхъ посредниковъ. Я уже имѣлъ слу-
«чай передавать, г. г. исправникамъ, чтобы земская полиція по-
«ставила себя въ болѣе правильныя отношенія къ мировымъ
«учрежденіямъ. Здѣсь всѣ служатъ одному русскому дѣлу, стало
«быть, должны помогать другъ другу и оказывать взаимное со-
«дѣйствіе. Оно ручается за то, что дѣло пойдетъ успѣшнѣе и
«непремѣнно достигнетъ цѣли, указанной правительствомъ. Сдѣ-
«лано не мало, но предстоитъ сдѣлать еще болѣе. По вопросу
«о народномъ здравіи я видѣлъ у государственныхъ крестьянъ
«болѣе устройства, нежели у крестьянъ-собственниковъ. У госу-
«дарственныхъ есть аптеки, ученые фельдшера и врачи. Но если,
«какъ вы говорите, здѣшніе крестьяне предпочитаютъ медика
«знахарю, а по мѣстечкамъ живутъ вольно практикующіе врачи,
«то на первое время можно ограничиться этимъ. Но нельзя огра-
«ничиться нынѣшнымъ числомъ школъ. Какъ ни хороши онѣ,
«ихъ недостаточно для нашей цѣли. Надо, по крайней мѣрѣ,
«удвоить число ихъ, а прежде того надо, чтобы въ нашихъ шко-
«лахъ обучались и дѣвочки. Онѣ попадаются, но какъ рѣдкое
«исключеніе. Это менѣе половины дѣла. Обученіе дѣвочекъ важ-
«но особенно въ здѣшней губерніи. При томъ семейномъ вліяніи,
«которымъ пользуются жмудскія женщины, намъ прежде всего
«важно воспитать женщинъ, только одно воспитаніе освободитъ
«женщину, а чрезъ нее и всю семью изъ-подъ гнета фанатизма и
«невѣжества. Полагаю, что и этотъ вопросъ въ рукахъ миро-
«выхъ посредниковъ. Прошу васъ обратить на него самое серь-
«езное вниманіе. Повторю еще разъ: многое убѣждаетъ меня,
«что въ вашемъ дѣлѣ законъ примѣняется правильно. Только
«правильное исполненіе узаконеній, а также циркуляровъ моего
«предмѣстника и моихъ ручается за правильный и быстрый ис-
«ходъ дѣла. Всякое послабленіе было бы вредно; оно дало бы
«ходъ всякимъ неумѣстнымъ желаніямъ и несбыточнымъ надеж-
«дамъ. До меня дошли слухи, что между польскими помѣщика-
«ми ходятъ толки о какой-то реакціи въ Высочайше указан-
«ной системѣ управленія краемъ. Ничего подобнаго не будетъ:
«такова воля Государя Императора. Прошу васъ не обращать
«вниманія на разсказы, не вѣрить никакимъ толкамъ, по прежне-
«му неуклонно исполнять ваши обязанности и ни на шагъ не
«отступать отъ правилъ, указанныхъ въ положеніи 19 февраля
«1861 года и въ разъясненіяхъ, сообщенныхъ циркулярами мое-
«го предмѣстника и моими. Они или составлены въ смыслѣ по-
«ложенія или предварительно Высочайше одобрены и, стало
«быть, имѣютъ силу закона. Мысли, выраженныя Государемъ
«Императоромъ въ рескриптѣ 13-го мая, по поводу распростра-
«нившихся въ Россіи пагубныхъ ученій, имѣютъ особенное значе-
«ніе для здѣшняго края. Я видѣлъ здѣсь въ преобразованныхъ
«гимназіяхъ и во вновь открытыхъ училищахъ, что дѣти обуча-

«ются хорошо и ведутся на основаніи здравыхъ началъ, согла«сныхъ съ Высочайшими указаніями. Дѣла и отношенія «помѣщиковъ къ крестьянамъ-собственникамъ устанавливаются «также по Высочайшимъ указаніямъ; право собственности обез«печено и охранено отъ всякихъ незаконныхъ притязаній. Я ста«рался разъяснять это помѣщикамъ. Быть можетъ, они, считая «себя поляками и недостаточно зная русскій языкъ, не хорошо «поняли меня, но я повторялъ не разъ, что пора бы понять и «усвоить себѣ направленіе дѣлъ въ здѣшнихъ губерніяхъ. Здѣсь, «слава Богу, въ послѣднее трехлѣтіе, все шло такъ какъ Госу«дарю Императору угодно было указать цѣлой Россіи. Рескриптъ «13 мая, можно сказать, есть полное признаніе всего, что здѣсь «дѣлается; онъ прямо освящаетъ порядокъ дѣлъ, существующій «во ввѣренномъ мнѣ краѣ. Прошу васъ еще разъ вникнуть въ «точный смыслъ этого рескрипта. Онъ ободритъ васъ въ вашей «дѣятельности. Повторю вамъ еще разъ спасибо за нее; общимъ «ходомъ и направленіемъ дѣлъ я доволенъ, а на частные про«махи не указывало; я уже говорилъ объ нихъ; единодушіе, о «которомъ прошу и котораго требую, поможетъ вамъ испра«вить ихъ.»

Не можемъ еще разъ не порадоваться внимательному и одобрительному участію г. главнаго начальника края въ дѣятельности лицъ, служащихъ по мировымъ учрежденіямъ. Предметъ ихъ дѣятельности — живой народъ, составляющій такую политическую единицу, на которую правительство довѣрчиво можетъ разсчитывать. Сфера этой живой дѣятельности — порушенныя племенныя свойства, порушенныя бытовыя, гражданскія, общественныя, семейныя и хозяйственныя отношенія, порушенные обычаи, нравы, привычки и формы жизни, словомъ, цѣлый строй разстройства. Средства дѣятельности — борьба со всякимъ нарушеніемъ закона въ пользу всецѣлаго возстановленія его всѣми законными мѣрами. Цѣль — воспитаніе народа въ законности и уваженіи «къ русскому Царю, къ русскому закону, къ русскому имени.» Задача многотрудная и благодарная только въ будущемъ. Если мировыя учрежденія служатъ дѣлу народнаго воспитанія въ живущихъ поколеніяхъ и въ сферѣ практической жизнедѣятельности, по такому же дѣлу воспитанія, но для жизнедѣятельности поколеній подростающихъ и притомъ въ сферѣ умственныхъ и нравственныхъ воззрѣній служатъ училища. Не даромъ въ Ковенской губерніи служащіе по мировымъ учрежденіямъ состоятъ въ близкихъ и сочувственныхъ отношеніяхъ къ служащимъ по учебному вѣдомству. У тѣхъ и другихъ есть поприще, на которомъ они должны дружно сойтись и дружно работать. Воспитателямъ русской законности въ народѣ трудно достигнуть цѣли безъ русской грамотности въ народѣ; учителямъ грамотности не привлечь къ ней дѣтей, если родители не отнесутся къ ней уважительно. Успѣхъ дѣла зависитъ отъ сочувственныхъ отношеній съ той и другой

стороны. Если бы живой трудъ мировыхъ учрежденій навсегда остался при однихъ возрастныхъ поколеніяхъ, то онъ достигалъ бы цѣли медленно, по мѣрѣ того, какъ сама жизнь стала-бы поддаваться пересозданію; но возможно ли это безъ помощи школы? Такое теченіе дѣлъ утомляло бы напрасно повторенной затратой; трудъ поражалъ бы своей малой плодотворностью; часто опускались бы руки, если-бы плодъ труда не соотвѣтствовалъ усиліямъ, на него употребленнымъ. Народныя училища устраняютъ эту медвижность труда мировыхъ учрежденій. Грамотные выученники народныхъ училищъ пойдутъ въ жизнь съ задатками новыхъ нравовъ, съ знаніемъ Положенія 19-го февраля, съ наклонностями ко всему законному. Такимъ образомъ новое положеніе крестьянъ-собственниковъ вызвало для себя и новыя учрежденія. Мы говоримъ о народныхъ училищахъ въ Ковенской губерніи, какъ о чемъ-то новомъ, потому что прежнія немногія казенныя приходскія училища и десятка два сельскихъ школъ государственныхъ крестьянъ обучались преимущественно попольски и то по прежнимъ методамъ, съ хвалебными стихотвореніями въ пользу благодѣтельной розги. Въ настоящее время въ Ковенской губерніи открыто 90 народныхъ училищъ на полномъ содержаніи самаго народа. Учебный округъ снабжаетъ ихъ только книгами. Изъ числа этихъ училищъ г. главный начальникъ видѣлъ до 40, потому что не только останавливался во всѣхъ на пути лежащихъ училищахъ, но и приказывалъ собирать наставниковъ и учениковъ ближайшихъ училищъ въ тѣ волостныя и сельскія управленія, которыя приходилось ему осматривать.

Каждое училище онъ осматривалъ внимательно, спрашивалъ или заставлялъ при себѣ спрашивать дѣтей, вникалъ въ жизнь среды, окружающей училища, въ бытъ наставниковъ, интересовался ихъ происхожденіемъ, направленіемъ и подготовкою. Дѣти жмудяковъ и литвиновъ читаютъ и пишутъ, понимаютъ прочитанное и написанное, знаютъ наизусть и умѣютъ передавать своими словами небольшія стихотворенія и басни, считаютъ на счотахъ, дѣлаютъ умственныя вычисленія и рѣшаютъ задачи на первыя четыре ариѳметическія дѣйствія съ простыми и именованными числами. Очевидно, успѣхъ замѣтнѣе на Литвѣ, чѣмъ на Жмуди, потому что сельское населеніе на Жмуди мало знакомо съ русскимъ языкомъ. Въ одной литовской школѣ двѣнадцатилѣтній мальчикъ прочиталъ г. главному начальнику края небольшой разсказъ своего сочиненія на русскомъ языкѣ. Не смотря на то, «что большинство народныхъ училищъ, замѣтилъ «однажды Константинъ Петровичъ, существуетъ съ небольшимъ годъ, они представляютъ уже начало торжества русскаго «дѣла.» Большинство наставниковъ и учителей сельскихъ школъ государственныхъ крестьянъ удостоились лестныхъ и одобрительныхъ отзывовъ. Тремъ изъ первыхъ: Арсеньеву — наставнику янишскаго народнаго училища, Образцову — новожагоскаго и Ко-

марову — шавлянскаго его высокопревосходительство изволилъ выдать награды въ размѣрѣ полугодичнаго жалованья; сверхъ этого приказалъ перваго изъ нихъ представить къ надѣленію участкомъ земли отъ 40 до 50 десятинъ и войти съ представленіями о наградахъ тѣхъ изъ отличнѣйшихъ наставниковъ, которыхъ не удалось ему видѣть. Сельскія школы государственныхъ крестьянъ многолюднѣе народныхъ училищъ, потому что по происхожденію своему старше и обученіе въ нихъ сдѣлано обязательнымъ. Такимъ образомъ въ настоящее время народному образованію въ Ковенской губерніи предоставлено: 90 народныхъ училищъ крестьянъ-собственниковъ, 36 сельскихъ школъ государственныхъ крестьянъ, 12 училищъ при лютеранскихъ и 4 при реформатскихъ церквахъ, 22 приходскихъ (изъ нихъ 4 фундушевыя), и 4 двухклассныя уѣздныя училища, одно воспитательное заведеніе для найденышей и подкидышей и одинъ дѣтскій пріютъ, одна женская гимназія, 2 мужскихъ (въ гг. Ковнѣ и Шавляхъ) и прогимназія (въ г. Тельшахъ), всего 174 разнородныхъ училищъ, кромѣ еврейскихъ училищъ и частныхъ пансіоновъ. Всѣ гимназіи и прогимназіи г. главный начальникъ края осматривалъ въ подробности и употребилъ на каждую изъ нихъ отъ 4 до 5 часовъ. Всѣ начальники этихъ заведеній удостоились благодарности его высокопревосходительства и пожеланія успѣховъ въ будущемъ. Впрочемъ, мы только вскользъ касаемся осмотра разнородныхъ училищъ въ Ковенской губерніи, потому что вопросъ о народномъ образованіи и о средствахъ, ему предоставленныхъ въ губерніи, занялъ г. главнаго начальника края на столько, что для передачи его въ подробностяхъ понадобилась бы цѣлая статья.

Въ Ковенской губерніи русскіе чиновники, прибывшіе на смѣну прежнихъ польскихъ, въ большей части административныхъ отраслей, уже смѣнили собою весь составъ польскихъ и только въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ составляютъ большинство.

Православные храмы, личный составъ русскихъ чиновниковъ, и разбросанныя по всѣмъ уѣздамъ поселенія православныхъ крестьянъ, были также предметомъ вниманія г. главнаго начальника края. По всему пути своему онъ осматривалъ всѣ прежніе, вновь строющіеся и временные храмы, лично знакомился со всѣми священниками, распрашивалъ о нуждахъ церквей, о составѣ прихожанъ и о различіяхъ въ настоящемъ ихъ положеніи съ прошлымъ. Выше мы уже замѣтили, что изъ древнѣйшихъ православныхъ храмовъ въ Ковенской губерніи уцѣлѣли сурдекскій монастырь (въ Вилкомирскомъ) и подубисская церковь (въ Шавельскомъ уѣздѣ). Начальникъ края нарочно уклонялся отъ своего маршрута, чтобы осмотрѣть эти храмы. Такія же уклоненія были и въ Россіенскомъ уѣздѣ, нужно было взглянуть на пограничную таможенную стражу и на православные храмы: временный въ зданіи таурогенской таможни и небольшой, вновь выстроенный кн. Васильчиковою въ византійскомъ стилѣ, въ м. Юрбургѣ. Мы поль-

;емся случаемъ, чтобы напомнить ревнителямъ православія только древнѣйшихъ его святынахъ въ Ковенской губерніи. Построй-а первой православной церкви въ м. Сурдекѣ относится къ 1510 ли къ 1520 году. Свято-Духовскій монастырь впервые открытъ ылъ въ 1550 году иждивеніемъ Анны Ставецкой. Пожаръ 1797 ода истребилъ церковъ, ею построенную. Нынѣшняя небольшая аменная церковь окончена постройкою въ 1812 году. Подъ сво-;омъ ея находится колодезь, около котораго произошло, по пре-аніо, явленіе чудотворной иконы сурдекской Богоматери, состав-яющей святыню монастыря. Небольшой одноэтажный флигель ротивъ западной церковной двери съ зимнею небольшою цер-овью и съ квартирами игумена и братіи, да еще флигель для огомольцевъ вдоль сѣверной стороны храма — таковы были по-тройки монастыря до послѣдняго времени. Отъ прежняго вре-ени уцѣлѣли въ немъ старые полотняные антиминсы: 1626 года, священный Іовомъ Борецкимъ, 1761 года — митрополитомъ Ар-:еніемъ и 1776 года—митрополитомъ Гавріиломъ. Только въ не-цавнее время сурдекскій монастырь отнесенъ къ литовской епархіи. Средства его были скудны. Всѣ надежды свои онъ полагалъ только на тѣхъ богомольцевъ, которые за 154 версты изъ Риги пріѣзжали поклоняться чудотворной иконѣ сурдексковй Богоматери, поддерживали благолѣпіе иконостаса и снабжали храмъ утварью. Изъ этихъ приношеній мы можемъ упомянуть о дарохранительницѣ г. Кашкина, пожертвованной въ 1858 году, и о напрестольныхъ евангеліяхъ гг. Бочаговыхъ и Овчинникова,—въ 1856 году. Живопись на иконостасѣ старинная, но или очень плохая, или крайне-обезображенная реставраціями.

Послѣднее пополненіе храма относится къ 1853 году. Въ немъ приняли участіе также рижскіе доброхоты православія: Степанъ Федоровичъ Трифоновъ, Өедоръ Яковлевичъ Калинниковъ, Егоръ Петровичъ Алексѣевичъ, а работу производилъ какой-то Иванъ Петровичъ Назаровъ. До послѣдняго переворота не было даже монастырской ограды. Гр. М. Н. Муравьевъ ассигновалъ 10 т. р. на ограду и вообще на поддержку монастыря. Замѣчательно, что изъ ковенскихъ губернаторовъ впервые посѣтилъ Сурдеки гр. Н. М. Муравьевъ, а изъ генералъ-губернаторовъ К. П. фонъ Кауфманъ. По нашему мнѣнію, церковь монастырская не дурна, въ утвари и облаченіи не нуждается и на поправки имѣетъ средства; но самый монастырь, также обезпеченный достаточнымъ количествомъ земли подъ пашнями, покосами, лѣсомъ и огородами, нуждается въ монашествующихъ и въ богомольцахъ. Изъ первыхъ мы застали только игумена (о. Өеодосія Кургановича) и казначея; остальныя вакансіи свободны. Упоминаемъ объ этомъ, чтобы съ одной стороны укорить вновь прибывшихъ русскихъ за равнодушіе къ древнѣйшему памятнику православія въ Ковенской губерніи, а съ другой — чтобы пригласить монашествующихъ изъ внутреннихъ губерній посвятить себя на служеніе интересамъ

православія въ Ковенской губерніи. Въ прежнее время монастырь вытерпѣлъ немало. Польское начало не отказывало ему во вниманіи, настала пора русскихъ послужить монастырю по-русски. Мы упомянули о польскомъ вниманіи къ Сурдекамъ, чтобы по этому поводу разсказать одну латинскую продѣлку. Икона сурдекской Богоматери уважается и р.-католиками. Въ день празднованія ея 15 августа монастырь наполняется ими. За годъ до начала мятежа въ тотъ день случилось священнодѣйствовать въ монастырѣ преосвященному Александру, епископу ковенскому, который по званію викарія литовскаго занятъ по большей части въ Вильнѣ. Рѣдкость архіерейскаго служенія должна была привлечь большую массу богомольцевъ. Чтобы удержать ихъ, услужливые ксендзы распустили слухи о холерѣ въ Сурдекахъ и по всѣмъ дорогамъ разставили рогатки; но народъ сломалъ ихъ, и такимъ образомъ напрасно погибъ трудъ прикостельныхъ дѣдовъ. Во время мятежа народъ боялся посѣщать Сурдеки, а потому больныхъ привозили къ цѣлительной иконѣ только по ночамъ. Приведемъ еще одинъ примѣръ вниманія ксендзовъ къ Сурдекамъ. Противъ алтарной части храма они сочли были за нужное безъ всякаго разрѣшенія построить небольшую деревянную капличку, то же, что костельчикъ, ибо капличка была съ жертвенникомъ. Но капличка закрыта еще задолго до мятежа.— Разсказывая объ этомъ, не можемъ не прибавить, что этими фактами польско-латинскаго вниманія къ Сурдекамъ монастырь обязанъ единственно былому русскому невниманію. Теперь обстоятельства мѣняются къ лучшему. Пріѣздъ начальника края подалъ примѣръ этого лучшаго. Сходъ подъ церковный сводъ и самая площадь подъ сводомъ, гдѣ помѣщается колодезь со святою водою, слишкомъ тѣсны для того, чтобы богомольцы, и особенно въ праздничные дни, могли пользоваться ею, не тѣсня другъ друга. Г. главный начальникъ одобрилъ мысль о томъ, чтобы воду изъ подсводнаго колодца вывести въ особый бассейнъ у монастырской ограды и построить приличную часовню надъ бассейномъ. Первая жертва и на эту постройку принадлежитъ начальнику края; сопровождавшіе его прибавили свою лепту; остается надѣяться, что этотъ примѣръ найдетъ подражателей. Редакція *»Виленскаго Вѣстника»* уже обѣщала быть передатчицей пожертвованій.

Подубиская, нынѣ деревянная, довольно обширная и прочная церковь относится первоначальною постройкою къ 1753 году. Она возобновлена въ 1862 году. До 1831 года въ Подубисѣ былъ базиліанскій уніатскій монастырь. Р. католики и уніаты настаиваютъ, что до основанія уніатскаго монастыря не было православныхъ въ окрестностяхъ Подубисья. Но если унія была придумана, какъ переходная степень изъ православія въ католицизмъ, то подубискій уніатскій монастырь, по нашему предположенію, могъ понадобиться именно для совращенія тѣхъ закоренѣлыхъ православныхъ, которые, живя въ Поневѣжскомъ уѣздѣ напр. со временъ

Юрбскаго, мало-по-малу вынуждены были разсѣяться и по Шавельскому уѣзду. Такое предположеніе даетъ покрайней мѣрѣ объясненіе, для какой цѣли въ Подубисьѣ попали уніаты. Въ послѣднее время церковь снабжена утварью и облаченіемъ: такъ кромѣ бывшихъ уніатскихъ, есть сосуды, присланные св. сунодомъ, довольно богатое напрестольное евангеліе, пожертвованное .. Л. Куликовой, седмисвѣчникъ, принесенный въ даръ г. Эртелемъ, облаченія— Гр. П. В. Муравьевой, Г. И. Рюмина, А. Н. Грена т. д.— Повидимому, русскіе шавельцы болѣе вилкомирцевъ и поневѣжцевъ заботятся о нуждахъ мѣстнаго православія. Начальникъ края посѣтилъ мѣстнаго священника, въ его же хижинкѣ сдѣлалъ нѣсколько распоряженій о скорѣйшей постройкѣ дома для него, о снабженіи его фермою, объ устройствѣ сада около храма, о поновленіи самаго храма и о будущемъ устройствѣ села Подубисья; а на прощаніи вручилъ священнику небольшую сумму, съ порученіемъ разузнать о поведеніи одной вдовы— католички и передать ей эту сумму, если вдова того заслуживаетъ. Не знаемъ, давалъ-ли когда либо богатый панъ ксендзу деньги для передачи русскому въ нуждѣ; но можемъ засвидѣтельствовать, что на пути въ Сурдеки, въ м. Роговкѣ, крестьяне-католики встановили начальника края хлѣбомъ-солью и въ благодарность за Царскія милости, а можетъ быть, и за уваженіе его къ православной святынѣ, поднесли ему небольшую икону Богоматери, обложенную бархатомъ и въ серебрянной позолоченной ризѣ.

Статья наша затянулась и, не смотря на то, очень многаго едва касается. Нельзя не упомянуть о тѣхъ формахъ гостепріимства, съ которымъ встрѣчали г. главнаго начальника края деревни, мѣстечки и города. Всѣ и всякій, въ мѣру и своего умѣнья и возможности, старались наперерывъ свидѣтельствовать свою радость и свое желаніе видѣть у себя главнаго начальника края и засвидѣтельствовать передъ нимъ свою преданность Государю Императору и новой системѣ управленія краемъ. Г. Ковна превзошелъ всѣхъ и, съ первымъ пріѣздомъ Константина Петровича после 4-го Апрѣля, соединилъ празднованіе чудеснаго спасенія Государя Императора.

Остается сказать о томъ впечатлѣніи, которое произвела Ковенская губернія на его высокопревосходительство. Мы позволяемъ себѣ коснуться этого впечатлѣнія во столько, во сколько самъ начальникъ края высказалъ его на представленіи дворянъ Ковенскаго уѣзда. — «Я объѣхалъ всю губернію», такъ началъ Константинъ Петровичъ, «нужно оддать справедливость тому, что я видѣлъ: дѣла подвинулись по всѣмъ частямъ администраціи; дѣла военныхъ и гражданскихъ управленій въ порядкѣ; земская полиція знаетъ и въ большинствѣ хорошо исполняетъ свое дѣло; мировыя учрежденія, къ которымъ отношусь съ особеннымъ уваженіемъ, успѣли очень много даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне почти не понимаютъ по-русски; школы ведутъ дѣ-

«ло отлично; если эти начинанія разовьются въ будущемъ, то «русское дѣло скоро подвинется. Только одно польское дворянство и съ нимъ рим.-католическое духовенство составляетъ больное мѣсто губерніи.»

16-го іюня съ вечернимъ поѣздомъ г. главный начальникъ края выѣхалъ изъ Ковны и Ковенской губерніи обратно въ Вильну.

(Изъ Виленск. Вѣстника).

Письмо изъ Вильны въ Московскія вѣдомости.

4-го іюля 1866 г.

Рѣдко случалось, чтобы мы, съ такимъ нетерпѣніемъ какъ нынѣ, ожидали возвращенія сюда изъ Петербурга начальника края: съ пріѣздомъ его мы узнаемъ о разрѣшеніи въ Петербургѣ вопроса быть или не быть здѣсь банку или, что то же, не быть въ западномъ краѣ началамъ русскаго землевладѣнія. Въ ожиданіи чѣмъ разрѣшится этотъ вопросъ, обращу сегодня вниманіе ваше на другой предметъ, на нѣкоторыя стороны католическаго вопроса въ здѣшнемъ краѣ, вопроса столь существеннаго, что безъ окончательной и разумной разработки его мы положительно не въ силахъ будемъ успѣшно подвигаться впередъ въ дѣлѣ обрусенія.

Здѣсь учреждена даже, какъ я знаю изъ достовѣрнаго источника, какая (*) то ревизіонная коммисія по дѣламъ латинскаго духовенства, въ составѣ которой есть лица всякаго рода, и военныя, и гражданскія, и ученыя, или, правильнѣе, учебнаго вѣдомства. Лица свѣдущія разказывали, что на коммисію возложено, между прочимъ, и всестороннее обсужденіе вопроса о томъ, слѣдуетъ ли при религіозныхъ обрядахъ, въ молитвахъ замѣнить польскій языкъ русскимъ, или же, оставить дѣло это въ нынѣшнемъ его видѣ, при которомъ въ западномъ краѣ полонизмъ и латинство—синонимы.

Латинство стало дѣлаться синонимомъ полонизма съ сороковыхъ годовъ, подъ вліяніемъ съ одной стороны страха, наведеннаго на польщизну, возсоединеніемъ уніатовъ съ православною церковью, съ другой—подъ вліяніемъ усердныхъ хлопотъ по этому дѣлу самой зловредной для Россіи партіи эмиграціи — партіи Ламберова отеля. Усердныя двадцати-пятилѣтнія домогательства нашего западнаго дворянства, при дѣятельномъ содѣйствіи ксендзовъ, къ неразрывному соединенію латинства съ полонизмомъ, достигли желанной цѣли: спросите теперь въ нашемъ краѣ русскаго

(*) Не какая то,— а коммисія, учрежденная правительствомъ.

рестьянина-католика о его національности, онъ отвѣтитъ вамъ, то онъ полякъ. Чтобы по возможности сдѣлать польщизну свяенною въ глазахъ простонародія, ксендзы ловко пользовались ихъ евѣжествомъ, поддерживали и развивали всякаго рода повѣрья предразсудки, дѣйствующіе на умы въ интересахъ польщизны. дѣсь не рѣдкость встрѣтить не только крестьянина-католика, но мелкаго шляхтича безъ образованія, во глубинѣ души убѣжденаго что Іисусъ Христосъ былъ полякъ, что онъ страдалъ и училъ ъ Кальваріи (латинскій монастырь въ 7 верстахъ отъ Вильны), то при рожденіи Спасителя пришли поклониться Ему три польміе короля. Остробрамская Божія Матерь, даже въ нѣкоторыхъ ечатныхъ молитвенникахъ польско-католической церкви, именуетя «Королевой польской, великой княгиней литовской». Религіозая пропаганда, имѣвшая въ виду цѣли прямо политическія, достигла желаемыхъ результатовъ: нѣсколько состъ тысячъ русскаго аселенія западнаго края считаетъ себя теперь поляками. Правда, этого рода поляки въ послѣдній мятежъ оказались столь же враждебными къ дворянско-ксендзовскимъ шайкамъ, какъ и люди православной вѣры; но было бы слишкомъ легкомысленно изъ настоящаго выводить заключеніе о будущемъ, въ особенности принимая въ соображеніе то капитальное обстоятельство, что съ окончательнымъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, то есть съ упраздненіемъ существовавшихъ раздоровъ между паномъ и бывшимъ хлопомъ, самыя отношенія между ними необходимо измѣнятся....

Польщизна родилась, выросла и развилась нашими ошибками; ими же благоденствуетъ она и нынѣ. Оружіе противъ насъ для объединенія латинства съ полонизмомъ дали ей мы сами. Послѣ мятежа 1831 года былъ возбужденъ вопросъ о замѣнѣ польскаго языка русскимъ, но онъ потерпѣлъ полнѣйшее fiasco: единокровное намъ бѣлорусское населеніе р.-католической вѣры *принуждено* было нами продолжать молиться въ костелѣ и дома по-польски; православную вѣру нашу, выдержавшую побѣданосно столько вѣковыхъ испытаній и сохранившую свою первобытную чистоту, тогдашняя администрація признала, вѣроятно, столь шаткою, что опасалась видѣть въ народѣ основы ея подорванными отъ того только, что ему, народу этому, можетъ попасть въ руки католическій молитвенникъ на русскомъ языкѣ, или что ксендзъ произнесетъ съ амвона энергическую проповѣдь въ защиту главенства папы. Сфера политики кажется легкою только для людей не посвященныхъ въ нее, людей смотрящихъ на нее поверхностно, съ точки зрѣнія дилеттантовъ; легкою же кажется она потому, что допускаетъ, повидимому, крайне разнообразные взгляды на одинъ и тотъ же предметъ, или, что часто тоже, допускаетъ празднословіе и многословіе по такимъ предметамъ, о которыхъ говорящій имѣетъ лишь смутныя понятія. Въ сущности же ничего не можетъ быть ошибочнѣе этого взгляда. Задачи политическія разрѣшаются только по извѣстнымъ, добытымъ опытомъ и наукой, формуламъ, подоб-

нымъ тѣмъ, какія мы встрѣчаемъ въ наукахъ точныхъ. Безъ знанія и пониманія этихъ формулъ или, что то же, безъ предварительной серіозной подготовки къ политической дѣятельности, дилеттантъ на этой сферѣ много напоминаетъ ученика, получившаго элементарное понятіе о космографіи, и смѣло разрѣшающаго на этомъ основаніи самые сложные астрономическіе вопросы. Если бы кто-нибудь имѣлъ легкомысліе пригласить такого ученика къ рѣшенію подобныхъ вопросовъ и на его сужденіяхъ сталъ основывать свои соображенія, быть можетъ онъ и польстилъ бы самолюбію мнимаго знатока дѣла, но и выводы получилъ бы отъ него въ родѣ тѣхъ, какіе намъ приходилось слышать иногда по вопросу религіозному западнаго края, когда одинъ господинъ пространно и съ увѣренностію развивалъ мысль, что въ р.-католицизмѣ этого края долженъ быть *сохраненъ польскій языкъ* на томъ основаніи, будто нѣкоторыя выраженія католической церкви не переводимы на русскій языкъ или что они опоганятъ его.

Нѣкоторые идутъ еще дальше этого. Такъ намъ приходилось слышать и слѣдующій куріозный доводъ: польскій языкъ, при религіозныхъ обрядахъ, долженъ быть сохраненъ, ибо съ имѣющимъ будто совершиться (?) постепеннымъ обращеніемъ въ православіе, онъ станетъ въ глазахъ мѣстнаго населенія пріобрѣтать характеръ *языка революціоннаго*, что, въ переводѣ по-русски, значитъ: надо чтобы латинство не только было здѣсь синонимомъ полонизма, но чтобъ оно сдѣлалось еще и синонимомъ мятежа. Русская администрація, въ силу этой логики, сама должна рыть себѣ здѣсь яму, заботясь, чтобы латинское окатоличенное населеніе, считающее теперь себя польскимъ, но пока враждебное мятежу, стало дѣйствительно революціоннымъ элементомъ края, и въ случаѣ новаго мятежа или непріятельскаго вторженія, приняло сторону нашихъ враговъ.

Приводить ли вамъ другіе куріозы по разсматриваемому нами вопросу? Всѣ они болѣе или менѣе въ родѣ тѣхъ, которые мы привели сейчасъ. Есть впрочемъ мысли и болѣе здравыя, но ошибочныя,—вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ дѣломъ. Одинъ господинъ полагаетъ напримѣръ полезнымъ замѣнить польскій языкъ русскимъ съ тѣмъ, чтобъ гимны, поющіеся теперь на польскомъ языкѣ, пѣть на будущее время на языкѣ латинскомъ. Гимны эти, какъ вы знаете, вовсе не существенная принадлежность католицизма, а мѣстный обычай, ведущійся въ *нѣкоторыхъ* католическихъ странахъ и принявшій здѣсь въ послѣднее время видъ практическаго примѣненія идеи Товянскаго къ церкви *польской*; гимны только терпятся Римомъ, а вовсѣ не составляютъ необходимой принадлежности католическаго богослуженія; введены *они* здѣсь искони, вслѣдствіе того, что наши прежніе администраторы не достаточно знакомы были съ вопросомъ католическимъ. Если допустить пѣніе гимновъ на латинскомъ языкѣ, то не значитъ ли ввести такой силлогизмъ: пѣть гимны можно, *но, какъ мы намѣре-*

в *допускать пѣніе гимновъ революціонныхъ*, то ихъ надо пѣть не по-русски, а по-латини (*). Не думайте впрочемъ, чтобъ и за русскій языкъ не было здѣсь голосовъ; они не только есть, но и принадлежать по большей части лицамъ, мнѣнія которыхъ имѣютъ авторитетъ.

Если бы наши дѣятели ознакомились ближе съ сущностью нашихъ государственнаго управленія, они узнали бы двѣ формулы, выработанныя и примѣненныя на практикѣ у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, формулы, коворыя тамъ давно не могутъ быть и предметомъ сомнѣнія. Къ такимъ формуламъ принадлежатъ слѣдующія: *вѣротерпимость—необходимое условіе для благоустроеннаго государства; государство обязано, въ собственныхъ интересахъ стремиться ко всестороннему развитію въ своихъ предѣлахъ языка государственнаго*. Кто понялъ сущность этихъ старыхъ истинъ, въ томъ могло ли бы родиться сомнѣніе, слѣдуетъ ли польскій языкъ въ католицизмѣ замѣнить русскимъ? Такой человѣкъ сказалъ бы при вопросѣ о языкѣ въ дѣлахъ латинской церкви въ западнихъ губерніяхъ: «если вы увѣряете, что западный край—край русскій, населенный нашими соотечественниками и оспариваемый у насъ Польшей, то какое же имѣете вы право или какое разумное основаніе насильно навязывать русскому населенію его въ дѣлѣ религіи именно тотъ языкъ, который служитъ представителемъ враждебнаго Россіи начала? Если бы невозможно было, почему-нибудь, ввести языкъ русскій, вводите китайскій, чухонскій, татарскій, *только не польскій*. Въ силу какой же логики требуете вы, подъ страхомъ штрафа, чтобы въ краѣ не раздавалась польская рѣчь и въ тоже время запрещаете въ костелахъ молиться по-русски? Введеніе русскаго языка отниметъ у польскаго латинства опасную его для насъ сторону, политическую; оно сдѣлаетъ р.-католическую церковь храмомъ, а не политическимъ клубомъ.»

Въ заключеніе приведу вамъ аргументъ, который приходилось слышать мнѣ не разъ и который съ перваго взгляда бросается въ глаза. Противники русскаго языка въ католицизмѣ приводятъ слѣдующій фактъ: въ кадетскихъ корпусахъ давно введено преподаваніе закона Божія на русскомъ языкѣ; но не всѣ офицеры поляки, вышедшіе изъ корпусовъ, оставили польскія мечтанія; нѣсколько человѣкъ даже дезертировало въ шайку. Но припомнимъ, что если преподаваніе закона Божія шло по-русски, кадеты тѣмъ не менѣе *молились по польскимъ молитвенникамъ*, слушали проповѣди на *польскомъ* языкѣ и, по всей вѣроятности, исповѣдовались *по-польски*. Какъ же требовать отъ нихъ, чтобъ они не считали себя поляками? Были, кромѣ того, и другія причины, чисто адми-

(*) Напрасно авторъ думаетъ, что пѣніе гимновъ въ латинской церкви есть мѣстный обычай, многіе гимны, какъ напр. Te Deum laudamus, съ давнихъ временъ вошли въ кругъ латинскихъ богослужебныхъ книгъ и поются въ р. католическихъ церквахъ всего міра, поэтому запрещать ихъ не слѣдуетъ, но и нѣтъ надобности переводить ихъ на языкъ русскій. Ред.

нистративныя и нынѣ уже не существующія, которыя въ свое время, именно въ 1861 г., возбудили въ офицерскомъ мірѣ мысли о возможности примѣненія принципа національностей въ дѣлу военной службы. Но что преподаваніе закона Божія на русскомъ языкѣ было острымъ ножомъ для польщизны, приведу слѣдующій фактъ: въ 1861 г., когда польщизна подняла высоко голову, начала уже дѣйствовать наступательно, въ двухъ кадетскихъ корпусахъ западнаго края латинскіе законоучители настаивали на преподаваніи, первоначально хотя бы въ низшихъ классахъ, закона Божія *по-польски*, по изданному въ то время руководству подъ псевдонимомъ *Хвали-Бога*. Одинъ ксендзъ, *преподававшій до того 18 лѣтъ по-русски*, объявилъ, что онъ находитъ это нынѣ *противнымъ дому совѣсти;* другой ксендзъ получилъ отъ епископа своего предписаніе читать въ низшихъ классахъ катехизисъ по-польски, при чемъ ему препровождалось 300 экземпляровъ названнаго руководства. Дѣло замялось и не имѣло дальнѣйшаго хода. Не то ли же самое видѣли мы нинувшею осенью въ юго-западномъ краѣ, гдѣ духовенство пробовало было выказать упорное сопротивленіе требованіямъ власти о введеніи при преподаваніи въ училищахъ русскаго языка? Оно смотрѣло на дѣло посеріознѣе нашихъ клерикаловъ, основательно видя во введеніи русскаго языка гибель своего фальшиваго дѣла и торжество начала государственнаго.

Размышленія „Московскихъ Вѣдомостей“ по поводу письма изъ Вильны.

Странное противорѣчіе! Терпѣть въ государствѣ разныя вѣроисповѣданія, покровительствовать имъ иногда даже въ ущербъ національной церкви, предоставлять иновѣрцамъ всѣ гражданскія и политическія права, допускать ихъ къ участію во всѣхъ дѣлахъ и интересахъ государства какъ полноправныхъ гражданъ, давать имъ власть и вліяніе, и все это дѣлать подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы люди пользующіеся хозяйскими правами въ странѣ оставались не только чужды ей, но при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ были даже врагами ей. Много золъ въ нашемъ быту объясняются изъ этого удивительнаго противорѣчія. Противорѣчіе есть логическій терминъ; но въ явленіяхъ жизни оно выражается тѣмъ что называется зломъ и бѣдствіемъ. Гдѣ въ основѣ явленій таится противорѣчіе, тамъ оно неизбѣжно бываетъ источникомъ затрудненій, замѣшательствъ и опасностей. Понятны всѣ степени религіозной нетерпимости; понятно какъ можно вовсе не допускать иновѣрія и иновѣрцамъ не давать политическихъ правъ; но не понятно какимъ образомъ можно предоставлять иновѣрію

вободу, а иновѣрцамъ политическую полноправность во всей силѣ того слова, подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ они обязательно считали себя иностранцами и не могли усвоить себѣ національность государства. Вотъ между прочимъ почему наше отечество, при столь несомненныхъ условіяхъ могучаго національнаго развитія, доселѣ представляло собою такое безплодіе, а правительство его такъ часто ошибалось въ своихъ дѣлахъ; вотъ почему надъ нашими дѣлами висѣлъ постоянно туманъ недоразумѣній; вліятельныя сферы Россіи постоянно наполнялись людьми, которые по принципу были чужды и даже непріязненны ей. Надъ громадною массой русскаго народа высился міръ мнѣнія и дѣйствія исполненный не только обязательно чуждыхъ, но и враждебныхъ ему элементовъ.

Есть огромная разница между свободой и необходимостію. Это два принципа безконечно между собою различные, и пораждающіе каждый явленія особаго рода и свойства. Все что идетъ отъ государства или поддерживается имъ, получаетъ характеръ необходимости, который не поверхностно только запечатлеваетъ собою дѣло, но проникаетъ его внутренно и претворяетъ его сущность При нормальномъ порядкѣ вещей, людямъ не можетъ быть возбранено право употреблять между собою какой бы то ни было языкъ; но при нормальномъ же порядкѣ вещей, въ цѣломъ государствѣ можетъ быть только одинъ обязательный языкъ. Значеніе языка, какъ общественной силы, существенно измѣняется какъ только присоединяется къ нему условіе обязательности. Не безъ основанія можно сѣтовать, что у насъ въ высшихъ классахъ господствуетъ употребленіе французскаго языка; это признакъ положенія вещей не совсѣмъ нормальнаго. Но есть существенная разница между такимъ обычнымъ употребленіемъ чужаго языка, и употребленіемъ обязательнымъ, которое возводило бы его въ политическій принципъ. Если государство допускаетъ въ предѣлахъ своихъ разныя религіи, признаетъ ихъ, гарантируетъ имъ свободу, и предоставляетъ принадлежащимъ къ нимъ лицамъ всю полноту своихъ гражданскихъ правъ, то обязательно усвояя имъ тотъ или другой чуждый языкъ, оно возводитъ его въ силу политическаго начала, которое не можетъ оставаться безъ соотвѣтственныхъ послѣдствій. Первымъ послѣдствіемъ будетъ то, что религія при такомъ условіи сама станетъ политическимъ началомъ, и за тѣмъ въ государствѣ по необходимости образуются положенія двусмысленныя и фальшивыя. Между его гражданами, равно пользующимися полнотою его правъ, образуются особыя національныя группы, опредѣляемыя въ своей національности религіозными вѣрованіями, и склонныя ко взаимному отчужденію не только въ церковномъ отношеніи; а общая національность государства становится въ немъ какъ бы партіей. Исторія наша лучше всего свидѣтельствуетъ о свойствѣ плодовъ, приносимыхъ этою аномаліей.

Полякъ не есть терминъ этнографическій, какъ напримѣръ цыганъ; это терминъ политическій. Между полякомъ, особенно въ западныхъ губерніяхъ, и русскимъ нѣтъ племенной разницы. Поляки западнаго края во все не польскаго происхожденія. Если брать въ разчетъ генеалогію, то многія изъ нынѣшнихъ польскихъ фамилій западнаго края окажутся не менѣе русскими чѣмъ самыя коренныя русскія фамиліи. Итакъ, польская національность есть терминъ политическій. Гдѣ признается польская національность, тамъ признается въ принципѣ польское государство, польское государство утратило свое существованіе почти за сто лѣтъ передъ симъ, и исторія свидѣтельствуетъ, что оно было мертвымъ тѣломъ еще задолго до своего раздѣла. Польская національность въ настоящее время, не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ началомъ революціоннымъ, какъ протестомъ противъ существующаго государства. Слово полякъ ничего не значитъ или значитъ гражданинъ государства когда то бывшаго, теперь не существующаго и долженствующаго воскреснуть. Извѣстно что во времена Польши, еще задолго до ея паденія, чувство польской національности не имѣло силы, и о польскомъ патріотизмѣ смѣшно было говорить. Польскій патріотизмъ развился въ нашихъ западныхъ губерніяхъ и сталъ силою подъ русскимъ владычествомъ, особенно въ теченіе нынѣшняго столѣтія. Во времена Польши западный край тяготѣлъ къ Россіи, и былъ болѣе русскимъ чѣмъ сталъ послѣ подъ русскимъ владычествомъ. Не странное ли это явленіе? Можно объяснить его разными случайностями. Но случайности дѣло проходящее. Разныя правительственныя системы смѣнялись въ этомъ краѣ: но постоянно обнаруживалось одно и то же явленіе; постоянно возрастала сила польскаго чувства въ мѣстной интеллигенціи, пріобрѣтала все большую напряженность и все сильнѣе овладѣвала умами и сердцами людей, сглаживая и покоряя себѣ всѣ различія. Этого мало: чѣмъ безнадежнѣе становились стремленія польскаго патріотизма, чѣмъ менѣе опоры давала имъ дѣйствительность, чѣмъ суровѣе и строже слышался ея голосъ, тѣмъ крѣпче становилось это чувство, и тѣмъ ядовитѣе. Отчего это? Причиною этому должно быть что-либо постоянно дѣйствующее и при томъ также возрастающее въ силѣ. Дѣло въ томъ, что польское національное чувство, такъ какъ оно сложилось теперь, есть болѣе продуктъ условій русской государственной жизни нежели результатъ польской исторіи. Еслибъ оно основывалось только на воспоминаніяхъ и преданіяхъ старой Польши, то оно было бы явленіемъ совершенно химерическимъ и не могло бы имѣть серіозной власти надъ умами. Стоитъ только провести на картѣ границы старой Польши, чтобъ убѣдиться въ этомъ. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы въ настоящее время польское чувство не имѣло нѣкоторой дѣйствительной силы. Въ чемъ же заключается эта сила? Сила эта есть не что иное какъ извра-

ценное религіозное чувство, какъ религія ставшая не на свое мѣсто. Если польское государство есть химера, то церковь римскую химерой назвать нельзя. Это есть сила дѣйствительная, и сила эта пріобрѣла въ Россіи значеніе какого она нигдѣ не имѣетъ,— значеніе польской національности. Вотъ откуда взялось это сумазбродное, уродливое, исполненное фальшиваго мистицизма явленіе, которое въ настоящее время зовется польскою національностію. Вотъ откуда пагубное обаяніе этого чувства и страстность его порыва. На свѣтѣ нѣтъ ничего пагубнѣе ложно-направленнаго религіознаго чувства. Римско-католическая церковь всегда была склонна ко злоупотребленію религіознымъ чувствомъ, но вредное дѣйствіе католицизма въ Россіи происходитъ не столько отъ него самого, сколько отъ того положенія, въ которое онъ былъ поставленъ нашею собственною правительственною системой. Та экзальтація польскаго національнаго чувства, которая объясняется дѣйствіемъ лженаправленной религіи, происходитъ единственно отъ того, что наше правительство съ одной стороны покровительствовало католицизму, какъ религіи исповѣдуемой нѣкоторою частію русскихъ подданныхъ, а съ другой допускало его существованіе не иначе какъ подъ условіемъ полнаго и обязательнаго слиянія съ національностію, которая имъ не признавалась во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Налагая запретъ на русскій языкъ, заставляя римско-католическую церковь употреблять исключительно польскій языкъ на мѣстахъ, гдѣ прежде стояло польское государство, правительство тѣмъ самымъ возводило этотъ языкъ въ обязательный политическій принципъ, страннымъ образомъ сообщало ему силу государственной необходимости, и въ то же время вынуждало допущенную имъ церковь служить органомъ національности, которая въ Россіи не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ революціоннымъ началомъ. Само по себѣ ничтожное и лишенное всякой реальной основы, чувство польской національности нашло себѣ эту основу въ церкви, съ которою его отождествили. Во времена Польши такого отождествленія не было; католическая церковь господствовала въ Польскомъ Королевствѣ, но національность польская не совпадала съ нею. Подъ русскимъ скипетромъ также не вдругъ совершилось это совпаденіе. Въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго, превращеніе католицизма въ польскую національность не успѣло еще совершиться. Римская церковь оставалась тѣмъ чѣмъ она является въ другихъ странахъ, и соединеніе ея съ польскою національностью не выставлялось еще какъ принципъ. Но съ теченіемъ времени принципъ этотъ ясно выразился, и римская церковь западнаго края превратилась всецѣло въ польскій патріотизмъ. Латинскій священникъ сталъ видѣть въ себѣ болѣе польскаго политическаго агента нежели служителя своей церкви. Агентъ политическій по чувству и священникъ по сану, онъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ на душу женщины. И здѣсь-то выработывалось мало-по-малу то болѣзненно-страстное, мистическое чувство,

которое всасывалось дѣтьми съ молокомъ матери. Отсюда возникло фантастическое ученіе мессіанизма, отсюда эти революціонныя обѣдни, отсюда этотъ образъ Польши пострадавшей за грѣхи человѣческаго рода и долженствующей воскреснуть. Не всѣ, конечно, увлекаются этими нелѣпыми мистическими фантазіями, но чувство, которое этими фантазіями порождено, отзывается во всѣхъ какъ слѣпая страсть, какъ безотчетная, непонятная, неотразимо влекущая сила.

Что же сдѣлать дабы расторгнуть это чудовищное соединеніе? Представляются два пути: либо изгнать р. католицизмъ изъ предѣловъ Россіи, возбранить публично отправленіе его богослуженія, закрыть его храмы, упразднить его духовенство, заставить всѣхъ р. католиковъ перейдти въ православіе или покинуть страну; либо дать этой церкви независимое отъ польской національности существованіе, и рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ привести ее въ положеніе безвредное для государства. Предоставляемъ всякому рѣшить, удобно ли сдѣлать первое, и имѣются ли серіозныя затрудненія сдѣлать второе. Есть цѣлыя католическія населенія въ западномъ краѣ еще не совсѣмъ ополяченныя, населенія русскія и также литовскія усвоившія, себѣ русскій языкъ и ничѣмъ не отличающіяся отъ первыхъ,— населенія крестьянскія, стало-быть находящіяся подъ опекой правительства. Слѣдуетъ ли отвѣчать этимъ людямъ, требующимъ теперь русскаго языка для своихъ религіозныхъ нуждъ: «вы, католики, стало-быть поляки», и окончательно, съ большею силою чѣмъ когда-либо, запечатлѣть то обязательное значеніе, которое пріобрѣлъ въ Россіи польскій языкъ и соединенная съ нимъ польская національность, или упразднить фальшивое правило оказавшееся столь пагубнымъ, и предоставить этимъ людямъ право именовать себя русскими?

Необходимость предоставленія всѣмъ русскимъ подданнымъ права на русскій языкъ давно уже сознавалась нашимъ правительствомъ. Еще въ то время когда нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, въ качествѣ Наслѣдника Престола, завѣдывалъ военно-учебными заведеніями, возникла мысль о необходимости ввести въ эти заведенія преподаваніе римско-католическаго вѣроученія на русскомъ языкѣ вмѣсто польскаго. Въ прошломъ году, мѣра эта была распространена и на прочія учебныя заведенія, содержимыя правительствомъ. Что выразилось въ этой мѣрѣ? Не та ли мысль, что русское правительство не можетъ поддерживать какъ обязательный принципъ польскую національность, которая не имѣетъ никакихъ основаній считаться въ какомъ-либо отношеніи обязательною въ Россійской Имперіи? Пока мысль эта выразилась только упраздненіемъ польскаго языка въ преподаваніи закона Божія въ содержимыхъ правительствомъ школахъ, она не можетъ считаться исполненною. Пока дѣло остается на этомъ пунктѣ, возникаетъ новая аномалія, которая не можетъ не сопровождаться послѣдствіями крайне невыгодными. Не исполнивъ до конца той мысли, которою

вызвана вышеупомянутая мѣра, правительство лишило бы эту мѣру смысла. Непонятно, къ чему можетъ служить преподаванiе римско-католическаго катихизиса на русскомъ языкѣ, когда людямъ исповѣдующимъ эту религiю возбранено прочесть публично *Отче нашъ* на русскомъ языкѣ. Вотъ что происходитъ въ настоящее время: воспитанники римско-католическаго исповѣданiя, передъ началомъ класса, гдѣ теперь по-русски преподаются имъ догматы ихъ вѣры, читаютъ молитву, одинаковую какъ для православныхъ, такъ и для католиковъ, обязательно на польскомъ языкѣ; ихъ законоучитель, обязанный объяснять имъ въ классѣ отличительныя догматы ихъ вѣры по-русски, не можетъ, подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности, допустить въ своей церкви ни одного слова по-русски. Оставлять далѣе дѣла въ такомъ положенiи не значитъ ли дискредитировать правительство, ставя его въ столь явное противорѣчiе съ самимъ собою? Что кромѣ новаго раздраженiя и новой горечи можетъ произвести эта мѣра, если за нею вскорѣ не послѣдуетъ полное освобожденiе русскаго языка, и рядъ мѣръ, которыя имѣли бы своею цѣлiю освободить допущенный въ Россiи римскiй католицизмъ характера, а нашу правительственную систему отъ противорѣчiй, которыхъ вредъ достаточно испытанъ?

Естественно спросить себя, какимъ убѣжденiемъ запретъ, павшiй на русскiй языкъ, до сихъ поръ поддерживается, несмотря на очевидный вредъ и несообразности. Кто бы подумалъ? Предлогомъ къ тому выставляется опасенiе, чтобъ эманципацiя русскаго языка не поколебала православной церкви и не совратила русскаго народа въ иновѣрiе. И къ какимъ ухищренiямъ прибѣгаетъ аргументацiя для того, чтобъ отклонить правительство отъ пути, на который оно уже вышло! Вслѣдствiе того, что въ католическихъ церквахъ будутъ пѣть: *Святый Боже, Святый Крѣпкiй, Святый Безсмертный*, вмѣсто *Свѣнты Боже, Свѣнты Моцны, Свѣнты Несмѣртельны*, поколеблется въ Россiи православiе, и русскiй народъ будетъ совращенъ въ латинство! Это именно тотъ самый аргументъ, которымъ добрый знакомецъ нашей публики, Шедо-Ферроти, старался въ прошломъ году смутить правительство въ принятомъ рѣшенiи ввести преподаванiе римско-католическаго катихизиса на русскомъ языкѣ. Еще забавнѣе опасенiя, что проповѣди виленскихъ или минскихъ Боссюэтовъ совратятъ православныхъ въ латинство какъ только облекутся въ звуки русскаго языка. Господа разсуждающiе такимъ образомъ забываютъ даже то обстоятельство, что въ западномъ краѣ польскiй языкъ, приспособленный къ бѣлорусскому слуху, равно понятенъ тамъ какъ православнымъ, такъ и католикамъ, и что если краснорѣчiе ксендзовъ такъ обольстительно, то оно можетъ обнаружить это качество свое и на томъ языкѣ какой они употребляютъ теперь для своихъ проповѣдей передъ сельскимъ людомъ. Вообще, нѣтъ ничего оскорбительнѣе для православной церкви какъ подобныя опасенiя, которыя высказываются подъ видомъ охраненiя и защиты ея интересовъ, а въ сущности

обличають лишь невѣріе въ ея внутреннюю силу. Нѣтъ, православная церковь въ Россіи, которая помнитъ себя православною почти съ тѣхъ самыхъ поръ какъ запомнитъ себя, находилась бы внѣ всякой опасности даже при полной религіозной свободѣ, которая могла бы только оживить ее, пробудить въ нашемъ обществѣ церковные интересы, поднять проникающее религіозное чувство,— могла бы только способствовать къ раскрытію того, что составляетъ ея истинную сущность и что даже теперь, оставаясь подъ спудомъ, начинаетъ могущественно привлекать къ себѣ иновѣрцевъ во всѣхъ концахъ міра. Православной церкви въ Россіи грозитъ гораздо болѣе серіозная опасность отъ внутренняго усыпленія, отъ апатіи, отъ того несвободнаго положенія, въ которомъ она находится, отъ того отождествленія ея съ государствомъ, которое лишаетъ ее всякой самостоятельности, и отъ тѣхъ расколовъ, которые вслѣдствіе всего этого возникаютъ въ ея собственныхъ нѣдрахъ. Православная церковь болѣе всего подвергается теперь опасности отъ тѣхъ опасливыхъ заботъ, которыми, подъ видомъ защиты, подавляютъ и мертвятъ ее.

Что касается до западнаго края, то вмѣсто ни на чемъ не основанныхъ опасеній за православіе отъ допущенія русскаго языка въ католическое богослуженіе и молитвословіе, лучше пожелать добраго осуществленія той мысли, которую, какъ слышно, имѣетъ въ виду тамошняя администрація,—именно открытія въ Вильнѣ духовно-православной академіи, которая вѣрнѣе нежели что-либо могла бы возвысить какъ православную церковь, такъ и вообще русскую народность въ томъ краѣ *). Возвышать и обезпечивать можно только положительными, а не отрицательными мѣрами, которыя неръдко ведутъ къ результатамъ совсѣмъ противнымъ.

---

*) Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. При существованіи вблизи Вильны, всего только на однѣ сутки разстоянія, по желѣзной дорогѣ, с.-петербургской духовной академіи, учреждать здѣсь академію нѣтъ никакой надобности— только напрасная и безцѣльная затрата большой суммы денегъ. Кромѣ того, сгруппированіе въ эту академію студентовъ изъ воспитанниковъ западно-русскихъ, въ томъ числѣ и двухъ возсоединенныхъ семинарій, зловредно отразилось бы на ихъ воспитаніе относительно современнаго очищенія русскаго языка отъ мѣстныхъ провинціализмовъ и бѣлорусскаго акцента, отъ чего они, будучи здѣшними уроженцами, не могутъ освободиться въ мѣстныхъ семинаріяхъ, да и лишены будутъ возможности чрезъ сообщеніе съ студентами, уроженцами великороссійскихъ губерній, воспитывающимися въ С.-Петербургской и Московской академіяхъ, проникаться истиннымъ русскимъ духомъ, русскимъ православіемъ, и русскими обычаями и такимъ образомъ, возможности вполнѣ отрѣшиться отъ здѣшней польщизны.

Ред. Вѣст. Зап. Рос.

Связь исторіи русскаго языка съ исторіей латинскаго костела на Руси.

Не безъизвѣстно стремленіе лучшей части греко-уніатскаго въ Галиціи духовенства къ освобожденію роднаго русскаго языка и своей церкви отъ вліянія польской рѣчи и латинской обрядности. Органомъ этого направленія служить львовская газета «Слово», состоящая подъ редакціей г. Дедицкаго. Чтобы познакомить читателей нашихъ съ новымъ движеніемъ галицкаго греко-уніатскаго духовенства, нѣкогда принадлежавшаго къ кіевской митрополіи, и съ его нынѣшнимъ литературнымъ языкомъ, такъ уже близкимъ къ нашему общерусскому, приводимъ отрывокъ изъ отвѣта А. Петрушевича безъименному критику на его рѣчь о русскомъ языкѣ, произнесенную въ засѣданіи галицкаго сейма 16-го января 1866 года. Сказанное г. Петрушевичемъ равно относится и къ юго-западной нашей Руси, которая тогда, отторгнутая отъ общаго русскаго отечества, раздѣляла бѣдственную участь галицкой Руси.

«Для чего же, господинове польскіи журналисты! провозносите и величаете вы ваше польское духовенство за его крѣпкое стояніе при вѣрѣ и обрядѣ своихъ отцевъ, языцѣ и народности, когда между тѣмъ такими же свойствами отличающееся русское духовенство, которое еще большого удостояется почитанія и похвалы, ибо оно гоненое вами, лишеное своимъ опольщившимся дворянствомъ, такъ сказати, своимъ героическимъ подвигомъ само стаетъ нынѣ въ оборонѣ руской народности, не стыдается того народа, изъ которого произошло, которого просвѣщаетъ и съ которымъ, не уважая на всѣ польскіи обѣщанія, такъ радо дѣлитъ его смутокъ и радость въ одной благой надеждѣ на личную будучность и на помощь Бога, что Онъ, Отецъ всѣхъ народовъ, не откажетъ своего благословенія для руского народного дѣла.»

«Такимъ способомъ спрошу еще разъ, что же великого сдѣлала Польша на Руси галицкой черезъ пяти-вѣковое свое владѣніе? Это въ намѣреніи уничтоженія Руси посредствомъ своего *латинскою духовеньства* опольшила только руское дворянство, которое теперь въ союзѣ съ Польщею на ново начинаетъ на Галичѣ дѣло полонизаціи того *руского народа и духовеньства,* которого Польща за своего владѣнія, оперщогося о *церковь*, попольщити не успѣла, а теперь снова якъ прежде стоитъ передъ тою необоримою стѣною, яко послѣднею незанятою *барикадою,* и посредствомъ всѣхъ польскихъ журналовъ выкидиваетъ всю свою жолчь на такъ названную *партію клирикальную,* заступающую рускій народъ. Hinc irae et lacrimae.“

«Быти можетъ, скажетъ нѣкто, будьто я изъ недоброжелательства для католицизма опозоряю латинское духовеньство, закидая ему несправедливо *пропаганду польского языка на Руси,* и тѣмъ

же ополщеніе нашего дворянства. Напротивъ тому приведу свидѣтельство самого большого польского поэта Адама Мицкевича (1) (**Rzecz o literaturze Słowiansk. Poznań 1850. str. 207**): **Jakaż to była potęga** (вопрошаеть онъ), **która wzruszyła narodowość polską i popchnęła ją na ziemie ruskie? Co to była za siła, która odparła aż za Dniepr mowę i narodowość ruską? Ta siła nie wszczęła się w samėj Polsce, przyszła z daleka, i była wypadkiem zbiegu wielu okoliczności, niemających na pozór żadnego związku z historiją polską. Kościół wziół na siebie dzieło rozniesienia szeroko języka polskiego.** Дальше говорить Мицкевичъ о миcіонерскихъ дѣлахъ о. о. францискановъ и доминикановъ на христіанской уже Руси, наконецъ прибавляетъ: **Język polski zajął naprzód stanowisko na ołtarzu, stał się językiem modlitwy, a potém językiem domowym. We trzy wieki póżnij Jezuici, znalazłszy ten siew, z biegłością widoków, właściwą swemu zgromadzeniu, poczęli go rzędnie uprawiać i na użytek obracać (2).** Въ продолженіи четырехъ вѣковъ воздвигли польскіи монахи розличныхъ орденовъ во всѣхъ городахъ Руси великолѣпныи каменныи зданія своихъ костеловъ и кляшторовъ, вытѣсняя изъ нихъ убогіи деревянныи церкви, въ которыхъ уже только простый народъ на богослуженіе собирался, въ отдаленыи предградія, куда еще введенныи на Русь жиды рускихъ граждан выперати помагали. По той причинѣ справедливо сказалъ госп. Юліянъ Горошкевичъ, въ своей рѣчи на первомъ публичномъ засѣданіи руского собору въ Львовѣ, 15 Юня 1848 года: (3) **Fanatyzm Polski całą sztukę swojego wpływu wywarł na męce Rusi, a męka Rusi pożrała i zgubiła Polskę (Druk. Lwów. 1848)**".

«Изъ приведенного мною урозумѣеть мой критикъ, что исторія руского языка стоить въ тѣснѣйшой связи съ исторіею латинско-польской. Польскіи мисіонеры не довольствовались тѣмъ, чтобы Русь греческого вѣроисповѣданія признавала только папу римского видимою главою католической церкви, но принуждали Русь отказатися отъ греческо-словянского обряда, принуждали приняти латинскій, съ

---

(1) «Какая власть подняла польскую народность и двинула ее на русскую землю? Что это за сила, которая отодвинула за Днѣпръ русскую рѣчь и русскую народность? Эта сила получила свое начало не въ самой Польшѣ, она пришла издалека и была слѣдствіемъ стеченія многихъ обстоятельствъ, повидимому не имѣющихъ ни какой связи съ исторіей Польши. Костелъ взялъ на себя дѣло широкаго развитія и распространенія польскаго языка».

Не по этой ли причинѣ, и такъ недавно у насъ, костелъ сильно возсталъ было противъ введенія въ гимназіи преподаванія римско-католическаго закона на русскомъ языкѣ? Ред.

(2) «Польскій языкъ первѣе получилъ мѣсто у олтаря, сталъ языкомъ молитвы, и въ послѣдствіи языкомъ домашнимъ. Спустя три вѣка іезуиты, напавъ на этотъ посѣвъ, съ тонкостію политики и дальностію видовъ, свойственною ихъ ордену, занялись правильной обработкой его и приложеніемъ къ дѣлу.»

(3) «Польскій фанатизмъ все свое вліяніе употребилъ на то, чтобы мучить Русь, а муки Руси истощили и погубили Польшу».

оторымъ нужно было Руси отъ польского духовеньства слухати ольской проповѣди и обучатися молитвѣ на польскомъ языцѣ. Такимъ образомъ польское духовеньство на Руси послужило для ольского слова и народности въ земляхъ руских, занятыхъ Польшею. Послѣдствія такой, по видимому религійной, но при томъ ольско-народной пропаганды, совершенной польскимъ духовеньтвомъ, были для насъ самыи жалостнѣйшіи, понеже Русь, подластная Польшѣ, лишилась своего богатого дворянства, такъ что еперь только простый народъ и одна часть его интелигенціи придержится греческо-словенского вѣроисповѣданія, и нынѣ ни одного нѣтъ руского вельможи, который, принявши латинскій обрядъ, стался бы вѣрный своей народности, т. е. чтобы могъ благосовѣстно сказати о себѣ: *»я остаюсь вѣрнымъ сыномъ Руси, хотя последую латиньскому вѣроисповѣданью!«* Такъ должно и быти, ибо вѣра Христова и обрядъ ея греческій или латинскій, свободный отъ всякой политической и народной пропоганды, не лишаетъ, кромѣ въ давной Польщи, христіянскіи народы отечественного ихъ языка, что больше стается необоримымъ забороломъ ихъ народности: но когда съ религійнымъ мисіонерствомъ соединяются политическіи цѣли, тогда понижается самая вѣра и страждетъ народность (4). Сообразивши такое жалостное событіе, которого было виновникомъ польское духовенство на Руси, легко розгадается истинный поводъ притѣсненія и уничтоженія уніи въ Россіи при общей вѣротерпимости ея прочихъ вѣроисповѣданій, и настоящая причина международной вражды Польщи и Руси со времен столкновенія латинского и греческого вѣроисповѣданія на руских земляхъ. Нашъ слабосильный русинъ, похищенный такою народно-польскою пропагандою латинского духовенства, думая, что онъ такимъ способомъ измѣнилъ свое руское происхожденіе, называетъ себе нынѣ **Polakiem słowiańskiego obrzędu**, или, признаваясь до своего руского роду, именуетъ себе въ слѣдствіе полученного латинского крещенія, по примѣру Станислава Орѣховского, **gente Ruthenum et natione Polonum.** Дивное явленіе, что то не дѣялось въ давной польской Рѣчи посполитой! Человѣкъ родился изъ матери и отца русиномъ, но въ слѣдствіе второго отрожденія водою и духомъ св. въ тайнѣ крещенія по латинскому обряду отрождался въ поляка! Видно, что въ давной Польшѣ были два крещенія, т. е. церковное и политическое, якъ было и двѣ уніи, церковная (берестская) и политическая (любельская). Такимъ образомъ давная Польща не совѣстилась и самую св. вѣру употребляти за средство для осягненія своихъ политическихъ цѣлей,

---

(4) Надобно замѣтить, что латинско-польскіи мисіонери на Руси поступали противно воли римскихъ папъ, которые желали только, ut omnes sint Catholici, non latini; слѣдовательно тѣ злоупотребляли свое посланничество и мѣшали sacra profanis для своей вещественной пользы.

подобно тому, якъ еще въ наше время нѣкая часть сынов ея, въ угодіе польской политики въ службу Магомета, чтобы проливати кровь христіянскую. Видно, что *Польша еще не упала*, ибо она все таки къ большому паденію клонится, поки не перемѣнитъ своей политики, осуждаемой всѣмъ словянскимъ міромъ.

А. Петрушевичъ.

ОБЪЯВЛЕНIЕ.

IОСАФАТЪ ОГРЫЗКО

и петербургскій революціонный ржондъ въ дѣлѣ последняго мятежа.

...ЖАНІЕ 11-й КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ" ЗА 18⁶⁵/₆₆ ГОДЪ.